9.(и)
Х-70

Ходоров, А.

Мировой империализм и Китай

Харьков 2017

325
Х-70
Ходоров А.Е.
1944
91(и)
2р Х70
Мировой Империализм и Китай.
1966
1950
1955
16629
Книгохранилище
2012
3503

ОГЛАВЛЕНИЕ

Страницы

Введение: - - - - - - - - - - - - - - **VII-XII**

Очерк географии Китая - - - - - - - **1-16**

СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ

Экономическое положение - - - - - - **17-25**

Предпосылки экономического развития севера (19). Иностранный капитал на севере Китая (21). Империалистическая политика Японии (22).

Пекинское правительство. - - - - - - **25-40**

О клубе Ань-фу (26). Чжан Цзо-лин (26). Цзинь Юн-пэн (28). Коалиционный кабинет (29). Тянь-цзинь'ская конференция (31). Реконструкция кабинета (34). Распределение сфер влияния (37).

Внешняя Монголия. - - - - - - - - - **40-51**

Русско-монгольский договор (41). Последующие договоры (43). Интриги японского империализма (44). „Воссоединение с Китаем" (46). Действия бандита Унгерна (48).

Займы - - - - - - - - - - - - - - - **51-65**

„Гарантии займов" (53). Консорциум (57). „Новый консорциум" (60).

Финансы - - - - - - - - - - - - - - **65-69**

СРЕДНИЙ КИТАЙ 1927

Экономическое положение - - - - - - **70-114**

Провинции Среднего Китая (70). Нарождение китайской промышленности (71). Завоевательная политика мирового капитала (72). Сопротивление Китая навязываемой торговле (75). Войны и договоры (76). Нанкинский договор (77). Миссионеры-агенты иностранной торговли (79). Новые захваты и расправа над тайпин'ским восстанием (80). Первый договор с Японией (83). Тонкинский договор и симоносекский „мир" (85). Экстратерриториальность (90). Борьба за уничтожение экстратерриториальности (96) Нота Карахана (100). Концессии и сэттльмент (105) Иностранные гарнизоны в Китае (106). Пошлины (110). „Дешевый труд" (112).

Шанхай - - - - - - - - - - - - - - - **114-140**

Меновой оборот Шанхай'я (117). Характер ввозимых товаров (119). Иностранные школы для Китайцев (122). Газеты (127). Оценки исследователей (131). „Норт Чайна Дэйли Ньюс" (134). „Чайна Пресс" (137). „Викли Ревью" (138). Другие издания (139).

Англо-японский договор. - - - - - **140-239**
Договор и Япония (140). Документы Хаяши (143). Захват Кореи—цель договора (156). Обстановка заключения англо-японского договора (159). Ближайшие последствия договора (161). Домогательства японского империализма и англо-японский договор (163). Вопрос об участии Китая в империалистической войне (166). Япония и Китайская делегация в Версале (168). Пан-японское движение (169). Манифест пан-японизма (175). Возобновление договора в 1911 г. (183). Арбитражные соглашения (184). Последствия англо-японского договора 1911 года. (185). Японская фронда против Англии (189). Точка зрения „Пекин-Тянь-цзинь Таймс" (192). Возрастающая роль Америки на Дальнем Востоке (195). Борьба победителей между собой (201). Интервенция в Сибири и англо-японский договор (203). Америка и англо-японский договор (205). Вашингтонская конференция (213). Отношение Китая к англо-японскому договору (218). Отношение кантонского правительства к англо-японскому договору (220). Пекинское правительство и англо-японский договор (223). Оценка договора китайской печатью (228). Казенная Япония и англо-японский договор (231). Оценка японской печати (235). Индия, Сибирь и англо-японский договор (239).

Лансинг-Ишии'евское соглашение - - **239-247**
Письмо Лансинга (242). Протест Китая по поводу соглашения (245).

Агрессивность миров. империализма - **247-256**
Резолюция, британских коммерческих палат (248). Хунь-чунь'ский инцидент (253).

Предпосылки экономич. развития - - **256-286**
Новый порт (256). Место „нового порта" (258). Необходимые мероприятия на реке Ян-цзы (260). Устье реки Ян-цзы (260). От Цзянь-инь до Уху (262). От У-ху до Дун-лю (262). От Дун-лю до У-сюе (263). От У-сюе до Хань-коу (263). Порт Чжэнь-цзян (264). Нанкин и Пу-коу (265). У-ху (266). Ань-цинь (267). Новый порт на Ян-цзы (267). Цзю-цзян (268). Хань-коу, Хань-ян, У-чан (269). Улучшение водных путей (272). Великий Канал (273). Река Хуай-хэ (273). Система Цзян-нань (274). Система По-ян (274). Река Хань и озеро Дун-тин (274). Железные дороги (275). Империализм и железные дороги в Китае (277). Китайские железные дороги в цифрах (279). Будущее строительство (281). Консорциум и железнодорожное строительство в Китае (282). Правительственные планы (282). Схема доктора Сун Ят-сена (283). Центральная система железных дорог (283). Новый

1944

порт (или Шанхай)-Тарбагатай (284). Новый порт (или Шанхай)-Ургa (284). Новый порт (или Шанхаи)-Улясутай (284). Нанкин-Ло-ян (284). Нанкин Хань-коу (285). Си-ань-Да-тун (285). Си-ань-Хань-коу (285). Другие дороги (285).

Китайская промышленность - - - - 286-359

Компрадор (287). Развите капитализма в Китае (293) Иностранные предприятия в Китае (296). Число новых китайских промышленных предприятий за 1918 и 1919 годы (297). Промышленные предприятия в провинции Цзян-су. (297) Город У-си (299). Город Су-чжоу (300). Город Нань-тун-чжоу (300) Угольная промышленность (301). Добыча железа (303). Горнопромышленный закон (305). Хлопчатобумажная промышленность (306). Рост хлопчатобумажных фабрик в Китае (307). Мукомольная промышленность (312). Экспорт и импорт муки в Китай (314). Шелковое производство (315). Судостроительство (318). Другие отрасли промышленности (318). Рост бобовой промышленности (320). Сырьевые продукты (323). Рост торгового баланса Китая (324). Хозяйственная номенклатура Китая (326). Торговый оборот по каждому «договорному порту» в 1919 и 1920 годах (334). Заинтересованность капиталистических государств в Китае (343). Мировой империализм в цифрах (355).

Империализм и банки в Китае - - - 359-430

Общая характеристика (359). Обстановка, сопровождавшая открытие английского банка (361). Гонконг-Шанхайский банк (366). Деятельность русского царизма (370). Русско-Азиатский банк (377). Деятельность Франции в Китае (384). Индо-Китайский банк (390). Германия в Китае (391). Германо-Азиатский банк (395). Несколько слов о Японии (396). Общество Южно-маньчжурских жел. дор. (403). Иокогама-Спеши банк (404). Американский капитал в Китае (405). Китайские банки (415). «Банк Китая» (417). «Банк Путей Сообщения» (419). «Банк соляной промышленности» (421). «Национальный промышленный банк» (421). Другие банки (421). Консорциум китайских банков (423).

Вместо последней главы - - - - - 430-440

Вехи промышленного развития Китая (434). Требование китайской буржуазии (437). Иностранная и китайская собственность в Китае (445). Перспективы раскрепощающегося Китая (446).

Книгохранилище

ВВЕДЕНИЕ.

Писать о современном Китае—значит, прежде всего, исследовать экономические отношения, складывающиеся в Китае в процессе ликвидации полунатурального хозяйства и феодальных форм политической власти. Новые формы хозяйственной жизни Китая развиваются в осложненной обстановке гражданской войны, непрерывно идущей в Китае со времени революции 1911 года и в условиях тяжелого гнета, установленного над Китаем мировыми империалистами.

Огромным историческим импульсом быстрой индустриализации Китая явилась революция 1911 года, сбросившая не только династию деспотов-Маньчжуров, но сломавшая перегородки замкнутых в себе клановых хозяйств, введшая машинное производство, нанесшая смертельный удар отживающим формам ремесленного и мануфактурного хозяйства. Революция в Китае выражала собою идею капиталистического его развития. Эта идея в исторических условиях жизни Китая, в обстановке его взаимоотношений с мировыми капиталистами и банкирами,—идея освободительная.

Ее торжество знаменует собою—крах империалистической политики на Дальнем Востоке и означает невозможность использования китайского сырья на фабриках европейских и американских собственников равно как также означает невозможность использования Китая в качестве об'екта эксплоатации вообще мировым капиталом.

Если идея капиталистического хозяйства и создания буржуазного общества в определенных социально-политических рамках,—выражала собою идею раскрепощающегося Китая, то к самому моменту революции в 1911 году налицо не было буржуазии, как класса, ведущего за собою «народ», свергающего власть феодалов и духовенства, захватывающего власть в свои собственные руки. Действующей «массовой» силой революции в Китае были войска,

служившие еще недавно опорой трону Маньчжуров. Других масс на улице не было. На весьма недолгий период—с октября 1911 года по январь 1912 года—эти войска находились в распоряжении партии революции—Гоминдан, идейно выражавшей и выражающей требования национально-независимого, раскрепощенного, буржуазного Китая. Милитаристическая клика Китая, служившая «социальным» фундаментов власти феодалов, вынужденная под сокрушительными ударами вместе с жадным китайским чиновничеством-мандаринатом—признать революцию, как факт, уже в 1912 году пыталась захватить власть в свои руки... Под натиском контр-революционных сил Китая, быстро нашедших себя, подбодряемых и поддерживаемых мировым империализмом, Сун Ят-сен'у, первому президенту республиканского Китая и мозгу партии «националистов», пришлось отречься от президентства, «отдать» власть премьеру династии Маньчжуров, будущему реставратору монархии, контр-революционеру Юань Ши-кай'ю.

Ему, Юань Ши-кай'ю, падающий трон династии Маньчжуров поручает организовать республиканскую форму власти в Китае после захвата революционерами долины реки Янцзы. Эдикт об отречении от трона был написан Лян Ши-и, главою партии «цзяо-тун», партии «путей сообщении», игравшим и сейчас играющим крупнейшую роль в судьбах пекинского правительства и его периферии, призванным Чжан Цзо-лин'ом опять к власти в декабре 1921 г. Последний император Суан Тун ценою этого эдикта спас себе и всей дворне жизнь и... пенсию за счет трудовых масс республиканского Китая.

С момента захвата власти Юань Ши-кай'ем Китай находится во власти милитаристов... Все последующие годы отмечены борьбой милитаристов между собой, борьбой за доходы в провинциях и за власть над всем Китаем.

Рядом с Юань Ши-кай'ем в 1911 году стояли три крупные фигуры, входившие в состав «Северной», Бэн-ян, военной партии. Эти лица суть: Фын Гуо-чжан, из провинции Чжи-ли, будущий президент республики Китая, Дуань Ци-чжуй, из провинции Ань-хуй, будущий лидер аньфуистов

и глава клуба Ань-фу, и генерал Ван Ши-чен из провинции Чжи-ли, вскоре переставший играть политическую роль в жизни Китая.

Борьба ведется между Юань Ши-кай'ем, Дуань Ци-чжуй'ем и Фын Гуо-чжан'ом. Наиболее тонкую интригу плетет Юань, распыляя своих соперников. «Северная» военная партия раскалывается на две самостоятельные и враждующие группы—на партию Чжи-ли, во главе которой становится Фын Гуо-чжан, и на партию ань-фуситов, во главе которой становится маршал Дуань Ци-чжуй. Попытка вооруженной борьбы против махровых столпов династии маньчжуров, против институтов мандарината и дудзюната, гражданского и военного аппаратов власти, затеянная партией «националистов» в 1912 году и известная под именем «второй революции», была безуспешной. Юань Ши-кай, стоявший во главе контр-революции, закрепил свою победу. Го-мин-дан'цы, партия революции, были задушены и загнаны в подполье. Контр-революция с того времени распоряжается Китаем, поддерживаемая всеми «державами», признавшими пекинское правительство.

1912—1915 годы были годами утверждения власти Юань Ши-кай'я и борьбы с его противниками.

В 1915 году—Юань Ши-кай, заручившись предварительным согласием империалистов, делает попытку официально закрепить за собою захваченную власть путем об'явления себя императором. При всей распыленности сил революции—реставрационные замыслы Юань Ши-кай'я терпят крах. Войска Юань Ши-кай'я, посланные для подавления «третьей революции», направленной против реставрационных планов Юань'я, распространившейся в провинциях Сы-чуань и Юнь-нань, были разбиты. Войсками, преданным Юань Ши-кай'ю, были войска Цао Кунь'я, руководимые весьма известными в Китае генералом У Бей-фу и «христианским» генералом Фын Ю-сян'ом. Республиканская форма власти уцелела, но Пекин остался в руках все тех же милитаристов.

Смерть Юань Ши-кай'я, новый президент Ли Юань-хун, смена лиц в правительстве, созыв разогнанного Юань Ши-кай'ем первого «конституционного» парламента, все эти

события, мелькавшие в калейдоскопае китайской политической истории, не привели к власти нового общественного класса. В Пекине и в провинциях копошатся те же милитаристы, те же остатки феодального строя, изо-всех сил старающиеся закрепить власть за собою...

В 1917 году—новая попытка, предпринятая Чжан Сун'ом, к восстановлению на трон династии Маньчжуров. «Спасает» положение маршал Дуань Ци-чжуй, разбивающий Чжан Сун'а. С этого времени в Пекине устанавливается власть партии ань-фуистов во главе с клубом Ань-фу, верным, ревностным и преданным исполнигелем всех предначертаний японского империализма.

Врагом Дуань Ци-чжуй'я и партии ань-фуистов является партия Чжи-ли. В 1920 году—партия ань-фуистов терпит жестокое военное поражение от партии чжи-лийцев, во главе которых фактически стоит У Бей-фу.

Этот же 20-ый год вводит новый фактор политической жизни Китая, «некоронованного короля» Маньчжурии—Чжан Цзо-лин'а. Весь 1921 год был периодом утверждения власти Чжан Цзо-лин'а. Сейчас на Севере борются между собой две группировки: фын-тянь'ская—во главе с Чжан Цзо-лин'ом и чжилий'ская—во главе с У Бей-фу и официальным главою партии—Цао-Кунь'ем. Обе эти группировки, враждующие по вопросу о том, кому должна принадлежать власть в Китае—резко враждебны Югу, имеющему свое правительство в Кантоне, во главе с доктором Сун Ятсен'ом, об'единившим все южные провинции и ведущим вооруженную борьбу под знаком национального раскрепощения Китая против Пекина со всеми остатками феодальной власти.

Эта сложная в себе обстановка в ещэ большей мере осложняется непрерывными интригами, интервенцией и фактическим контролем, осуществляемым над Китаем мировыми империалистами.

В такой социально-политической среде история создает об'ективные условия, ведущие к экономическому раскрепощению и политической независимости Китая.

Настоящая работа представляет собою попытку учесть эти новые условия, создавшиеся в Китае, несмотря на все ухищрения мирового империализма. В первую очередь, необходимо уяснить себе экономическую природу жизни Китая, его производственные отношения и хозяйственные формы на фоне тенденций мирового империализма господствовать в экономике Китая и политически «опекать» миллионы трудящихся Китая. Этими причинами об'ясняется, что настоящая работа по преимуществу занята учетом об'ективных условий, созданных в процессе производительных сил внутри Китая, выковывающих орудия борьбы с остатками феодальной власти и «устремлением» мирового капитала.

Вторая работа, задуманная автором, должна явиться естественным развитием первой, так как имеет в виду учесть происходящие в Китае процессы его национального раскрепощения. Общественные течения и революционное движение в Китае—вот что в развернутой схеме-вплоть до учета роли рабочего движения в Китае и его политической партии—должно составить содержание второй работы. Между этими работами будет та внутренняя связь, что явления внешнего действия и политическая борьба, ведущаяся Китаем, будет уяснена в свете его экономики, учета его производительных сил и анализа его хозяйственных форм...

Еще несколько слов. Первая часть книги—«Северный Китай»—схематична и носит на себе все следы «доклада». Лишь по мере развертывания темы очевидной становилась потребность перейти от «доклада» к книге. Первая часть осталась, однако, неизмененной.

И в первой и во второй части некоторые главы имеют публицистический характер. Это потому, что о крупном ряде явлений из взаимоотношений мирового капитала с Китаем нельзя говорить иначе, как в тоне резкого возмущения грабительскими заданиями, какие ставит себе мировой империализм в отношении «некультурных» стран Азиатского континента.

К моменту выхода книги несколько изменилась политическая обстановка в Пекине. Вместо кабинета, возглавлявшегося Цин Юн-пын'ом, Пекин сейчас имеет кабинет,

возглавляемый Лян Ши-и. Новый кабинет декабря 1921 г. представляет собою попытку теснее собрать реакционеров Севера, чтобы концентрированными усилиями удержать власть в своих руках. Эта попытка не развязывает исторического узла, так как не изменяет соотношения борющихся общественных классов в Китае между собой. Буржуазия все еще не у власти, продолжая лишь стремиться к ее захвату...

Синологи могут быть в претензии на неправильное обозначение китайских имен и названий. Эти неправильности, несомненно, имеются. В некоторых местах книги китайские названия даны в южной, так называемой, английской транскрипции. Так, полуостров Цзяо-чжоу назван Киао-чао, город Ань-дун называется Антун, Фынтяньский назван фэнтянский, река Ян-цзы названа Ян-цзе, Альфред Ши именуется Альфредом Цзе и ряд других погрешностей. Принимая на себя целиком вину в этом, скромно полагаю, что центр тяжести не в той или иной транскрипции, а в подходе к сложным явлениям китайской социально-политической жизни...

А. Е. Ходоров.

25 Декабря 1921 г.

Очерк Географии Китая

Территория Китая.

Китайская Республика простирается от 10 градуса до 53 градуса северной широты и от 74 до 134 градуса долготы к востоку от Гринвича. Китай граничит с севера и северо-запада Сибирью, с запада русским Туркестаном, с юго-запада—Индией, с юга и востока—Индией, Тонкином и Великим Океаном, с северо-востока—Кореей. Китай охватывает территорию свыше 4.275,000 квадратных миль самого разлпчного очертания поверхности: гор, плоскогорий, равнин и долин.

Население всего Китая измеряется приблизительно в 440.000,000 чел. Цифры, даваемые в нашем очерке, взяты из данных китайских почтовых контор за 1920 года.

Китай географически распределяется по следующим долинам рек, охватывающих определенные районы провинций.

Ган-су Шэнь-си Шань-си Хэ-нань Чжи-ли Шань-дун	Долина реки Хуан-хэ. Протяжение 522,260 — кв. миль. Население 122,478,730. Плотность населения на 1 квадратную милю—236 человек.
Сы-чуань Ху-бэй Ху-нань Цзян-си Ань-хуй Цзян-су Чжэ-цзян	Долина реки Ян-цзы. Протяжение— 572 830 кв. миль. Население— 205,522,162 чел. Плотность населения на 1 кв. милю—359 чел.
Юнь-нань Гуй-чжоу Гуан-си Гуан-дун Фу-цзянь	Долина реки Си цзян. Протяжение— 437.330 кв. миль. Население— 83,639,407 чел. Плотность населения на 1 кв. милю—191 чел.
Маньчжурия Монголия Синь-цзян Тибет	Внешние территории. Протяжение— 2,744.840 кв. миль. Население— 29,519,579 ч. Плотн.—10 чел. на 1 кв. милю.

Собственно Китай	—1.532,420 кв. миль,	411.640,299	насел.;
Внешние территории	—2.744 840 „ „	29.519,579	„ „
Всего	4.277,260 „ „	441.159,878	„ „

Плотность населения.

Беглого взгляда на приведенные цифры достаточно, чтобы усмотреть большие колебания в плотности населения в различных районах Китая. В Собственно-Китае—плотность населения приблизительно 260 человек на одну квадратную милю, тогда как в Монголии плотность определяется в 2 человека на одну квадратную милю, в Тибете—5, средняя плотность населения во Внешних Территориях вообще—10 человек на одну квадратную милю.

Внутри Собственно-Китая также наблюдаются большие различия. Бассейн реки Ян-цзы является наиболее густонаселенным районом, с плотностью населения в 360 человек на 1 кв. милю, тогда как плотность населения в долине реки Си-цзян вдвое меньшая, всего 190 человек на 1 кв. милю. Плотность населения в долине реки Хуан-хэ измеряется средними цифрами плотности населения в долинах рек Ян-цзы и Си-цзян.

Внешние территории.

Китай разделяется на две части: на Собственно-Китай и другие территории, называвшиеся во времена китайской империи «владениями» Китая, ныне известные под именем «Внешних Территорий». Эти «внешние территории» состоят из периметрической зоны районов, отношения которых с Китаем всегда были более или менее неопределенны. Самый факт «подчиненности» этих «территорий» Китаю и признавание ими суверенитета Китая не вызывал, однако, сомнений ни в господствующих классах, населявших эти «территории», ни в Пекине, ни даже за пределами Китая.

Только после того, как агрессивная политика мирового империализма оторвала у Китая Тонкин, Спам, Дальнюю Индию, Приамурье и Корею—Китай пытался, в особенности в течение последних двадцати пяти лет, предшествовавших китайской революции, установить более тесные и определенные отношения со своими «владениями». Китайский Туркестан в 1881 году был превращен в провинцию и переименован в Синь-цзян. После русско-японской войны Маньчжурия была реорганизована в «три восточных провинции», административное управление которыми ничем не отличается от административного принципа Собственно-Китая.

Наиболее характерными признаками для всех «внешних территорий», несмотря на их внешнюю независимость друг от друга, являются следующие. От Гималайских гор до границ Маньчжурии и даже внутри трех маньчжурских провинций—тибетский Далай-лама признается высшей религиозной властью. Ламаизм является казенной, официальной религией этих «территорий». В самом Тибете Далай-лама рассматривается и как высшая светская политическая власть.

Другой чертой, общей для всех «территорий», является определенное их географическое единство, представлявшее собою в то же время естественную границу исторического Китая. От Тибета до Маньчжурии тянется длинный ряд горных хребтов, с разными высотами, доходящими в некоторых пунктах в среднем Тибете, например, до 10—15 тысяч футов. Эти горы и окаймляли собою буфер, отделявший Китай от остальной Азии. Это огромное плоскогорие имеет несколько выходов к северу и к югу.

Следующим признаком, общим для всех «внешних территорий», является то, что все «территории» живут приблизительно в одинаковых экономических условиях, в условиях скотоводческого хозяйства. Лишь в Маньчжурии, и на южных границах Внутренней Монголии опыт китайской колонизации дал другие хозяйственные формы среди местного населения, вообще говоря непрерывно сокращающегося в количестве.

Собственно Китаи.

Собственно Китай простирается от острова Хай-нань и Кантона, через знойный юг на север, до границ Дальневосточной Республики, и от тибетских гор на западе до устья реки Ян-цзы на востоке. Эта площадь протяжением в 1.500,000 квадратных миль самой природой разделена на три части, по бассейнам трех больших рек. Северная часть Собственно Китая охватывает территории бассейна реки Хуан-хэ. (Желтая река). В этот район также включается бассейн реки Вэй-хэ, который хотя и является независимым от Хуан-хэ, но рассматривается, однако, как составная часть всего бассейна Желтой реки. Бассейн Хуан-хэ—район лесса и наносного ила и является весьма плодородным

районом в годы, обильные дождем. Этот же район подвержен губительным неурожаям в периоды засухи. Река Хуан-хэ, называющаяся «Печалью Китая», является господствующим фактором жизни всего северного района.

Вторая часть Собственно Китая, большая по размерам, является районом бассейна реки Ян-цзы великого водного пути Китая. Бассейн реки Ян-цзы является наиболее богатым, наиболее плодородным и наиболее густо населенным. Река несет в своем течении много известняка и песку. Все большие озера Китая расположены в этом районе. Наибольшая часть так называемых «договорных портов» находится в долине реки Ян-цзы и во всем бассейне реки.

Третья часть Китая охватывается бассейном реки Си-цзян (Западная река). Этот район чрезвычайно разнохарактерен по своей природе. Район богат минералами и металлами. Бассейн реки Си-цзян населяет большое количество различных рас от типичных китайцев до народностей, родство которых с китайцами может быть установлено лишь с большою трудностью.

Население в каждой из этих трех частей Собственно Китая несколько отлично друг от друга. Господствующим во всех частях Китая является китайский тип. В северной части общий китайский тип, характерный своими маленькими руками и ногами, изогнутой верхней губой, жесткими волосами и лицом без бороды, усиливается в своем выражении «инфузией», введением татарской крови. Результатом этого татарского влияния явился более крепкий, более стройный тип, чем тип южанина. Татарское влияние удостоверяется также языком северян, который является видоизменением первоначального китайского языка, испытавшего на себе влияние многих рас, живших по «ту сторону» Собственно Китая.

На юге китайский тип выражен несомненно более «чисто», а язык южан является наиболее близким к первоначальным источникам языка. Кантонцы удержали у себя ряд гортанных звуков, упраздненных на севере в результате соприкосновения оригинального китайского языка с другими наречиями. В некоторых частях южного района

встречаются изолированные племена, которые до сих пор сохраняют отличительные черты, являвшиеся характерными для всей страны в период ее «племенной» изолированности.

Собственно Китай не только естественно разделяется на три района по долинам рек, пересекающих его в направлении с запада на восток. Надлежит отметить и направление с севера на юг. Это направление охватывает полукруг, начинающийся у Шань-хай-гуань'я («Марафон Китая»), направляющийся далее на Тай-юань-фу, в провинции Шань-фу, в провинции Шань-си, далее на Хань-коу в провинции Ху-бэй, заканчивающийся выходом к морю у города Вэнь-чжоу в провинции Чжэ-цзян. Эта обширная равнина в некоторых местах пересекается горными цепями, не нарушающими, впрочем, стройного единства всей равнины. Исторически эта равнина и явилась той территорией, над которой мировой капитал и установил свое господство. Только в недавнее время мировой капитал заинтересовался минеральными и другими богатствами горных хребтов Западного Китая. Во весь же предшествовавший период сырьевые богатства Китая-хлопок, шелк, чай и другие продукты, увозились мировыми капиталистами из этой величайшей равнины Китая.

Северный район.

Северный бассейн, образуемый Хуан-хэ, разделяется на две части. Грубо говоря, Пекин-Хань-коу'ская железная дорога, проходящая недалеко и паралельно восточным границам провинций Шань-си и Шэньси,и отмечает собою линию раздела всего северного бассейна. Одна часть района занята горными цепями, постепенно переходящими в равнину, в которой находятся провинции Чжи-ли, северо-восточная часть провинции Хэ-нань и северная часть провинции Шань-дун. Город Дун-чан, в провинции Шань-дун, называемый «Восточными Воротами», может рассматриваться, как пункт, отделяющий обе части северного района друг от друга. Общей чертой, характерной для обеих частей района, является лесс. Лесс покрывает собою огромные пространства северного района, делая его чрезвычайно плодородным при условии обилия влаги. В крайних точках востока и запада—слой лесса тонкий. В средней же части района—слой лесса

в несколько футов толщиною. Наиболее населенными провинциями в этом районе являются провинции Хэ-нань, Чжи-ли и Шань-дун.

Различие между обеими частями всего северного района отражается, прежде всего, на хозяйственной номенклатуре каждой из частей района. Западная часть района богата продуктами полускотоводческого хозяйства. Шкуры, кожи, меха, сало—вместе с полуфабрикатами от этих продуктов составляют существенную часть хозяйственной номенклатуры этой части района. Район провинции Шань-си и Хэ-нань имеет перед собой богатое промышленное будущее—в виду богатства угля и железа, находящихся в этих провинциях. Залежи угля только в одной провинции Шань-си достаточны для того, чтобы удовлетворять потребности всего мира в угле на тысячи лет, согласно данных минеролога Рихтофена.

Серьезными препятствиями к экономическому развитию северного района в дополнение к недостатку средств сообщений являются также наводнения от разлития Желтой реки или рек в провинци Чжи-ли. В виду этого стихийного обстоятельства бассейн Хуан-хэ дает насомненно только четвертую часть тех богатств, какие он мог бы дать при условии устранения наводнений и разливов.

Бассейн Хуан-хэ отделяется от бассейна реки Ян-цзы горами, которые берут свое начало в восточных отрогах Кунь-лунь и направляются далее на восток в длинной серии ниспускающихся горных кряжей. Климат северного района резко отличается от бассейна реки Ян-цзы. Зимою термометр на севере показывает минус 4 градуса по Фаренгейту, а летом плюс 100 градусов по Фаренгейту. Северный район время от времени наводняется пыльными или вернее песчаными бурями, «штормами», несущимися из Монгольских степей. Очерченные условия характерны для всего района, за исключением южной части провинции Гань-су и Шень-си, в которых климат значительно мягче и более дождливый.

Северный район является естественным пределом культуры риса и бамбука. Рис ввозят сюда из долины реки

Ян-цзы. Предметом широкого, массового потребления на севере является не рис, а пшено и пшеница.

Хуан-хэ судоходна для мелко-сидящих судов. Ее судоходство не может итти в сравнении с оживленным транспортом на реке Ян-цзы.

На севере Китая—очень популярной является своеобразная крытая тележка, на двух больших скрипучих колесах, которую тащит либо осел, либо мул, либо монгольская, низкорослая лошадка—«пони». Для северного Китая характерен также верблюд, приходящий сюда из Монголии или из пустынь Центральной Азии, нагруженный товарами кочевых народов.

Центральный район Собственно Китая,

В то время как бассейн Хуан-хэ—район огромного исторического значения для Китая, являясь первым местом, приютившим расу, извѣстную под именем китайской, второй центральный район Собственно Китая, бассейн реки Ян-цзы в современных условиях жизни Китая, в его экономической жизни является сердцем Китая. В пределах Собственно Китая бассейн Ян-цзы-цзян'а охватывает площадь в 600.000 квадратных миль и питает население, превышающее 200 миллионов человек. Средняя плотность населения в этом районе—360 человек на одну кв. милю. Бассейн Ян-цзы простирается от 26 до 32 параллели северной широты и от 98 до 118 меридиана к востоку от Гринвича.

Экономическое значение бассайна реки Ян-цзы для Китая огромно. Весь район Ян-цзы отличается большим плодородием. Район полон рек и озер и имеет непосредственный выход к Тихому Океану, связывая Китай с внешним миром. Долина реки Ян-цзы с ее притоками имеет такое же значение в отношении Китая, какое в отношении Соединенных Штатов Америки имеют долины рек Миссисипи и Миссури, в отношении к Южной Америке имеет долина реки Амазонки и в отношении Египта имеет долина реки Нил. С точки зрения экономики района—надлежит включить в бассейн реки Ян-цзы северную часть провинции Цзян-су и провинцию Чжэ-цзян. Обе эти провинции, входящия в район Хуай-хэ и района Чжэ-цзян'а, каковы бы ни были «технические» географические

взаимоотношения их с бассейном Ян-цзы,—составляют часть великой, единой территории, в которой Ян-цзы играет роль доминирующего фактора, роль главной артерии, связывающей все группы обширного района.

Бассейн Ян-цзы в целом отличается следующими характерными чертами. Река Ян-цзы не только является главным нервом связи. Ян-цзы является «большой дорогой», к которой с со всех сторон подходят «проселочные» дороги, в целом образующие богато-развитую сеть путей сообщения. Все виды товаров, чай, шелк, уголь и железо, копоть и растительный воск, рис и ревень, хлопок и китайская трава на одежду, табак и бобы, сурьма и керосин, соль и сезам и бесконечное разнообразие других продуктов хозяйственной номенклатуры Китая находят себе место в этой обширной сети.

Климат этого района не подвержен резким колебаниям, характерным для северного района, равно как также Средний Китай не знает угнетающей тропической жары. Постоянство периода дождей в этом районе обеспечивает постоянные богатые урожаи.

Район в целом является житницей Китая, привлекающей к себе наибольшие массы китайского народа. Бассейн Ян-цзы богат минералами и металлами: углем, железом, антимонием, вольфрамом, медью, серебром, и даже золотом в небольших количествах. В особенности богаты этими запасами провинции Ху-нань и Сы-чуань. Долина реки Ян-цзы является богатейшим *промышленным* районом Китая. Провинции Цзян-су, Ань-хуй, Цзян-си, Ху-бэй—уже сейчас являются крупными промышленными центрами.

Бассейн Ян-цзы является районом больших озер. Озера Дун-тин, По-ян, Тай-ху, Хун-цзы, Воа-инь и другие являются резервуарами тающих снегов, стекающих с горных хребтов. Бассейн Ян-цзы системою каналов связан с севером и югом. Связь с Западной рекой идет через искусственный канал Син-н, сооруженный в 214 г. до Р. Хр., к реке Кассна, притоку Западной реки, берущей свое начало в озере Дун-тин. Самым большим из всех каналов является Великий Канал, в одной своей части искусственный

водный путь, в другой—резервуар водных путей, в своем целом образующих великий путь от Хан-чжоу, древней столицы Китая в провинции Чжэ-цзян, до Пекина.

В долине реки Ян-цзы размещено большинство «договорных портов», в которых утвердил свое господство над миллионами трудящихся в Китае—мировой банкир, фабрикант и экспортер. Самыми крупными из «договорных портов» являются Шанхай и Хань-коу. 60 процентов всей внешней торговли Китая относится к портам, расположенным в долине Ян-цзы.

Бассейн реки Ян-цзы состоит из целой серии бассейнов. Первый из них известен под именем Сы-чуань'ского, охватывающего ту часть реки с ее притоками, которая течет в гористых провинциях Сы-чуань, Юнь-нань, Гуй-чжоу и Ху-бэй. Второй бассейн составляется из системы озер в провинции Ху-бэй к северу и северу-западу от Хань-коу. Третий бассейн охватывает равнину к северу от города Цзю-цзян провинции Цзян-си, долину к западу от города Ань-цин и район озера По-ян. В этой своей части река течет узкою лентой в гористом канале. Ниже—река течет по широкой равнине до города У-ху в провинции Ань-хуй и дальше почти без излучин разливается в широкую дельту при впадении в море.

С точки зрения навигационной Ян-цзы можно разделить на 3 части. Первая часть—быстрый поток от истока реки до города Пин-шань-сян. Эта часть, охватывающая расстояние свыше тысячи миль, несудоходна. От Пин-шань-сян'а до И-чан'а река расстоянием в 960 миль—полусудоходна. Главным препятствием к судоходству являются бесчисленные пороги. От И-чан'а в провинции Ху-бэй река судоходна для судов средних размеров, а в своем нижнем течении Ян-цзы судоходна и для океанских кораблей. В своей малосудоходной части ширина реки измеряется в 200—650 ярдов. Река от И-чан'а часто достигает ширины в одну милю. Во время же разливов—река в среднем течении дает ширину в 5 миль. Большое значение для экономических целей имеет уклон реки. В своей первой части река падает с 16 тысяч футов высоты до тысячи футов. Другими

словами, падение реки в этой секции равно 125 футам на каждую милю. От И-чан'а до моря уклон реки равен 150 футам на одну милю.

Нижеследующая таблица указывает расстояние главных портов на реке Ян-цзы от города Шанхай'я и время, потребное в обычных условиях на путешествие между этими портами.

Шанхай до Хань-коу	600 миль	3 дня	на пароходе.
Хань-коу до Ичан'а	370 миль	4 „	„
Ичан до Чун-цин'а	400 „		До недавнего времени, года 3-4 назад, путешествие отнимало 20—40 дней, сейчас на специальных пароходах это растояние преодолевается в 6 дней.

Плотность населения в долине реки Ян-цзы прогрессивно возрастает, начиная от 229 человек на одну кв. милю в провинции Сы-чуань и кончая 875 чел. на ту же милю в провинции Цзян-су. Рост населения стоит в соответствии с ростом урожайности и промышленности в направлении с запада на восток. В частности, в районе дельты Ян-цзы два урожая в течение года обычное явление. Мы отмечали уже, что долина реки Ян-цзы, являясь житницей Китая по своему земледельческому хозяйству, в то же время быстро индустриализируется. Этот процесс особенно характерен в трех городах—У-чан'е, Хань-коу, Хань-ян'е, образующих группу, известную под именем У-хань'ских городов.

Западная река, отмечающая собою район Южного Китая,—единственная из трех больших рек Китая, которая течет только на территории Собственно Китая. За исключением равнины, в которой расположен Кантон, весь Южный Китай горист. В своей большей части климат юга полутропический. Плотность населения в среднем составляет 200 человек на 1 кв. милю, с колебаниями от 67 челов. на одну кв. милю в крайней юго западной провинции Юньнань, до 372 человека на 1 кв. милю в провинции Гуан-дун.

Бассейн Западной реки несколько шире по площади, чем сама река и ее притоки. Провинции Гуан-си и Гуандун орошаются Западной рекой с притоками. Провинции

же Юнь-нань и Гуй-чжоу, хотя орошаются системою реки Ян-цзы, включаются из экономических соображений и соображений административного деления Китая, в бассейн Западной реки.

Наиболее характерной чертой для Южного Китая является горный барьер, почти целиком отделяющий юг от остального Китая. Связь поддерживается двумя дорогами, известными под именем Чэлин и Мэй-лин. Горные цепи на юге Китая, называемые Нань-шань, составляют продолжение Юнь-нань'ской горной системы, доходящей до моря у города Амой.

Из всех провинций юго—западного Китая наибольшее значение имеет провинция Гуан-дун с городом Кантоном, так как провинция Гуан-дун является единственной, лежащей вдоль морского побережья. Все другие провинции связываются с морем при посредстве Западной реки или при посредстве притоков Ян-цзы к северу, или системою рек, протекающих к югу через территории, отнятые мировыми империалистами у Китая.

Южный район.

Западная река не может быть сравнена с рекою Ян-цзы ни по длине, ни по значению. Однако, по сравнению с европейскими реками, Западная река является весьма значительной рекой. На протяжении 1,000 миль Западная река судоходна. Благодаря своим притокам, Западная река охватывает четыре провинции, связывая также приморскую провицию Фу-цзянь с югом Китая.

Западная река берет начало в северо-восточной части провинции Юнь-нань, направляясь к югу, беря по пути много притоков от озер, расположенных в долинах. Приближаясь к тропику Рака, река делает поворот в северо-восточном направлении. Выходя из провинции Гуй-чжоу, река течет в юго-восточном направлении, протекая через всю провинцию Гуан-си, к городу У-чжоу, на границе с провинцией Гуан-дун. От этого места река течет в юго-восточном направлении и известна под именем Си-цзян. У города Сань-шуй река делает резкий поворот к югу, отбрасывая от себя рукав, известный под именем Кантонской реки, на которой и расположен город Кантон.

Западная река вливается в Южно-Китайское море широкой дельтой к востоку и западу от Макао. Вся длина реки 1118 миль. К лабиринту вод, образующихся от двух рек Западной и Северной (Бэй-цзян), присоединяются еще и воды Восточной реки (Дун-цзян), берущей свое начало на северо-востоке Юга Китая, на границе двух провинций Цзян-си и Фу-цзянь.

Все притоки этих рек, равно как и каналы дельты, судоходны. В виду обилия воды, на юге Китая существует особое «речное» население, живущее на своих длинных и тяжелых лодках и баржах,

Этот водный район и был тем классическим местом, куда империализм направил свои шаги для завязывания «торговых» отношений с Китаем. Город Кантон лежит в дельте Си-цзян и Бэй-цзян и на притоках Дун-цзян. Из разливающихся притоков наибольшее значение имеет Кантонская река или Жемчужная река. Большие корабли останавливаются в 8 милях от Кантона.

В период летних влажных муссонов температура в южных провинциях такая же высокая, какая существует и в городах Индии. Температура резко падает в зимние месяцы. Растительность на юге Китая тропическая, с пальмами, камелиями, дубом, каштаном, темною сосной, в то же время бананы, плоды мангового дерева, личи, апельсины и лимоны перемежаются с фруктовыми деревьями умеренного климата. Особенно красив и наряден остров Гон-конг.

Животное царство представлено в млекопитающих обычного типа, в дикой козе, лисице—вдоль побережья, и в носороге и тигре—в глубине провинций. Южный Китай богат насекомыми, бабочками, птицами, родственными породам Индии.

Кантону принадлежит исключительно важное место в истории Китая. Сюда впервые пришли завоеватели с Запада—арабы, португальцы, испанцы, голландцы, британцы и другие. Кантону пришлось выдержать на себе первые удары авангарда мирового империализма. Недаром Кантон расценивается, как колыбель всех революционных движений в Китае. Тайпин'ское восстание берет начало в бассейне

Западной реки. События в 1898 году, приведшие к стадиям «реформ», китайская революция 1911 года, события в 1920 г. с утверждением власти доктора Сун Ят-сен'а и генерала Чен Цюн'мин-а—возникают в Кантоне.

Чтобы закончить наш краткий очерк географии Китая, нам хотелось бы остановиться на самой краткой характеристике наиболее крупных городов Китая, так как о городах промышленного значения речь будет итти особо.

Главные города Китая.

Лань-чжоу. Столица провинции Гань-су. 6 тысяч футов над уровнем моря. Население—250 тысяч. Лежит на стратегическом пути большого значения от Собственно Китая в Среднюю Азию. Коммерческий «порт» в торговых взаимоотношениях Китая с провинцией Синь-цзян (Китайский Туркестан).

Си-ань-фу. Столица провинции Шэнь-си. Стратегический центр провинции. Древняя столица Китая. Население—750 тысяч человек. Связывает пути, идущие от долины Желтой реки к долине реки Ян-цзы.

Тай-юань-фу. Столица провинции Шань-си. Население—250 тысяч человек. Город небольшого значения. Связывается с Пекин-Хань-коу'ской железной дорогой побочной железнодорожной веткой.

Пекин. Столица Китая, расположенная в равнине между реками Бэй-хэ и Хун-хэ, в 50 милях к югу от Великой Стены. Пекин связан железною дорогой с Тянь-цзинем (80 миль), Мукденом, Хань-коу и Калганом. Население около 800,000 человек. Пекин—политический центр северного Китая.

Бао-дин-фу. Формально—столица провинции Чжи-ли. 80 тысяч населения. Ставка «сверх-дудзюна», генерал-инспектора трех провинций Северного Китая, маршала Цао Кунь'я. Город без всякого значения.

Тянь-цзинь. Коммерческая столица Северного Китая. Город расположен на соединении реки Бэй-хэ с Великим Каналом. Тянь-цзин связан с другими городами Северного Китая системою железных дорог и водными путями сообщений. Вся торговля с Дальним Западом (провинции Шань-си, Гань-су, Монголия) ведется через Тянь-цзинь.

Промышленное значение гор. Тянь-цзинь'я непрерывно возрастает. Мировой империализм уделял и уделяет большое внимание Тянь-цзинь'ю, «отвоевавши» у Китая иностранные «концессии» в Тянь-цзин'е, введя иностранную полицию и гарнизоны.

Цзи-нань-фу. Столица провинции Шань-дун. Население-100 тысяч человек. Город расположен на соединении двух железных дорог, идущих от Пекина к Пу-коу и Шанхай'ю и к городу Цин-дао. В настоящее время-город превращен в центр японской интервенции, прочно расположившейся в провинции Шань-дун. Цзи-нань-фу район японской торговли опиумом и морфием.

Цин-дао. Город был отхвачен Германией у Китая, вместе со всей территорией Цзяо-чжоу, в 1897 году; в 1914 году город Цин-дао был «отвоеван» Японией у Германии, при чем Япония мобилизовала 200-тысячную армию против 5 тысяч германских клерков, сидевших в Цин-дао. До захвата города японцами—его население не превышало 40 тысяч. Цин-дао прекрасная гавань, находящаяся в исключительном распоряжении Японии.

Чэн-ду. Столица провинции Сы-чуань. Население—около 500 тысяч. Город лежит в плодородной равнине. Значительный коммерческий центр с быстро развивающейся промышленностью во всем районе.

Чун-цин. Начальный пункт навигации по реке Ян-цзы. Город «открыт» для торговли с иностранцами. Крупный торговый и промышленный центр. Население—около 600 тысяч.

У-хань'ские города: У-чан, Хань-коу, и Хань-ян. Подробно об этих городах в соответственных местах книги. Эти три города занимают очень важное, стратегическое положение. Промышленное значение этих городов также велико. В этом пункте скрещиваются пути, ведущие с севера на юг, и с запада на восток Китая. Специфической особенностью Хань-коу является роль этого города в чайной торговле с Россией.

Чан-ша. Столица провинции Ху-нань. Население—около полумиллиона.

Нань-чан. Столица провинции Цзян-си. Население—около 300 тысяч.

Ань-цин. Столица провинции Ань-хуй. Население—около 40 тысяч.

Нанкин. Бывшая столица Китая. Ныне—столица провинции Цзян-су. Важный железнодорожный пункт. Подробности в соответственном месте книги.

Су-чжоу. Бывшая столица провинции Цзян-су. Крупный китайский промышленный центр.

Шанхай. Главный торговый город Китая. Еще 80 лет назад место, занимаемое этим городом, представлялось сплошным болотом. Население превышает миллион. Главный ввозной и распределительный пункт для всей долины реки Ян-цзы. Об его значении в промышленной жизни Китая речь будет итти ниже.

Хан-чжоу. Столица провинции Чжэ-цзян. Население 350 тысяч человек. Центр шелковой промышленности.

Фу-чжоу. Столица провинции Фу-цзянь. Значение города неуклонно падает после захвата японцами в результате японо-китайской войны 1894—5 годов острова Формозы.

Юнь-нань-фу. Столица провинции Юнь-нань. Население 50 тысяч. Город вместе с провинцией служит об'ектом заботливого внимания мировых империалистов, в виду исключительного богатства провинции минералами и металлами.

У-чжоу. Центр торговой провинции Гуан-си. Город транзитной торговли.

Кантон. Столица провинции Гуан-дун. Ныне—местопребывание революционного южного правительства. Население—около 2 миллионов. Промышленный и коммерческий центр. Кантон ведет непрерывную борьбу с Гонконгом, «колонией короля Англии», пытающегося играть доминирующую роль в экономике южного и Среднего Китая.

Читинская Окр. Гос. Б-ка
Отд. Печ.
Инвентар № 17629

Северный Китай.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Все те сложные процессы, которые наблюдаются во всем Китае, с двумя правительствами—северным в Пекине и южным в Кантоне—и со средней полосой, охватывающей долину реки Ян-цзе, с внешней стороны якобы безразличной к обоим правительствам,—могут быть удовлетворительно поняты при оценке экономической структуры каждого из больших районов Китая.

В отношении своей экономики Китай может быть разделен на 3 части: северный, средний и южный. В нашей схеме речь идет о собственно Китае, т. е. о 18-ти его провинциях.

Все „владения" Китая, как-то: Маньчжурия, Монголия, Китайский Туркестан и Тибет—вне нашей схемы. Эти „колонии" Китая, как следы завоевательной мощи Китая феодального периода, требуют особого и тщательного изучения, ибо в каждой из этих „колоний" империалисты разных стран выявляют себя с особой отчетливостью, сопровождая свои притязания свирепой военной интервенцией, кстати говоря, бытовым явлением в Китае вообще.

Северный Китай охватывает весь район от провинции Чжи-ли, с Пекином в роли столицы Китая, по левый берег реки Хуань-хэ (Желтая река). В этот район входят, кроме провинции Чжи-ли, провинция Шань-си и части провинций Шань-дун и Хэ-нань, окаймляемых левым берегом реки Желтой. Провинция Чжи-ли занимает площадь в 116 тысяч квадратных миль с населением в 30 млл. Плотность—250

человек на одну квадратную милю. Шань-дун—56 тысяч квадратных миль с населением в 30 милл. Плотность—585 человек на 1 кв. милю.

Провинция Шань-си—82 тысячи квадратных миль с населением в 10 милл. человек. Плотность—122 человека на 1 кв. милю. Провинция Хэ-нань—68 тысяч кв. миль с населением в 25 миллионов. Плотность—375 человек на 1 кв. милю.

В своем огромном целом—северный район земледельческий. О промышленности, как о серьезном факторе экономической жизни этого района, говорить сейчас еще рано. В своих северных частях—этот район представляет собою переходную линию от монгольских степей и пастбищных лугов к полям, служащим, главным образом, целям земледелия. Продуктами земледелия в этом районе являются пшеница, гаолян, бобы, маис, табак и др., а в южных точках района возделывается даже рис. Северный район богат как сам по себе, так и ввозным монгольским сырьем—большим количеством шерсти, пеньки, кож, шкур, мехов и др.

Большое разнообразие зерновых и бобовых продуктов, равно также исключительное обилие сырьевых товаров определило собой тяготение иностранного капитала к северному району. Тянь-цзин был избран местом, откуда империалисты всех стран вывозят на свои фабрики продукты неоплаченного труда китайского крестьянина и рабочего.

В отношении минеральных богатств могут быть отмечены уже разрабатывающиеся угольные копи Кайлана, захваченные англичанами и давшие в одном только 1917 году—к вывозу через порт Цинь-вань-дао, также захваченный англичанами,—1.442,465 тонн. Северный район богат минералами и металлом. Так, провинция Шань-си считается наиболее богатой углем из других провинций района.

Промышленность в этом районе лишь пробивает себе дорогу, давая, однако, и здесь любопытный процесс соревнования китайского капитала с капиталом иностранным. Главными видами промышленной деятельности являются хлопко-очистительные заводы, маслобойные заводы и предприятия по очистке шерсти. В последние годы стало также развиваться и хлопчато-бумажное производство.

Предпосылки экономического развития Севера.

Не говоря уже о том, что главная масса населения этого района занята сельским трудом, то немногое в области промышленности, что создано уже сейчас в северном районе, обречено на неполное развитие до момента коренного изменения всей хозяйственной системы Китая.

Представители китайской буржуазии отчетливо понимают необходимость ряда крупных предварительных мероприятий, как необходимых предпосылок будущего экономического развития северного района. Для характеристики этих предполагаемых мероприятий стоит остановиться на некоторых из них. Речь идет в первую очередь о сооружении большого северного порта в районе между Таку и Цинь-вань-дао, в расстоянии 80 миль от Цин-вань-дао и Тянь-цзина.

Преимущество создания этого порта,—как говорят авторы проекта,—прежде всего, в том, что предполагаемый порт будет находиться в непосредственной близости к соляной промышленности Китая. Уже одна правильная эксплоатация этой отрасли промышленности, по расчетам купцов и специалистов, в состоянии будет оплатить расходы по сооружению нового порта. Далее—этот порт был бы в самом близком соседстве к богатому угольному району, Кайланским копям.

Добыча угля в одном этом районе утроилась с 1917 года, достигая уже сейчас цифры в 3 миллиона тонн годовой добычи. Преимущества этого порта перед Тянь-цзином,—продолжают авторы проекта,—и в том также, что гавань его глубже Тянь-цзинской и не замерзает в течение нескольких зимних месяцев, как последняя. Авторы проекта связывают далее судьбу этого порта с будущим многомиллионного населения всей долины реки Желтой и монгольских степей, при условии покрытия Монголии в районе Долон-Нора и Урги густой железнодорожной сетью, связывающей Китай с Центральной Сибирью. Этот же порт должен явиться естественным центром притока угля и железа, добываемых в провинции Шань-си. Таким образом, сооружение порта должно явиться лишь первым шагом к ряду больших мероприятий, предусматривающих обширную сеть железных дорог, расходящихся радиусами по разным направлениям.

План в своем развертывании должен содействовать осуществлению грандиозных задач переселения и колонизации Северного Китая—преимущественно Монголии—с целью равномерного распределения многомиллионного населения северного района на обширной территории.

Проблема равномерного расселения является действительно одной из наиболее крупных задач, стоящих перед раскрепощающимся Китаем.

Население района долины реки Желтой в современных условиях общей экономической отсталости района Северного Китая, недостаточности системы орошения, высоких арендных цен на землю, обречено на систематические голодовки. В этом районе, в качестве постоянного явления, и наблюдаются голодовки десятков миллионов населения. Голодовки приобретают ужасающие размеры в годы неурожаев, весьма частых на севере.

Как известно, сооружение железных дорог, связывающих густонаселенные районы с районами, почти ненаселенными—является мерой, пульсирующей экономическое развитие района в его огромном целом. Естественно, что районами для колонизации могут служить Монголия и Китайский Туркестан (Синь-цзян).

Но... осуществление указанных мероприятий, как и ряда других, предполагает экономическое и политическое раскрепощение Китая, его полную независимость от мирового хищника. В этих мероприятиях заинтересованы, прежде всего, китайские трудовые классы, и только они одни могут взять на себя осуществление этих грандиозных задач. Мировой же капитал, в общем и целом, удовлетворяется современным состоянием Китая, нищетой сотен миллионов китайцев-крестьян, и извлечением сырьевого богатства, применительно к тому количеству «свободных» капиталов, какое империализм может привести с собой в Китай.

Расчет на возможность осуществления начертанной схемы в экономически отсталом районе Китая средствами мировой буржуазии—расчет неосновательный. Мировой капитал не заинтересован в экономическом раскрепощении Китая и предпочитает, вместо удлинения и расширения сети

дорог, вместо новых каналов и равномерного распределения китайского населения, пользоваться испытанными хищническими способами наживы. Экспорт—то-есть увоз в заморские страны народного достояния Китая—вот лозунг, под знаком которого мировой капитал начал и до сих пор продолжает свою «деятельность» в Китае. Импорт—ради удовлетворения потребностей самого китайского рынка—является только следующей по важности задачей, естественно навязывавшейся экономическим развитием Китая.

В этом моменте—узел противоречий национальных и иностранных интересов, поскольку китайский капитал пытается покрыть сам потребности внутреннего рынка.

Иностранный капитал на Севере Китая.

Стоит только взглянуть на картину взаимоотношений иностранного капитала к Китаю в его северной части, чтобы убедиться в правильности сказанного.

По причинам своей экономической отсталости, скученности населения в отдельных пунктах района, наличия пустынных, но богатых степей Монголии и природных богатств вообще, первобытных методов обработки земли, и, главное, ввиду отношений собственников земли к арендаторам-крестьянам,—Северный Китай служит местом грабежа его природных богатств, равно как и местом грабежа продуктов труда горемычного населения. Монгольское сырье, приходящее в Тянь-цзин по железнодорожной магистрали Калган—Тянь-цзин и на верблюжьих караванах, после процессов очистки и сортировки на фабриках в Тянь-цзине и Бао-Дин-фу с применением каторжного труда, именуемого «дешевым» трудом, уплывает на иностранных пароходах за-границу. Наиболее богатые районы северного Китая попросту захвачены (Кайланские копи). Провинция Шань-дун, богатейшая по зерну и скоту, со своим выходом к морю через полуостров Киао-чао и порт Цинь-дао, захвачена японцами в результате манипуляций на версальской конференции. Железные дороги этого района,—например, Пекин-Хань-коу'ская, до недавнего еще времени (до 1909 года) принадлежала Франко-Бельгийской корпорации. Железная дорога на Тай-юань (столица провинции Шань-си) находится под протекторатом французов. Так называемый

«Пекинский синдикат», обладающий правом разработки угля и железа в пяти различных местах провинции Шань-си, с правом прокладки железнодорожных путей, принадлежит британскому капиталу.

Империалистическая политика Японии.

Мировые капиталисты, лицемерно говорящие о территориальной целости Китая в интересах «равных прав» всех заинтересованных стран, то-есть недопущения усиления влияния какой-либо одной из заинтересованных «держав», не могли, однако, помешать процессу создания сфер влияния в северном районе. Из всех империалистических государств сфера наибольшего влияния принадлежит Японии.

В ряде лет, непосредственно следовавших за войной с Китаем, в 1894 году, Япония осуществляла свою империалистическую политику на азиатском континенте. Наибольшее выражение эта политика грабежа и насилия нашла себе в меморандуме о 21 требовании, пред'явленном Японией Китаю 18 января 1915 года. Первая группа этих грабительских требований настаивала на передаче Китаем Японии «всех прав, интересов и концессий», которыми обладала Германия в Шань-дуне, независимо от того, в каком порядке—в порядке ли договоров или на другом каком-либо основании,—Германия приобрела эти права. Китайское правительство обязывалось также не уступать никакому третьему государству территории ни в пределах провинции Шань-дун, ни на протяжении побережья этой провинции.

Китайское правительство должно было дать также свое согласие на сооружение Японией железной дороги от Чифу до Лу-гоу для воссоединения с железной дорогой Киао-Чао—Ци-нань-фу. Япония требовала далее от Китая открытия новых «коммерческих портов» в самой глубине провинции Шань-дун. Япония этой ценою оправдала свое грабительское участие в империалистической войне. Естественно, что и другие империалисты, заинтересованные в участии Японии в войне на стороне союзной коалиции, должны были примириться с аггрессивностью Японии на севере Китая. Все «принципы» империализма на Востоке, освященные в процессах долгого, полюбовного дележа добычи на Дальнем Востоке, были поставлены «на голову»,

Неделимость и неприкосновенность территории Китая, принцип «открытых дверей», начало об'единенного действия так называемого дипломатического корпуса в Пекине, все это стало вылинявшими словами, все это звучало грубостью, издевательством над миллионами трудовых масс Китая. Япония ворвалась глубоко на континент, привезла со своими дипломатами и консулами свои войска, разместила их вдоль железных дорог и по квартирам китайцев, и ужасы военной интервенции, прокладывающей дорогу организованному грабежу, распустились пышным цветом в самом «сердце» Китая, в провинции Шань-дун и на окраинах—в Маньчжурии и Монголии.

Япония не упустила случая, чтобы округлить и закрепить за собой захваченные у Китая территории в Южной Маньчжурии. Вторая группа требований того же 1915 года говорит о торжественном признании Китаем «специальных прав» Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Китай должен также согласиться на продление аренды на Порт-Артур, Дальний (Дайрен), Южно-Маньчжурскую и Антун-Мукденскую железные дороги на 99 лет. Японским гражданам Китай должен предоставить право приобретения недвижимости и право на земледелие в самой Маньчжурии и в Монголии. Требования настаивали на том, чтобы право разработки горных богатств в Маньчжурии и Монголии предоставлялось исключительно японцам. Китай, согласно таким грабительским требованиям, лишает себя права на заключение займа с третьей державой без предварительного ведома и согласия Японии. И, наконец, Китайское правительство обязуется пригласить к себе на правительственную службу японских политических, финансовых и военных советников и инструкторов.

Другими словами, 21 требование, пред'явленное Японией Китаю в 1915 году, устанавливает экономическую зависимость Китая, политический гнет Японии над Китаем, предоставляя богатейший север Китая в бесконтрольное хозяйничанье дальневосточного империалиста—Японии, с оттеснением на задний план империалистов других стран.

Китайская власть, представленная тогда Юань Шикай'ем, под угрозой войны была вынуждена принять эти требования.

Япония с этого времени становится фактором внутренней истории и жизни Китая. Ни одно событие на севере Китая не протекает без участия Японии. Смена лиц в кабинете министров, смена кабинета в его целом, выборы президента, разгон парламента, назначение депутатов в новый парламент, попытки к реставрации монархии (попытка генерала Джан-суна в 1917 году восстановить на трон малолетнего императора), создание клуба Ань-фу, организации внутри самого Китая, Чжан Цзо-лин, как фактор политики Северного Китая, монгольская авантюра,—все это, и беспредельное разнообразие других явлений китайской политической жизни, переплелось с японцами, их политикой интриг, подкупов, непрерывного непосредственного вмешательства и своеобразных способов военной интервенции—организацией хунхузничества.

В своем практическом осуществлении, эта политика дальневосточного хищника, Японии, в Китае ведет к ограблению сотен миллионов китайского народа и к политическому его угнетению. Японцы—хозяева жизни севера Китая, они не только влияют на политическую жизнь Китая,—они управляют Северным Китаем.

Сопротивления своему хищничеству на севере Китая японцы не встречают: район севера экономически слаб. Экономической слабости соответствует отсутствие организованных общественных классов и групп, которые могли бы взять на себя роль застрельщика в борьбе против империализма вообще. Крестьянство задавлено и угнетено неурожаями, поборами дуцзюнов (военных губернаторов, сменивших собою вице-королей императорского периода), высокой арендной платой и парцельным хозяйством. Рабочие в большом сравнительно числе имеются только на Кайланских угольных копях. Задавленные тяжелым каторжным трудом, рабочие только сейчас вступают в процесс профессионального строительства ради улучшения своего экономического положения. Буржуазия на Севере примиряется с

ролью компрадора-посредника между иностранным капиталистом и рынком Китая. Буржуазия северного района, по своему характеру—ростовщическая, торговая. Будирующим элементом является студенческое движение, вспыхивающее, правда, временами, но обреченное на слабость в пассивной общественной атмосфере и экономической отсталости района.

ПЕКИНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Хотя экономическая слабость Севера дает широкий простор для хищнических затей Японии, хотя общественные классы на севере Китая недостаточно сильны для организации уже сейчас должного сопротивления дальневосточному империалисту, однако, историческая задача, стоящая перед Китаем в его целом, настойчиво говорит о неизбежности ликвидации империалистической политики на Востоке. Даже иностранные наблюдатели жизни Китая понимают и чувствуют неизбежность военного способа ликвидации навязанных китайскому трудовому народу отношений экономического рабства и политического гнета. «Следующая неизбежная война, которая может или уничтожить Китай, или превратить его в нацию, должна вестись на территории Маньчжурии, подобно тому, как обе предшествовавших войны в течение последних 20 лет велись именно на этой территории. Китай будет воевать из-за Маньчжурии, ибо Китай не может возродиться вне ее. Никто в этом сомневаться не должен. Маньчжурия—абсолютно китайская. Всякий об этом должен помнить. В виду этого факта, не имеет решающего значения то обстоятельство, как далеко вглубь страны проникли японцы. Не имеет также решающего значения и то обстоятельство, что чужеземные гарнизоны размещены на территории Северного Китая. Китайцы должны остаться господствующим фактором, так как население этого района (Маньчжурии) уже сейчас превышает 25 миллионов человек, возрастая на полмиллиона ежегодно» (Путнам Уилл—«Борьба за республику в Китае»).

О КЛУБЕ АНЬ-ФУ.

Как бесспорное, может быть установлено то положение, что Япония силою, подкупом и угрозою навязывает Северному Китаю правительство в Пекине, именующее себя «центральным». Весьма поучительна в этом отношении история падения клуба Ань-фу, созданного японцами для достижения своих политических целей. Во главе клуба стоял известный в Китае маршал Дуань Ци-жуй.

Клуб Ань-фу пал в результате несоответствия японофильской политики кабинета Ань-фу интересам Китая в целом.

Распространение влияния Японии при посредстве клуба Ань-фу на территорию и население всего Китая было обречено на неудачу и банкротство уже в момент своего зарождения.

Средний и Южный Китай по всем условиям своего существования не могут примириться с навязываемой им волей северных милитаристов, щедро оплачиваемых за счет прибавочной стоимости, выжатой из японских пролетарских масс. Ань-фу легко пал под первыми ударами войск генерала У Бей-фу. Ненависть и вражда к японофильскому Ань-фу со стороны самых широких масс в условиях озлобленного бойкота против японцев вообще лишь облегчали разрешение военной задачи.

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН.

Центр тяжести момента (июль 1920 года) был в том,— в какое место японцы перенесут свою энергию. Другими словами, в каком направлении японцы будут дальше развивать свое вмешательство в китайские дела на севере Китая. В 1920 году на авансцене политической деятельности Северного Китая существовали две группировки: Ань-фу и партия Чжи-ли. В недавние годы лица из обеих групп, по преимуществу военные, умещались в одной военной партии, известной под именем «Бей-ан». Южане, известные в Китае, как партия «Го-минь-дан», к июлю 1920 года активной политической роли не играли и, во всяком случае, на Севере значительным влиянием не пользовались.

Японцы, зорко следившие за ходом развертывавшихся событий в июле 1920 года, определенно чувствуя неизбежность провала и поражения аньфунстов, быстро отошли от

группы, имп же созданной. Они быстро перестроили свои политические ряды, решив принять участие в победе над аньфустами с тем, чтобы обеспечить свое влияние в Китае в будущем. С этой целью японцы ввели мукденского дуцзюна Чжан Цзо-лина, в качестве фактора победы над Дуань Цзи-жуй'ем. Две дивизии Чжан Цзо-лина подошли по Мукденской железной дороге к Пекину в момент, когда спор уже фактически был разрешен. Войска аньфустов к моменту прибытия чжанцзолиновских дивизий уже сложили оружие, разбитые в открытом бою. Войскам Чжан Цзо-лина в сражении участвовать не пришлось. Однако, бряцая оружием, в сопровождении пышной рекламы и полчищ жандармов Чжан Цзо-лин прибыл в Пекин, где сформировался после падения Дуань'я новый кабинет. С этого момента Чжан Цзо-лин, «некоронованный король Маньчжурии», становится господствующим фактором политики Пекина. Официальный титул Чжан Цзо-лина—генерал-инспектор 3 восточных провинций Маньчжурии. Его фактическое положение значительнее его титула. Чжан Цзо-лин, предлагавший себя и услуги своего отряда русскому штабу в период русско-японской войны, отдал себя в распоряжение японского штаба, очевидно, не достигши соглашения с русским. В период революции в Китае, в 1911 году, Чжан Цзо-лин угрожал Пекину восстановлением династии Маньчжуров, в случае, если Пекин не признает его заслуг и не произведет его в генералы.

Тогда-то Чжан Цзо-лину, произведенному в генералы, было поручено формирование 27 дивизии. Одновременно он был назначен губернатором Мукденской провинции. В настоящее время Чжан Цзо-лин располагает армией в 100.000 чел., не считая жандармов и полицейских. Клятва, принимаемая его солдатами при вступлении в ряды его войск, оригинальна и гласит: «Клянусь защищать своего дуцзюна, поддерживать мир и порядок, исполнять свои обязанности, не исполнять приказаний других дуцзюнов и убивать изменников моего дуцзюна. Если я нарушу данную мною клятву, пусть пуля пронзит мое сердце. Если я буду неверен моему дуцзюну, пусть дети мои станут ворами».

В своих отношениях к так называемому центральному правительству Чжан Цзо-лин становился все более и более независимым со времени 1916 года. Когда пекинское правительство послало своих представителей в Мукден для производства денежных расследований по обвинениям, возникшим против него и некоторых его сотрудников,—Чжан Цзо-лин навел на ревизоров центрального правительства пулеметы, предложив ревизорам немедленно убраться из Мукдена.

По своем приезде в Пекин в качестве победителя, Чжан Цзо-лин в 1920 году потребовал себе определенного количества мест в кабинете. Другая группа, давшая своих представителей в правительство, была так называемая «Цзяо-тун», партия путей сообщения, самая денежная и богатая из политических партий в Китае.

Цзинь Юн-пэн.

Кабинет 1920 года был представлен этими двумя политическими группами, при безразличном к борьбе северных дуцзюнов между собой, министре иностранных дел, несомненно, преданном интересам самого Китая и его независимости—докторе Янь. Возглавлял кабинет Цзинь Юн-пэн. Генерал Цзинь в Китае известен, прежде всего и больше всего, как смиренный ученик и сторонник маршала Дуань Ци-жуй'я и как усмиритель революционного движения 1911 года. В последующие за революцией годы он был назначен военным губернатором Шань-дуна. В 1915 году, в период реставрации монархии Юань Ши-кай'ем генерал Цзинь был верен и предан Юань'у и не принимал участия в так называемой «третьей революции», направленной против Юань Ши-кай'я и его реставрационных попыток. В президенство Сюй Ши-чана, избранного в 1918 году в президенты «парламентом», члены которого просто были назначены клубом Ань-фу, генерал Цзинь был назначен военным министром. Оппортюнист в делах внутренней политики, генерал Цзинь, однако, подписал знаменитое «военное соглашение» с Японией в 1918 году, направленное по цели и духу против Советской России. По этому договору японцы сформировали пять полных дивизий, из которых две были размещены по монгольско-русской границе, две в

Маньчжурии, в полосе Китайско-Восточной жел. дороги и одна в Шань-дуне. Военное командование по договору взяли на себя японцы. На основании договора, японцы ввели свои войска на Китайско-Восточную железную дорогу. Это «военное соглашение» стоило трудовому народу русского Дальнего Востока много десятков тысяч жизней.

Генерал Цзинь — весь в политических интригах, в складывании маленьких группировок, долженствующих вести к упрочению его положения.

Коалиционный кабинет.

Само собой разумеется, что комбинация из чжан-цзолиновцев и цзяотуновцев при премьере—генерале Цзинь Юн-пэн Китая не облагодетельствовала. Каждая из этих групп ничего общего с трудовыми классами Китая не имела. Более того, ни одна из этих групп не представляла даже интересов буржуазии Китая. Таким образом, кабинет, явившийся в результате победы над аньфуистами, был столь же беспомощен и безнадежен, как и кабинет, существовавший до него. Правительство 1920 года скоро лишилось и фикции парламента, ибо кабинет, созданный в результате победы над аньфуистами, был вынужден распустить квази-парламент, собранный аньфуистами в 1918 году по вольному их усмотрению. Правда, с роспуском «парламента», естественно, прекращались полномочия и самого «президента», избранного этим «парламентом». Но это обстоятельство в 1920 году пытались завуалировать ссылками на невозможность остаться без «главы» государства и на якобы предстоящий созыв нового парламента, уже, дескать,—«настоящего» парламента, на основе-де конституции 1912 года.

К слову говоря, попытка созыва нового парламента—самая попытка производства выборов в него—завершилась скандальнейшим банкротством авторитета власти так назыв. центрального правительства. Кроме провинций Маньчжурии, в которых безраздельно господствует влияние Чжан Цзолина, ни одна из провинций Китая активно не откликнулась на слезный призыв кабинета Цзинь Юн-пэна. Многие из провинций, по преимуществу среднего и южного Китая, ответили решительным отказом принять участие в выборах в парламент для Пекина при создавшихся условиях.

Крах и беспомощность власти Пекина сказались на этом явлении с выпуклой отчетливостью. Правительство Пекина в равной мере было беспомощно и в ряде других своих начинаний. Видя развертывающееся в Южном и Среднем Китае движение за самоуправление и автономию провинций, пекинское правительство пыталось созвать конференцию из представителей провинций всего Китая для обсуждения вопроса о самоуправлении. Надо сказать, что борьба за самоуправление—серьезный фактор китайского общественного и революционного движения. Правительство Пекина, непризнанное своими же провинциями, изолированное от всех процессов организации сил по политическому раскрепощению Китая—оказалось беспомощным даже в своей попытке приспособиться к лозунгу момента, к требованию широкого самоуправления провинций.

Об'яснение этому факту нужно искать в отсутствии связи пекинского правительства с каким-нибудь общественным классом в Китае, с какой-либо социальной группой, играющей сколько-нибудь видную роль в экономике страны. Пекинское правительство—мандаринское, составленное из чиновников и клевретов династии Маньчжуров. Революционные процессы в Китае периода 1911 года не упразднили правящей группы, целиком сохранившейся со времен Маньчжуров. Все «высокие должностные лица» старого режима после первых поражений, нанесенных революционными войсками императорским войскам в Хань-коу, У-чане, Хань-яне и Нанкине, поспешили отвернуться от династии и примкнуть к революционному движению 1911 года.

Эти старые чиновники и генералы, настояли на компромиссном разрешении всех задач, поставленных революцией. Компромисс предусматривал отречение Маньчжуров от престола, передачу Сун Ят-сеном президенства Юань Ши-кай'ю и непременное использование всех этих «должностных лиц» ногой властью на новых ответственных должностях. Десять лет, протекшие со времени «первой революции», не ликвидировавшей остатков феодального строя, не создавшей новых отношений между классами, были годами борьбы этих старых правящих групп между собой за власть и влияние...

Пекинское правительство 1920 года, вызванное к жизни в результате победы одной группы дуцзюнов над другой, беспомощное само по себе, должно было поставить себя в исключительную зависимость от этих дуцзюнов. Источником власти этого правительства являются северные милитаристы, Чжан Цзо-лин—по преимуществу. Милостью дуцзюнов, пекинское правительство держится. Отсюда становится понятным тот факт, что правительство Пекина должно изменяться в составе и программе с момента, когда это угодно северным милитаристам. Чжан Цзо-лин, доводя свое давление на Пекин до пределов большого напряжения в течение всего 1920 года, без особого труда произвел в 1921 году угодные ему изменения в составе правительства.

ТЯНЬ-ЦЗИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

Методы таких «переворотов»—чрезвычайно элементарны и просты. Чжан Цзо-лин прибыл в Тянь-цзин в апреле 1921 года и созвал конференцию дуцзюнов или генерал-инспекторов, «военных лидеров» провинций Северного Китая. Пекинское правительство, в лице премьера и других министров, с момента прибытия Чжан Цзо-лина в Тянь-цзин занялось паломничеством к нему. Вопрос о переменах в составе кабинета не мог подлежать долгим прениям, так как воля Чжан Цзо-лина по этому поводу была совершенно отчетлива.

Посылкой этих перемен служили следующие обстоятельства.

В Китае идет ряд сложных и больших процессов, имеющих своей конечной целью свержение власти военных диктаторов и национальное (читай—экономическое) раскрепощение Китая от гнета иностранного империализма. Современный период жизни Китая может быть охарактеризован, как период организации сил, которые должны будут разрубить узел навязанных Китаю отношений экономического рабства. К этой назревающей борьбе не могут оставаться равнодушными живые остатки полуфеодальной власти, ярче всего представленные в лице диктатора Чжан Цзо-лина. Естественно, к этой назревающей борьбе не могут оставаться равнодушными и империалисты всех стран. В особенности и специально заинтересованной стороной является Япония.

В виду этих причин и неизбежных исторических процессов между группой Чжан Цзо-лина и иностранными империалистами должно было установиться соглашение, молчаливое или договорное, но действительное, по взаимной охране общих интересов.

Иностранцы в своем целом выявили свое отношение к этим процессам по раскрепощению Китая—в фактическом признании Пекинского правительства, несмотря на отсутствие даже элементарных признаков „законности" за этим правительством. Пекинское правительство, однако, фактически признано. Дипломатический корпус существует в Пекине. Пекин, а не Кантон имеет своих дипломатических представителей за-границей. Такое признание позволяет иностранному капиталу осуществлять свои цели в Китае значительно легче, чем при условии ориентации иностранных капиталистов на какую-либо другую общественную группу в Китае, претендующую на роль правительства. Признание пекинского правительства означает и его поддержку. А его поддержка означает вмешательство иностранного империализма во внутренние дела Китая. Что это так — легче всего удостоверяется практикой деятельности дипломатического корпуса в Пекине, представляющей собой лишь бесконечную сеть советов, рекомендаций, настойчивых предложений и нот Пекинскому правительству, по делам собственно китайской политики. С особенной яркостью эта политика вмешательства сказалась в вопросе о возобновлении Китаем торговых сношений с Сов. Россией и Дальневосточной республикой. В ряде других вопросов уже специфически-внутреннего характера,—как, например, вопрос о соляной монополии, вопрос об излишках таможенных пошлин и сборов,—дипломатический корпус вмешивался в китайские дела, становясь на сторону Пекина в его борьбе против южного правительства.

Япония, конечно, такой скромной ролью удовлетвориться не могла. Будучи членом дипломатического корпуса в Пекине, т. е. влияя на ход политики империалистов вообще в Китае, Япония должна была в дополнение к этому обеспечить за собой еще и свою, независимую от других империалистов, сферу влияния, ради еще большего воздействия на ход китайских дел.

Уже с момента падения клуба Ань-фу, связи японцев с Чжан Цзо-лином становились все более и более прочными. Закрепление тех прав и привилегий, какие японцами уже были приобретены в Маньчжурии, вынуждало Японию на тесное сотрудничество с Чжан Цзо-лином. Приобретения новых прав и привилегий в Маньчжурии и Монголии были вторым моментом, толкавшим Японию к еще большей связи с «некоронованным королем Маньчжурии».

Новые «интересы» Японии, силой вырванные у Китая на его Севере, Шань-дун—по преимуществу, вынуждали все ту же потребность опереться на Чжан Цзо-лина, как на наиболее надежного проводника замыслов и планов Японии. В свою очередь, и Чжан Цзо-лин не мог пренебречь поддержкой «соседки» Японии, как в свое время не могла пренебречь ее услугами другая реакционная клика, утвердившаяся на некоторый срок в Китае—группа Ань-фу. Чжан Цзо-лин может осуществлять власть, вообще говоря — «держаться» на какой-либо территории Китая, только опираясь на иностранный штык. Япония в своих выгодах этот штык охотно предоставляет Чжан Цзо-лину в пользование. Более того, Япония даже предоставляет Чжан Цзо-лину арсенал в Мукдене новейшей конструкции, якобы обеспечивающий Чжан Цзо-лину обильные запасы военной аммуниции и техническое преимущество над всеми многочисленными его врагами в Китае. Если эта техническая и денежная помощь приобретается ценою расхищения народного достояния Китая и еще большего закабаления трудовых масс Китая японскому хищнику, много ли горя в этом для Чжан Цзо-лина? 1920 год, наметив основную перспективу во взаимоотношении Японии с Чжан Цзо-лином, пытался реально осуществить политическую связь японцев с ним. Потребность расширения сферы влияния Чжан Цзо-лина, с точки зрения этой политической связи, за пределы Маньчжурии была очевидной.

Отсюда—монгольская авантюра, протекшая в условиях не только попустительства Чжан Цзо-лина, но с явного его ведома и при действительной его помощи. Накопление белогвардейцев в Хайларе и на ст. Маньчжурии и выдача

оружия семеновским и унгерновским бандитам — факты, говорящие сами за себя. Монгольская авантюра еще в большей мере связала японцев с Чжаном. Заинтересованность Японии в монгольской авантюре очевидна. Монголия — тыл Советской России. Монголия — плацдарм для организации сил против Дальневосточной республики. Монголия — угроза Пекину. Монголия — неисчерпаемый источник угля, железа и скота.

Заинтересованность Чжан Цзо-лина в Монгольской аванатюре—в том, во-первых, что она выгодна Японии; в том, во-вторых, что эта авантюра должна была иметь своим последствием расширение сферы военного и политического влияния самого Чжан Цзо-лина, с целью присоединения к его нынешним владениям трех восточных провинций Внутренней Монголии. Эти провинции окружают Пекин с севера и стратегически укрепляют положение Чжан Цзолина, поскольку речь идет об овладении новыми территориями, в цѣлях вынесения влияния за пределы Маньчжурии. С такой перспективой—и учитывая необходимость перегруппировки лиц внутри кабинета в Пекине—Чжан Цзо-лин открывает тяньцзинскую конференцию в апреле 1921 года.

Реконструкция кабинета.

Конференция важна по 4 главным своим последствиям: первое—реконструкция так называемого центрального правительства в Пекине. Из кабинета выбыл один из элементов коалиции 1920 года,—ушла группа «цзяо», министр финансов Чжоу Цзы-цзи, министр путей сообщения—Е Гун-чжо, ушел из правительства также морской министр Са Чен-тин.

Наибольшее значение имеет уход партии «Цзяо-тун»—партии путей сообщения, руководимой Лян Шп, бывшим председателем сената. Эта группа в целом, и Лян Шп в особенности, скомпрометированы своим пособничеством Юань Шп-кай'ю в его реставрационной попыткѣ 1915 года. После провала этой попытки, Лян Шп пришлось бежать в Гонконг. В последующие годы эта группа вернулась к активной политической деятельности и служила очень тонким мостиком между коалиционным кабинетом 1920 года и китайской банковской буржуазией. Этой группе принадлежит «Банк путей сообщения» и значительная доля акций

в «Китайском банке», государственном банке Китая. Уход этой группы из кабинета 1920 года порвал последнюю, весьма незначительную связь кабинета с денежными кругами Китая.

В своей новой конструкции в 1921 году, в результате тяньцзинской конференции, кабинет в Пекине представляется более однородным, чем в 1920 году. Значительное большинство его членов—преданные слуги Чжан Цзо-лина и его ставленники. Премьер—все тот же генерал Цзинь Юн-пэн, отдавший все свои симпатии своему новому господину, Чжан Цзо-лину. Оппортюнист, вообще,—он после всего периода истекшего года—является горячим сторонником иностранных денег, которые Пекинское правительство может добыть для прокормления себя, своей клики и тех войск, которые являются единственной «поддержкой» этого правительства.

Министр финансов—Ли Ши-вей, главный директор «Китайско-японской промышленной компании», предприятия, заведомо японского; в просторечии его зовут компрадором этой японской коммерческой фирмы. Японцами, хозяевами этой фирмы, приобретены богатые горные участки в Маньчжурии, и на Севере вообще. Ли Ши-вей—японофил, один из членов японофильской группы, возглавляемой Цао Жу-лином, «министром-предателем» кабинета маршала Дуана 1919 года, одним из трех министров-предателей, которых забросали камнями студенты в Пекине в июне 1919 года. Фактическим руководителем министерства финансов остался вице-министр Пан Фу, несший эти обязанности во всяких кабинетах, начиная с 1919 года. Он пользуется репутацией хорошего специалиста-финансиста. В области, политической он не имеет ни идей, ни программы и примыкает ко всякому решению, принятому премьером Цзинь'ем.

Министр путей сообщения Чжан Джи-тан — руссофоб. Он входил в состав кабинета 1920 года и всеми силами противился возобновлению переговоров с Советской Россией и ДВР. В роли министра внутренних дел памятен введением цензуры на русские письма, и литературу, а также беспощадной борьбой с китайским рабочим движением.

Японофил. Вышел из «Прогрессивной партии», работающей под руководством профессора Лян Чи-чао, и ныне активный сторонник Чжан Цзо-лина и премьера Цзинь'я. В делах путей сообщения—человек «новый». Первым шагом его в роли министра путей сообщения было приглашение, в виду собственной неподготовленности к роли путейца, известного специалиста, доктора С. С. Вана, на должность директора департамента всех железных дорог. Доктор Ван пользуется репутацией преданного интересам Китая лица. В роли директора одной из железных дорог—доктор Ван в 1917 году задержал отправку поездных составов, требовавшихся контр-революционером, реставратором монархии, Чжан-суном. Этой задержкой доктор Ван содействовал победе республиканских войск над «столпом» династии Маньчжуров.

Доктор Ван был помощником директора правления Кит. Вост. жел. дороги в 1920 году. Его энергии эта дорога обязана восстановлением движения с Забайк. жел. дорогой.

Военный Министр Цай Чен-сун, бывший губернатор района Суйюан, прилегающего к Пекину с севера. Военное образование этот генерал получил в Японии. Новый военный министр сохранил за собою и сейчас командование 29-ой дивизией.

Министр иностранных дел—доктор Янь, пользующийся, как уже сказано, репутацией хорошего дипломата, либерально настроенного добросовестного чиновника, борющегося дипломатическими средствами за независимость Китая; это единственный член кабинета, не вызвавший к себе озлобления со стороны населения, в виду независимого тона, усвоенного доктором Янь в переговорах с японцами.

Министр земледелия и торговли, Ван Най-пин—ставленник и интимный друг Чжан Цзо-лина. В период слухов о восстановлении монархии в Китае говорили, что при Чжан Цзо-лине, в качестве императора, Ван Най-пин будет премьером. Резкий противник добрых взаимоотношений Китая с Сов. Россией и Дальневосточной республикой.

Министром юстиции остался Дун Кан, не пользующийся солидной репутацией в среде юристов, деятель политически бесформенный, примыкающий к той партии, какая победит.

Морской министр—Ли Тин-син. Должность морского министра в Китае служит предметом большого и напряженного соревнования кандидатов между собою. Занятие этой должности обычно сопровождается большими расходами на «друзей», нередко доходящими до полумиллиона долларов. Новый морской министр политически ничем себя не выявил.

Должность министра внутренних дел к моменту, когда эти строки пишутся, вакантна. Этот портфель был предложен Бянь Шоу-цину, председателю парламента провинции Чжи-ли, члену чжилийской партии, ныне враждебной Чжан Цзо-лину. Однако, этот единственный представитель более чем скромной «общественности» предпочел отказаться от этого поста и предложения войти в правительство не принял.

Министр народного просвещения Фан Юан-лиан, принадлежащий к прогрессивной партии—временно в отставке, в виду острого конфликта между учителями и профессорами, с одной стороны и пекинским правительством—с другой.

Общий вывод в отношении реконструкции кабинета таков: кабинет 1921 года является послушным орудием Чжан Цзо-лина, кабинетом Чжан Цзо-лина. Поскольку Чжан Цзо-лин—лишь орудие, вольное или невольное, в руках Японии, постольку кабинет должен иметь определенный уклон в сторону Японии и, уж во всяком случае, он не должен обострять своих отношений с Японией.

Распределение сфер влияния.

Второе последствие тяньцзинской конференции—новое распределение «сфер влияния» между дуцзюнами. На Севере господствующими фигурами являются Чжан Цзо-лин, глава своей же «партии», иначе называемой «фэнтяньской» или «мукденской» и Цао Кун, глава чжилийской партии. До тяньцзинской конференции Чжан Цзо-лину принадлежали 3 восточных провинции—Мукденская, Гиринская и Хейлудзянская, т. е. вся Маньчжурия, Северная и Южная, от Куанчендзы до Мукдена. На всю остальную часть южной Маньчжурии Япония, по портсмутскому договору, распространяет свое влияние и юрисдикцию. Чжан Цзо-лин, пытаясь стать фактором политики Китая вообще, должен был выйти за пределы Маньчжурии. В каком направлении? В направлении

от Шань-хай-гуан—начальной точки (севера) Великой Стены—на Пекин и дальше на юг представлялось невозможным, ибо Чжи-ли'йская провинция—сфера влияния Цао Куна и его помощника по военным делам, популярного У Бей-фу, разбившего в 1920 году аньфуистов, несмотря на численное превосходство их войск. Единственно возможное для Чжан Цзо-лина направление—это район к северу и северо-западу от Пекина. Чжан Цзо-лин учел это положение и в результате тяньцзинской конференции получил в свое владение всю Внутреннюю Монголию, составлявшуюся из 3 провинций, расположенных в порядке смежности с востока на запад: 1) Чжехол, 2) Чжахар и 3) Суйюан, граничащей с Внешней Монголией. Чжан Цзо-лин по постановлению той же тяньцзинской конференции получил в свой контроль Внешнюю Монголию и Син-дзян (Китайск. Туркестан). По новому своему титулу Чжан Цзо-лин именуется «главнокомандующим войсками районов Маньчжурии, всей Монголии и Туркестана.»

Поводом к расширению влияния Чжан Цзо-лина служит потребность якобы ликвидировать монгольскую авантюру Унгерна и хутухты, им самим покровительствуемую ради достижения цели захвата новых территорий. Истинная же причина—тяготение к новым источникам личного благополучия, расчеты на получение новых доходов от сдачи концессий на горные богатства японцам, а также соображения стратегического характера. В случае своего столкновения с противными ему северными же группами (генералы У Бей-фу и Фын Ю-сянь), или в случае осуществления своих дальнейших завоевательных планов в смысле дальнейшего расширения своего влияния и политического господства, Чжан Цзо-лин имеет свой тыл обеспеченным. Внутренняя и Внешняя Монголия являются тылом для Чжан Цзо-лина при предположении развития военных операций от Пекина на юг, или с юга на Пекин. Приобщая Монголию, в особенности ея внутреннюю часть, к своим владениям и произведя все необходимые перемены в командном составе в этом районе, Чжан Цзо-лин выполняет лишь военную задачу подготовительного, но важного свойства. Захват этой территории преследует и другую задачу—разобщить внутри

самого Китая потенциальных союзников Дальневосточной республики, являющихся в то же время непримиримыми врагами японского империализма в Китае, от территории, граничащей с ДВР. и Сов. Россией.

Вопрос «о закреплении тыла», таким образом, был поставлен Чжан Цзо-лином на повестку дня тяньцзинской конференции. Конечно, по внешности, речь шла не о закреплении стратегического тыла, а об отвоевании Урги (Внешняя Монголия) от бандита Унгерна и хутухты (Живой Будда Монголии). В противовес этому и противная сторона,— У Бей-фу—должна была озаботиться укреплением своего тыла. Маршал Цао Кунь распространяет свое влияние на три провинции северного Китая, а именно—Шань-дун, Чжи-ли, Хэ-нань. Стратегическим тылом для всего этого района являются провинции, лежащие к западу: Шань-си, Шень-си и Ган-су. Провинции, лежащие к югу от зоны военного влияния Цао Куня, угрозы и опасности для генерала У Бей-фу, командующего войсками северного района (Чжи-ли, Шань-дун, Хэ-нань), не представляют.*) Провинции, лежащие в долине реки Ян-цзе являются резко оппозиционными к пекинскому правительству и к Чжан Цзолину—в особенности. У Бей-фу и Цао Кунь добились решения тяньцзинской конференции о присоединии к своему командованию этих трех западных провинций. Наибольшее значение приобретала провинция Шень-си со столицей Сиань-фу. В этой провинции дуцзюнство принадлежало ставленнику Чжан Цзо-лина — генералу Чен Шу-фану. Естественно, поэтому, было стремление генерала У Бей-фу выбить из Шень-си клеврета Чжан Цзо-лина.

Эта задача была поручена так называемому „христианскому генералу“ Фын Ю-сянь'у, удачным маневром перебросившему свои войска через провинцию Хэ-нань на запад, к границе провинции Шен-си, к городу Тун-гуан. В результате боев со ставленником Чжан Цзо-лина, провинция Шен-си отошла под влияние генерала У Бей-фу.

Провинция Шань-си, так наз. „образцовая провинция“, управляется генералом Янь Си-шаном. Этот дудзюн враждебен

*) Примечание. Провинции, лежащие в долине реки Ян-цзе и к югу от реки не представляют опасности для У Бей-фу, при предположении, что он не будет враждебен Югу.

Чжан Цзо-лину и сохраняет благожелательный нейтралитет в отношении генерала У Бей-фу. Об этом военном и в то же время гражданском губернаторе надо сказать несколько слов.

В момент, когда революционное движение в Китае в 1911 году вышло на улицу, генерал Янь в чине полковника командовал военной частью в провинции Шань-си. До начала революции он состоял в революционной организации, известной под именем „общества молодых революционеров". Когда развернулись революционные события, Янь вместе со своими войсками перешел на сторону революции в столице провинции Шань-си—городе Тай-ань-фу. Янь был избран командующим войсками этой провинции и вел свои войска в бой против императорских маньчжурских войск. В затяжном периоде гражданской войны, переживаемой Китаем с 1911 года, генерал Янь участия не принимает, отойдя от политической деятельности. Такая позиция была возможна, в виду изолированного положения провинции Шань-си, граничащей с южной Монголией. Генерал Янь посвятил себя культуртрегерской работе в своей провинции. Он вводит всеобщее обучение, цензовое самоуправление, строит каналы, дороги, словом—либеральничает в пределах одной провинции в скромном масштабе реформаторских потуг, без активного вмешательства в процессы борьбы за влияние и власть.

По второму своему последствию, тяньцзинскую конференцию апреля и мая 1921 года надо рассматривать, как приближение к открытому столкновению двух враждующих групп—Чжан Чзо-лина и У Бей-фу. Вопрос о распределении влияния—есть вопрос лишь подготовки к этой борьбе. Тяньцзинская конференция, как мы видим, закрепила за каждой из сторон соответствующую сферу военного влияния.

ВНЕШНЯЯ МОНГОЛИЯ.

Монгольская проблема была третьим вопросом, которому было посвящено внимание тяньцзинской конференции.

Несколько исторических справок помогут ориентироваться в сложной монгольской проблеме. Монголия представляла собою арену, на которую посягали царистский

империализм с одной стороны, и японский империализм—с другой. Претензии русского империлизма шли в сторону Внешней Монголии, как ближайшей по границе к территории Сибири; претензии же Японии шли в сторону Внутренней Монголии, как ближайшей к району Маньчжурии, на которую в результате русско-японской войны был уже распространен гнет японского капитала. Независимо от этих двух империалистических групп стоял Китай, заинтересованный в сохранении своего суверенитета над Монголией в ее целом. Монгольская проблема с 1911 года становится центром перекрещивающихся интересов на Дальнем Востоке.

По своей протяженности Монголия занимает территорию в 1.400,000 квадр. миль, граничащую на севере с Сибирью, со всех же остальных сторон охваченную полукольцом провинциями Китая. Население всей Монголии—свыше 2 миллионов человек. Внешняя Монголия населена значительно реже Внутренней. Монголов во Внешней Монголии не более полумиллиона, при достаточно большом населении китайцев. До занятия Урги бандитом Унгерном в январе 1921 года, китайское население во Внешней Монголии исчислялось в 200 тысяч, приблизительно, человек.

Внешняя Монголия в целом является степного характера плоскогорием, приподнятым над уровнем моря и представляет собой обширный район для скотоводческого хозяйства. Внутренняя Монголия—земледельческая и очень плодородная страна. Расположенная ближе к самому Китаю, с большим оседлым китайским, земледельческим и торговым населением, Внутренняя Монголия охотнее, нежели Внешняя, признавала над собою политическое господство Китая.

«Русско-монгольский договор.»

Поворотным моментом в современной осложненной истории Монголии надо считать 1912 год, когда в Петербурге был подписан «русско-монгольский договор». По существу и истинному своему характеру этот договор 1912 года представляет собою доподлинное грабительство. С внешней же стороны, по своей форме, он был либерален. Царское правительство, варварское в методах своего управления и эксплоататорское в самой своей функции, особенно свирепое в отношении к разным национальностям, населявшим

царскую империю, становилось в позу благородного заступника обиженной Китаем Монголии. Оно принимает у себя монгольских князей в 1912 г., заставляет их, прежде всего, об'явить Внешнюю Монголию независимой от Китая и подписать договор с царем, установившим свое господство над «обиженной» территорией. Вот, о чем говорит это договор:

«Пункт первый: Императорское Российское Правительство будет оказывать поддержку Монголии и организованному ею автономному управлению, будет признавать право Монголии иметь свою национальную армию, равно как также не допустит пребывания китайских войск на территории Монголии и колонизации Монголии китайцами».

Второй пункт говорит о том, что правитель Монголии или монгольское правительство должно предоставить русским гражданам и русской торговле особые права и привилегии, подробно перечисленные в протоколе, приложенном к договору 1912 года. Никто из иностранцев не может иметь в Монголии прав больших, чем те, коими пользуются русские. Наконец, пункт третий говорит о том, что всякое новое соглашение, какое может быть заключено Монголией с Китаем или с каким-либо другим государством, ни в коем случае не может стоять в противоречии с договором 1912 года и приложенным к нему протоколом.

Таков выразительный текст этого документа.

Какими реальными мотивами вдохновлялась политика царского правительства? Царский империализм, оберегавший купецкие интересы русских кулаков и богатеев в Монголии, стремился к созданию буферного образования между собою и густо населенным Китаем. Интересы русских купцов лучше всего могли быть охранены по тем временам в Монголии, при условии недопущения китайской колонизации, проще говоря,—китайской торговли. Далее—Монголия и тогда являлась тылом на случай новой войны с Японией. Царская Россия не хотела допустить пребывания китайских войск в этом стратегически важном районе, с целью избежать необходимости держать на русско-китайской границе, в противовес этим войскам, какое-либо количество своих войск. И,

наконец, царское правительство лелеяло мечту о колонизационных планах в отношении Монголии с того момента когда колонизация Сибири была бы закончена. Истинным мотивом „благостей", исходивших от царя к монгольским трудовым массам, и является самый неприкрашенный империализм.

Последующие договоры.

Однако, такое положение вещей царистской России казалось недостаточным, и в 1913 году Россия добилась у Китая признания автономных прав за Монголией, равно как и обещания Китая не вмешиваться во внутренние дела Монголии, оставляя это безконкурентное право за собой. Китай должен был также отказаться от колонизационных планов в отношении Монголии и уж, конечно, отказаться от того, чтобы иметь свои войска на территории Монголии. Китай получал компенсацию лишь в виде голого признания за ним прав его «суверенитета» над Монголией.

В 1914 году царистская Россия подписывает новое соглашение с Монголией, приобретая по этому соглашению право на сооружение железных дорог в Монголии. Монголия, по этому договору не может предоставлять какому-либо из государств права на сооружение железных дорог—у себя, не испросив предварительного на то согласия России. В результате всех этих манипуляций, Монголия подпала под экономическую зависимость и политическую опеку русского царизма.

Для большего закрепления своих прав царские чиновники настояли в 1915 году на подписании договора между Китаем и Монголией, по которому Монголия признавала суверенитет Китая над собою; далее Монголия отказывалась от права заключать с другими государствами договоры по вопросам политического или территориального характера.

Этот шаг был направлен против Японии, так как в Январе того же 1915 года Япония пред'явила свои 21 требование к Китаю. Вторая группа этих требований говорила о правах Японии на Внутреннюю Монголию. Естественно было ожидать, что в дальнейшем развитии японского империализма Японией будут пред'явлены Китаю требования и на территорию Внешней Монголии. Поэтому царские холопы вводят третий пункт в соглашение 1915 года, лишающий и

Китай и Монголию права на заключение каких-либо договоров с третьей державой. Императорская Россия на Дальнем Востоке осуществляет свои империалистические цели теми же методами, какими она осуществляла свои задачи на Ближнем Востоке—в Персии,—имея пред собою другого империалиста—Англию. В результате многолетнего соперничества этих империалистов Персия была по-просту поделена на две сферы влияния. Такой «порядок» обеспечивал интересы соперничавших между собою империалистов и избавлял обе стороны от необходимости военного разрешения неизбежных конфликтов. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если бы царизм не был сброшен пролетариатом России,—Монголия в процессе дальнейшего углубления опеки и гнета над нею Японии и России была бы по-просту поделена между указанными двумя хищниками. Соглашение 1915 года определенно предусматривает вмешательство царских агентов в «автономные» дела Монголии. Соглашение 1915 года трактует о границах, таможнях, организации судов, почт и телеграфа.

Интриги японского империализма.

Такое положение вещей существовало до 1917 года, когда в его начале—пал царский строй в России, и когда в его конце на линии, граничащей с Монголией, появился бандит Семенов. В начале 1918 года—Семенов, хорошо оплачиваемый агент Японии, претендующий на монгольское происхождение и княжеский титул. Игра Японии в отношении Внешней Монголии становится двойной. В Пекине Япония при поддержке и содействии клуба Ань-фу и аньфупстского правительства при премьер-министре маршале Дуане пытается настоять на необходимости ликвидировать автономию Монголии, дважды признанную Китаем, причем Япония указывает на опасности, какия угрожают Китаю от соседства с Советской Россией. Имея услужливый кабинет в самом Пекине, японцы заключают в 1918 году «военное соглашение» с Китаем, текст которого был об'явлен военным секретом. По этому соглашению—Китай должен был ввести свои войска в самую Монголию и к русской границе (Маймачен—Кяхта). Высшее наблюдение над этими войсками по договору принадлежало японцам. Япония приобретала право иметь своих инструкторов в

китайских войсках, предназначенных для Монголии. Япония также должна была иметь своих преподавателей в военных школах, которые должны были быть открыты в Монголии. Япония становилась в первый раз в своей завоевательной истории твердою ногою во Внешней Монголии. Так, по крайней мере, казалось Японии в 1918 году. Вся военная китайская организация в Монголии об'единилась в «Бюро по обороне границы». Во главе его стоял известный генерал Сюй Сучен или «маленький Сюй», в отличие от «большого Сюй», его дяди, президента республики. «Маленький Сюй»—злой гений Китая. Самый яркий аньфуист и самый ярый японофил. Свирепый и жестокий проводник всех японских предначертаний,—«маленький Сюй» был активным помощником маршала Дуана, связав свою военную карьеру с именем и деятельностью маршала. При маршале Дуане в роли военного министра,—«маленький Сюй» был военным вице-министром. При Дуане премьер-министре «маленький Сюй» был главным секретарем кабинета. С 1916 по 1920 год у «маленького Сюй» была очень бурная политическая жизнь, знавшая моменты наибольшей дружбы с Чжан Цзо-лином, равно как, также, моменты открытой и большой вражды с тем же Чжан Цзо-лином. «Маленький Сюй» был назначен в конце 1919 года верховным комиссаром Монголии и генерал-директором «Бюро по обороне границы». Таким образом, задача борьбы с Советской Россией была Японией возложена на наиболее преданного интересам Японии человека. Таковы были методы японского империализма в отношении Монголии, поскольку Япония в своих расчетах на будущее должна была принимать на учет политические влияния в Пекине.

С другой стороны, Япония старалась использовать Семенова и ту кучку монголо-бурят, которые вместе с Семеновым оплачивались японским золотом, как агентов по агитации среди монгол, ради якобы независимого государственного существования Монголии. «Зачем Монголии удовлетворяться автономией?» твердили эти продажные души хутухте (Живому Будде) и монгольским князьям. Монголия должна быть независимой монархией, какой она была в

течение долгой своей истории, при хутухте-императоре, и Семенове (с фальшивым монгольским титулом)—в роли военного министра. Схема во всех отношениях выгодная Японии. Политически такая комбинация означала бы установление протектората Японии над Монголией и осуществление давних планов пан-японских империалистов, мечтавших об установлении японского протектората над всеми народами монгольской расы на азиатском континенте и островах. Японский протекторат над Монголией при осуществлении этой схемы был бы в исторических условиях неизбежен.

Нельзя же серьезно говорить о независимой государственной монархии Монголии, при несдерживаемом натиске японских милитаристов. Экономически осуществление этого плана влекло бы за собой разграбление Японией достояния всего трудового народа Монголии.

Осуществление японских планов шло, однако, путями более сложными, чем те, которые чертились в первоначальных предположениях и заданиях японского империализма и его органа—японской контр-разведки.

«Маленький Сюй» привел с собою в Монголию войска, и они сразу занялись тем, чем они обычно занимаются в Китае если, а это всегда случается, их командир или правительство не платит им жалованья,—грабежом мирного монгольского населения. Кстати говоря, жалованье бойца вообще более чем скромное: семь или восемь долларов в месяц при обязательстве самому содержать себя.

Войска «маленького Сюй» озлобили монгол такой системой «получения» своего жалованья. Продвинув войска на север, захватив наши «красные казармы» в Кяхте и расставив штыки вдоль всей границы, в качестве меры предосторожности против «красной опасности»—Сюй, перешел на «мирное положение» и стал заниматься торговыми делами в кооперации с японцами.

«Воссоединение с Китаем.»

Одновременно с выжиманием прибылей с монгольского трудового населения, военные командиры, прибывшие в Монголию, опираясь на свои банды, настаивали на отказе самих монгол от всяких претензий на автономию и на воссоединение Монголии с Китаем, ради воссоздания традиций

«доброго старого времени». В ноябре 1919 года должностные лица Монголии, ламы (священнослужители) и принцы, обратились к пекинскому правительству с петицией, в которой, заявляя о своем отказе от автономии, просят принять Монголию в лоно единого Китая, как нераздельную часть Китайской республики.

Мотивы, изложенные монгольскими принцами, представляют исторический интерес. Монгольские князья в петиции говорили о русских бандитах, (читай—Семенов с Унгерном), которые убеждают их порвать всякую связь с Китаем и восстановить Монгольскую империю. Резолюция об упразднении автономии, принятая на конференции монгольских князей и лам, созванной должностными лицами Внешней Монголии, гласит:

«Принимая во внимание, что добрые отношения между Китаем и Внешней Монголией постепенно восстанавливаются, что старые предрассудки исчезают, принимая, далее, во внимание, стремление обеих сторон к созданию условий, обеспечивающих благополучие народа, мир и спокойствие,—мы, должностные лица, принцы и ламы Монголии, настоящим об'являем об упразднении автономии Внешней Монголии и о восстановлении отношений с Китаем, существовавших во времена династии Чжина. Все районы Монголии должны быть под контролем центрального правительства, которое должно определить права этих районов. Центральное же правительство должно реорганизовать наше внутреннее управление и оказывать сопротивление нашим внешним врагам»

На этом лежала печать одобрения «Живого Будды». Достойна внимания дальнейшая официальная процедура принятия «блудной дочери» Монголии Китаем в свое лоно. По поводу резолюции президентом был издан мандат такого содержания:

«Петиция выражает искренние чувства монгол и свидетельствует о патриотизме «Живого Будды», принцев и лам, которые имеют в качестве своего идеала единую

республику из пяти рас одного и того же происхождения. Петиция монгол настоящим мандатом удовлетворяется, равно как также должны быть удовлетворены желания народа Внешней Монголии. На будущее время положение и достоинство «Живого Будды» должно быть оберегаемо, равно как должны быть охраняемы права и привилегии глав четырех лиг (монгольских). Настоящим восстанавливается старый порядок, существовавший при династии маньчжуров. Внешняя Монголия должна пользоваться особым и благожелательным к себе вниманием со стороны китайских властей. Я, президент, надеюсь, что отныне и навсегда мир будет поддерживаться между центральным правительством и Внешней Монголией».

Такова официальная переписка.

Если отдача себя Монголией под протекторат царской России была актом вынужденным и никого в заблуждение ввести не могла, то и отказ Внешней Монголии от автономии, с отдачей себя на милость Китая—был актом не менее вынужденным и также никого в заблуждение ввести не мог. Вынужденный характер торжественного отказа от автономии ясен уже по одному тому, что солдаты «маленького Сюй», вместе со своим патроном, дебоширили в Монголии, разграбляя все, что физически поддавалось грабежу и насилию. Этот же самый «Живой Будда», после поражения, нанесенного «маленькому Сюй» войсками генерала У Бей-фу, был вынужден инсценировать петицию Пекину о возвращении в Монголию аньфуиста Сюй, наиболее презираемого из всех китайских администраторов в Монголии.

Действия бандита Унгерна.

Поражение аньфуистов, в том числе и «маленького Сюй» начинает собою новую страницу во взаимных отношениях между Монголией и Китаем. Пекин упраздняет «Бюро по охране границ». Трудовые массы и все население Китая настойчиво требуют уничтожения «военного соглашения» Китая с Японией. Япония теряет своих наиболее преданных холопов, вынужденных после поражения скрываться в японском посольстве в Пекине. Речь идет о «маленьком Сюй»

и других, укрывшихся в «Отель Обата»—в японском посольстве, аньфуистах-министрах. «Маленькому Сюй» японцы в конце 1920 года устроили побег. Игра с аньфуистами проваливается.

Японцы должны были или отказаться от своих империалистических замыслов в отношении Внешней Монголии, или использовать других своих холопов—Семенова и Унгерна.

Эта задача сделалась настоятельной, не терпящей отлагательства с момента, когда банды Унгерна осенью 1920 года были разбиты у Троицкосавска и Акши, а семеновско-капелевские бандиты были угнаны из Забайкалья. Тогда-то и созревает японская комбинация—распределение белогвардейских банд на 3 группы: 1) приморскую, с Гродеково в роли опорного пункта, 2) маньчжурскую, с Хайларом в роли главного пункта снабжения и 3) монгольскую, с Ургой в качестве исходной базы для белого партизанства.

Японцы начали с осуществления 3 пункта своей схемы. Взятие Урги в феврале 1921 года—предприятие японское. Руководство всеми операциями принадлежало японцам. Наличие японских офицеров и солдат в шайке Унгерна удостоверяется очевидцами ургинских событий, изложившими свои наблюдения в брошюре «Недавние события в Урге».

«Принципиальный» подход японцев к вопросу—борьба якобы за независимость Монголии. Освобождение «Живого Будды» из тюрьмы в Урге накануне взятия Урги (город был захвачен Унгерном 4-го февраля 1921 года), манифест хутухты о «Монгольской монархии» с провозглашением себя императором, образование монгольского правительства, назначение бандита Унгерна на «скромную» роль командующего войсками,—все это, взятое вместе, должно было свидетельствовать перед всем миром об «освободительном» движении среди монгол, уставших от тирании китайских солдат и высоких комиссаров.

Не задерживаясь на описательной стороне событий в феврале 1921 года,—хотя зверства Унгерна и его продажного белогвардейского отребья по уничтожению евреев и всего не белогвардейского стоят того, чтобы быть зафиксированными в подробностях,—перейдем к оценке положения, создавшегося

в Монголии, в том виде, как оно сложилось после 4 февраля 1921 года, т. е. после ухода китайских войск из Урги. Поскольку, во-первых, вся ургинская затея является предприятием японским, поскольку, с другой стороны, Чжан Цзолин находится в кооперации с японцами,—постольку нельзя было расчитывать на серьезный военный поход чжанцзолиновских дивизий в Монголию для ликвидации Унгерна.

Чжан, быть может, и согласился бы на монгольский поход, при условии, если бы этот поход взял на себя генерал У Бей-фу с Фын Ю-сяном. При этом условии, силы оппозиционных Чжан Цзо-лину генералов в провинциях Чжи-ли, Шань-дун и Хэ-нань были бы значительно ослаблены, и Чжан Цзо-лин, в случае увода лучших дивизий У Бей-фу на далекий северо-запад, рискнул бы распространить свое влияние на эти провинции. У Бей-фу учел планы Чжан Цзолина и отклонил от себя предложение пити на Монголию, из боязни ослабить свои позиции по отношению к своим противникам. С своей стороны, и Чжан Цзо-лин не мог вывести свой войска из Маньчжурии.

Отсюда—неустанные и неугомонные требования им новых денег от Пекина на формирование новых дивизий, отсюда и распространение им своего влияния на провинции Внутренней Монголии, якобы в целях создания опорных пунктов для организации экспедиции против Внешней Монголии.

Монгольская проблема и вообще не может разрешиться в процессе военного китайского похода. Стремление монгол к независимости, обеспечивающей им добрососедские отношения с Китаем и Сов. Россией, не подлежит ни малейшему сомнению. Движение монгол к независимости останется, какие бы тенета на это движение не накидывали Унгерн с бандитами и японцы. Поэтому действительное разрешение монгольской проблемы лежит в организации трудовых масс Монголии, которые сами и добровольно установили бы договорные отношения со всеми своими соседями.

Ургинская японо-унгернская эпопея была затеяна в предположении борьбы с Дальневосточной республикой и Советской Россией. Эта затея должна быть ликвидирована силами трудового русского народа. До этого момента ни

японцы, ни Унгерн, ни услужающий им Чжан Цзо-лин от своих планов не откажутся. Монгольская проблема по всем этим условиям приобрела характер проблемы, в которой заинтересованы четыре государства: Монголия, Китай, Россия и Япония, поскольку Япония пытается распространить влияние своего империализма и на Внешнюю Монголию.

ЗАЙМЫ.

Четвертое последствие тяньцзинской конференции—еще большая зависимость кабинета 1921 года от иностранных денег, т.е. неизбежность заключения новых займов. Займы для правительства Пекина—вопрос текущей его политики, насущная его потребность. Самое правительство Пекина трудно себе представить вне серии непрерывно идущих, закабаляющих займов. Причин этому не мало. Первая—в том, что пекинское правительство не имеет поддержки ни в одном из общественных классов. Господствующие классы не испытывают ни малейшего намерения уделять часть своих прибылей на нужды правительства. Эти-же классы охотнее тратятся на так назыв. «провинциальные управления», в которых они сами играют значительную роль. Пекинское центральное правительство их непосредственных нужд не удовлетворяет. При таких условиях—живых импульсов к несению каких-либо налоговых тягот в среде имущих классов не существует. Нищета громадного большинства китайского населения—второе условие, не предрасполагающее к богатой казне.

Существование дудзюната—системы военных лордов, обирающих без бюджета население своих собственных провинций—является третьим условием, которое ничего или очень немногое оставляет на долю центрального правительства. Потребность «свободного» иностранного капитала найти себе применение на непочатой почве Китая со всеми «гарантиями» возвращения самого капитала и получения больших процентов на него—четвертая и весьма действенная причина все возрастающей зависимости Пекина от иностранных денег. Если изобразить соотношение внутренних источников дохода пекинского правительства с внешними его источниками, то

это будет соотношением убывающей геометрической прогрессии к возрастающей. Это, несомненно, так, несмотря на то, во-первых, что богатства самого Китая неисчерпаемы и, во-2-ых, что в самом Китае—в его средней и южной частях—народилась богатая промышленная и банковская буржуазия. Доходные возможности центрального правительства в своей собственной стране убывают, а заискивающее поглядывание в сторону заморских «благодетелей» возрастает.

Займы иностранцев Китаю—с внешней стороны—займы отдельных банков или группы банков. Все банки иностранцев в Китае, без различия национальности, пользуются исключительным вниманием, заботливостью и поддержкой своих дипломатических представительств. Иностранные банки в Китае—это орудие непрерывно развивающейся спекуляции, в виду непрерывной игры на разнице курса золотой и серебряной валюты, таэля-лана (вес одного унца китайского серебра) и доллара в качестве ходовой монеты, равно как и орудие экономического закабаления Китая. Даже по сравнению с ролью, какую эти банки играют в своих собственных странах, роль их в Китае совершенно и исключительно паразитическая.

Банкиры пришли в Китай после миссионеров, но вместе с дипломатами. Во всех случаях своих взаимоотношений с китайцами банкиры уверены в безоговорочной «поддержке» их дипломатами. Дипломаты же, в свою очередь, «поддерживаются» гарнизонами, раскинутыми по всему Китаю, включая Пекин—столицу Китая, и боевыми судами всех калибров, находящимися во всех портах Китая или в однодневном расстоянии от этих портов. Без учета роли банков и банкиров невозможно уяснить себе международные взаимоотношения Китая. Количество банков и их влияние соответствует роли каждого из империалистических государств в Китае. Все «державы» имеют свои банки в Китае.

Некоторые из «держав» поспешили устранить конкуренцию между банками своей национальности, взяв их под свое единое и сильное покровительство. Так Япония, учиняя займы Китаю, пользуется аппаратом всех японских банков,

функционирующих в Китае: Иокогама Спеши Банк, Тайваньский (Формозский) Банк, Чозен (корейский) Банк, Промышленный Банк Японии и др.

Америка в этом смысле не отстает от Японии. Идея банковского консорциума, возрожденного Америкой в 1918 году, имела в виду не только об'единение американских банков, функционирующих в Китае, но также об'единение всех групп банков в самой Америке. Империализм осуществлял и осуществляет свою роль-«миссию» на Д. Востоке, при содействии и посредстве банков. В виду этих условий, банки и являются главными кредиторами Китая.

Гонконг-Шанхайский банк играет первую роль на юге Китая в сфере влияния Англии. Японские банки—на севере Китая в сфере влияния Японии.

Вместе с займами, как общее правило, приходило и установление своего «контроля», создание своего, иностранного аппарата, наблюдающего за доходными поступлениями в китайскую казну для распределения этих доходов между кредиторами. Этот контроль и был условием и основанием всех иностранных займов Китаю.

«Гарантии займов».

Хозяйничанье иностранцев в чужой стране пошло дальше «контроля» над доходами, и распространилось также на самое достояние Китая, на его минеральные и сырьевые богатства.

Первый заем Китаю был учинен царской Россией, вместе со своим реакционным «республиканским» союзником—Францией, в 1895 году, на 400 миллионов франков; это было в период войны Китая против Японии, злейшей соперницы России по империалистическим планам на Д. Востоке. Следующим моментом, углубившим разорение Китая, было наложение на него Японией в 1895 году—в результате военного поражения Китая—контрибуции в сумме 230 миллионов таэлей. Во все последующие годы пекинское правительство черпало средства для своего существования из иностранных источников, отдавая богатства своей страны и труд миллионов своего населения в кабалу иностранному капиталу. Самые разнородные и враждующие между собою иностранные группы об'единялись ради усиления процессов

эксплоатации Китая. Так, в истории невыплаченных еще займов—встречаются займы 1896 и 1898 годов в общей сумме на 32 миллиона фунтов стерлингов, учиненные пекинскому правительству англо-германской группой банков.

С каждым новым займом приходило закабаление какого-либо нового источника дохода или отрасли народного труда.

Задолженность Китая возросла после наложения на Китай «боксерской контрибуции» в размере 67 с половиной миллионов фунтов стерлингов или 450 миллионов китайских таэлей с 4% на всю сумму, с обязательством выплаты этой контрибуции в 39-летний срок. Все виды «гарантии» были предусмотрены и этим займом.

Особую страницу в истории иностранных займов Китаю открывают собою японцы, начиная с 1917 года. Японская буржуазия, нажившая огромные капиталы на войне, кроме прибыли, искала быстрого приложения своих вновь приобретенных капиталов. Наиболее подходящей для этих целей страной явился Китай. Япония разбрасывала ены в Китае, от мелких займов в 600 тысяч—в 1916 году до 30 миллионов ен (гиринский заем)—в июле 1918 г. Помимо опубликованных займов, на сумму значительно превышающую 200 миллионов ен за период с 1918 по 1919 год, Японское правительство ввело систему займов отдельным министерствам в Пекине, что легче и быстрее вело к осуществлению целей и задач захватнической политики Японии. Правительство аньфуистов (1919 года) питалось этими займами. Общая сумма этих займов официально не опубликована, но по компетентным и достоверным источникам превышает сто миллионов долларов. К моменту падения кабинета Ань-фу личные текущие счета каждого из министров-аньфуистов в банках Пекина измерялись миллионами долларов.

Японские займы преследовали политические цели.

Привычное деление займов в Китае на категории,—административных займов, для нужд самого правительства, и промышленных займов, на развитие индустрии в Китае—деление чрезвычайно ненадежное. Японцы всей практикой своих займов доказали неустойчивость этого деления. Деньги, которые в торжественном тексте ростовщических сделок

предназначались якобы на промышленные цели, попадая в руки правительства, или на цели административные. Достаточно указать на тот факт, что борьба Пекина против южан велась на средства от японских займов.

В результате иностранных займов за 27 лет—в период с 1895 г. по 1921 г., Китай оказался весь заложенным. Все доходы Китая, все его достояние захвачено иностранным капиталом. Под обеспечение пошлин с китайских таможен—иностранцами учинено Китаю в период от 1895 года до 1914 год займов на сумму свыше 116 миллионов фунтов стерлингов, что составляет около семи сот миллионов долларов. Эта цифра дает разительный контраст при сопоставлении ее с цифрой поступления от пошлин. В 1917 году пошлины дали только около 50 милл. долларов. Этот вид дохода должен служить для покрытия ряда других потребностей того же пекинского правительства, а не для уплаты только долгов кредиторам. Сопоставление этих цифр говорит о долгосрочной кабале над Китаем. Самый доход зорко и тщательно оберегается англичанами, действующими в своих собственных интересах и по уполномочию всех других империалистов. Управление таможнями в Китае находится в руках англичан. Сотни английских чиновников разбросаны по разным городам Китая, в которых имеются таможни. Возглавляется эта организация персоной особо важной—генерал-инспектором всех таможен, конечно, англичанином.

Под внутренние пошлины, так называемые «ликины», налагаемые местными властями при переходе товара из одной провинции в другую в период с 1898 года по 1911 год—было учинено займов на 26 миллионов фунтов стерлингов. Эта категория займов представляет собою любопытную черту в том отношении, что выявляет жадность иностранного капитала и его стремление к наживе во что бы то ни стало. Пошлины на внутренних границах—пережиток хозяйства феодального периода. Ликины лишь тормазят дальнейшее развитие обмена, существенного ингредиента капитализирующегося Китая. Эти же ликины, само собою разумеется, должны были вести к удорожанию продукта. Мировой капиталист предпочел, однако, быструю наживу и высокий процент медленному расширению рынка, тесно связанному с удешевлением продукта.

Под обеспечение доходами от соляной монополии было учинено большое количество займов в период с 1898 года по 1918 год в разной валюте: в английских фунтах—около 110 миллионов фунтов стерлингов, в китайских таэлях—свыше пяти миллионов, в японских енах—свыше 28 милл.

Правда, поступления от соляной монополии составляют наиболее доходную статью китайского бюджета, поскольку в современном Пекине можно говорить о бюджете вообще. В 1917 году—от соляной монополии поступило свыше 80 милл. долл. Этот налог, как налог на продукт питания, ложится бременем на широкие трудовые массы. В виду задолженности Китая мировому банкиру, «собирание» этого налога, расчитанное до 1960 года, также находится под опекой иностранцев. Здесь—тот же принцип, что и в собирании таможенных пошлин.

Пекин успел также заложить банкирам и железные дороги Китая, не только имущество железных дорог, но и доходы с них. Все виды валюты мелькают в цифрах займов под китайские железные дороги. Наибольшая задолженность Китая по железным дорогам—Японии. Китай лишь в очень мучительном и медленном процессе выплачивает основной капитал по железнодорожным займам и высокие проценты, доходящие, как общее явление, до 7—8% годовых по ним. Задолженность по займам на железные дороги от 1918 года должна будет покрыться не ранее 1958 года. Мировой хищник зорко следит за своей жертвой, и как только даже пекинскому правительству удается выплатить часть каторжных долгов, так немедленно «услужливые» банкиры предлагают новую заемную комбинацию на столь же каторжных условиях, с целью продлить задолженность Китая на новый срок.

Имеются большие группы займов также и под обеспечение промышленными предприятиями. Этим путем банкиры установили свой контроль над производительными силами трудовых масс Китая. Стоит лишь упомянуть о богатейших угольных копях и железоделательных заводах долины реки Ян-цзы, «Хань-ян-бин». Эти заводы целиком заложены Японии. Японский контроль над этими заводами, согласно

займа, заключенного богатейшей японской фирмой «Мицуй и Ко» в 1913 году, должен продолжаться до 1953 года. Японцы учинили займов под эти заводы Пекину на сумму около 35 миллионов ен и вывозят громадную часть добываемой и обрабатываемой руды на свои судостроительные заводы в Японию.

Заинтересованность Японии в этих заводах настолько значительна, что в знаменитом меморандуме о 21 требовании, пред'явленном Китаю в 1915 году, Япония настаивала пред Пекином, чтобы Китай лишил себя права отдавать эти заводы в качестве обеспечения под какие-либо новые займы банкам или группам банков других национальностей.

Займы учинялись под обеспечение доходами с вин, табака, налогов на землю, почтовых марок, угольных копей, каблеграмм, телеграмм, телефонов,—и под все, что поддавалось только чувству осязания. Исчислить в законченной цифре общую задолженность Пекина не представляется возможным. Важно, однако, констатировать, что пекинское правительство, вступив однажды на путь займов у иностранцев, успело довести свою задолженность до исключительных размеров, заложить все народное достояние Китая мировому банкиру, нисколько, само собою разумеется, не улучшив своего собственного положения. При таких условиях пекинское правительство может жить только за счет новых займов, новой кабалы, лишая себя последних остатков своей политической независимости.

Угнетенное, нестерпимо тяжелое международное положение Китая находит себе об'яснение во взаимотношениях его с мировым капиталом, специально же и особенно—во взаимотношениях банковского капитала к правительству в Пекине.

Консорциум.

Не может не быть отмеченной попытка мировых капиталистов устранить конкуренцию банков между собою — всегда в Китае сопровождаемую дипломатическими интригами, взаимными подвохами,—и установить принцип координированного действия всех банков в Китае.

Исходным моментом этих «добрых» пожеланий было соображение об общей цели, способной об'единить банкиров разных национальностей в одну слитную группу. Отсюда—идея консорциума.

История консорциума берет свое начало с 1913 года. Первая попытка его организации извѣстна под именем «старого консорциума», в отличие от «нового консорциума», рожденного Америкой в 1918 году, как раз накануне вступления Америки в империалистскую войну, в период, когда Соед. Штаты служили резервуаром, куда стекалось золото от всех воюющих и невоюющих стран.

Накопленное золото искало, требовало выхода и приложения, чтобы оправдать самое свое назначение—накоплять проценты и умножаться в количестве. В «старый консорциум» входили следующие банки. Гонконг-Шанхайский (английский), Германо-Азиатский, Индо-Китайский (французский), банки Моргана, Куна, Лоеб и Ко, Первый Национальный Банк и Нешионал Сити Банк (все последние перечисленные банки—американские), Русско - Азиатский Банк и Иокогама Спеши Банк (японский). Эти банки были уполномочены действовать не только в своих собственных интересах, но и в «финансовых интересах» своих стран. Все эти банки согласились действовать на равных началах в отношении новых займов пекинскому правительству, займов административного и промышленного характера.

Однако, идея консорциума с первых же моментов своего появления на свет пришла в резкое столкновение со «специальными интересами» царской России и империалистической Японии. При самом заключении «старого консорциума» в 1912 году Россия и Япония сделали оговорки о необязательности для себя постановлений и решений консорциума, в случае противоречия этих решений «специальным интересам» России и Японии. Речь, конечно, шла об облюбованных сферах влияния на севере Дальнего Востока, в Маньчжурии и Монголии.

«Старому» консорциуму не суждены были счастливые и долгие дни. Соед. Штаты Америки демонстративно вышли из состава «старого» консорциума в 1913 году.

Этот шаг Америки приобретает исключительный интерес, если сопоставить его с фактом возрождения идеи консорциума в 1918 году силами и энергией Америки. Различное «поведение» правительства Америки в этих двух случаях об'ясняется различной общественно-экономической ситуацией в периоды 1913 и 1918 годов.

Любопытно, однако, отметить, что в 1913 и 1918 годах во главе администрации стоял все тот же Вудро Вильсон, неподражаемый болтун на либеральные темы в начале своей президентской карьеры и свирепый, озлобленный реакционер на закате своего президентства. В 1913 году Америка пользовалась еще среди мещан репутацией наиболее либеральной страны в мире, в которой демократизм и республиканизм счастливо сочетаются в интересах широких масс. Это было наиболее популярное в обывательской среде мнение об Америке, созданное невмешательством Америки в дела на других континентах, вне самой Америки.

Соед. Штаты, развивая свою индустрию в формах наиболее капиталистических, были заняты насыщением своего собственного рынка и приведением себе «под нози» всех маленьких государств, населяющих обе Америки по обе стороны границы Соед. Штатов. Поглощательная способность этих рынков, вместе со своим, была настолько значительна, что разрешала правительству Соед. Штатов роскошь говорить либеральные слова об уважении прав других народов, живущих где-то далеко, за океаном.

Вот язык, каким разговаривала Америка с Китаем в 1913 году, когда американские банкиры вышли из состава консорциума:

«Условия займа (консорциума) кажутся нам (правительству) чрезвычайно близко задевающими права административной (политической) независимости самого Китая. Настоящее правительство не чувствует себя способным дать свое согласие на об'явленные условия. Эти условия предусматривают не только заклад с целью получения займов Китаем своих специальных налогов, некоторые из коих чрезвычайно тягостны, но и организацию «управления» этими налогами путем организации агентуры иностранных держав.

Правительство Соед. Штатов не может взять на себя тяжкой ответственности по нарушению суверенитета Китая.

Америка торжественно заявляет, что стремление ограничить права другого народа, только сейчас пробуждающегося к активной политической жизни, стоит в вопиющем противоречии с принципами, которыми руководствуется правительство американского народа.

Пробуждение Китая,—говорится в этом документе,—наиболее знаменательное явление нашего поколения».

Либеральничая в период поглощения продуктов американского производства на американском рынке, правительство Соед. Штатов сочло все-же своевременным упомянуть о своем искреннем желании развивать торговые взаимотношения с Китайской республикой. «Наши интересы—это интересы *открытых дверей*,—дружбы и взаимных выгод. Только через эти двери мы можем войти в Китай с целью развития начала «взаимных выгод».

С началом войны 1914 года из «старого» консорциума выбыла Германия, а с революцией 17-го года из консорциума выбыла царистская Россия. Старый консорциум распался. Весь период от 1912 года до 1919 года был энергично использован банкирами на учинение Китаю все новых и новых займов. Здесь и «заем по реорганизации управления Китая» в 25 милл. ф. ст., учиненный первому республиканскому кабинету Китая и использованный Юань Ши-кай'ем в его реставрационной попытке; и бельгийский заем 1912 года на десять милл. фунтов стерлингов под «обеспечение» Пекин-Калганской железной дорогой; и австрийский заем 1912 года; и займы, учиненные теми же американскими банками—Чикагским банком в 1916 году под обеспечение налогом на «табак и вино», а также на товары, облагаемые местными и провинциальными налогами при передвижении их из провинций Хэ-нань, Ань-хуй, Фу-цзянь и Шань-си. Цветистые слова поблекли. О «правах китайского народа» к этому времени никто уж больше не говорил.

«Новый консорциум».

Америка берет на себя инициативу организации «нового» консорциума в 1918 году. Предложение было сделано трем державам-«победительницам»—Англии, Японии и Франции.

В 1919 году в Париже состоялась «конференция» банкиров всех четырех «держав», включая и Америку. Официальное уведомление Китайского правительства об образовании консорциума для «облагодетельствования» Китая было сделано американским полномочным министром в Пекине. «Новый» консорциум был галантен в отношении России и любезно предоставил России место в консорциуме, «буде она места пожелает». С момента образования «нового» консорциума, по замыслу его творцов—богатейших трестовых групп в Америке, групп Моргана и др., всякое соперничество между банками одной национальности и группами банков разных национальностей раз и навсегда прекращается. Прекращаются также «забегания» представителей банковских групп к отдельным министрам пекинского правительства ради более быстрого и успешного осуществления своих групповых планов и заданий.

Препятствий на пути осуществления планов «нового» консорциума оказалось много. Прежде всего—империалисты разных стран никак между собою не могли сговориться. Япония еще в консорциуме 1913 года признавала за собой свободу действий; от этой «свободы» отказаться она не пожелала и при образовании «нового» консорциума. В период от 1913 года до 1918 г. Япония успела закрепить за собою ряд новых прав и привилегий в Маньчжурии и Монголии и поэтому со всею решительностью настаивала на сохранении этих привилегий за собою и на праве расширения их для себя в будущем. Консорциум, таким образом, являлся препятствием к осуществлению империалистических целей Японии. Самая идея консорциума есть стремление установить какой-то баланс сил между всеми империалистами, заинтересованными в Дальнем Востоке, на этот раз — с участием Америки. Чтобы не обострять всех враждующих интересов в одной и той же семье империалистов, чтобы «не выносить сора из избы», все дела по консорциуму, по крайней мере, в первых этапах его организации, были отнесены к разряду «тайной дипломатии». Только весьма немногие из документов, относящихся к консорциуму, были опубликованы. Документы, говорящие о согласии Японии подчиниться общим требованиям консорциума с отказом от

«специальных прав» в Маньчжурии и Монголии, также доверия к себе не вызывают, несмотря на то, что японцы дали свои подписи на документе о консорциуме, что дало основание представителю консорциума г. Ламонту, американцу, действующему по поручению консорциума, торжествовать победу. С другой стороны—премьер-министр японского правительства Хара и министр иностранных дел Учида официально заявили, что «специальные» интересы Японии в отношении Маньчжурии достаточно охранены консорциумом.

Новый консорциум особенно непопулярен в самом Китае. Общая и господствующая точка зрения, установившаяся в Китае на консорциум, резко отрицательная.

Буржуазия всех стран отчетливо чувствует неровность, неустойчивость своего положения в Европе и в Америке, в виду мирового кризиса, стараясь «спасти» свои капиталы путем перенесения их на нетронутую или мало тронутую почву Китая. Таким образом, устанавливается факт чрезвычайной заинтересованности мирового капитала в Китае. Важно констатировать эту «подробность», так как авторы и услужливые агенты консорциума со всем усердием, на какое они способны, пытаются заверить китайские массы в том, что консорциум сам по себе нисколько не заинтересован в учинении новых займов Китаю. Г. Ламонт, уполномоченный и «верховный комиссар» при консорциуме, об'езжавший Китай весною 1920 года в целях широкой пропаганды идеи консорциума, много говорил на тему о безкорыстии и исключительной преданности банкиров Китаю.

Ламонт говорил, что консорциум не сделает никаких предложений Китаю, а будет ждать от Китая предложений; что если сам Китай способен финансировать себя и не нуждается в средствах консорциума, американские банкиры будут чувствовать себя вполне удовлетворенными. Искренность заявлений г. Ламонта была с самого начала заподозрена. Не вызвали к себе доверия и другие его утверждения, в роде того, что американские банкиры воодушевлены лишь желанием помочь Китаю стать твердо на собственные ноги в делах своей промышленности, и что спрос на капитал в самой Америке превышает его свободную наличность.

Недовольство было настолько значительным, что Ламонту пришлось вести специальные беседы со студенческими организациями, чтобы внести «успокоение» во «взволнованные умы».

Китайские банкиры к 1920 году уже чувствовали в иностранном консорциуме своего соперника. Модернизованные китайские банки обслуживают уже сейчас китайскую промышленность и достаточно мощны в финансовом отношении, чтобы блестяще справиться с этой задачей. Иностранные банкиры им не нужны. Поскольку речь шла о промышленных задачах, консорциум вступал в непримиримое противоречие с интересами китайского капитала. Держась традиции, прочно установившейся в Китае, мировые банкиры замышляли все свои планы, ни в малой мере не интересуясь ни настроениями масс самого Китая, ни мнением заинтересованных кругов того же Китая. Консорциум натолкнулся, в виду указанных условий, на непреодолимые препятствия и, пытаясь исправить свою ошибку, поспешил в октябре 1920 года на своем заседании в Нью-Йорке, принять резолюцию, приветствующую, «кооперацию» иностранного капитала с китайским, в интересах развития самого Китая. Мера запоздалая. Китайские промышленные банки уже успели сами с'организоваться в солидный «китайский консорциум», об'единяющий наиболее сильные банковские организации, наприм. Континентальный Банк, Банк промышленного развития Китая, шанхайские коммерческие банки и др. Китайский консорциум не только выработал «конституцию», но и приступил уже к деятельности, учинив первый заем пекинскому правительству в 6 милл. долларов на приобретение инвентаря для китайских железных дорог. Зная «добрые» качества и свойства своего правительства, китайский консорциум организовал собственное управление над расходованием этих шести миллионов. Надо ли упоминать, что хотя этот консорциум и китайский, проценты на свой капитал он выговорил себе более чем «приличные»?!

Таким образом, китайская буржуазия на деле доказала мировой буржуазии возможность для Китая вступить в активную конкуренцию с заморскими друзьями. Трудовые

массы Китая боялись консорциума, зная, что все займы говорят о «промышленном» развитии, между тем как львиная доля их идет на так наз. административные цели и личное обогащение тех, кто учиняет займы.

Новый консорциум к тому же был каторжным по своим условиям; он требовал от пекинского правительства заклада последних остатков незаложенного имущества Китая и предоставления ему, консорциуму, исключительного контроля над всеми доходами Китая, включая и все налоги особо тяжелые для земледельческой массы. Эта чрезмерность требований—даже и на пекинский масштаб—вызвала официальное письмо министра финансов кабинета 1920 года г. Чжоу Цзы-цзи на имя консорциума с указанием, что он не принимает условий консорциума, так как не может согласиться отдать свою страну в рабство иностранному капиталу.

Консорциум обанкротился. Он имел своею целью создать условия мирного сотрудничества банкиров между собою в Китае, но нес с собою угрозу ограничения империалистических аппетитов отдельных групп империалистов.

Консорциум пытался с внешней стороны заменить терминологию и вместо «административных» займов говорил о «промышленных». Фразеология, однако, оказалась не в соответствии с «настроениями» некоторых из наиболее влиятельных групп в консорциуме.

Не только Япония,—с ея классическим «леворучным», негласным субсидированием пекинского правительства, вопреки торжественным обещаниям воздерживаться от сепаратных займов,—но и Англия вела и ведет ту же политику, в интересах сохранения за собою доминирующего положения в Китае.

Конструкция консорциума шла, следовательно, не в учете реального соотношения сил империалистов на Дальнем Востоке и вне учета тех сил, которые развиваются в самом Китае. Если Америка для проложения пути своим товарам в Китае настаивала на одинаковых и равных правах для всех (принцип «открытых дверей»), то Япония, в интересах сохранения уже награбленного и ради будущих грабежей в Маньчжурии, Монголии, долине реки Ян-цзы и побережье южного Китая—в провинции Фу-цзян,—должна была настаивать

на охране своих «специальных интересов». Консорциум фактически распался. Брешь, всегда разделявшая так называемых союзников в их завоевательной политике на Востоке, превратилась, с момента об'явления об организации консорциума, в пропасть.

Немалую роль в деле распада консорциума сыграл вопрос о том, кому из империалистов должна будет принадлежать руководящая роль в консорциуме. Стивенс, сменивший собою Ламонта, в качестве представителя консорциума в Китае, пытался обеспечить руководящую роль за Америкой, в виду того, что большая часть денег на новые займы будет дана Америкой. Бритты с этим примириться не хотели, настаивая на том, чтобы руководство всеми делами консорциума принадлежало Англии, в виду той роли в Китае, какую англичане в долгом завоевательном процессе закрепили за собой. Борьба этих конфликтивных влияний не привела к победе ни одной из сторон, не дав в то же время и компромиссного решения. Упомянутый выше Стивенс в конце мая 1921 года уехал из Китая в Америку, где должны были быть приняты решения по вопросам, связанным с консорциумом.

Какие бы новые разговоры по консорциуму ни велись, консорциума, с нашей точки зрения, фактически уже не существует. Попытка об'единенного действия мировых банкиров потерпела жестокий удар и безнадежный крах.

Его распад политически знаменует собою новое обострение враждующих интересов капиталистических стран на Д. Востоке.

ФИНАНСЫ.

Пекинское правительство попало, с внешней стороны, в то же самое положение, в каком оно находилось до 1918 года, т. е. до попыток образования «нового консорциума». Денег у пекинского правительства нет. Это его хроническая, неизлечимая болезнь. Судить о финансовых возможностях пекинского правительства—задача трудная, так как Пекин не опубликовывает своих расходов и доходов.

Начиная с 6 фискального года (гражданский календарь Китая имеет в качестве начального своего момента 1-ое января 1912 г.—первый год республики в Китае; фискальный же год считается с первого июля по 30 июня следующего года)—бюджета не существует.

В качестве характеристики бюджета пекинского правительства можно сослаться на последний бюджет периода июля 1916 года—июня 1917 года. К тому времени процессы раз'единения Китая не зашли еще так далеко, как сейчас, и потому Пекин тогда мог надеяться на получение в казну какой-либо суммы из намеченной в бюджете. В современных условиях Пекин таких надежд питать не может.

Доходный бюджет Пекина составлялся из обыкновенного—388.009,660 долларов, и чрезвычайного—84.828,924 доллара; всего доходный бюджет в 1916—17 году исчислялся в 472.838,584 мексиканских долларов. Доходные статьи: поземельные налоги—около 95 милл. долл., пошлины, соляная монополия, ликины, разные налоги, доходы с государственных предприятий и друг.,—составляли остальную часть доходного бюджета. Расходы также делились на обыкновенные и чрезвычайные; из них на дела военные шло свыше 160 милл. долларов, на дела народного образования—5 милл. долл., на министерство путей сообщения—1½ милл., на министерство земледелия и торговли—свыше 2 милл. Промышленные и культурные цели, как видно из приведенной справки, пекинским правительством не обслуживались.

В еще худших условиях задачи культурной деятельности находятся в 21 году, когда учителям школ всех наименований на всем Севере пришлось об'явить забастовки и устраивать демонстрации, приведшие к кровавым столкновениям с китайской полицией и жандармами, ради получения учителями более чем скромного их жалования.

Из огромных ассигнований на военные нужды самая крошечная часть попадает бойцам. Весьма распространенное в Китае явление—солдатские бунты, сопровождаемые грабежами. Это естественный результат невыплаты «волонтерам» их миниатюрного жалованья в 7 долларов в месяц. Доходные возможности пекинского правительства более чем ничтожны

в современных условиях. Уже в 1919 году, когда в Шанхае была созвана так назыв. «мирная конференция» из представителей севера и юга Китая для обсуждения вопроса об об'единении государства, в проектировавшейся бюджетной схеме поземельные налоги совершенно не фигурировали.

В качестве доходных статей были зафиксированы лишь пошлины, налоги на товары, включая ликины, соляная монополия, налоги на рудники, почтовые доходы, налоги на вино и табак.

Шанхайская конференция об'единения Севера и Юга не принесла. Пекин, предоставленный самому себе, вступил на привычную для него стезю хронического безденежья. Потребность в новых займах, ради еще большей кабалы Китая иностранному капиталу, выяснилась с новой силой.

Тяньцзинь'ская конференция лишь подчеркнула критический характер пекинского правительства. Военные лорды требовали от Пекина новых денег на разные цели и под разными предлогами, обещая ему взамен свою поддержку. Денег в своей стране Пекину достать почти невозможно, в виду общих причин и изолированности пекинского правительства даже от буржуазных групп. Надежды, возлагавшиеся на сокращение расходного бюджета путем упразднения тягостного института советников при президенте и разных министерствах, равно как и резкого сокращения бесчисленного множества «должностных» лиц, были праздными надеждами безденежного пекинского правительства, в болезненных условиях разбухшего института жадного чиновничества. Расчеты на сокращение числа войск, находящихся в услужении у дудзюнов, стояли в резком противоречии с самим институтом дудзюнов и потому практически осуществления получить не могли.

Пекинское правительство в таких условиях может существовать только за счет займов и притом займов внешних, что на севере Китая означает займов японских. Распад консорциума только оголил задачу, покончив с иллюзиями в этой области. С момента реконструкции кабинета, последовавшей в результате тяньцзинь'ской конференции,

стало известно о готовящихся новых займах японского происхождения.

Первый заем из этой новой серии—заем под Гирин—Хуй-нин'скую железную дорогу, в Северной Маньчжурии. Переговоры по заключению этого займа велись «Восточной Промышленной Компанией Японии», действующей в интересах и других банков, банка Формозы и банка Кореи. Условия готовящегося займа каторжные. Срок займа—40 лет. Управление будущей дорогой и контроль по ея сооружению поручается генерал губернатору в Корее. Эта дорога должна быть по требованию японцев соединена с корейскими железными дорогами. Пекинское правительство должно предоставить самую дорогу японским банкам в качестве залога под учиняющийся заем. Сумма займа—10 миллионов ен из 7½ процентов годовых. Таковы, в немногих словах, существенные черты проекта японского займа правительству 1921 года, займа, служащего ярким образчиком японского хищничества. Проектируемая железная дорога имеет, прежде всего, стратегические цели в интересах Японии, обеспечивая восточному хищнику скорую доставку своих войск через территорию Кореи и от бухты Посьет на север, на случай вооруженного столкновения с Дальневосточной республикой и Советской Россией. Эта же дорога должна нести с собою укрепление «влияния» Японии в Северной Маньчжурии. В то же самое время Япония ведет энергичную кампанию за предоставление ей Пекином права учинить заем Китайской Восточной железной дороге или приобрести долговые обязательства этой дороги. Япония изо всех сил старается путем денежных манипуляций распространить свой контроль над этой важнейшей артерией Маньчжурии и всего Дальнего Востока. Особенно энергична она в своей аттаке на Пекин по вопросу о Китайской Восточной железной дороге, будучи хорошо осведомлена, что даже современное пекинское правительство вплотную подошло к вопросу о решении судьбы Китайской Восточной железной дороги совместно с Советской Россией и Дальневосточной республикой.

Тяньцзинь'ская конференция лишь заострила проблемы, поставленные историей Китаю на его Севере, переплетая

животрепещущие интересы миллионов угнетенных империализмом китайских масс с интересами трудовых масс Советской России и Дальневосточной республики.

Располагает ли Китай общественными классами, способными справиться с задачами, разрешения которых требует история?

О процессах, органически связанных с проблемами раскрепощения Китая, мы будем говорить в следующих главах.

Средний Китай.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Провинции Среднего Китая.

Средний Китай охватывает самую богатую часть Китая, орошаемую системами двух наибольших по длине и значению рек: он включает в себя правый берег реки Хуань-хэ и оба берега реки Ян-цзы. Эти реки образуют во все стороны разливающиеся водные системы, связанные между собою помощью притоков и при посредстве каналов. Провинции, входящие в состав среднего Китая, суть: части Шань-дун'а, Хэ-нань'я, также провинции Цзян-су, Ань-хуй, Ху-бэй и часть провинции Цзян-си. По экономической роли главнейшими провинциями этого района являются Цзян-су, с гор. Шанхай'ем в роли огромного промышленного и торгового центра, и провинция Ху-бэй с городом Хань-коу, богатейшим центром, который снабжает весь район сырьем и замыкает собою океанское судоходство по Ян-цзы. От Хань-коу вверх по Ян-цзы к истокам ея, далеко уходящим в Тибет, река судоходна лишь для мелкосидящих судов.

Провинция Цзян-су занимает территорию площадью в 37 тысяч квадратных миль с населением в 18 миллионов человек. Плотность его—150 человек на одну квадратную милю.

Цзян-си занимает территорию площадью в 68 тысяч квадратных миль с населением в 15 миллионов.

Плотность—210 человек на 1 квадратную милю.

Ху-бэй—71 тысяча кв. миль. Население—25 миллионов. Плотность—350 человек на кв. милю.

Ань-хуй—55 тысяч кв. миль. Население—20 миллионов. Плотность—360 чел. на кв. милю.

Весь район Среднего Китая представляет резкий контраст с экономически отсталым Севером. Агрикультура Среднего Китая дает не только продукты потребления, но и поставляет на фабрики большие количества сырьевых продуктов, перерабатываемых в «товары». Средний Китай, в виду его естественных богатств и природных красот, нередко называют «садом Китая». Главные продукты земледельческого труда этого района—все виды зерна, рис и хлопок. Исключительное место по своему значению в меновом обороте на мировом рынке и на рынке самого Китая занимают культуры шелка и чая.

Нарождение китайской промышленности.

Будучи весьма плодороден, с двумя урожаями в году, средний район Китая характерен, главным образом, своим быстрым промышленным развитием. Иностранная буржуазия в Китае, вместе со своими учеными прикащиками и присяжными апологетами, с удивлением и ужасом глядит на быстро развививающуюся китайскую промышленность. Считаясь с фактом появления громадных китайских ткацких фабрик, огромных мукомольных мельниц, электрических заводов, судостроительных доков и верфей, идеологи мировой буржуазии в своей рабьей слепоте пытаются об'яснить эту наглядную, осязаемую индустриализацию Китая под знаком капиталистической частной собственности—фактом отмены старого образования в Китае, основанного на изучении классиков, и заменою его «западным» образованием с преобладанием в китайских школах технических наук над классической литературой. В числе причин, обусловивших появление китайской промышленности в Китае, (надо сказать, что в самом Китае существовали и существуют крупные отрасли иностранной промышленности) те же наблюдатели и «исследователи» китайской жизни, занимающиеся исследованиями по поручению своего работодателя—мирового буржуа, уделяли главное внимание, во-первых—развитию конституционных начал в Китае, как «естественному» последствию революции 1911 года, и во-вторых — появлению китайской прессы, формирующей стойкое «общественное мнение».

Мещане от науки, регистрируя только то, что им выгодно, спутали следствия с причиной. Все указанные

явления — и отмена старого «образования», и развитие «конституционных начал», о которых так любят говорить ученые профессора, и нарождение китайской прессы,—все это, как и другие феномены жизни современного Китая—естественные последствия вырвавшегося на простор капитализма в Китае, ломающего старые рамки, привычные формы и средневековые институты. Образование, основанное на изучении классиков—бездоходное занятие в обществе, которое под шум машин быстро дифференцируется по классовым интересам. Появление печати—элементарное орудие в руках буржуазии,—независимо от цвета ея кожи, ея прошлой истории и ея национальности,—для формирования того самого «общественного мнения», при посредстве которого буржуазия укрепляет свои позиции в борьбе со своими классовыми противниками и врагами. Отмечаемое в этой же серии «причин» нарождение национального духа как нельзя более точно соответствует периоду молодого капитализма в стране, идущей быстрыми шагами к отвоеванию у мировых капиталистов китайского рынка для собственной промышленности, вырывающейся из оков полуфеодального хозяйства и иностранного гнета.

Китай, действительно, вступил в полосу энергичного промышленного развития. История его до недавнего времени была историей частного, арендного хозяйства в области земледелия и ремесленного а также мануфактурного хозяйства—в городах. Способы земледелия, классически, художественно поставленного в Китае, развивались только в направлевлении кропотливой грядковой культуры, требующей баснословного количества и напряжения живой человеческой силы.

Ремесленное же и мануфактурное хозяйство были и во многом и сейчас характерны теми же чертами, какими характеризовалась эта система хозяйства в средневековой Европе.

Завоевательная политика мирового капитала

Развитие капитализма в Китае задерживалось в виду двух главных причин. Первая та, что история не предоставила китайской буржуазии возможности, предоставленной ею же молодой европейской буржуазии. Речь идет о завоевании вновь открытых земель и беззастенчивом грабеже накопленного труда тех стран, куда приходил европейский «завоеватель».

Открытия новых земель, которыми богата история на заре капиталистического индустриализма в Европе, пульсировали развитие машинного хозяйства на основе частной собственности.

Завоеватели привозили в свои страны из завоеванных ими земель огромные богатства сырья и металла. Эти же завоеватели приобретали в открытых «Америках» огромный внешний рынок, удовлетворять который мануфактурное хозяйство Европы уже было не в состоянии.

Завоевательная политика Китая ни богатств, ни нового способа производства Китаю не принесла. Монголия, Тибет и Китайский Туркестан и сейчас все еще—едва проходимые пустыни, с нетронутыми, неразработанными естественными богатствами. Маньчжурия развилась только в последние десятилетия и то—меньше всего под воздействием завоевательной политики Китая, а скорее—в результате империалистической политики царя и микадо.

Претензии же Китая на суверенитет над Кореей со времен династии Тан и через все последующие династии не выходили за пределы соперничества между собою двух сильных феодальных государств — Японии и Китая. Непрерывные набеги японцев на Корею, посылка Китаем больших отрядов для спасения «соседки», Кореи, обмен посольствами между Китаем и Кореей,—все эти явления не несли с собою идеи нового хозяйства. По времени все эти процессы относятся к периоду мрачного, вообще бедного «событиями» средневековья, удобрявшего лишь почву для будущего расцвета капитализма с его хвалебным гимном частной инициативе и предприимчивости. Китай пребывал в условиях замкнутого, кланового, родового, полунатурального хозяйства, несмотря на свою «завоевательную» политику в Монголии, Маньчжурии, Туркестане и Тибете.

Вторая причина, задерживавшая развитие капитализма в Китае, та, что европейский «завоеватель», покорив Америку и часть Африки, поторопился притти и в Китай.

Мировой эксплоататор явился в Китай после законченного периода ограбления других стран, в которых ему было оказано незначительное сопротивление. Укрепивши свою

хозяйственную систему в Европе, — в результате своих «побед» над экономически отсталыми народами завоеванных стран,—свергнувши троны королей и папских наместников и легатов в своих собственных странах, как препятствия, мешавшие непрерывному развитию капитализма,—мировая буржуазия—новый хозяин вселенной—организовала чиновничью бюрократию, создала постоянные армии, и соорудила броненосные суда.

В сопровождении солдат и под прикрытием судов, буржуазия, руководимая застрельщиком мирового империализма—Англией, явилась на континент Азии, в Китай, ради его порабощения, если бы полное завоевание почему-либо оказалось невозможным.

Земледельческое хозяйство и начальные формы мануфактурной системы в Китае при правительстве феодалов - императоров династии Маньчжуров в стране, поделенной на ряд вице-королевств феодального типа и характера,— все эти «факторы» не располагали к успеху в борьбе с вооруженным до зубов белым завоевателем. Важно, однако, констатировать тот факт, что борьба при всех, очевидно, неравных шансах между Китаем и его поработителями завязалась, и борьба длительная, мучительная и упорная.

Важно отметить также и то обстоятельство, что порабощение Китая «белым» завоевателем дало первую сильную вспышку революционного движения в Китае, направленного против династии, потерпевшей крах при столкновении с «пришельцем»—вооруженным фабрикантом. Это восстание, сыгравшее столь крупную роль в будущей истории всего Китая, известно под именем «тайпин'ского восстания» и развивалось в сложном историческом узоре в середине 19-го столетия.

Завоевательная политика в отношении Китая, грубо говоря, может быть разделена на 2 периода. Первый имеет своей отправной точкой первые десятилетия 17-го столетия, когда, вслед за португальцами, пароходы английской «Компании Восточной Индии», с разрешения английского правительства, приходили в Кантон и увозили назад к себе в Англию сырьевые продукты, шелк, слоновую кость, чай,

жемчуг и хлопок. То был период непосредственного обмена вооруженного английского купца с невооруженным китайцем.

Даже в этой своей стадии этот обмен был экономически невыгоден Китаю. Даже в этом периоде продукты тяжелого труда китайских крестьян оставались неоплаченными. Ростовщический обмен распределял прибавочную стоимость по карманам пароходовладельцев и английских купцов, с одной стороны и перекупщиков-китайцев—с другой.

Сопротивление Китая навязываемой торговле.

Несмотря на относительно «либеральный» характер обмена, английские купцы отправлялись в Кантон не иначе, как в сопровождении своего военного флота. В самом начале торговли англичан с Кантоном зарегистрирован случай стрельбы китайцев по отряду военных судов под командой капитана Уэделла в 1635 году.

Обмен с Кантоном, к выгоде англичан, во весь период 17 и 18 столетий не регулировался правилами или торговыми нормами. Попытка Англии в 1793 году добиться заключения торгового договора с Китаем была безуспешной. Китай противился легализации торговли с «белым» завоевателем, с «заморским дьяволом», равно как не желал и не мог признать тех форм обмена, какие ему навязывались воруженным иностранным купцом. Об'ясняется этот факт тем, что условия натурального и полуманufактурного хозяйства, характерные для длительного и долгого периода экономического средневековья Китая, не вызывали потребности в обмене излишков китайского труда на продукты чужого производства, да еще в обмене, который навязывался Китаю англичанами под угрозой пушек.

Капиталистическое же хозяйство Европы бурного периода Адама Смита требовало китайского сырья—с одной стороны, и сбыта на китайский рынок товаров манчестерского производства—с другой.

Насколько Китай был чужд торговле с иностранцами вообще и особенно в тех формах, в каких иностранцы эту торговлю «подносили» трудовым массам Китая, видно из того факта, что Китай даже с Японией, своей ближайшей соседкой, не имел никаких договорных отношений до тяньцзинь'ского договора 1871 года.

В то же время юг Китая был поставлен в другие экономические условия. Кантон являлся главным распределительным пунктом, и потому южане, главным образом, кантонцы, не чуждались меновых отношений с народами, от которых они не ждали, вместе с куском ситца, свинцовых пуль и порабощения. Известны исторические факты торговых отношений Кантона с арабами и захода китайских судов в Персидский залив. Один из первых путешественников и исследователей Китая, Марко Поло, в конце 13 столетия рассказывает о своем путешествии из Китая (порт Амой, провинция Фу-цзянь) на китайском корабле, нагруженном перцем и другими продуктами в порты Малайского Архипелага и Индии. В отличие от этой мирной торговли, английская торговля шла спорадически, грабительски, вынужденно. Китайцы своего добровольного и свободного согласия в течение долгого времени на эту торговлю не давали. Англия же, со всей настойчивостью страны, переживавшей медовый месяц развития капитализма, требовала признания Китаем за нею права на нестесняемую, неограниченную торговлю, по крайней мере, в прибрежной полосе Китая.

Войны и договоры.

Это открывает собою второй период взаимоотношений Англии с Китаем, договорный период, сопровождавшийся войнами, экономической кабалой, а следовательно, и политическим гнетом.

Англия уполномачивает в 1793 году лорда Мак-Картнея заключить торговый договор с Китаем. Попытка осталась безуспешной. Двадцать лет спустя, Англия возобновляет свою попытку. Главою миссии на этот раз был лорд Амгерст. Попытка вновь оказалась безуспешной. Еще через 20 лет— новая попытка с тем же результатом.

Тот минимум торговых операций между Кантоном и Англией, который к этому времени был фактически зафиксирован, не мог удовлетворить Англию по ряду причин. Прежде всего, торговля Англии с Китаем ограничилась одним лишь портом Кантоном. Далее—в интересах большего сопротивления «Восточно-Индийской Компании» китайские купцы и перекупщики, в свою очередь, вели дела

при посредстве гильдии, так называемой, — «Ко-хон» в Кантоне. Эта гильдия устанавливала цены на продукты вывоза из Китая. Грабительским аппетитам «Восточно-Индийской Компании» были поставлены границы. Как наиболее энергичный мотив к требованию «гарантий» нестесняемой торговли выставлялось то, что торговцы из англичан привозили с собою в Китай опиум, взращиваемый ими в Индии.

Опиум—чрезвычайно доходная статья в иностранной торговле с Китаем. Миллионеры - иностранцы в Китае, владеющие наибольшими предприятиями и занимающие соответственно самое «высокое» и почетное место в обществе колонизаторов и снобов, составили себе свои богатства на сбыте опиума китайцам, другими словами—на отраве сотен тысяч китайского населения.

Указанные выше условия, вместе со стремлением Англии узаконить свою торговлю с Китаем вообще, должны были привести—и привели на самом деле—к войне Англии с Китаем. Война началась в 1840 году. Она известна под именем «опиумной войны». Поводом к ней послужило то обстоятельство, что китайские чиновники в 1839 году в Кантоне сожгли 20,291 ящик с опиумом, принадлежавший изобретателям парламента и «великой хартии вольностей»—гордым бриттам.

Нанкинский договор.

Пришла война, а вместе с нею—ужасы разрушения и разграбления Китая. Британский флот, захватив города вдоль побережья юга Китая—Амой (Ся-мынь), Нин-бо, У-сун, Шанхай—вошел в реку Ян-цзы, где и бомбардировал беззащитные города, лежащие в долине самой реки.

Мир был подписан в Нанкине 29 августа 1842 года. То был катастрофический мир в истории Китая в целом и экономической его истории — в особенности. Иностранцы ступили ногой на грудь Китая. С этого момента иностранцы диктуют свою волю Китаю. С этого момента иностранцы вывозят на свои фабрики продукты труда китайских крестьян в неограниченных количествах.

До 1834 года «Китай признавался господином положения», говорит Морс в своей работе «Торговля и управление

Китая»: «Китай диктовал условия, на которых должна была протекать иностранная торговля, и иностранные государства, представленные только в торговом отношении, должны были принимать эти условия и подчиняться им без всякого ропота».

«После договора 1842 года господами положения сделались иностранные государства, и иностранная торговля должна была вестись на условиях, которые были продиктованы иностранцами, а не Китаем».

Нанкинский мир создал, так называемые, «договорные порты»—излюбленный термин империалистов на Востоке.

«Договорные порты»—это узаконенные центры «торговли» с радиусами на большие расстояния вглубь самого Китая.

В «договорные порты» иностранцы могли привозить (и привезли) свои войска, свою полицию и своих жандармов, под прикрытием которых чинилась и чинится «свободная торговля».

Нанкинский договор—предвестник будущих концессий, т. е. уступки иностранцам территорий на территории самого Китая, а также—экстерриториальности, т. е. из'ятия иностранцев от преследования китайцев, независимо от того, какие бы обиды, угнетения и преступления ни были учинены иностранцем над китайцами. Нанкинский договор—символ финансового гнета, так как он наложил тяжелую контрибуцию на плечи китайских трудовых масс. В каждую следующую войну иностранцев с Китаем,—а этих войн было немало на протяжении второй половины 19-го века,—цифра контрибуций сильно возростала, увеличивая задолженность Китая перед завоевателями, и давая последним тем самым право на беспрерывную эксплоатацию труда китайцев и естественных богатств Китая.

Нанкинский мир точно перечислил «договорные порты», открытые для иностранной «свободной» торговли: Кантон, Шанхай, Амой, Фу-чжоу и Нин-бо.

По нанкинскому же договору остров Гонконг был уступлен Китаем Англии навсегда. Гонконг именуется с того времени «колонией короля Англии», а не владением Китая. Нанкинский договор, отдавая дань дипломатической фразеологии, блеснул фразой о том, что «отношения между обеими

нациями должны развиваться на началах равноправия». Пустая и оскорбительная фраза—после того, как это «начало равноправия» было так извращено и изнасиловано. Сейчас же вслед за нанкинским договором, тождественного характера договоры были заключены Китаем с Соед. Штатами Америки и Францией.

Англия в роли авангарда мирового империализма проложила путь мировому капиталу. В этой стадии экономического развития фабриканты и торговцы культурных стран действовали дружно и сообща. Китай представлялся сокровищницей неисчерпаемых богатств, способной насытить сырьем фабрики и заводы предпринимателей разных стран. Состояние промышленности в странах Европы и Америки не вызывало необходимости в экономическом соперничестве на китайской территории, с неизбежными, войнами империалистов между собою в качестве условия и венца этого соперничества. Надо, впрочем, помнить, что Англия, предоставляя возможность эксплоатации Китая другим империалистам, занимала и занимает в Китае главенствующее и господствующее положение среди империалистов всех стран.

Миссионеры—агенты иностранной торговли.

Иностранный капитал прокладывал себе дорогу не только пушками. Одним из методов проложения путей иностранной торговли в Китае является деятельность миссионеров. Они пришли на Дальний Восток,—на континент и острова,—очень давно, в самом начале 17-го столетия, вместе с первыми торговцами-мореплавателями, португальцами и испанцами. Весьма нередко миссионеры встречались населением очень недружелюбно. В особенности много хлопот доставили миссионеры вождю японских племен Хидеоши, свирепо преследовавшему пришельцев вместе с их сторонниками. Мотивы этой вражды были исключительно экономические, так как миссионеры были предвестниками иностранной торговли, которая, в практическом своем значении, была для народов Дальнего Востока порабощением. Миссионеры сами этого не скрывали. Классическое изречение одного испанского миссионера начала 17 столетия устанавливает с отчетливой точностью, устраняя необходимость всяких других доказательств, действительную цель наплыва миссионеров в страны Дальнего Востока.

«Наши короли начинают с посылки миссионеров в те страны, которые они желают покорить. Миссионеры побуждают народ принять нашу религию. Когда миссионеры добиваются значительных успехов, посылаются войска для совместных действий с новообращенными христианами, и уже тогда нашим королям не стоит большого труда добиться поставленой себе цели». (Путнам Уилл—«Правда о Китае и Японии»).

Новые захваты и расправа над тайпин'ским восстанием.

Миссионеры шли только параллельными путями со светскими завоевателями, не стесняя иностранный капитал в применении других «способов» и методов.

Следущая война Англии—война против китайского народа, в непосредственном и прямом значении этого слова,—началась в 1857 году, когда отряды английских войск высадились на территории Китая для захвата новых «торговых портов» и для расправы с тайпин'ским восстанием.

Повстанцы не признали ни авторитета англичан, ни нанкинского договора. Обвиняя англичан во ввозе опиума в Китай, повстанцы организавали в 1856 году ряд враждебных иностранцам демонстраций в Кантоне—этой колыбели всех революционных событий в Китае. Имущество иностранцев было сожжено, дома разрушены. Тогда-то и началась организованная интервенция всех империалистов под командой и «идейным» руководством все той же Англии.

Борьба велась на двух фронтах. Северный фронт был в раойне Тяньцзинь'а и имел своей целью сломить упорство правительственных войск, чтобы вырвать у Пекина новые привилегии и преимущества. Эта задача удалась англичанам в результате сожжения целого ряда городов. В 1860 году с Пекином был подписан договор, в силу которого Ню-чжун, Формоза, Сватоу (Шань-тоу) и Тин-чжоу были об'явлены «договорными портами». Захват Китая иностранным капиталом шел в направлении с юга на север, по береговой линии т. е. по самой богатой и густо населенной территории Китая.

Этим же договором Англия вырвала у Китая признание права на особые привилегии в долине Ян-цзы. Империалист врывается в самую гущу Китая, наносит удар в самое

сердце. Долина реки Ян-цзы—плодороднейшая и богатейшая часть Китая, и провинции, расположенные по обоим берегам Ян-цзы, богаты углем и железом. Иностранному капиталу надо было ворваться на эту территорию во что бы то ни стало. Мировому хищнику надо было ввести на эту реку свои канонерки и легкие крейсера, чтобы под их прикрытием захватить угольные и металлические богатства района Ян-цзы, построить пристани и вывозить на своих кораблях все захваченное к себе на фабрики. Захват китайского угля и железа блокировал возможность развития китайской промышленности на долгий срок.

Вопрос о привилегиях на Ян-цзы—коренной вопрос в новейшей истории взаимоотношений Китая с иностранным капиталом. Слишком лакомый кусок—угольные и железные богатства—готов испортить наладившийся «концерт» империалистов всех стран.

Дипломатами и казенными профессорами, в интересах примирения всех империалистов, была найдена пустозвонная формула о «равных правах» и «открытых дверях». Фактически «двери» открываются, конечно, лишь тому, в чьих руках находится ключ от этих дверей, а вместе с ними открывается и простор безконечным интригам. Живые доказательства на лицо. Ян-цзы манит японцев. В порядке фактического захвата, японцы закрепили за собой богатейшие рудники в провинциях реки Ян-цзы.

Ими же законтрактовано громадное большинство руды, выделываемой в Хань-ян'е. Японцы в своем 21 требовании пытались узаконить добытые права, чтобы, «при случае» их существенно расширить, вплоть до установления своей монополии во всем этом районе.

Интересы, связанные с претензиями на хозяйничанье в долине Ян-цзы, перекрещивают пути китайской революции с путями китайской контр-революции. Хань-коу, У-чан, Ханьян и Нанкин уже сыграли крупную революционную роль в 1911 году. Этим же городам предстоит сыграть едва ли не большую роль в надвигающихся событиях по ликвидации всех остатков полуфеодальной власти в Китае. Этому же району придется сыграть свою роль и в разрешении

исторического спора Китая с иностранным империализмом об экономическом раскрепощении страны. Учитывая исторические перспективы, английский предприниматель и поспешил обеспечить себе в 1860 году «специальные права» и привилегии в этом районе, чтобы зорко следить и контролировать внутренние дела самого Китая.

Англичане отняли у Китая по этому же «договору» также Гоу-лун, материковую полосу против острова Гонконг, замыкающую собою устье трех рек, идущих к Кантону с запада, севера и северо-запада, представляющее богатейшее русло для глубоко сидящих океанских кораблей.

Другой фронт об'единенных интервентов был направлен против восставших китайских трудовых масс. На этом фронте империалисты вели войну совместно с династией Маньчжуров.

Те обильные «дары», в виде новых «торговых портов» и отданных в аренду территорий, какие Англией были получены от Маньчжуров по договору 1860 года, говорят о стремлении правительства маньчжурских сатрапов в Пекине привлечь на свою сторону штыки и пушки иностранцев в борьбе против восставших масс. Англия без колебаний ринулась в бой с повстанцами. Капитан Гордон, чьей памяти захватчики на Востоке воздвигли монументы, в назидание потомству, возглавил собою отряды, предназначенные для расправы над восставшими. Под сильным натиском усовершенствованных орудий смерти, повстанцы, успевшие захватить весь Южный и Средний Китай, должны были сложить оружие. В свирепой и жестокой расправе над первым отпрыском революционного движения в Китае видную роль играл Ли Хун-чжан, занявший в дальнейшем развитии Китая крупнейшее место в иностранной политике Маньчжуров. Этому движению буржуазные ученые придают религиозный, а иной раз и династический характер. Каковы бы ни были эпизодические проявления этого грандиозного движения, все оно в целом являлось движением экономическим, следствием стремления угнетенных масс сбросить с себя цепи, наложенные на них иностранным завоевателем. Участие интервентов во внутренних делах

Китая на стороне реакции и контр-революции дорого обошлось трудовым массам Китая. Тот самый Ли Хун-чжан, который приглашал иностранные войска на «храбрый» подвиг обезглавливания десятков тысяч китайцев, уставших от тирании деспотов и сатрапов, должен был вслед за этим изобретать дипломатические способы ограничения алчных аппетитов своих союзников и иностранного влияния в Китае вообще.

Все эти меры, естественно, оказались тщетными. Роковой шаг был сделан. Китайская контр-революция связала на долгий срок свою судьбу с мировой реакцией, требовавшей своей доли участия в дележе «добычи» в результате победы над красной опасностью.

Китайская контр-революция, представленная отмиравшей династией Маньчжуров, должна была итти на все уступки мировому империализму, который со времени подавления тайпин'ского восстания не выводил своих гарнизонов из городов Китая и своих броненосцев — из портов Китая.

Крупнейшие «завоевания» мировой буржуазии в Китае относятся к периоду, непосредственно следовавшему за подавлением тайпин'ского восстания. Империализм не только награбил большую добычу, но почувствовал себя вправе влиять и вмешиваться во внутренние дела Китая, пытаясь их приспособить к своим карманным интересам...

Первый договор с Японией.

Особняком по своей дипломатической скромности стоит договор, заключенный Китаем с Японией в 1871 году. То был первый договор между двумя ближайшими соседями на Дальнем Востоке. Япония только что ликвидировала у себя остатки феодальной власти, преодолев сопротивление феодальных князьков, шогунов. Об'единив территорию своей страны в интересах промышленного капиталистического развития; создав парламент, в котором аграриям и народившемуся «третьему сословию» принадлежало все, народу же, трудовым массам—ничего; с императором-«божьим помазанником» во главе политической надстройки, именовавшейся конституционной монархией,—Япония стала искать торговых связей с ближайшими к ней странами.

Япония была еще экономически слаба. Язык ея дипломатов был поэтому вежлив. Договор 1871 года по своей редакции является документом исключительного интереса. При сопоставлении этого документа с другими документами, принадлежавшими перу той же японской дипломатии, например—с 21 требованием, пред'явленным Китаю в 1915 году, можно видеть, к чему свелось хваленое апологетами капиталистического общества развитие Японии в период от семидесятых годов прошлого столетия до первых десятилетий нынешнего. Цинизм приемов и варварство самой захватнической политики видны в каждой строке последующих дипломатических документов Японии. Сапог японского милитариста наложил свой отпечаток на каждую мысль документа о 21 требовании 1915 года. Язык же договора 1871 года—цветы восточного красноречия, строго-выдержанного в высоком стиле дипломатических разглагольствований.

Первый параграф договора гласит: «Отныне и впредь дружба между Китаем и Японией должна укрепляться и существовать во веки, пока существуют небо и земля. Оба государства должны относиться друг к другу со взаимным уважением, не должны допускать враждебных в отношении друг друга действий и стремиться к поддержанию и сохранению вечного мира». Как далек этот язык от языка 21 требования, настаивавшего в грубых нотах и самоуверенно-дерзких сопроводительных письмах на признании Китаем, под угрозою войны, «специальных прав» Японии в Маньчжурии и Монголии. Где же «дружба», существующая, пока существуют «небо и земля»?

Так капитализм, без труда и сожаления, расстался с сентиментальным языком своих первых дипломатов после того, как организовал армию и сыскную полицию.

Договор 1871 года, будучи вообще построен на началах взаимности, предоставлял каждой из договаривающихся сторон, в весьма условном значении—права на экстратерриториальность.

В этом, как и во всех других случаях, мы пользуемся термином «экстратерриториальность», понимая под ним специально уступленные территории, на которых осуще-

ствляется консульская юрисдикция, в отличие от термина «экстерриториальность», понимаемого, как личная неприкосновенность иностранного посланника и дипломатических курьеров.

Китай—во весь период от 1871 года, со дня подписания первого договора с Японией, до 1894 года, до дня об'явления Японией войны Китаю—располагал в Японии правами экстратерриториальности. Самые права были изложены в восьмом пункте договора, гласившим: «Каждое из государств в городах, предоставленных другою стороною для торговли, должно иметь своего консула, который и устанавливает контроль над купцами своей национальности». Консул руководствуется законами своей страны.

Таков был бархатный тон первого документа, рожденного в свет в начальный период капиталистического развития в Японии. Все последующие слова и действия Японии уже пропитаны дипломатической солдатчиной.

Тонкинский договор и симоносекский «мир»

Империалисты других национальностей, в свою очередь, не отставали от Англии. Франция в 1864 году—попросту аннексировала Ко-цзин (Цзяо-цзи). Через короткое время та же Франция заявила претензии на Тонкин (Дун-цзин), лежащий на юге Китая. Расчет французских капиталистов был в том, чтобы вместе с богатой территорией Тонкина протянуть свою длань на провинцию Юнь-нань, на крайнем юго-западе Китая, провинцию чрезвычайно богатую минералами, углем и металлами. Захват Тонкина сопровождался разорительной для Китая войной. Самые военные операции были успешны для китайцев и не в пользу французов. Франция не вышла бы победительницей из этой войны, если бы не организованная поддержка ея другими милитаристами, не желавшими допустить урона завоевательного престижа «белых». Тонкинский договор был заключен 9 июня 1885 года. В результате его был отхвачен кусок территории Китая, с миллионами населения, которое было превращено в полурабов.

Следующий мир был симоносекский.

Для севера Китая этот «мир»—имеет такое же значение, какое для Китая в целом имеет нанкинский договор.

К концу 19-го столетия, Япония, как капиталистическое государство, сильно окрепла. Ей нужен был внешний рынок. Японии также необходимо было устранить возможное соперничество других империалистов, с вожделением глядевших на неиспользованный еще рынок Кореи и Северного Китая—Маньчжурии по преимуществу.

Империалистическая Япония избрала Корею поводом войны против Китая. Желчной насмешкой истории является тот факт, что Япония в этой чисто империалистической войне выступила в роли «заступницы» за обиженную Корею, обещаясь охранять неприкосновенность территории Кореи от всяких внешних посягательств и признавать суверенитет ее государственных прав. Япония выдерживала эту позу, фальшивую по замыслу и лживую в сопровождавшем ее аккомпанименте слов, и в период войны с царской Россией в 1904 году, оберегая в потоке пустых звуков обиженную Корею от обидчиков, за исключением из их числа себя. Империалистическая Япония, несущая с собою пытку, казни и угнетение миллионам трудящихся—в роли заступницы «обиженных» трудовых масс! Придумала ли история еще более резкое противоречие между «словом и делом»? Недаром с того времени всякая попытка какой-либо империалистической «державы» говорить об охране неприкосновенности территорий и суверенитета угнетенных народов на Дальнем Востоке — вызывает злую улыбку на устах миллионов трудящихся порабощенных стран и слезную мольбу, обращенную к империалистам, не брать на себя этой непосильной задачи.

В 1921 году Китай напомнил Англии об опытах «охраны» Японией неприкосновенности Кореи, закончившихся аннексией ее в 1910 году, принесшей в Корею кошмары расстрелов и пыток в тюрьмах для десятков тысяч революционного корейского народа. Это напоминание было весьма уместно в июле 1921 года, в момент, когда Англия вела переговоры по вопросу о возобновлении своего договора с Японией, ради охраны «неприкосновенности» Китая.

Симоносекский мир признал «неприкосновенность» Кореи. Это означало, что Китай с этого момента не дол-

жен был быть «прикосновенен» к Корее, а Япония, по праву сильного и «благородного» соседа, должна была охранять Корею от всяких покушений на ея неприкосновенность. На деле эта «охрана» должна была привести к укреплению японского влияния в Корее и, в подготовительном процессе к аннексии ее должна была помочь японским империалистам опереться на какую-либо общественную реакционную группу в самой Корее. Симоносекский мир явился лишь подготовительным и предварительным шагом для будущего присоединения к владениям японских аграриев и микадо корейского полуострова с его 18-миллионным населением.

По симоносекскому договору, Китай отдавал Японии навсегда остров Формозу. Последствия отдачи Формозы чрезвычайно серьезны для экономического развития Китая. Китай не только лишился богатейшего фруктового сада, питавшего своими плодами огромные массы трудового населения юго-восточного побережья; Китай не только терял богатейшие чайные плантации, служившие источником обмена чая на фабрикаты, — отдавая Формозу, Китай сближал свои расстояния с Японией: Формоза лежит всего лишь в 70 милях от материка. Оживленная жизнь, бившая ключем в Амой'е, торговом городе на материке, лежащем против острова Формозы, стала замирать после аннексии Формозы. Чтобы закрепить за собою экономические выгоды от захвата Формозы и обеспечить свое превосходство вообще, Япония должна была стремиться к захвату всей провинции Фу-цзянь, лежащей против Формозы (Тайвань) или к установлению, по крайней мере, своего контроля над этой территорией. Отсюда—непрерывное тяготение японцев к Фу-чжоу, столице провинции Фу-цзянь. Отсюда провоцированное выступление китайских студентов в этом городе летом 1920 года, приведшее к столкновению с японцами и давшее японцам повод к приводу в этот порт японских кораблей. Отсюда—заявленное правительством Японии, кабинетом Хара, ярко представляющим интересы аграриев и милитаристов, об'единившихся в партии Сейюкай, требование на размещение японской полиции в Амой'е; отсюда категорический пункт в «21 требовании»—не предоставлять никакой третьей «державе» каких-либо прав на

территории провинции Фу-цзянь; отсюда — стремление иметь в роли дудзюна этой провинции ставленника клуба Ань-фу, покорного, безропотного и хорошо оплаченного исполнителя предначертаний японского генерального штаба.

После ограбления Китая путем захвата Формозы, в повестку дня японского империализма, как неизбежное последствие захвата, был внесен вопрос о превращении в японскую колонию всей провинции Фу-цзянь. Методами и средствами японского империализма служили и должны служить подкуп, провокация, пиратские набеги военных кораблей, словом, все способы «экономического давления». На дипломатическом языке эти методы зовутся «мирным проникновением» или установлением «сферы влияния».

История японских взаимоотношений с провинцией Фу-цзянь дает аналогию со взаимоотношениями острова Гонконга с провинцией Гуан-дун. Англия, захватив в «вечное владение» Гонконг, должна была устранить соперничество городов ближайшего к ней района, материковой полосы Гуан-дун'а.

Расправой над тайпин'ским восстанием Англия добилась, как уже сказано выше, Гоу-лун'а, а в первые десятилетия нашего века расширила свои владения на материке путем присоединения к себе новых кусков земли провинции Гуан-дун, известных под именем «новых территорий» по обе стороны железной дороги Гоу-лун—Кантон, ведущих вглубь материка.

Симоносекский «мир» наложил на Китай огромную контрибуцию в 200 миллионов таэлей-лан, увеличив в то же время список «договорных портов» новыми городами. Эти порты суть: Ша-ши, Чун-цин, Су-чжоу и Хан-чжоу.

Война 1894—1895 годов была событием огромной важности и для Японии. Это была первая попытка Японии заявить громко всему миру о своем существовании в качестве сильной капиталистической державы. Война с Китаем была необходима для Японии, как условие дальнейшего капиталистического развития и для завоевания себе первого места среди государств Дальнего Востока. Сейчас же вслед

за упразднением в Японии прав экстратерриториальности для иностранцев договором 1894 года, для Японии явилась необходимость закрепить за собою первенствующее положение на Востоке. Лучшим средством для этого была война с Китаем, война тем более удобная, что Япония могла завернуться в тогу гордого рыцаря, восстанавливающего оскорбленную справедливость и нарушенное равновесие между народами Дальнего Востока.

Целью войны 1894—1895 годов была потребность изменить отношения между Китаем и Японией. До войны центральная роль в делах Востока принадлежала Китаю. Японии же принадлежала лишь роль второстепенная и во многих случаях — подчиненная. Китай фигурировал в качестве главной стороны. Молодой капиталистической Японии надо было эти отношения видоизменить, переместив себя на первое место в делах дальневосточной политики, а Китай поставив в положение зависимой стороны. Эта задача блестяще удалась Японии. Китай вышел из войны побежденным. Причин этому было не мало. Во-первых, феодальное хозяйство Китая с прогнившим строем монархии не выдержало натиска молодых сил полнокровного задорного капитализма Японии. Во-вторых, Китай к моменту войны с Японией был уже ограблен другими капиталистическими правительствами, потенциальными союзниками Японии, и истощен экономическими взаимоотношениями с иностранцами и предшествовавшими войнами, которые Китаю пришлось вести с империалистами всех стран, начиная с 1840 года до самого конца 19-го столетия.

Последствия японо-китайской войны были огромны для Китая. Возрождение революционного движения в Китае в формах и процессах, превзошедших все прошлое в истории Китая, органически связано с моментами поражения 1894—5 года. Глиняный гигант — мрачная и жестокая династия феодалов-Маньчжуров — развалился.

Политические формы жизни Китая, с его императором-«сыном неба», с допотопными феодальными вице-королевствами,—не соответствовали рвущимся вперед экономическим

запросам хозяйственной жизни Китая; послужив причиной военного поражения, это несоответствие стало наглядной величиной, убедительной в своей неприкрытой наготе. Организация революционных ячеек под идейным руководством, партии Гоминдан с Сун Ят-сеном во главе стало очередной задачей, быстро развертывавшейся до момента революционных событий 1911 года. Престиж Японии в самом Китае, как сильной военной державы, поднялся. Даже Маньчжуры посылали своих офицеров в Японию для завершения своего образования в военных японских школах. Японский империализм удачно пользовался всеми элементами недовольства в Китае, гостеприимно предоставив свою страну, как главную квартиру китайской революции, закрепляя в то же время свое влияние на Китай через посредство тех, кто получал образование в Японии...

Период от 1894 года до следующей войны 1904 года—года войны между царисткой Россией и империалистической Японией,—развивался в том же направлении—грабежа Китая и отхватов его территорий.

Царистская Россия прибрала к своим рукам Порт-Артур, Дальний, и благодаря договору на сооружение Китайской Восточной железной дороги, военно-помещичья клика России приступила к колонизации Маньчжурии, хлебной житницы Северного Китая.

Империалисты других стран не отставали. Германия захватывает Цзяо-чжоу и Цин-дао. Англия арендует порт Вэй-хай-вэй в Чжилийском заливе, превращая его в военную крепость на Севере. Франция захватывает Гуан-чжоувань в южной части провинции Гуан-дун. Таким образом, Китай, в результате внедрения империалистов, оказался отданным на поток и разграбление и поделенным на сферы влияния иностранного капитала.

Экстра-территориальность.

Влияние этих захватов на политико-экономическую жизнь Китая может быть в полной мере учтено лишь в оценке тех мероприятий, которые, сопровождая «проникновение», обеспечивали экономическое господство мировой буржуазии и вели к установлению политического гнета над

Китаем. В общих терминах эти мероприятия сводятся к экстратерриториальности и таможенным тарифам. В своем принципиальном существе экстратерриториальность означала и означает стремление лишить Китай его территориального суверенитета. Отсюда с логической необходимостью следует, что экстратерриториальность означает лишение Китая права чинить суд над иностранцами, а в целом ряде мест даже лишение права чинить суд и над китайцами. Экстратерриториальность, естественно, ведет ко введению иностранцами на территории Китая иностранных судебных установлений.

Исторически институт экстратерриториальности берет свое начало с первых пограничных договоров, заключенных между Китаем и Россией в 17—18 столетиях.

Мы не говорим о начальных и безуспешных попытках России установить торговые сношения с Китаем в 1567 году, равно как и о неудачных пыпытках 1619 и 1653 годов. Первые русские торговые караваны пришли в Пекин в 1658, 1672 и 1677 годах. Первый договор Китая с Россией был подписан в 1689 году. Дипломатические русские миссии прибывали в Пекин в 1692, 1719, 1727 и в последующих годах.

Этими старыми договорами предусматривалось, что подданные обоих государств, в случае совершения ими преступлений на чужой территории, должны быть выдаваемы властям соответствующего государства. Выдача преступников чрезвычайно далека от понятия экстратерриториальности в современном значении этого термина, ибо существенный признак экстратерриториальности—это право иностранных консулов творить суд над своими подданными в чужом государстве. Однако, зародыши начала экстратерриториальности заключаются уже в этих договорах, поскольку каждое из государств лишало себя права подвергать суду лиц другого подданства, совершивших преступление на чужой территории.

Самое начало эстратерриториальности в том виде, в каком оно формулировано в договорах Китая с мировым империалистом, было фактически навязано Китаю. Китай во всех своих переговорах с иностранными «державами»

настаивал на признании за собою верховных прав территориального суверенитета, т. е. права распространения своей юрисдикции над всеми лицами, населяющими Китай, независимо от их национальности и подданства.

Учитывая сопротивление Китая в этом исключительной важности вопросе, Англия начала с фактического установления в Китае судов над своими подданными весьма задолго до момента признания Китаем прав экстратерриториальности за Англией.

Намеки на легализацию этого института имеются в нанкинском договоре 1842 года. Впрочем, в договоре это начало, сопряженное с унижением китайского народа, не было выражено с достаточной отчетливостью. Лишь в договорах, следовавших за нанкинским договором, начало экстратерриториальности занимает большое и выпуклое место. Китай, считаясь с экстратерриториальностью, как с навязанным ему реальным фактом, принимает со своей стороны все меры к пространственному обезвреживанию влияния этого «института».

В дополнительном договоре 1843 года Китай категорически заявляет о недопущении иностранцев и иностранной торговли в других портах, кроме тех пяти городов, кои были предусмотрены нанкинским договором. Более того, даже в пределах этих пяти «договорных портов» иностранцы были ограничены в праве свободного передвижения и в праве торговли лишь границами этих городов, без права распространения своей торговли на окрестности этих городов. Не расовой ненавистью об'ясняются эти меры самообороны Китая, как обычно толкуют эти явления буржуазные исследователи истории Китая, а живыми экономическими интересами, побуждавшими Китай, в интересах своей независимости, энергично сопротивляться завоевательным тенденциям мирового капитала.

Принцип экстратерриториальности получил совершенно отчетливое выражение в договоре Китая с Соед. Штатами Америки в 1844 году. Пункт 21-й этого договора гласит:

«Граждане Соед. Штатов, которые совершат какое-либо преступление в Китае, должны быть судимы и наказываемы

по законам Соед. Штатов консулами или другими специально на то уполномоченными официальными лицами».

Это правило относилось не только к уголовным преступникам. Параграфом 25-м того же договора предусмотрено разрешение американскими судами всех вопросов, возникающих по спорам с китайскими гражданами. Таким образом, Китай, будучи лишен права осуществлять свои верховные права над гражданами других государств в их спорах между собою и с китайцами, не мог регулировать применение своего уголовного закона в отношении иностранцев, учинивших преступление на территории Китая, сколь бы тяжело это преступление ни было.

Орудием осуществления прав экстратерриториальности являются консульские суды в «договорных портах», в качестве судов первой инстанции, и посольские суды—в качестве судов апелляционной инстанции. Англия организовала, впрочем, особый суд, именующийся «верховным судом». Специальную судебную организацию для дел, разбирающихся в Китае, создали также и Соед. Штаты Америки.

Все же другие державы ограничиваются судами консулов, в большинстве совершенно неграмотных в делах юридических, но хорошо осведомленных, как добросовестные уполномоченные командующих классов своих стран, в делах торговых и спекулятивных. В иностранных судах, функционирующих в Китае, применяются материальные и процессуальные законы иностранных государств.

В дипломатической переписке не раз возникал вопрос о том, в каком отношении эти законы должны находиться к законам самого Китая, так как иностранный «суд и расправа» чинятся на китайской территории. Американский полномочный министр в Пекине Георг Стюард в 1879 году писал по этому поводу в министерство иностранных дел в Вашингтоне в таких выражениях: «хотя китайское правительство и предоставило иностранцам привилегии экстратерриториальности, легализуя иностранные суды в Китае, однако же, китайское правительство настаивает на том, что законы Китая являются верховными, и что иностранцы, точно так же, как и китайцы, обязаны уважать эти законы».

«Уважать» закон—значит, подчиняться ему. Это заявление американского представителя в Китае, спустя 30 лет после «признания» Китаем прав экстратерриториальности служит доказательством того, что Китай не мог примириться с «институтом» иностранного судопроизводства на своей территории.

В свою очередь, и мировой империализм проявлял большую настойчивость в вопросе об экстратерриториальности. Иностранные капиталисты видели в ней условие своей неограниченной и не стесняемой «торговой» деятельности в Китае. В таких условиях эта деятельность неизбежно является ростовщической, спекулянтской, эксплоататорской. Мировой фабрикант, купец и банкир стремились, прежде всего, закрепить существование этих судов, когда речь шла об изъятии иностранца из действия китайских законов. Они также стремились к установлению своего влияния на китайские суды, когда речь шла о суде над китайцами по иску иностранца к китайцу. Иностранные государства добились у Китая права на посылку своего «ассесора» в китайский суд, якобы только для присутствования на слушании дела. Эта новая «уступка» фигурирует в американском договоре 1880 года, в силу которого «должностное лицо» той же национальности, какой является истец, должно быть свободно допущено для присутствования на суде: ему должны быть оказаны все признаки вежливости, сопряженные с его положением. Ему (ассесору) должны быть предоставлены все возможности для наблюдения за процессом в интересах справедливости. Если он (ассесор) того пожелает, ему должно быть предоставлено право вызывать свидетелей и подвергать их перекрестному допросу. Если он (ассесор) остается неудовлетворенным ходом процесса суда, ему предоставляется право обжалования и протеста».

Так мировой капиталист оберегал свои интересы в Китае. «Присутствование ассесора» переходило в активное вмешательство в самое производство суда. Вмешательство иностранного ассесора носило на себе все следы и признаки прокурорского вмешательства, т. е. элемента, независимого

от суда, и запугивающего суд своим правом обжалования судебного решения. Присутствование ассесора в китайском суде приобретало характер давления ассесора на китайских судей. Можно ли говорить при таких условиях о правосудии вообще, о торжестве и гарантиях «справедливости», и о других вещах этого же порядка, о которых так любят говорить буржуазные апологеты классового суда?

Необходимо упомянуть еще обособом виде суда в Китае, который судит китайцев независимо от того, пришли ли интересы кого-либо из европейцев в столкновение с интересами китайцев или нет.

Речь идет о так называемом «смешанном суде» в Шанхай'е, распространяющем свою юрисдикцию над всеми китайцами, живущими в «международном сеттльменте», т.-е. на территории Шанхай'я, которую иностранцы считают своей территорией. Статус «смешанного суда» в Шанхай'е в том виде, в каком он ныне действует и существует, до сих пор не признан Китаем.

Смешанный суд существует и действует в порядке захватного права. В Шанхай'е, цитадели мирового империализма в Китае, иностранцы установили свой контроль над «смешанным судом», воспользовавшись, как поводом, революционными событиями 1911 года. В 1914 году, после ряда энергичных протестов Китая по поводу нового захвата иностранцами прав самого Китая, глава (декан) дипломатического корпуса уведомил китайское министерство иностранных дел (вай-цзяо-пу) об условиях, на которых иностранные державы согласились бы вернуть «смешанный суд» под контроль китайцев. Эти «условия» в самом корне были неприемлемы для Китая и имели своею целью легализовать то, что фактически уже было захвачено иностранцами. Англичане со своими союзниками не изменили своей традиции—сначала грубой силой захватывать территорию или права, а затем требовать «признания» этих захватов в порядке нот или договоров. Вот некоторые из условий, на которых иностранцы соглашались вернуть суд Китаю: китайские магистранты (чиновники) могут быть назначены

китайским правительством в смешанный суд, при условии утверждения назначенных лиц шанхайским консульским корпусом.

На всех процессах и разбирательствах чисто китайских дел должен присутствовать представитель консульского корпуса.

Суду должно быть присвоено право самостоятельного приведения в исполнение приговоров, превышающих 5 лет тюремного заключения. Суду также должно быть присвоено право вынесения смертных приговоров, причем иностранные «хозяева» Шанхай'я настаивали на том, чтобы смертная казнь учинялась в пределах «международного сеттльмента». Все тюрьмы и места заключения Шанхай'я должны, согласно тех же условий мировых фабрикантов и банкиров, находиться в распоряжении суда и в непосредственном заведывании шанхайской полиции, подчиненной, в свою очередь, муниципальному совету (городской управе) Шанхай'я. Ордера об аресте должны исходить от муниципальной полиции. На полицию же, состоящую в Шанхай'е в своем большинстве из наймитов-индусов при английских инспекторах, ложится обязанность приведения всех приговоров в исполнение. Административная и финансовая сторона суда должна находиться в руках инспектора-иностранца.

Таковы те «условия», на которых иностранцы из'явили готовность передать суд под контроль китайцев. Во всех этих условиях нет и намека на признание суверенных прав самого Китая. А ведь буржуазным ученым, в десятках томах трактующим о добрых чувствах англичан и иностранцев вообще к суверенному Китаю и к китайскому народу, хорошо известно, что отправление «правосудия» независимыми органами государства является существеннейшим признаком его суверенитета.

Как в Шанхай'е, так и в других местах «сферы влияния» иностранцев нет и следа китайской независимости.

Борьба за уничтожение экстратерриториальности.

Вопрос об экстратерриториальности—больной и большой вопрос экономического развития Китая и его политического бытия. В иностранной печати Китая, по преимуществу—английской, враждебной к вопросу о возможности упразднения

этого института мрачных побед капитала над миролюбивыми трудовыми массами Китая, можно все же натолкнуться на аргументы, свидетельствующие о том, что экстратерриториальность переросла самое себя. Признавая, что существование иностранных судов на территории Китая является оскорбительным унижением Китая в его целом, буржуазная «колониальная» печать утверждает, что при сохранении экстратерриториальности, Китай не откроет иностранцам и иностранной торговле всей своей страны.

Интересам мировой буржуазии наносится, таким образом, существенный вред. Эксплоатационные возможности ограничиваются пространственно, в виду существования института экстратерриториальности. Иностранцы, по мнению этой же печати, слишком дорогой ценой оплачивают право не быть судимыми в китайских судах и по китайским законам. Это, конечно, более чем скромная аргументация, весьма далекая от претворения в жизнь. В свою очередь, Китай не пропускал ни малейшего повода, чтобы не говорить, не кричать о необходимости отмены прав экстратерриториальности.

В договоре 1912 года с Англией пункт 12-й гласит:

> «В виду выраженного Китаем желания реорганизовать свою судебную систему и привести ее в соответствие с системами народов Запада, Великобритания соглашается оказать всяческую помощь этой реформе, заявляя в то же время о своей готовности отказаться от прав экстратерриториальности тогда, когда Англия сочтет для себя удовлетворительными китайские законы и правила их применения».

Реальный отказ Англии от прав экстратерриториальности откладывается на неопределенно-далекие времена.

Однако, важно отметить, что в дипломатической фразеологии все же нашло себе место выражение о готовности отказаться от священных прав экстратерриториальности. Бледная мысль в обесцвеченных словах официального документа свидетельствует о том, что ненависть к этому институту достигла очень высокого напряжения в Китае, если Англия была даже вынуждена согласиться на

платоническое обещание расстаться с милым сердцу ее институтом экстратерриториальности.

Та же мысль и в тех же выражениях, фигурирует и в договорах с Японией и Соед. Штатами Америки в 1903 году и в договоре с Швецией 1908 года.

Приковывает к себе внимание то обстоятельство, что эти фразы без реального содержания об отмене экстратерриториальности нашли себе место в договорах после 1900 года, после так называемого «боксерского восстания», одно воспоминание о котором бросает в дрожь «завоевателей» Дальнего Востока.

Иностранцы отдавали себе полный отчет в том, что боксерское движение, независимо от того, что оно поддерживалось умиравшей монархией Маньчжуров, имело в своей основе стремление народных масс ликвидировать отношения, силой навязанные Китаю иностранным капиталом. Широкие трудовые массы устали и изнемогли от того «хозяйничанья», какое с собою принесли в Китай иностранные культуртрегеры. Империалисты отчетливо понимали, что боксерское восстание—это движение народных масс, направленное против насилия и экономического рабства, утвержденного мировым капиталом в Китае. Буржуазия почувствовала потребность прорекламировать свои настроения и добрые чувства в отношении Китая. Потому-то и появились в договорах, следовавших за 1900 годом, фразы о готовности отказаться от прав экстратерриториальности, благо—эти фразы обязывающего характера для мирового империализма не имели.

С новой силой вопрос об экстратерриториальности был возбужден делегацией Китая на так называемой мирной конференции в Версале. Несмотря на то, что Китай к моменту созыва версальской конференции не представлялся единым, несмотря на то, что отношения Юга и Севера Китая к этому времени приняли характер открытой борьбы в вопросах сопротивления мировому империализму—мнение делегации на конференции было единодушным.

Китайская делегация возбудила на версальской конференции вопрос об отмене экстратерриториальности.

Делегация пыталась урезонить, убедить версальских заседателей в необходимости отмены позорных институтов. Для этой цели она долго, пространно и настойчиво рассказывала версальским заправилам о том, что Китай в своей конституции отделил власть исполнительную от власти законодательной и судебной, что Китай разработал пять кодексов—уголовный, гражданский, торговый, гражданского судопроизводства и уголовного судопроизводства; что некоторые из этих кодексов предназначены к немедленному введению в жизнь; что Китай установил три судебных инстанции—уездный суд, апелляционный суд и верховный суд в Пекине, и не просто—суд, а суд с прокурорами; что дела разбираются публично, гласно; что сторонам в процессе обеспечены все возможности в собирании доказательств; что закон предусматривает организацию адвокатуры; что судьи будут с юридическим образованием, полученным ими за-границей, в университетах Запада; что вся пенитенциарная система (карательная система) тщательно пересмотрена и усовершенствована; что отменены раз и навсегда телесные наказания и восточные способы получения «признания» от подсудимого.

Но, разве мотивами о примении в Китае старенькой теории Монтескье о разделении властей и другими «стереотипами» юридической мысли можно было убедить «тигра» Клемансо, Ллойд-Джоржа и всех тех, чьи карманные интересы «львы и тигры» обслуживают?..

Версальская конференция осталась глухой ко всем аргументам китайской делегации, точно так же, как она оказалась холодно-равнодушной в отношении ходатайств и петиций других угнетенных народов,—корейского, например,—наивно полагавших, что можно «распропагандировать» мировой империализм красочным описанием бед и тягот миллионов трудовых масс, или убедить банкиров стройным рядом сильных аргументов. Это было безнадежное предприятие в самой своей «идее», имевшее, впрочем, один положительный эффект. Глухота и бесцеремонное обращение «версальцев» 1918 года с трагедией миллионов трудового народа рассеяли еще одну иллюзию, заставив массы трезво взглянуть на вещи так, «как они есть».

Китайская делегация, раз вступив на путь попрошайничанья, стала прыгать со ступеньки на ступеньку. Уткнувшись в глухую стену корыстных классовых интересов жадной мировой буржуазии, делегация стала просить о *принципиальном* признании версальской конференцией самой необходимости отмены иностранных судов. Проведение же в жизнь этой отмены китайская делегация просила отнести к 1924 году, когда, по заверению делегации, все пять кодексов будут в действии. В качестве немедленной практической меры, делегация просила лишь об упразднении ассесоров из «смешанных судов», т.-е. о предоставлении Китаю права судить хоть своих граждан без вмешательства иностранцев. Даже эта скромная просьба осталась неудовлетворенной. Других результатов нельзя было и ожидать от сборища по дележу добычи империалистической войны, доставшейся в результате уничтожения 20 миллионов человеческих жизней.

Совершенно исключительный эффект в Китае произвела нота Карахана, говорившая в числе других вопросов также и об отмене экстратерриториальности. Нота Карахана дошла до Китая лишь в марте 1920 года. Китайские общественные группы и рабочий класс, в первую очередь, увидели в ноте действительный путь к отмене прав экстратерриториальности и к своему раскрепощению вообще. Нота вызвала энергичный отклик в среде общественных организаций и в печати, рабочей печати—в особенности. Живая связь между миллионами трудовых масс Китая и трудовыми массами Российской республики была установлена. Наибольшее внимание привлекла та часть ноты, в которой речь шла об отмене экстратерриториальности.

Нота Карахана.

Нота пришла в Китай в момент энергичного развития и высокого под'ема студенческого движения в Китае. Будучи буржуазным по своей природе, студенческое движение и в Китае играет роль авангарда пробудившихся сил «нации» в том периоде общественного развития, когда на пути экономического раскрепощения страны стоят феодальные группы, неприемлемые даже для народившейся буржуазии.

С момента появления ноты Карахана все резолюции студенческих организаций, обращенные к правительству, равно как и все студенческие демонстрации, выдвигали лозунг—«отмену экстратерриториальности». В своем практическом значении это требование, несомненно, революционно, ибо оно направлено на борьбу с наибольшим видимым злом, угнетающим миллионы трудового народа Китая. Осуществление этого требования в корне должно видоизменить отношение иностранного капитала к Китаю. Сознание необходимости ведения борьбы против экстратерриториальности привело к созданию в Шанхае особой организации для ведения борьбы с этим орудием чужеземной эксплоатации Китая. Эта организация—Вай-фа-чжуан-юань-дуань имеет свои отделы во многих городах Китая. Очередной задачей является создание всекитайского центра для разрешения вопроса о методах борьбы за упразднение экстратерриториальности. В своей декларации эта организация заявляет о «своей готовности бороться до последнего», выражая пожелание посмотреть, каково сейчас будет отношение к этому вопросу со стороны «покровителей мира и истины», читай—империалистов.

Большой интерес представляют мнения китайских организаций и китайской печати о ноте Карахана в той ея части, в которой речь идет об отмене экстратерриториальности и о полном тексте ноты вообще. Мнения и отзывы печати и организаций о ноте собраны в специальном первомайском номере «Новая Юность», журнале известного в Китае ортодоксального марксиста, профессора Чен Дю-сюй. Вот некоторые из этих отзывов.

«В первый раз мы встречаем в дипломатическом документе такие выражения, как «восстановление, отмена, без всякого вознаграждения». (Шанхайская «Правда»—*Чен-бао*).

«Россия — единственная страна, помогающая нам материальными благами и идейными ценностями». (Пекин, «*Чен-бао*».)

«Мы уверены, что отмена экстратерриториальности—первый шаг к решительной борьбе против классовых

различий и международного неравенства». (*Национальная конференция журналистов*).

«Много мы настрадались от применения экстратерриториальности и потому мы все единодушно требуем, чтобы она была упразднена раз и навсегда». (*Чиу-коу Жи-бао*).

«Ваша нота говорит нам об искренних чувствах русского народа. Что же касается до специальных привилегий и прав экстратерриториальности, коими другие государства до сих пор еще пользуются на нашей территории, мы, представители народа, примем все меры к отмене этих привилегий». (*Члены парламента*).

«Допустимо ли, чтобы наши граждане, наш народ были судимы иностранцами на нашей же территории». *(Всекитайский студенческий союз вместе с 16 другими организациями)*.

«Вы говорите о своем намерении вернуть нам то, что царистским правительством у нас ограблено. Вы говорите о своем намерении уничтожить экстратерриториальность, от которой мы, рабочие, больше всех страдали и страдаем. Мы приветствуем дух вашей революции в значительно большей мере, чем материальные предложения, какие вы делаете Китаю». *(Шанхайский Рабочий Союз)*.

«Разрешите нам взять на себя честь выразить чувства китайского народа, принимающего предложения России и русского народа и выражающего искреннее желание установления дружеских отношений между обеими республиками». (Тянь-цзинь «*И-жи-бао*»).

«Если мы не только примем реальные предложения Советской России, но будем следовать ея советам и вместе с нею работать, то все задачи, ради которых мы ведем борьбу, будут скоро разрешены». *(«Чиу-Коу-Жи-бао»)*.

«По прочтении ноты и ознакомлении с конституцией Советской России, мы приходим к выводу, что политика России в отношении Китая диктуется основными принципами советской власти, не являясь, следовательно,

ни актом неожиданным, ни актом, преследующим дипломатические цели». (*«Мин-го-жи-бао»* — народная газета).

«Мы обращаемся с призывом к вам, наши братья и сестры, мы обращаемся с призывом ко всем гражданам Китая принять участие в строительстве Нового Мира в интересах всего человечества. Угнетенные всего мира, соединяйтесь». (*«Тянь-цзинь'ский Студент»*— официальный орган Тянь-цзинь'ского Союза Студентов).

«Мандарины, вы глупцы. Вы боитесь Советской России. Не потому ли вы боитесь Советской России, что ваш патрон, Япония, не любит ее?» *(«Журнал Шанхайского Союза Студентов»).*

«Рассвет приходит из России, бросающей свои лучи на темный Восток. Дружеская рука протягивается к нам. Протянем же мы ей без колебания руку». *(«Новая Юность»).*

«Дорогие русские товарищи! Мы хотим большего от вас. Мы хотим, чтобы вы рассказали нам, как можно убедить империалистов сделаться добренькими— силой или мирными средствами». *(«Рабочий»).*

«Если наши развращенные должностные лица скажут нам, что они не могут быть в дружеских отношениях с Советской Россией, потому что они не примиряются с системой советской власти, почему же, в таком случае, они считают возможным поддерживать добрые отношения с британской и японской империями, политические институты которых совершенно отличны от наших». (Шанхай, *«Шунь-бао»*).

«Пусть красный флаг развевается над всем миром». *(«Голос Рабочего»).*

Приведенные цитаты далеко не исчерпывают всех сказанных слов, вынесенных резолюций и отчетливых лозунгов, выдвинутых китайскими организациями и печатью по поводу ноты Карахана. Однако, и цитированного достаточно, чтобы убедиться в том, что нота Советской России создала общественное движение в Китае, организовала его массы, об'единила их вокруг лозунга борьбы с мировым

империализмом, требующего, прежде всего, уничтожения позорного, рабского института, отдающего Китай «на поток и разграбление» иностранному капиталу. До ноты Карахана, китайская делегация на версальской конференции чувствовала себя на положении «бедного родственника», выпрашивающего милостыню и грошевые подачки. После ноты Карахана и того мощного движения, которое этой нотой было создано, даже пекинское правительство почувствовало себя уверенным, и во всех новых договорах, заключенных Китаем с разными государствами—Польшей, Австрией и Германией—начало экстратерриториальности уже не фигурирует. Из всех новых государственных образований, созданных после войны, Чехия, хвалящаяся своим массариковским демократизмом, всего больше настаивала на сохранении экстратерриториальности в новом договоре Китая с нею. Это требование практического значения для Чехии иметь не могло, так как общее число всех чехов не превышает сотни лиц, Однако, молодому питомцу империалистической Франции было необходимо добиваться признания прав экстратерриториальности за ее гражданами, очевидно, для поддержания «престижа» великодержавности. Чехия не преуспела в своих домогательствах, равно как не добились результатов и другие государства, с которыми Китаю приходилось подписывать договоры после ноты Карахана.

В отношении России вопрос об упразднении экстратерриториальности принципиальных затруднений не вызвал.

Упразднение царской миссии Кудашева в Пекине в сентябре 1920 года в значительной мере было продиктовано осознанной Китаем необходимостью сокращать число государств, создающих «государство в государстве» на территории Китая. Осуществление акта об упразднении царских чиновников в качестве политического представительства революционной России и выведение их из рядов дипломатического корпуса вызвало сочувствие миллионов русского народа и отвечало требованиям народных масс, которые давно отвернулись от кучки пекинских отщепенцев, создавших бандита Семенова, и рекламировавших изо всех сил черчиллевского Колчака. Приезд в Китай миссии

Дальневосточной республики, возглавляемой И. Л. Юриным, лишь упростил и ускорил процес «отозвания признания» от царской миссии. Посылка миссии Дальневосточной республики в Китай, при наличии формального об'явления в ноте Карахана о полном непризнании Кудашева и его агентов, указывала китайскому правительству и китайскому народу, что весь русский народ в его целом и все части территории России не доверяют своих интересов агентам царской власти и требуют их упразднения. Кудашев был упразднен, оплакиваемый дипломатическим корпусом, а особенно усердно—французским полномочным министром Бопом и японским—Обата. Вместе с Кудашевым были упразднены столетняя экстратерриториальность и награбленные царизмом русские концессии. Незадолго до упразднения Кудашева, Китай отказался от взноса боксерских денег царской миссии.

Борьба с экстратерриториальностью сделалась широко популярной. В июне 1921 года в Пекине состоялся всекитайский с'езд по борьбе с экстратерриториальностью. Нет тех средств и сил, которые заставили бы китайские массы отказаться сейчас от своего требования—полного и безоговорочного уничтожения экстратерриториальности. Эта проблема представляется, однако, лишь частью общего вопроса, и решение ее возможно лишь при разрешении основной проблемы, поставленной перед Китаем историей,—его экономического и политического раскрепощения...

Концессии и сэттльмент.

Кроме экстратерриториальности, иностранный капитал вырвал у Китая так называемые концессии и сэттльмент. Юридическое различие между этими «категориями» сводится к тому, что сэттльмент—территория, отведенная Китаем для жилья иностранцев. Границы сэттльмента точно определены. Земля в пределах сэттльмента продолжает считаться собственностью Китая. Всякие сделки на нее и с нею должны быт зарегистрированными у китайских властей. «Концессии» же суть отданные Китаем в аренду иностранцам территории, за которые «завоевателями» вносится определенная сумма, в виде поземельного налога китайскому правительству. Приобретение иностранцами земельных участков в пределах концессии определяется правилами соответственного

иностранного государства и не требует санкции китайских властей. Любопытной чертой русских концессий в Хань-коу и Тянь-цзинь'е явилось то, что царский консул получал от каждой сделки по продаже земли на концессии пять процентов валовой цены в свою личную пользу. Царский чиновник превращался, таким образом, в комиссионера по продаже земельных участков чужого государства, получая свой куртаж на каждой сделке. Пятипроцентной комиссией об'ясняется тот факт, что русская концессия, предназначенная по заданию российских захватчиков к развитию «отечественной» промышленности, в значительной своей части в Тянь-цзинь'е была продана царскими чиновниками японцам. Этой же пятипроцентной комиссией об'ясняется тот факт, что даже русское кладбище в Тянь-цзинь'е было предложено царским консулом к продаже тем же японцам...

Как и должно было ожидать,—на территории, арендуемой иностранцами в пределах Китая у Китая, китайцы стеснены в своих правах...

Китай формально не мог примириться с таким положением вещей, и в американо-китайском договоре 1858 года в главе I заявил, что Китай, предоставляя определенные территории для жительства иностранцев, не отказывается от своих верховных прав господства над этими землями. Конечно, это—слова без содержания, ибо пулеметы, штыки и броненосцы были на стороне империалистов. Китай, далее, должен был согласиться на предоставление иностранцам права на самоуправление в «концессиях», права на свою полицию, права на установление своих налогов, причем налоги обязаны платить все, проживающие на территории концессии; между тем, Китай лишен права облагать налогами иностранцев, проживающих на территории Китая вообще.

Иностранные гарнизоны в Китае.

Этим не исчерпываются привилегии, добытые для себя мировой буржуазией в Китае. Согласно протокола от 16-го января 1901 года, подписанного Китаем с иностранными «державами» после боксерского восстания, Китай был вынужден допустить ввод иностранных войск «для защиты каждого из посольств в Пекине» в посольском квартале, специальной территории, отданной Китаем полномочным

министрам под жилье. Весь квартал этот экстратерриториален и находится вне всякого контроля Китая. Сейчас же вслед за введением войск в Пекин, мировые империалисты ввели свои гарнизоны и за пределами Пекина—вплоть до самого Чжилийского залива. Мотив ввода иностранных войск был тот, что так называемые союзники хотели себя обеспечить на случай народных восстаний, держа связь между Пекином и своею морской броненосной базой в Чжилийском заливе. Иностранные войска были расквартированы и в Тянь-цзинь'е, так как он лежал на пути от Пекина к морю. Действительный мотив ввода иностранных гарнизонов в Тянь-цзинь заключался в том, что этот город является главным местом вывоза иностранцами китайского сырья на свои фабрики. Удобнее, безопаснее и дешевле вывозить продукты неоплаченного китайского труда под прикрытием своей солдатчины. Иностранным командирам в то же время были предоставлены права военно-полевой юстиции. Железная дорога, идущая от Пекина к морю в направлении на Мукден, отдавалась под военный контроль командиров полков, размещенных по городам и вдоль полотна железной дороги. Лишь вице-королю провинции (договор писался во времена монархии) предоставлялось право иметь личную охрану, не превышающую, однако, 300 человек.

В период революционных событий 1911 года военный контроль мировыми империалистами был установлен от Пекина до Шань-хай-гуань'я, конечного пункта Великой Китайской стены, идущей от города Хан-чжоу до Шань-хай-гуань'я на расстоянии в 650 миль. Участок от Пекина до Тянь-цзинь'я должен был охраняться английскими войсками, город Тянь-цзинь и участок на восток от него—французскими войсками, боковая ветвь от Тянь-цзинь'я до Таку—итальянскими войсками, полоса Тянь-цзинь—Шань-хай-гуань—японскими, американскими и немецкими войсками. В период европейской войны Франция уступила свои права контроля японцам; германская секция контроля отошла к американцам. Особенно усердно и ретиво контроль осуществляется японцами. Кроме войск, расположенных пикетами вдоль полотна дороги, японские жандармы и сыщики снуют на вокзалах и по вагонам отходящих и приходящих поездов.

Ввод иностранных войск и организация сыскных отделений и жандармской службы не должны вызывать удивления. Эти мероприятия—лишь логическое последствие хозяйничанья иностранного капитала на территории Китая. Экстратерриториальность—мощное орудие эксплоатации трудовых масс и естественных богатств Китая, и потому экстратерриториальность составляет первое звено в цепи. Следующим звеном являются иностранные гарнизоны в наиболее уязвимых местах влияния империалистов в Китае. Железные дороги—кровеносные сосуды всего хозяйственного организма страны. Железные дороги Китая должны разносить товары иностранного производства китайскому потребителю. Чувствуя себя во вражеской стране, вечно опасаясь возможности быстрой ликвидации навязанных Китаю отношений, мировые фабриканты и банкиры считали своей неотложной задачей, в интересах охраны «священной» собственности и узурпированных прав, размещение своих войск вдоль железных дорог и в крупных городах.

В тех случаях, когда было не совсем удобно размещать войска, вводились те же войска под видом полиции. В октябре 1916 года японский полномочный министр в Пекине вручил министру иностранных дел пекинского правительства «эйд-мемуар», памятную записку с пред'явлением своих «прав» на размещение японской полиции в местах Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. «Эйд-мемуар»,—это вид дипломатического документа, который не предполагает ни обсуждений, ни ответов, другими словами, это лишь бумага «к сведению». Пред'явление такого рода документа свидетельствует о бесспорности прав одной из сторон. Пред'являя Пекину «эйд-мемуар», японцы заявили, что считают свое право на размещение японской полиции на китайской территории бесспорным. Мемуар составлен в выражениях, не допускающих возражений.

«Императорское правительство Японии,—гласит документ,—считает необходимым разместить японскую полицию в районах Маньчжурии и Восточной Монголии, с целью охраны своих собственных подданных. Фактически большое количество японской полиции уже было

введено в Южную Маньчжурию,—эпически-спокойно повествует документ.—Пребывание полиции в этих местах было легализовано местными властями после того, как японские власти вступили по этому поводу в сношения с китайскими должностными лицами. Императорское японское правительство предполагает ввести японскую полицию в ряд новых мест на территории тех же районов Южной Маньчжурии и восточной части Внутреней Монголии».

Перечисляя функции и обязанности японской полиции, «мемуар» заканчивает словами:

«Организация японских полицейских станций в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии основана на консульской юрисдикции».

Экстратерриториальность создает консульскую юрисдикцию, консульская юрисдикция создает военные гарнизоны, полицию, сыщиков и жандармов. Вот тот круг, в который пушками и пулеметами мирового капитала загнаны 400 миллионов китайских крестьян и рабочих.

Во всех случаях новых захватов пекинское правительство прибегало только к дипломатическим протестам, т.-е. к простой канцелярской отписке. Министр иностранных дел Пекина и на этот раз выступил с протестом, оценив прежде всего японский документ не как памятную записку, а как ноту, подлежащую обсуждению и требующую «переписки». В своей ответной ноте министр обратил внимание Японии, что, согласно договоров, японские граждане должны подчиняться требованиям китайской полиции и только ея распоряжениям. Китайское правительство,—утверждал министр иностранных дел,—не может признать факта размещения иностранной полиции, якобы вытекающего из начала экстратерриториальности. Пребывание иностранной полиции на территории Китая находится в резком противоречии с суверенитетом Китая. Правительство не переставало протестовать против фактического размещения японской полиции на своей территории и никогда не признает законности этого факта, — заканчивало свой протест министерство иностранных дел.

Все в этом протесте правильно и неуязвимо. На деле же, в ответ на этот ответ, японская полиция была введена в Маньчжурию и Монголию, японские войска были увеличены в числе, сеть японской контр-разведки была широко раскинута по всей длине и глубине этих территорий. Японские жандармы стали свободно разгуливать на Мукденском вокзале, японские войска стали охранять и охраняют самый вокзал, телегерафные линии от Дайрена через Мукдэнь до Чан-чунь'я захвачены японцами, русские белогвардейцы и отборные царские жандармы, чьи руки и совесть в крови, находятся на японской службе в органах их военного и политического шпионажа на всей территории Северной и Южной Маньчжурии.

Пошлины.

Мощным орудием иностранного капитала в борьбе за экономическое завоевание Китая является таможенная политика. Еще со времени нанкинского договора 1842 года империалистами была установлена пятипроцентная таможенная ставка на все без различия товары экспорта и импорта. Эта система была невыгодна для буржуазии Китая, лишая ее возможности регулировать приток товаров иностранного производства. У буржуазии было отнято ея привычное орудие борьбы с товарами иностранного происхождения путем так называемой протекционной политики. Эта система была также невыгодна китайскому потребителю, поскольку она не давала возможности свободного распределения товаров на рынке по категории полезности и с из'ятием целого ряда товаров от всяких пошлин. Китай пытался ввести вместо единой и однообразной ставки разнообразную систему пошлин, кладя в основу расценок специфические особенности товаров. Идея специфических пошлин должна была сменить собою систему пятипроцентных пошлин ad valorem. Однако, несмотря на официальные пересмотры вопроса о таможенных ставках, пятипроцентная система продолжала оставаться. В 1918 году было созвано «совещание по пересмотру тарифов», которое решило специфицировать пошлины применительно к ценам на товары, существовавшим до войны. «Совещание» закончило свою работу в декабре 1918 года. «Великая пятерка», группа

самых крупных империалистических государств, одобрила эти тарифы с тем, чтобы они были введены в действие с 1-го августа 1919 года. Учесть все влияние новых тарифов возможно будет лишь в ряде лет. Можно лишь отметить, что в виду введения новых тарифных ставок, общие таможенные поступления в 1919 году повысились на 30 процентов по сравнению с поступлениями за 1918 год; поступления же за последнюю четверть 1919 года показали увеличение на 126 процентов в сравнении с тем же периодом 1918 года. Введение новых тарифов дало Китаю на некоторые предметы фактически 4 процента с общей цены ввоза иностранных товаров, так как до их введения действительная цифра поступлений никогда не превышала трех процентов, несмотря на прокламированную пятипроцентную ставку на все товары.

Если вспомнить, что ни в одном из капиталистических государств таможенные ставки не бывают столь низкими, а варьируются обычно в пределах от нескольких десятков процентов стоимости товара до полной его цены, то-есть всех ста процентов, что Китай лишен возможности устанавливать в своей стране таможенные ставки, без предварительного согласия и милостивого разрешения «опекунов и покровителей» — мировых фабрикантов и банкиров; если вспомнить, далее, что таможенные поступления идут на покрытие Китаем долгов и оплату процентов капиталистам всех стран,—то станет очевидным, что мировой империализм цепко держится за таможенные пошлины Китая, регулируя их в соответствии с хищническими интересами своего класса и задачами эксплоатации Китая вообще.

В вопросах таможенной политики империалисты между собою связаны своеобразным «священным союзом», признавать который Китаю было приказано. Таможенные тарифы не могут быть изменяемы в отношении товаров какой-либо одной страны, хотя Китай находил бы такое изменение желательным и установление льготных тарифов с какой-либо одной стороной целесообразным. . .

Принцип «наибольшего благоприятствования», занесенный в текст договоров со всеми государствами, заставляет

Китай «благоприятствовать» всем, без права выбора. Право выбора принадлежит лишь империалистам, когда ими нарушается начало «священного союза» и произвольно устанавливаются специальные «сферы влияния».

Некоторые, весьма немногочисленные категории товаров, свободны от пошлин. Сюда относятся: рис, ввозимый из других стран в Китай, другие зерновые продукты, мука, золото и серебро.

«Дешевый труд».

Мировая буржуазия настойчиво и упорно шла к осуществлению своих империалистических целей на Дальнем Востоке. Весь завоевательный процесс удостоверяет это с очевидной наглядностью. Иностранный капитал счел необходимым не только разместить солдат и матросов на чужой территории и в чужих водах, но и навязать Китаю ряд договоров, поручив охрану этих «священных» обязательств Китая своим дипломатам. Иностранный капитал, в целях безудержной эксплоатации миллионов трудового народа и богатств Китая, после создания «правовых» предпосылок, стал фактором внутренней жизни Китая. Мировые банкиры вмешиваются во все стороны жизни страны, оказывая давление на пекинское правительство, вводя таможенные тарифы, выгодные исключительно для их интересов.

Формы, виды и способы эксплоатации неисчислимо разнообразны. Самой жестокой эксплоатации подвергается труд. Китай поставляет на рынок огромные массы опролетаризировавшихся крестьян. Голод гонит эти массы в город. Эти-то голодные, полуодетые, еще неорганизованные массы и служат материалом для беспощадной эксплоатации, сопровождаемой всеми явлениями, характерными для начального периода капитализма. Капиталист в Китае не стесняется, как не стеснялся он в Западных Штатах Америки, в Западной Канаде, в Индии, в Африке и в других местах своего культуртрегерства. Капиталист в этих странах энергичен, предприимчив и инициативен. Все способы хороши для извлечения прибавочной стоимости. И непомерно длинный рабочий день, в 14—16 каторжных часов, и грошевая заработная плата, в 20—25, (а то и 7, и 5, и даже 3) медяшек, «коперов» (на золотой рубль 1 копер—меньше копейки)

и жестокость надсмотрщиков—все это хорошо известные явления «культуртрегерства» мирового капитала в покоряемых им странах. Бернштейнианцы и ревизионисты вообще, вместе с оппортюнистами типа Бертрана Русселя считали это культуртрегерство исторически-полезным явлением. То обстоятельство, что индустриализация этих стран, исторически неизбежная в условиях мирового хозяйства, могла бы протекать и без эксплоатации народных масс Востока иностранным капиталом, и протекать менее болезненно для миллионов рабочих,—не смущает этих эклектиков мысли, боящихся расстаться с привычными рамками капиталистического хозяйства. Не смущает их также и то, что хищный империализм уничтожает на Востоке человеческий «материал» точно также, как он уничтожает сырье и продукты, подлежащие переработке на его фабриках. Жестокая эксплоатация труда в Китае до самого недавнего времени не встречала сопротивления. Росли фабрики иностранных капиталистов, но гибли от голода, каторжного труда и холеры массы трудового народа. Деревня выставляла на рынок труда все новые контингенты рабочих. Какой простор! Сколько свободы в выборе рабочей силы. Творились легенды о сказочной «дешевизне» труда в Китае. Эта «дешевизна» несла с собою разрушение жизни миллионов ежегодно. Лишь при наличии дешевого труда, труда неоплаченного, можно было соорудить в Китае такие громадные города-чудовища, как Шанхай, Гонконг, Хань-коу, Тянь-цзинь и др. Только этим «дешевым», то-есть совершенно неоплаченным, трудом можно было воздвигнуть «Храмы Неба», «Летние Дворцы», «Храмы Голубого Облака» и другие произведения искусства в Пекине и его окрестностях, искусства, носящего на себе следы императорского периода. Буржуазия (речь идет здесь об иностранной буржуазии) создала благоприятные условия для своей торговли, для эксплоатации всех богатств Китая и безудержной спекуляции на валютных разницах. Буржуазия создала также в своих собственных интересах громадные города-резервуары, «годауны», города-склады с погребами и элеваторами, куда стекается сырье, подлежащее вывозу на заграничные фабрики, и где складываются

заграничные фабрикаты, от сардины до тяжелой машины, предназначенные для Китая.

ШАНХАЙ.

Из городов этого порядка, в которых мировой капитал чувствует себя полным хозяином—даже лучше и «свободнее», чем у себя «дома»—Шанхаю должно быть отведено первое место. Гонконг—вне счета, ибо Гонконг формально не принадлежит Китаю и титулуется «колонией короля Англии»; Шанхай же продолжает числиться в Китае и формально принадлежит ему. . .

Шанхай был захвачен у китайцев в 1842 году, когда британские войска, ведя войну с Китаем, двигались в направлении к Нанкину. В 1843 году Шанхай был об'явлен «договорным портом», открытым для иностранной торговли. В 1849 году французы заняли большой участок земли, об'явленный им впоследствии своим городом. Этот участок так и называется «Французским городом» в Шанхай'е. Американцы также заняли район, известный под именем «Хонь-кью». В 1863 году американский «сэттльмент» об'единился с английским, формально отказавшись от специальных прав и создав «управление иностранной колонии в Шанхай'е». Французы не амальгаммировались. В 1899 году территория, захваченная иностранцами, округлилась до солидных размеров — в 5584 акра. С того времени в Шанхай'е и зафиксирован «международный сэттльмент», управляемый «муниципальным советом». Избирательным правом в «муниципальный совет» пользуются иностранцы (об отношении китайцев к муниципальному совету в Шанхай'е речь будет ниже), владельцы земельной собственности, оцениваемой не ниже, чем в 500 таэлей, и владельцы крупных предприятий и больших доходов. «Французский город» в Шанхае занимает площадь в 500 акров и управляется своим особым муниципальным советом, правом избрания в который пользуются иностранцы-земельные собственники, квартиронаниматели, платящие 1000 франков квартирной платы в год и получающие не менее 4000 франков годового дохода.

Шанхай—огромный город, мощеный асфальтом, с громадными зданиями, пышными многоэтажными отелями, широкими улицами, по которым движутся десятки тысяч пестрой людской массы, большим количеством мчащихся и ревущих автомобилей, длинными кварталами проституции, биржевыми «брокерами»-комиссионерами, играющими на разнице между «золотом и серебром», делающими «прибыль» на спекуляции, посредниками всякого типа и сорта, мчащимися в экипажах в погоне за прибылью из банка в банк. Шанхай—город монотонного ритмического «пения» китайских полуголых рабочих, впряженных в телеги, переносящих тяжести или разгружающих иностранные корабли.

Шанхай — клоака мира, с неисчислимым множеством «баров», распивочных мест, где пропивают, покупают и продают опий, душу и женское тело. Шанхай—город с отборными смуглыми индусами в чалмах—в роли верных и «преданных» охранителей полицейского порядка, и важными гордыми англичанами в роли высших «блюстителей» порядка. Шанхай—город спекулянтов, сыщиков, снобов и проходимцев, город жадной эксплоатации, город чахоточного труда рабочих и бешеных доходов «завоевателей».

Шанхай непрерывно и быстро растет. Его население быстро и ежегодно увеличивается. Оно превышает 2 миллиона человек. Из этого числа иностранцы составляют 25 тысяч человек. В течение одного лишь 1920 года по данным статистики управления таможен,—китайских по имени, английских по существу,—одних разрешений на сооружение новых зданий муниципальным советом было выдано 3500. Стоимость этих новых сооружений —одиннадцать миллионов таэлей. Несмотря на то, что улицы и дороги в Шанхай'е и его ближайших окрестностях постоянно расширяются, проблема передвижения приобретает, чем дальше, тем больше, острый характер. По данным о жизни Шанхай'я за 1920 год, интенсивность моторного движения в Шанхай'е увеличилась на 40 процентов в сравнении с 1919 годом. Трамваи только в пределах «международного сэттльмента» перевезли в течение 1920 года 111 миллионов пассажиров. Трамвайное движение во «Французском городе» также

весьма густое. Железнодорожное междугородное и пригородное сообщение в течение 1920 года вместило все, что по физическому своему состоянию оно могло вместить. Водные пути сообщения, расходящиеся от Шанхай'я во все стороны, так же были чрезвычайно оживленными. Каждый год жизни Шанхай'я в статистических отчетах отмечается, как год исключительного благополучия. Вместе с ростом населения, растут новые заводы, конторы — «офисы». Власти порта жалуются на недостаток места для принятия всех кораблей, ищущих случая и возможности «причалить» к Шанхай'ю. Шанхай — «коммерческая метрополия» морского побережья Китая, один из наиболее важных по значению торговых портов мира. Население Шанхай'я весьма разноцветно и космополитично по составу. В Шанхай'е, кроме китайцев, составляющих громадное большинство населения, кроме европейцев и американцев, живут также японцы, корейцы, малайцы, филиппинцы, аннамиты, турки, индусы, сенегальцы, персы, яванцы и еще десятки наименований рас и племен. Шанхай во всем районе «международного сэттльмента»—город европейской «культуры», вызывающий нередко разочарование у тех из пресытившихся туристов, которые ищут экзотических настроений и впечатлений с момента их высадки на берег Азии.

Город расположен на реке Ван-пу, притоке Ян-цзы. Значение Шанхай'я, как торгового центра, определяется тем, что Шанхай занимает командующее положение в отношении менового оборота всей долины реки Ян-цзы, с населением в 200 миллионов человек. Шанхай—город не только торгового значения, но и быстро растущей промышленности. Есть районы, сплошь уставленные дымящимися фабричными трубами. Река Ван-пу и широкое устье Ян-цзы запружены кораблями, пароходами, катерами, баржами и лодками. На берегах реки—громадные судостроительные сооружения, доки, краны, товарные склады, узкоколейки... Все это приводится в движение усилиями сотен тысяч пролетариев. В Шанхай'е не менее 200 тысяч рабочих, занятых на фабриках и заводах. Огромные же массы китайских чернорабочих, известных под именем «кули», заняты во всех видах

неквалифицированного труда. Труд рикш—людей, впряженных в небольшую коляску для перевозки людей же, в этом бешеном огненном круге изнуряющего кошмарно-тяжелого, нищенского труда, считается трудом относительно легким. Это дает некоторое отдаленное представление о той каторге*), которая выращивает фешенебельные отели для разнузданной роскоши оппумщиков и спекулянтов в «благоустроенном» Шанхай'е.

Меновой оборот Шанхай'я.

Что собою Шанхай представляет в отношении менового оборота видно из того, что общая цена торговли Шанхая за 1920 год составляет сумму в 841.000.000 таэлей, сумму превышающую на 73 миллиона таэлей меновой оборот 1919 года.

Шанхай реагирует на все изменения мирового рынка, будучи одним из главных его поставщиков и потребителей. Ему же, Шанхай'ю, свойственны отличительные признаки мирового капиталистического хозяйства: анархичность производства и системы, банковская и биржевая спекуляция, скороспелые богатства, размножение «офисов» и фабричных предприятий, насыщение рынка, падение экспортной волны, перепроизводство, кризисы, банкротства и... резервная армия безработных. На торговый оборот Шанхай'я, кроме условий общекапиталистического характера, влияют, само собою разумеется, и политические условия жизни самого Китая. Политическими событиями Китай полон за последние годы. Борьба Севера с Югом, бои на самом Севере между враждующими группами, передвижение войск в связи с военными событиями, неплатеж бойцам их крошечного жалованья, являющийся источником вечного их недовольства и первопричиной солдатских бунтов и грабежей,—все эти «обстоятельства» не могут не отражаться на состоянии «договорного порта». В частности, и в особенности на торговый оборот Шанхай'я повлияли события лета 1920 года, года столкновения войск генерала У Бей-фу с аньфустами, поскольку эти события непосредственно задели Шанхай. Ближайшей соседкой провинции Цзиан-су с городом Шанхай'ем в качестве

*) Вот, для примера, заметка из местной хроники: «Кули-грузовоз, свалившийся под тяжестью тачки и перевернувший ее, был арестован за то, что затруднил движение. Оказалось, что груз тачки, которую он вез один, весил 34 пуда 30 фунтов. Тогда «за чрезмерную нагрузку» своей же тачки кули был оштрафован на 2 доллара». Это его недельный заработок.

торговой столицы—является провинция Чжэ-цзян. Дудзюн провинции Чжэ-цзян, генерал Лю Юн-сиан, являясь сторонником аньфуистов, мобилизовал свои войска. Полагали неизбежным его столкновение с генералом Ли-шун'ом, сторонником чжилийцев, губернатором провинции Цзиан-су, в которой и находится город Шанхай. Генерал Ли-шун, к слову говоря, покончивший самоубийством осенью того же года, в свою очередь, стал передвигать свои войска на Гун-шань. Войска противников подошли друг к другу, отделяясь лишь расстоянием в 10 миль. Железнодорожное сообщение Шанхай — Нанкин прекратилось. В последнюю минуту вмешались купцы. Враждующих помирили. Однако, влияние на торговый оборот этими событиями было произведено громадное. Общий мировой кризис и депрессия мирового капиталистического хозяйства 1920 г., в свою очередь, оказали сильное влияние на дела «торгового порта». Особенную тревогу испытал Шанхай, когда обозначилась линия падения курса серебра. Засуетились комиссионеры всех сортов и видов, «брокера». Серебро продолжало падать упорно и неуклонно. «Брокера» предпочли бы колебания курса, его повышение и понижение с тем, чтобы на этих колебаниях сорвать свою «честную» маклерскую прибыль, учиняя сделки на валюту с фиксацией курса, или пользуясь техническим шанхайским термином «закрытием курса».

Тем не менее, общий торговый баланс Шанхай'я показал в 1920 году повышение в сравнении с 1919 годом, и является совершенно исключительным по цифре своих оборотов. Поступления в шанхайскую таможню дали 18 миллионов 883 тысячи таэлей—на 32 процента больше в сравнении с 1919 годом. Общий тоннаж всех кораблей и судов, зарегистрировавшихся в 1920 году в шанхайском порту,—22 миллиона 500 тысяч тонн, на 4 миллиона тонн больше тоннажа, зарегистрированного в том же порту в 1919 году. На долю самого Китая из этого числа приходится всего 18 ½ процентов тоннажа; остальные 81 ½ процента принадлежат кораблям империалистических государств в следующей пропорции: Соед. Штат. Америки—11 ½ процента, Англии—37 процентов, Франции—2 ½ процента, японцам—

27 ½, флагам других государств 3 процента. Уже одна эта справка дает приблизительное представление о том, как распределяются влияния империалистов в Китае. Наиболее сильное влияние принадлежит Англии, следующей идет Япония, третье место занимает Америка. Все другие «державы» не влияют существенно ни на торговый оборот, ни на общее политическое положение этого района.

Шанхай, будучи портом мировой торговли, в ходе своего собственного капиталистического развития должен был соорудить большие судостроительные доки, спуская на воду пароходы океанского плавания. Та самая «дешевизна труда», которая стала притчей во языцех и в Европе, и в Америке, поощряла британское и американское правительства к сдаче заказов на сооружение кораблей шанхайским верфям и докам. В 1920 году были спущены 2 корабля для британского правительства, два—для американского, несколько для итальянской и для норвежской промышленных компаний, не говоря уж о большом количестве судов речного водоизмещения, сооруженных в шанхайских верфях и доках.

Характер ввозимых товаров.

Для общей характеристики народившегося и быстро увеличивающегося капиталистического развития самого Китая важно отметить, что из всей суммы торгового оборота Шанхай'я, превышающей 800 миллионов таэлей, иностранной торговле принадлежит лишь половина. Ввезенные в Шанхай продукты иностранного производства составляют сумму в 390 миллионов таэлей. По своему качеству ввозимые товары могут быть разделены на две группы. Первая группа—предметы не первой необходимости. Вторая группа—машины и металлические части к машинам. Обе эти группы указывают на огромные изменения в потребительской, поглощающей способности китайского рынка. Говоря о Шанхай'е, надо иметь в виду не только один этот город, а весь Средний Китай в его большем целом, ибо Шанхай—та дверь, через которую мировой торгаш проталкивает свои грузы на китайский рынок. Неразвитая сеть железных дорог Китая, всего протяжением в 7 тысяч миль на территории в 4,278,352 квадратных мили и богатейшая водная

система рек, озер и каналов, являются лишь распределительными путями, разносящими фабрикаты к пунктам потребления.

В чем же сказываются изменения экономической жизни Шанхай'я? В том, прежде всего, что иностранный импорт значительно сократился за счет предметов первой необходимости. Это об'ясняется тем фактом, что предметы первой необходимости уже изготовляются на китайских фабриках в Шанхай'е и его окрестностях. В услугах иностранного фабриката больше надобности не встречается. В этом вынуждены признаться англичане и империалисты-импортеры вообще. «В виду значительного расширения местного (китайского) производства, больших завоеваний в области ввоза ожидать уже нельзя»,—говорит отчет таможен за 1920 год. Это—вывод «ума холодных наблюдений», вывод из густых колонн цифр, красноречиво свидетельствующих о том, что в Китае создалась своя буржуазия и своя китайская промышленность, несмотря на иностранные гарнизоны, броненосцы и экстратерриториальность. С другой стороны, сильно возрос импорт металла всех видов и сортов. К концу 1920 года шанхайский рынок был «забит», переполнен металлическими товарами. Китайская промышленность настолько увеличила свои требования на эти изделия, что в 1920 году в качестве продавцов металла на китайском рынке фигурируют Бельгия и Германия. Ввоз одних машин составил сумму в 12 с половиною миллионов таэлей, главным образом, машин для хлопчато-бумажных фабрик а также для доков и верфей. «Виды на увеличение сделок с машинами наиболее благоприятны», говорит тот же отчет в общих оценках будущих прибылей. Следующим моментом хозяйственной жизни Китая явится развитие своего китайского машиностроения. Этот процесс об'ективно возможен при неисчислимом богатстве минерального топлива и металлической руды в Китае, сильно импульсирующих индустриальное развитие страны, пока—на принципе частной собственности на орудия и средства производства. Развитие машиностроения в Китае имеет и другое благоприятное об'ективное условие в быстро возрастающем кадре квалифицированных китайских рабочих.

Число китайских механических заводов в Китае с каждым годом увеличивается. Из фабрикатов иностранного производства, ввозимых в Китай, должно быть отмечено увеличение ввоза автомобилей и частей к ним, ибо эта отрасль промышленности совершенно неразвита в Китае.

Мировая буржуазия, в процессе завоевания Китая, обеспечивала за собой все «правовые» гарантии, захватывала богатства самого Китая, распоряжалась в «международном сэттельменте» Шанхай'я, удобно и уютно располагалась на концессиях в «договорных портах», которых насчитывается 46, прочно засела в Пекине. И все-таки кривая мировой буржуазии в Китае, этом фундаменте ее европейского господства, идет уже вниз. Города от Шанхай'я на север, Сучжоу и У-си, города к югу—Хан-чжоу и друг., находящиеся всего в нескольких десятках миль от Шанхай'я, являются уже центрами китайской промышленности в собственном значении этого слова. И здесь статистические данные показывают сильное преобладание ввоза продуктов железоделательной промышленности над товарами всякого иного рода. Та же картина наблюдается и в других городах Китая, вдоль долины реки Ян-цзы. Везде и всюду—понижение спроса на заграничные фабрикаты первой необходимости и усиление спроса на тяжелые машины и части к ним.

Очерченные условия экономической жизни Китая, вместе с политическими взаимоотношениями мирового капитала к Китаю, определили собою господство мировой буржуазии на китайском рынке в течение длительного исторического периода. Мировой хищник был заинтересован во всемирной эксплоатации Китая, в сбыте своих готовых фабрикатов китайскому массовому потребителю и в вывозе сырья на свои фабрики и заводы. Мировой фабрикант и банкир направляли свою экономическую политику в сторону недопущения независимого хозяйственного капиталистического развития самого Китая. Другими словами, мировой империализм стремился к удержанию Китая в стадии феодальных отношений и мануфактурного хозяйства. В течение ряда десятилетий, начиная от нанкинского договора, Китай был поставлен в условия невозможности индустриального развития.

Китаю навязывались определенные экономические отношения. Китай безоговорочно должен был принять все требования мирового империализма. Однако, это решало задачу лишь в части. Мировой буржуазии нужно было использовать китайский рынок, поэтому с первых дней своего проникновения на территорию Китая, в обстановке вражды и постоянной ненависти широких трудовых масс к «завоевателям», мировые империалисты должны были разработать технические способы использования китайского рынка.

Иностранные школы для китайцев.

Иностранный фабрикант и его клерки не знали и не знают китайского языка. Весьма немногие из иностранцев, живущих в Китае, владеют китайским языком. Совсем незначительное количество лиц, говорящих по-китайски, умеют читать и писать по-китайски. Единственная группа иностранного населения в Китае, сколько-нибудь удовлетворительно знающая китайский язык и его письменность— это миссионеры. Но миссионер всего лишь только пропагандист иностранного влияния в Китае вообще, то-есть экономического влияния, которое в условиях взаимоотношений Китая с капиталистическими странами Европы и Америки и с Японией знаменует собою экономическую эксплоатацию и угнетение миллионов трудового коренного населения. Миссионеры в своем большинстве непосредственно не заняты маклерской ролью по продаже китайцам фабрикатов иностранного производства и покупке китайского сырья— хлопка, шерсти, шелка, зерна и др.—для иностранных фабрикантов. Надежд на миссионеров в этом смысле возлагать было нельзя и расчетов строить на них было невозможно. А между тем, уже одно незнание языка создавало большие препятствия к действительному завоеванию иностранным капиталом китайского рынка. Можно еще, для примера говоря, представить себе прибытие в какой-либо китайский порт иностранного парохода, нагруженного заграничными фабрикатами. Однако, трудно представить себе дальнейшую судьбу этого парохода без ряда необходимых предварительных условий. Ни один пуд привезенных товаров не мог быть разгруженным в китайском порту, если бы между пароходовладельцами и китайцами не было

посредника, владеющего и китайским, и английским языками. То же посредничество необходимо и в процессах дальнейшего продвижения товаров к потребителю. Проблема посредничества между благодетелем-иностранцем и китайцем-потребителем стала серьезной и большой в Китае и вызвала появление специфического института в Китае—института компрадорства, имевшего важное влияние на процесс «первоначального накопления капитала» в самом Китае. Об экономической роли компрадорства в истории китайского хозяйства речь будет ниже. Необходимо пока лишь отметить, что этой задаче — продвижения фабрикатов к китайскому потребителю, мировой империализм придавал и придает исключительно важное значение. Этой-то цели, вместе с проповедью миссионеров, должны служить и те школы, какие в большом количестве насаждены европейцами и американцами в Китае. Мировой капиталист рассуждал правильно и хозяйственно. Расходы, потребные на организацию и ведение школьных предприятий всех рангов, с избытком окупятся в дальнейших процессах эксплоатации и наживы. Школы выпустят большое количество непритязательных и нетребовательных китайских клерков. Эти клерки знают свой родной китайский язык. В английских и американских школах их учат также английскому языку. С задачами посредничества они справятся. С другой стороны, оплата клерков-китайцев во много раз дешевле оплаты клерков-европейцев или американцев. Китайцы-бухгалтера, конторщики, банковские служащие, «профы» не капризны, терпеливы, не устраивают стачек (пока что) и не пред'являют «раздражающих требований» своим хозяевам. Что образование китайцев, идущее за счет иностранцев, преследует «коммерческие» цели, т.-е. извлечение от этих же китайцев затраченных сумм с огромными прибылями на них, что это образование лишено намека на действительные заботы о просвещении населения самого Китая, видно из того факта, что школы для китайцев содержатся за счет коммерческих организаций иностранного капитала, не говоря уже о чрезвычайной утилитарности всей системы образования. Спорт, как условие доброго физического состояния будущего об'екта эксплоатации, счетоводство, стенография,

боязнь Бога и почтение к хозяину—вот элементы иностранной школы для китайцев.

Британские коммерческие палаты на своем с'езде в Шанхай'е в 1920 году приняли по вопросам образования в Китае следующую резолюцию:

1. Об'единенные английские коммерческие палаты должны избрать центральный комитет, которому поручить разработать вопрос о необходимых мерах к поддержке английских образовательных предприятий и госпиталей в Китае, равно как также выяснить вопрос о суммах, потребных для этой цели.

2. До издания обращения с призывом ко всем членам об'единенных коммерческих палат об асигнованиях на образовательные цели, центральный комитет должен представить сообщение о суммах, незамедлительно требующихся для ведения школьного дела в Китае.

3. В Шанхай'е должен быть открыт центральный фонд, находящийся в распоряжении центрального комитета.

4. В виду невозможности развить с одинаковым успехом школы всех степеней, усилия центрального комитета должны быть сосредоточены на следующих задачах: а) оказывать всемерную поддержку британским школам для китайцев типа высших школ, б) оказывать помощь британским медицинским учреждениям, в виду затруднительных финансовых условий, в которых эти учреждения находятся из-за неблагоприятного денежного курса и других причин, угрожающих их филантропической деятельности в Китае.

5. Лишь известная доля сумм, предназначенных для образовательных целей, должна быть сохранена в качестве резервного фонда на цели благотворительности.

Кроме организации английских школ в Китае, англичане изо всех сил старались и стараются развить паломничество китайских студентов в Англию. С этой целью в 1920 году организовался в Шанхай'е «англо-китайский образовательный комитет». Эта организация находится в близких

отношениях с другой «древней» организацией, существующей в Англии, известной под именем «бюро англо-китайской дружбы», преследующей те же цели пропаганды и утверждения английского влияния в Китае. Шанхайский комитет предполагает издать пособие-справочник для студентов, содержащий в себе указание о британских библиотеках, школах, университетах и проч.

Все эти «меры воздействия и содействия» должны приохотить китайских студентов к длинному путешествию из Китая в Англию, чтобы старательные и усердные педагоги выработали из них добросовестных, преданных и влюбленных в своих хозяев прикащиков, стенографистов, бухгалтеров, инженеров и клерков всех категорий и наименований. Эта «идея» нашла себе сторонника в лице Альфреда Цзы (нынешнего посланника в Вашингтоне) в период его пребывания в Лондоне в роли полномочного министра. В статье, помещенной им в «Дэйли Мейл», Альфред Цзы высказался за желательность получения китайцами образования в Англии. Альфред Цзы в своей аргументации нашел «настоящие» слова. «Каждый студент, получивший образование в Англии, по своем возвращении на родину будет добросовестным «миссионером торговли»,—повествовал китайский полномочный министр. Альфред Цзы ссылался в качестве доказательства на достигнутые Америкой результаты в области торговли с Китаем, об'ясняемой в числе других причин и системой образования в американских школах и университетах, предназначенных для китайских юношей и девиц. Г. Цзы советует Великобритании воспользоваться американской «системой», благодаря которой, китайцы, получившие образование в Америке, по своем возвращении в Китай, поступают на службу в американские торговые предприятия в Китае. Отчетливость мысли в организации и развитии института китайских клерков на службе иностранного капитала полная. «Дэйли Мейл» в редакционной статье, поддерживая основную мысль Цзы, говорит: «Китай, быть может, представляет собою наибольший мировой рынок. Можно смело утверждать, что затраты промышленников, в случае, если они последуют примеру Соед. Штатов, покроются с

лихвой». Газета с грустью напоминает, что в британских университетах всего 270 китайцев, что эта цифра ничтожна в сравнении с большим числом китайцев, учащихся в Соед. Штатах. «Дэйли Мейл» настаивает поэтому на коренном изменении «политики» по этому вопросу.

В том же 1920 году в Шанхай'е зародился проект открытия французского технологического института для китайцев на средства французских купцов в Шанхай'е.

Особое место занимают школы миссионеров, покрывшие своею сетью весь Китай и в районе «договорных портов», и в так называемом внутреннем Китае. По данным за 1920 год у одних лишь протестантских миссий в Китае было: высших начальных школ—581, средних—256, колледжей и университетов—27. Каковы ближайшие результаты деятельности школ миссионеров—видно из следующей справки. Из 557 девиц, получивших свое образование в 16 миссионерских школах в Китае, 40 девиц ушло в «нормальные школы», 58 девиц в колледжи в самом Китае, 47 отправилось в колледжи в Америку. 95 процентов из всей этой группы усилиями миссионеров превращены в христиан. В шести школах из 16-ти установлен стопроцентный рекорд обращения в христианство. Эти сообщения взяты из отчетов о деятельности с'езда женщин в Шанхай'е, в январе 1920 года. Религиозные мотивы переплелись со «светскими»: умением писать на пишущей машине со скоростью пропеллера на аэроплане, умением подсчитывать любые числа на арифметическом станке.

Мы были бы, конечно, несправедливы по отношению к американцам, если б не упомянули о 26 годах существования в Китае «Союза Христианских Мальчиков». 25-я годовщина этого союза была помпезно отпразднована в Тянь-цзинь'е в апреле 1920 года. Число членов этой «просветительно - спортивной» организации к 25-й годовщине составляло цифру в 32.659 китайских юношей в 30 отделениях, разбросанных по Китаю. Существует также и «Союз Христианских Девушек».

Не лишены интереса цифры о количестве школ по данным министерства народного просвещения за 1920 год.

Всех правительственных школ—130.621, учащихся 4.294.251, т.-е. «просвещается» всего только один процент населения Китая.

Обучение китайцев в американских школах в самом Китае и в университетах Америки оправдывает все расходы, производимые Соед. Штатами на школы. Америка пытается популяризпровать себя, а через это и свои товары на китайском рынке. Занимая сейчас третье место в ряду мировых капиталистов по своей торговле с Китаем,—Америка, по размаху своих «образовательных» заданий, занимает в Китае первое место. Надобно сказать, что кроме школ, Америка организовала в Китае ряд госпиталей. Один лишь госпиталь Рокфеллера, сооруженный в Пекине, с медицинским факультетом—госпиталь стоимостью в 7 миллионов таэлей покрывает своей красотой и величиной десятки лечебных заведений, принадлежащих другим империалистам.

В числе причин, обусловивших развитие американской торговли на Дальнем Востоке—реклама школьного и госпитального дела и шум, подымаемый «христианскими мальчиками» играют далеко не последнюю роль. Американская торговля немыслима вне рекламы. Если Америка не дала еще особых университетов с кафедрами по рекламе, то профессоров-специалистов по рекламе она, несомненно, уже «изобрела». Этим, в числе других резонов, об'ясняется то обстоятельство, что Америка быстро расширяет площадь своего влияния в Китае, в котором после нанкинского договора на десятилетия утвердилось влияние Англии, а со времени японско-китайской войны утвердилось также и японское влияние.

Школы на иностранные деньги в Китае—это орудие экономической пропаганды, средство подготовки кадра дешевых работников-клерков, инженеров, докеров, бухгалтеров, журналистов, таможенных чиновников, стенографов, посредников между мировым империализмом и китайцами-потребителям фабрикатов и производителями неоплаченных ценностей.

Газеты. Следующим, не менее сильным и могучим орудием являются газеты. «Вольных», независимых литературных

изданий на английском языке, представляющих мнения какой-либо общественной группы, в Китае не существует. В Китае иностранные издания—газеты и журналы—это органы интересов, а не мнений. В условиях экономического расхищения богатств Китая, в обстановке бешеной погони за долларом, независимых органов печати не существует. Иностранные газеты распределяются, прежде всего, по признаку национальности. Имеются газеты американские, английские и японские. Есть газеты и на французском языке. В пределах каждой национальности газеты обслуживают интересы разных коммерческих групп. Помимо газет на английском языке, мировые капиталисты пытаются уловить и овладеть «общественным мнением» самого Китая, приобретая в свое распоряжение и газеты на китайском языке. Первое место по захвату китайских газет под свое «влияние» принадлежит Японии. Дальневосточный империалист, Япония, обирает своих рабочих и крестьян, но зато имеет в своей стране разбухшую военную смету, а за-границей—обширную сеть органов империалистической пропаганды. Задача обработки «общественного мнения» в Китае—задача особо важная для японцев, ибо чувство ненависти к эксплоататорам-японцам временами достигает большого напряжения в Китае. Стоит только вспомнить о бойкоте японских товаров, явившемся в результате секретных решений мировых капиталистов в Версале отдать Шань-дун Японии. Волна бойкота залила собою всю страну, от Харбина до Кантона и от Шанхай'я до Сиань-фу.

Эффект антияпонского движения был огромный. Политический бойкот об'единил всю страну под руководством организованных рабочих и революционно настроенного студенчества в борьбе против наиболее свирепого хищника, дальневосточного империалиста—Японии, грозя в любую минуту перейти в движение против империалистов всех мастей и рангов. Экономические результаты бойкота японских товаров также были весьма значительны. Бойкот отразился, прежде всего, на количестве японских судов, приходящих в Шанхайский порт. Рабочие-грузчики китайцы категорически отказывались разгружать японские пароходы.

Происходили столкновения. Японцы были вынуждены вместе с японскими товарами привозить с собою на своих кораблях и японских грузчиков.

Случаи активного бойкота рабочими иностранных кораблей в торговых портах—явление довольно частое в Китае. К нему охотно прибегают рабочие, когда чаша их долготерпения наполняется до краев. Можно указать на аналогичный случай активного бойкота уже не японских, а всех иностранных кораблей в 1920 году в порту Цзю-цзян на реке Ян-цзы, в провинции Цзян-си. 14-го марта 1920 года в Цзю-цзян'е произошло столкновение между полицией иностранной концессии этого «торгового порта» и рабочими-грузчиками. В результате столкновения были ранены 1 полицейский и двое рабочих. Американский военный корабль, бывший в это время в порту, высадил вооруженных матросов. В ответ на это рабочие-грузчики об'явили бойкот иностранным кораблям. Ни один пароход не разгружался до 9-го апреля того же года, когда вооруженные матросы были убраны из порта и возвращены на корабль.

С особенной силой бойкот сказался на ввозе японских товаров в Китай. В 1919 году ввоз Японии в один лишь Шанхай понизился с 83 миллионов в 1918 году до 70 миллионов в 1919 году, т.-е. на 13 миллионов таэлей. Явление бойкота лишь наиболее яркое из крупной серии явлений процесса борьбы с иностранным «влиянием». Бойкот—экстренная, чрезвычайная мера борьбы, когда эксплоатационный нажим иностранного капитала дает естественное последствие—ненависть и вражду к завоевателю, временами сильно понижающую доходы кущов-культуртрегеров.

Отсюда вытекает необходимость для иностранных капиталистов непрерывной обработки «общественного мнения» Китая. Лучше всего это удается (если это удается вообще!) при помощи газет.

Японцы, например, владеют большим количеством своих изданий. В Пекине у них имеется «Норд Чайна Стандарт», орган японского посольства. В том же Пекине издается хорошо оборудованная технически японская газета на китайском языке — «Шун-тиэн-шы-бао». В Тянь-цзинь'е издается

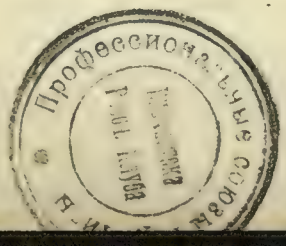
японская газета—«Чайна Адвертайзер», газета, готовая в случае необходимости помочь своему пекинскому собрату в борьбе за укрепление японского «идейного» политического влияния в Китае. По своему же существу эта газета преследует рекламные, коммерческие цели по сбыту японских товаров на китайском рынке. В Шанхай'е японцам принадлежит «Шанхай Меркури»—газета без лица и тиража. Японцам в Шанхай'е принадлежит также крупнейший экономический журнал на Дальнем Востоке «Фар-Истерн-Ревью», недавно ими приобретенный в собственность. В Шанхай'е же японцам принадлежит и ряд китайских газет. Отличительной чертой всех этих японских газет является то, что они вынуждены маскировать свое японское происхождение, имя и душу. Эти газеты и сейчас влачат более чем «скромное» существование. Если бы, однако, эти издания открыто существовали, как японские издания, их тираж ограничивался бы редактором и корректором, ибо китаец-наборщик, не понимающий набираемого им английского текста, в счет не идет. Кроме газет, не японских по внешней «марке», в Пекине существуют: японское осведомительное бюро, предназначенное, главным образом, для борьбы с «Дальтой» и «Ростой» в Китае, и японское телеграфное агентство «Япта», имеющее своей целью в потоке лживых телеграмм «обработать» население полосы Китайско-Восточной железной дороги.

Американцы не отстают от японцев. Если американские школы и американская благотворительность являются лучшими способами рекламирования американских товаров и мирных спокойных методов торговой деятельности американцев, то американские газеты на китайском языке должны служить задаче расширения круга влияния американцев в Китае. «И-Шн-Бао» во всех городах Китая—американского происхождения и защищают американские интересы. «Чжун-мей-шн-бао»—также американской природы. «Чжун-мей-ньюс-эйджепси» в Пекине и Шанхае—агентство с английской и китайской секциями—также американского происхождения и денег. Независимо от этих «литературных» предприятий, группам американцев и даже отдельным лицам

принадлежат газеты, обслуживающие их групповые и даже личные интересы. В качестве наиболее характерного примера в этой области можно указать на китайскую газету в Шанхай'е—«Син-Ван-Бао». В вопросах международной и внутренней политики Китая «Син-Ван-Бао» отражает и выявляет точку зрения своих господ. Газета не может позволить себе роскоши независимой оценки деятельности пекинского правительства, ибо ея группа политически связана с Пекином. В русском вопросе, в особенности в вопросе о китайской политике по отношению к Советской России, газета шла зигзагами и скачками, применительно к зигзагам настроений своих патронов.

Оценки исследователей.

Чтобы оценить потребность иностранного капитала в «идейном» влиянии в Китае, как наизбежном условии дальнейшей экономической «деятельности» империалистов, надо не забывать, что современный Китай ни в какое сравнение и подобие с Китаем времен нанкинского договора не идет. Китай—в процессе экономического раскрепощения от иностранного капитала. Китай—в стадии организации сил для борьбы с целью ликвидации всех остатков феодального хозяйства. Китай уже находится в самом процессе борьбы со своими мандаринами, цепляющимися зубьями своих колесиков за колесики своих покровителей—японцев и других заморских друзей. Китайская буржуазия—в опьянении уже достигнутыми результатами в области индустриализации своей страны. Китайский пролетариат уже строит боевые организации для защиты своих классовых интересов, свои профессиональные союзы и свою классовую политическую партию. Разве социально-экономический рисунок Китая представляется таким же, каким он был на заре иностранного капиталистического проникновения в Китай? Покорность, терпение и страх перед иноземным полицейским теперь уже являются «ценностями», сильно обесцененными, в процессе строительства китайских фабрик, заводов и создания кадров пролетариев. Иностранному капиталу, в виду условий реальной среды, приходится перестраивать фронт. Одними пушками, иностранными гарнизонами и сыщиками он уже не может удовлетвориться.



Ученые исследователи жизни Востока дают сейчас иную, более «либеральную» характеристику Китаю, чем они давали ему в минувшие десятилетия. Когда процесс экономического раскрепощения Китая обозначился с яркой силой, в годы после китайской революции 1911 года—буржуазные газетчики и ученые Европы и Америки возвестили миру о «новой эре», в которую вступает Китай, о «рассвете перед новым днем».

Исследования иностранцев о Китае до революции 1911 года ,которая лишь выявила процессы созидания собственного капитализма в Китае, говорили о невозможности для «белого», или, на ученом языке, «западника», понять индивидуальный и национальный характер китайцев. «Может быть, когда-нибудь,—писал в 1858 году г. Вингров Кук, корреспондент лондонского «Таймса»—мы приобретем необходимые познания, чтобы соответственно оценить ослепительное непостоянство китайского ума и влияние этого непостоянства на широкие массы».

Иезуитам, проникшим на Дальний Восток, китайцы представлялись в качестве расы, которую понять совершенно невозможно. Китай при таких условиях мог быть спасен лишь миссионером и мировым капиталистом.

Когда же перед глазами иностранцев развернулась картина индустриального развития Китая, тогда «исследователи» заговорили на тему о том, что «человеческая натура одна и та же в любом месте всего земного шара», что «народы отделяются друг от друга лишь барьерами бытовых отличий и традиций». Доктор Рейнш в недавних исследованиях об интеллектуальной деятельности народов Дальнего Востока пишет: «Условное и вульгарное противопоставление Востока Западу с его резко очерченными контрастами совершенно беспочвенно».

В расшифрованном виде эти «ученыя» замечания означают, что социально-экономические условия в Китае изменились до такой степени, что ученому буржуа, сжившемуся с условиями капиталистического хозяйства, Китай не представляется уже больше страной неожиданностей или резких контрастов. Китай в представлении и изображении

ученых был страной пагод (храмов) и порселена (фарфора), страной, в которой забавные люди в длинных халатах только то и делают, что едят «ласточкины гнезда». Народа же Китая, его 400 миллионов земледельцев и рабочих ученые просто не замечали. Эти сотни миллионов—только «сырье», материал для пышного расцвета иностранного капитализма в Китае. Стоит ли об этом материале говорить в толстых фолиантах глубокомысленных ученых! Ученые Западной Европы и Америки о людском «материале» Китая действительно и не говорили.

Ныне старые оценки отбрасываются. Китай—этот нераспутанный клубок мучительных загадок и мистических противоречий, предстал в виде классового, диференцированного общества. Клубок распутался. Вместо мистерии, на лицо—китаец-промышленник и китаец-пролетарий, китаец-помещик и китаец-арендатор, наниматель и батрак. Положение существенно изменилось. Взгляды Киплинга о неизбежности вечного разделения Востока и Запада не вызывают уже сочувствия даже в среде иностранных коллекционеров прибавочной стоимости. Профессор Рейнш со всей силой зовет к совместной работе Запада и Востока. «При серьезном влиянии друг на друга каждый из этих элементов внесет свою лепту в развитие цивилизации и историю будущего», говорит профессор. Это звучит уже признанием факта капиталистическаго хозяйства и «нового» общества в Китае.

Имея в виду необходимость об'единения Востока и Запада, ученые даже вспомнили изречение китайского мудреца Конфуция, возведенного одновременно в божеский лик и в графское достоинство, передаваемое по наследству всем нисходящим Конфуция. «Все, живущие в пределах четырех морей—братья», учил Конфуций. Е. Ж. Гаррисон в «Войне и мире к востоку от Байкала» говорит: «Когда начинаешь понимать источник мысли Востока, часто видишь, что логика положения не на стороне Запада». Ж. Бланд, знающий Китай только в эпизодах его истории, но не самую историю его, в своем труде «Недавние события и современное положение в Китае» пишет: «Введение в Китае западного образования, непрерывно увеличивающееся *давление на*

экономические рессурсы Китая со стороны западных стран, (курсив наш), уничтожение династии Маньчжуров,— все это факты исключительно важного значения, которые формируя национальный характер, должны воздействовать на будущее развитие Китая».

Это язык буржуа-исследователя, который в туманных словах констатирует нарождение нового фактора мировой истории—освобождающегося от иностранного капитала Китая.

Иностранный капитал из прибылей, какие он получал и получает в Китае, должен был, в виду изменившихся условий социальной среды, отделить какую-то часть и на организацию своих газетных предприятий. Потребность в обработке «общественного мнения» должна была быть удовлетворенной. В своей современной постановке, газеты служат обеим целям—задачам пропаганды и целям наживы, так как газетные предприятия иностранцев в Китае в своем большинстве—предприятия, приносящие доход «держателям акций».

Норт Чайна Дэйли-Ньюс.

Самая значительная по влиянию и по количеству лет иностранная газета в Китае—это английская «Норт Чайна Дэйли Ньюс». Она существует уже 70 лет. Газета была организована в Шанхай'е вскоре после подписания нанкинского договора, демаркационного момента, начинающего собою период захватов территории Китая и его экономического порабощения. «Норт Чайна Дэйли Ньюс» — большое промышленное предприятие с огромным зданием на набережной Шанхай'я, с большой типографией, большим количеством линотипов, ротационной машиной, со значительным отделом об'явлений. Газета обслуживает своих «хозяев» и читателей солидным экономическим отделом, ежедневными справками о рынках вообще, и о китайском рынке особенно и специально, равно как также справками о мировой торговле.

Газета уделяет внимание политическим вопросам лишь постольку, поскольку это необходимо для закрепления завоеванных английским капиталом позиций в Китае. Во всех вопросах «боевого» значения—газета определенно консервативна. По русскому вопросу она занимала резко враждебное

русским интересам положение. Все, связанное с советской властью, подвергалось на столбцах газеты самой злостной критике. Все виды преступлений, существующие и воображаемые, все способы мучительства, без колебаний и сомнений, были навязываемы газетой советской власти.

Газета с особой свирепостью отстаивает необходимость сохранения во что бы то ни стало прав экстратерриториальности в Китае в момент, когда этому священейшему «принципу» нанесен сильный удар, связанный с упразднением Кудашева и его соратников. «Норт Чайна Дэйли Ньюс» долго оплакивала политическую смерть царского посольства в Китае, держась в то же время озлобленного тона по отношению к *И. Л. Юрину*, возглавлявшему миссию Дальневосточной республики в Китае с августа 1920 года по май 1921 года. В своей бешеной злобе газета дошла до того, что приписала И. Л. Юрину организацию унгерновских банд и ургинских событий в январе 1921 года. «Трюк» был пущен со специальной целью «опорочить» миссию ДВР., запугать китайцев, «испортить» отношения с тем, чтобы затруднить деятельность миссии и лишить ее возможности получения признания со стороны китайского правительства. Своей упорной ожесточенной кампанией за сохранение экстратерриториальности в Китае «Н. Ч. Д. Н.» заставила и другие газеты откликнуться на эту же тему. Огромное большинство английских газет, выходящих в Китае, как того и следовало ожидать, присоединилось к точке зрения «Норт Чайна Дэйли Ньюс», требуя сохранения права за иностранцами распоряжаться в чужой стране с большею развязностью, чем у себя «дома».

После блестящих побед, одержанных советской властью над своими врагами, газета, глубоко затаив свою органическую ненависть ко всякой революции, а к российской в особенности, стала скромнее в отношении России. И сейчас в отделе «коментарий», коротких редакционных заметок по крупным вопросам дня, газета разрешает себе вольность «оценок». Время от времени, на столбцах газеты появляются сообщения «Роста» и «Дальта»,—результат упрочившегося положения в Китае русских телеграфных агентств.

Чтобы оценить обстановку, в которой наиболее «популярная» газета ведет свою «линию», надо сказать, что в Шанхай'е, как и вообще в Китае среди англичан существуют и борются между собою 2 группы: одна, известная под именем лондонской, другая — индусская, «индиан парти». Первая либеральна, в английском значении этого слова, то-есть консервативна в русском понимании политических терминов. Вторая консервативна в английском значении, то-есть реакционна в русском значении. Первая—против необходимости политического и экономического кооперирования с японцами. Вторая—японофильская. Она стоит за за железный режим в Индии, за полюбовное распределение сфер влияния в Китае с наиболее заинтересованной стороной—Японией. Во главе первой стоял бывший полномочный министр Англии в Китае—сэр Джон Джордан, свыше 40 лет проведший в Китае. Сэр Джордан полагал необходимым укреплять английское влияние в самом Китае и его «владениях», в Тибете, по преимуществу, независимыми действиями Англии, не связанными с японцами и даже с их именем. Сэр Джордан исходил из реальных величин и оценок. Он знал, во-первых, что отношение к японцам со стороны даже самих «благонамеренных» кругов Китая наиболее враждебное, и, естественно, это враждебное отношение легко могло бы быть перенесено на всякого другого, кто связывает свою судьбу с японскими жандармами и японской солдатчиной в Китае; во-вторых, что быстрая индустриализация Китая требует обновления методов «взаимодействия», с целью сохранения отвоеванных в течение десятилетий «выгоднейших» позиций. Точку зрения Джона Джордана разделял и Гонконг-Шанхайский Банк, во главе со своим директором, г. Стивенсом. Гонконг-Шанхайский Банк — главный инструмент английского империализма на Востоке. Вторая группа—«индиан парти», представленная в Англии лордом Керзоном и Уинстоном Черчиллем, «изобретателем Колчака», имеет и в Китае значительное число «влиятельных» лиц в качестве своих идейных руководителей. В 1920 году, за несколько месяцев до момента, когда должны были определиться основные точки зрения по вопросу о возобновлении англо-японского договора, спор между обеими

группами принял ожесточенный характер. Джон Джордан, с соблюдением всех требований английской вежливости и условностей дипломатической неискренности, организовал «общественное мнение» англичан в Китае против возобновления договора. Газета «Пекин Тяньцзинь Таймс», либеральная, по сравнению со своим Шанхайским собратом «Норт Чайна Дэйли Ньюс», вела кампанию против возобновления англо-японского договора. «Норт Чайна Дэйли Ньюс» представляла точку зрения «пиндиан парти» и вела кампанию за возобновление договора, нуждавшегося, по мнению газеты, лишь в некоторых редакционных «поправках». Победила точка зрения «пиндиан парти,» выражаемая «Норт Чайна Дэйли Ньюс». Джону Джордану предложили сдать пост г. Олстону, бывшему после Чарльза Эллиота верховным комиссаром английского правительства при «особе» Колчака. Англо-японский договор был продлен на один год: до 13 июля 1921 года, когда вопрос о возобновлении или невозобновлении договора должен был быть окончательно разрешен. В 1921 году, в виду сильного движения среди китайцев, направленного против возобновления договора и нависшей угрозы бойкота английских товаров, позиция «Норт Чайна Дэйли Ньюс» в отношении договора стала уже не столь настойчивой и определенной. Газета безнадежно завязла в болоте оппортунизма.

«Чайна Пресс».

Другая газета, большего формата и сравнительно большей читаемости, это—«Чайна Пресс». Газета технически хорошо оборудована. Ведется она в бойком американском тоне. Система больших, средних и малых заголовков, делающих ненужным чтение самого текста, находящегося под заголовками, стремление из обывательских пустяков сделать «историю», погоня за сенсацией, спортивные хроника и «события», справки о ценах, товарах, спекуляции, отдел об'явлений, занимающий больше места, чем самый текст,— вот наиболее характерные признаки этой газеты. «Чайна Пресс» не претендует на крупную политическую роль, а потому в газете из 12—16 страниц, всего лишь одна оригинальная статья, и та — не всегда на политические темы. В вопросах «боевого» характера внутри китайской жизни,

газета стоит на общей платформе с другими газетами. Газета — за сохранение всех отвоеванных у Китая «прав» и привилегий. По русскому вопросу законченной системы взглядов или определенной точки зрения «Чайна Пресс» не имеет. В момент, когда на Советскую Россию вся желтая печать подняла звериный вой, наметывая клевету за клеветой, «Чайна Пресс» не отставала от «духа времени», хотя воспроизводила статьи продажных бутербродных журналистов без особого экстаза и энтузиазма. В период, когда антисоветская волна стала падать, когда даже средний обыватель устал от моря обмана и лжи о Советской России, когда, словом, психологическая реакция против клеветников вступила в свои права, «Чайна Пресс» прекратила печатание клеветнических статей о революционной России. Газета предоставила место «Дальта» и «Роста» на своих столбцах, взяв на себя роль пионера в деле печатания русской информации. О «Чайна Пресс» говорят, как об американской газете. По манере своего ведения, по своему редакционному составу, по своему происхождению «Чайна Пресс»— газета американская. Она была основана Томасом Миллардом, известным в Китае американским журналистом, автором ряда трудов об японской агрессивности на Дальнем Востоке. Организация предприятия поглотила, однако, много средств, между тем, как текущие расходы не покрывались тиражем газеты. «Чайна Пресс» попала под контроль интересов крупного капитала. Миллард из газеты ушел. Газету контролируют сейчас интересы одного из наиболее богатых шанхайских буржуа, г. Эзра, монополиста, владельца лучших отелей в Китае—«Астор-Хауз», «Палас-Отель», «Вагон Ли» в Пекине и других. Интересы г. Эзра не американские, однако, в газете до сих пор представлены еще интересы американских акционеров. «Чайна Пресс» энергична в выражениях по адресу японского империализма и беспощадна в разоблачениях жестокостей японских милитаристов в Китае и Приморской области.

«Викли Ревью».

«Викли Ревью»—американский еженедельник. «Викли Ревью» именовался до июня 1921 г. «Миллардс Ревью». Это солидный еженедельник, по преимуществу экономического характера, имеющий своей задачей содействовать

развитию американских интересов и укреплению американского влияния в Китае. Еженедельник посвящен дебатированию вопросов американской политики на Востоке вообще, защите принципа «открытых дверей» и «равных прав» всех соревнующих в Китае, разоблачению политики японского империализма и откликам на наиболее животрепещущие вопросы китайской социально-экономической жизни. «Викли Ревью» представлен хорошими литературными силами. Журнал хорошо информирован и определенен в своей «линии» по защите интересов американского капитала. «Викли Ревью» хорошо читается в среде иностранцев и китайцев. Статьи «Викли Ревью» весьма нередко воспроизводятся в китайской печати. «Ревью» импонирует китайцу-буржуа и обывателю хорошей осведомленностью и резко-враждебным отношением к японскому влиянию в Китае.

Другие издания.

Другие издания на английском языке в Шанхай'е серьезного значения не имеют. «Шанхай Газет»—газета китайских интересов на английском языке. «Шанхай Газет» была органом Сун Ят-сена в период, когда ему пришлось бежать из Кантона и скрываться во «Французском городе» в Шанхай'е. По возвращении Сун Ят-сена в Кантон в конце 1920 года и избрании его президентом Китая, газета продолжала обслуживать интересы республиканского кантонского правительства, но без большого влияния. Из коммерческих соображений редактор газеты приютил на одной из своих страниц русский белогвардейский листок. Газета в целом не расценивается, как орган сколько-нибудь заметного влияния.

Другая газета—«Шанхай Меркури»—японский орган, как уже сказано выше без всякого влияния в среде иностранцев в Шанхай'е.

Мы упоминали уже о «Фар-Истерн-Ревью», также недавно приобретенном японцами.

В Шанхай'е издается еще экономический журнал «Финансы и Коммерция». Редактор этого журнала г. Дингль—один из лучших знатоков природных богатств и экономической жизни Китая, автор лучшего пособия по экономике Китая: «Новый атлас и коммерческая газета Китая».

Английские издания имеются и в Хань-коу, но они не отличаются никакими новыми чертами.

Мировая буржуазия не удовлетворилась заключением договоров с Китаем и созданием железных, штыковых и пулеметных «предпосылок», облегчающих развитие иностранной торговли, спречь эксплоатации Китая. Мировая буржуазия, в виду изменения условий социальной среды, должна была подойти к задаче насыщения китайского читательского рынка своими мыслями, своими словами, лозунгами, газетами, брошюрами, журналами. Однако, и общие «предпосылки», и дипломатические приемы, и печатное слово оказались недостаточными. Наиболее заинтересованные в делах Дальнего Востока империалисты, с целью избежать столкновения своих империалистических интересов, должны были поделить громадные территории Китая на «сферы влияния», т.-е. должны были полюбовно разделить между собою богатую добычу. Этой цели служат договоры отдельных государств не с Китаем, а договоры наиболее заинтересованных государств между собою о Китае. При заключении посторонними «державами» договоров о Китае, при определении количества ограбляемого и характера управления ограбляемым, мнения Китая, конечно, не спрашивали. Китай в этих случаях фигурировал лишь, как категория территориальная, без двух остальных элементарных признаков государства в буржуазном понимании: населения и суверенитета. В англо-японском договоре и в Лансинг—Иши соглашении Китай трактуется лишь, как территориальный интеграл. Обо всем населении Китая, о 400 миллионах живых душ, о Китае, как о живом организме, империалисты не думали, о существовании этого организма никто и не вспомнил. Империалисты, сговариваясь между собою, игнорировали даже китайское правительство, фактически ими же признанное.

АНГЛО-ЯПОНСКИЙ ДОГОВОР.

Договор и Япония.

Изо всех видов об'единения империалистических «держав», союз Англии с Японией был наиболее злым и вредным по своим последствиям. Этот союз причинил много

горя народам Дальнего Востока. Под прикрытием англо-японского договора была аннексирована Корея. 18 миллионов трудового корейского крестьянства было отдано в кабалу и рабство Японии. С помощью этого оборонительно-наступательного союза Япония поднялась со ступени страны, только-что вступившей в полосу капиталистического развития, на ступень форсированного развития военной промышленности. Следующей естественной ступенью должна была явиться организация финансового капитала в формах наиболее агрессивных, в формах свирепого, полнокровного и кровожадного империализма. Англо-Японский договор—это полюбовное разделение «добычи», создание «сфер влияния» на обширных территориях, умещающих сотни миллионов трудового населения Китая, Кореи и Индии. Англо-Японский союз ответственен за последовавшее со дня его подписания угнетение крестьянских и рабочих масс Дальнего Востока в его целом. Англо-японский договор дал толчок к развитию классовых противоречий внутри стран Дальнего Востока, к столкновению капиталистических интересов разных национальных государств, к вовлечению в живой спор о бытии или небытии этого договора новых миллионов населения Австралии, островов различных архипелагов, бассейнов Великого и Индийского океанов, Канады, народов освобожденной Советской России и Соедин. Штатов. Англо-Японский союз—это тот империалистический колпак, под тяжестью которого протекала жизнь Дальнего Востока за последние двадцать лет.

Стороной, получающей наибольшую прибыль в этом союзе, была Япония. В силу договора, вольно истолкованного обеими сторонами, Япония приняла участие в империалистической войне на стороне союзной коалиции. Расчет Японии был хищническим. Война была прекрасным, исключительным случаем для империалистической дипломатии Японии расширить свои возможности и усилить свою политику экономического проникновения в Китай, с целью занятия господствующего положения на Дальнем Востоке вообще... Война не потребовала от Японии больших жертв и средств. Действия Японии были ограничены небольшим

районом полуострова Цзяо-чжоу с городом Циндао. Будучи «союзником союзников», Япония мобилизовала всю свою промышленность для поставки товаров, потребных для войны. Японский капитализм был спасен от экономического и финансового кризиса, который надвигался, в виду отсутствия сбыта товаров японского производства, накопившихся на фабриках и складах. Война развязала японскую промышленность. Все запасы амуниции, оружия и военных материалов были немедленно проданы союзникам. Военная промышленность в Японии стала развиваться с начала войны со сказочной быстротой. Кроме военных фабрик и заводов, росло производство всяких других товаров, так как Япония—и в этом наиболее значительное последствие войны—сделалась единственной безконкурентной поставщицей товаров в страны Азии и островов. Япония сразу заняла место других империалистических государств на рынках Дальнего Востока, которые до войны заполнялись товарами западного производства. Экономические результаты приобретения Японией грандиозных рынков—вместилищ продуктов японского производства были огромны. Япония вступила в период «цветущего» развития капитализма. Банки, бывшие на волосок от банкротства, спасли «свое лицо», получив возможность продолжать свою ростовщическую «деятельность». Пароходные компании ни до, ни после этого периода не знали таких бешеных дивидендов. Насколько быстро развивался японский капитализм, легко усмотреть из следующей справки. Потребность Японии в стали до войны не превышала 600 тысяч тонн. В 1915 году, после первого года войны, эта потребность возросла вдвое, достигая цифры в 1200 тысяч тонн. Сказочный размах японского капитализма, импульсируемый войной, должен был заставить Японию искать стран, в которых эта сталь, равно как другое сырье, могли бы добываться без ограничения. Такой страной, естественно, являлся Китай, с его былинными богатствами... Этим и об'ясняется, что в том же 1915 году империалистической Японией были пред'явлены Китаю 21 хищническое требование, включавшие пункт об отдаче Японии богатейших районов угольных месторождений и железной руды Китая. Япония требовала от Китая угля,

железа и стали, ибо одно только военное министерство Японии разместило на машиностроительных заводах Японии в 1915 году заказов на сумму в 80 миллионов ен. Доходность огромного числа предприятий, занятых «на оборону», измерялась в сотнях процентов на затраченный капитал. Зарегистрирован случай выплаты дивиденда в 630 процентов.

Наилучшим, впрочем, доказательством быстрого роста японского капитализма служит рост «золотого запаса» Японии. В июне 1916 года «золотой запас» Японии выражался цифрой в 560 миллионов ен, из которых 170 миллионов были размещены в самой Японии, 110 миллионов—в Нью-Йорке, 280 миллионов—в Лондоне и Париже. В июле того же года, т.-е. месяц спустя, запас возрос до 600 миллионов ен. К концу 1916 года золотой запас исчислялся цифрой в 710.400,000 ен, а в мае 1917 года этот запас был равен уже 807 миллионам ен. Это—сказочные цифры для маленькой островной страны, только несколько десятилетий назад перешедшей от феодального хозяйства к капитализму, страны, еще не ликвидировавшей всех остатков феодальных отношений в экономике и политике. Этот-то золотой запас и был тем материальным фундаментом, на котором японский империализм, тесно обнявшись со своим родным братом—милитаризмом, создал чудовищное здание военной интервенции и в Китае, и в Сибири, здание, сплошь залитое кровью десятков тысяч трудового народа. Англо-Японский договор был одной из мощных причин форсированного развития японского империализма. Широкий простор захватнической политики Японии был открыт вручением судьбы миллионов населения азиатского материка хищной кучке милитаристов Японии.

Документы Хаяши.

История заключения союза между Англией и Японией представляет исключительный интерес, так как приподнимает завесу над величайшим из исторических преступлений и раскрывает истинные намерения авторов этого союза. Уловить мотивы авторов Англо-Японского договора тем легче, что часть материалов по поводу договора была опубликована в «мемуарах» графом Хаяши, японским посланником

в Лондоне, непосредственно ведшим переговоры по договору с маркизом Лансдоуном в Лондоне. Часть материалов графа Хаяши появилась в газете «Джи-Джи» в Токио в 1913 году. Сейчас же после опубликования части документов японское правительство запретило дальнейшее печатание материалов в газетах. В нашем распоряжении имеется полный текст «мемуаров» Хаяши.

«Несколько лет назад, в особенности после уступки Цзяо-чжоу Германии, Порт-Артура и города Дальнего—России в 1898 году,—говорит Хаяши в своих «мемуарах»,—английскими журналистами были высказаны мнения в пользу заключения англо-японского договора. Однажды вечером на банкете г. Чемберлен, который был в то время британским министром колоний, в беседе с г. Като, моим предшественником в качестве японского посланника в Лондоне, заговорил о целесообразности заключения договора между Англией и Японией по вопросам Дальнего Востока. Правительства Англии и Японии, однако, не начинали серьезных переговоров по вопросу о договоре.

«В апреле или марте 1901 года барон Экерштейн, исполнявший обязанности германского посланника в Лондоне, посетил меня, говоря, что лучшим средством сохранения мира на Востоке явится заключение тройственного соглашения между Японией, Англией и Германией. Поскольку он, Экерштейн, осведомлен, наиболее влиятельные члены британского кабинета, г. Чемберлен, г. Бальфур, маркиз Ландсдоун и герцог Девонширский поддерживают эту точку зрения, а в самое последнее время и маркиз Сальсбюри также стал ее разделять. В самой Германии, продолжал барон, среди населения сильно развиваются антианглийские настроения, но германское правительство не поощряет развития этих настроений. Лица, занимающие наиболее высокое положение в Германии, сам кайзер и граф Бюлов, часто встречаются с королем Эдуардом в Осборне, по случаю похорон королевы Виктории. Барон Экерштейн всегда присутствует на этих встречах и

хорошо знает «обстановку». И кайзер, и канцлер—оба настроены в пользу заключения тройственного союза. Если бы японское правительство взяло на себя инициативу по заключению такого тройственного соглашения,—говорил барон,—задача, несомненно, была бы закончена успешно. Каковы были истинные цели барона Экерштейна, говорил ли он со мной об этой схеме, в виду инструкций своего правительства, или он преследовал другие цели, я не знаю,—повествует Хаяши.—Не подлежало, впрочем, ни малейшему сомнению то обстоятельство, что если бы британское правительство имело действительное намерение вступить в союз с Японией, как то утверждал барон Экерштейн, то такая комбинация была бы чрезвычайно выгодна Японии. Я считал это выгодным и полагал, что не причиню вреда, если выясню намерения британского правительства по этому вопросу. Я просил разрешения у своего правительства начать «атаку». Телеграммой от 16 апреля 1901 года я был уполномочен моим правительством «нащупать» точку зрения британского правительства, но только под моею личною ответственностью, не связывая мое правительство никакими обязательствами, так как правительство не было еще в состоянии заявить о своей точке зрения по этому вопросу. Я имел возможность 17 апреля видеть лорда Ландсдоуна, а во время разговора с ним я вскользь упомянул о китайском вопросе, указав, что *будущее Китая* (курсив Хаяши)—является источником моей тревоги, и что поэтому заключение постоянного союза между Японией и Англией ради *сохранения мира на Востоке* (курсив Хаяши) является делом неотложной необходимости. Я изложил эту точку зрения, как мое личное мнение, и спросил лорда Ландсдоуна об его точке зрения по этому поводу. Лорд Ландсдоун заметил, что такой договор, в случае, если он будет заключен, сможет быть ограничен не только двумя государствами, выразив мнение, что любое другое государство сможет также примкнуть к договору. Из этого заявления лорда Ландсдоуна, равно как также из

заявления исполняющего обязанности германского посланника, я пришел к заключению, что британское правительство уже обсуждало этот вопрос и выяснило даже взгляды германского правительства, но что, в виду отсутствия лорда Сальсбюри из Лондона, ничего более конкретного для окончательного урегулирования этого вопроса пока сделано быть не могло... Я считал, что англо-японский договор, если мое правительство действительно намерено заключить союз, должен быть заключен по следующей схеме:

1) Сохранение принципа «открытых дверей» и «неприкосновенности территории» Китая.

2) Никакое государство не может приобрести новых территориальных прав в Китае, в особенности те из государств, кои такие права уже приобрели в Китае.

3) Японии, имеющей большие интересы в Корее, чем какая-либо другая страна, должна быть предоставлена свобода действий в Корее.

4) В случае, если какая-либо из договорившихся сторон находится в состоянии войны с другой державой, союзница должна соблюдать нейтралитет, не оказывая помощи своей союзнице. В том же случае, если третья держава придет на помощь врагу, договорившаяся сторона должна притти на помощь союзнику.

5) Существующее англо-германское соглашение должно остаться в силе.

6) Договор относится исключительно к делам Восточной Азии. Сфера действий договора не должна выходить за пределы Восточной Азии.

Правительство не выражало своих мнений по существу условий, предложенных мною, полагая, что в виду заявления, сделанного мне лордом Ландсдоуном вполне возможно соглашение по этому поводу между Англией и Германией... Мое правительство считало необходимым, чтобы я выяснил в Лондоне все возможности в связи с перспективой соглашения между Англией и Германией, поручив мне собрать эти сведения за мой

собственный страх и риск... Лорд Ландсдоун интересовался подробностями моих взглядов по поводу того, на каких началах это соглашение должно было бы строиться. Я ответил, что политика японского правительства по отношению к Китаю имеет в виду сохранение принципа «открытых дверей», гарантию «территориальной неприкосновенности» Китая и охрану японских интересов в Корее. Я утверждал далее, что интересы Великобритании и Японии совершенно тождественны в Китае, и считал, что вопросом исключительно-важного значения является об'единение этих обеих стран, как средство борьбы против возможных об'единений и комбинаций других стран... Лорд Ландсдоун сказал, что доложит мои взгляды лорду Сальсбюри... Подробности моей беседы с лордом Ландсдоуном я сообщил Токийскому правительству, рекомендуя внимательно отнестись к создавшемуся положению.

В это время в Токио произошла смена кабинета. 10-го мая принц Ито ушел с поста премьера. Маркиз Сайонджи был назначен временным премьером. 2-го июня произошли новые изменения в кабинете. Принц Кацура образовывал новый кабинет. Барон Соно, министр финансов, был назначен исполняющим обязанности министра иностранных дел вместо барона Като. В виду всех этих перемен в кабинете, никакого ответа из Токио на мою телеграмму мною не было получено. Никаких новых сообщений по этому поводу лордом Ландсдоуном сделано не было. «Дело» находилось в состоянии покоя.

15 июля сэр Клауде Мак-Дональд, английский посланник в Японии, находившийся в то время в отпуску в Лондоне, неожиданно навестил меня и сообщил мне, что несколько дней тому назад ему была дана аудиенция королем Эдуардом, который заявил, что считает необходимым заключить договор между Японией и Англией, и далее, что временные соглашения не являются достаточными. Сэр Клауде далее сообщил, что он беседовал с Сальсбюри, чьи взгляды по вопросу о договоре идут

еще дальше. Мнение Сальсбюри заключалось в том, что между Японией и Англией должен быть заключен прочный союз, и что в случае, если два или более государств об'единяся и ататкуют одного из союзников— Японию или Англию, другой союзник должен притти на помощь атакованной стороне. Лорд Сальсбюри опасался того, что может быть образован союз между Японией и Россией. Сэр Клауде прибавил, что барон Экерштейн посетил британское министерство иностранных дел и, в свою очередь, выразил опасение, что союз между Японией и Россией вполне возможен. Я полагал, что неожиданный визит ко мне сэра Клауде и беседа о предполагаемом англо-японском союзе имели своей целью вымостить дорогу для начатия серьезных переговоров. Клауде действовал на основании инструкций лорда Ландсдоуна; в виду этого, я телеграфировал в Токио подробности сделанного мне сэром Клауде сообщения, прибавив, что так как британское правительство опасается заключения союза между Японией и Россией, можно было бы добиться весьма благоприятного договора с Англией, в случае если бы токийское правительство намекнуло, что Япония и Россия, в самом деле, могут об'единиться».

После того как эта часть сообщений появилась в «Джи-Джи», японское правительство запретило опубликование дальнейших сообщений. Эти сообщения также имеются в нашем распоряжении.

«В своей беседе со мною сэр Клауде Мак-Дональд сказал: «Сейчас, когда мы тратим время, Япония имеет реальное намерение заключить союз с Россией». На это я ответил: «Настроение в Японии против России и в пользу Англии. Однако, надо сознаться, что чувства должны быть подчинены холодным расчетам государственных выгод. Не подлежит сомнению, что если Россия согласилась бы уступить нам существенные привилегии, наши чувства против этой страны могли бы измениться». На меня производило впечатление, что Мак Дональд беседует со мною в результате изучения лордом

Ландсдоуном вопроса в его целом, и что он старается реализовать то, что несколькими днями раньше я говорил ему об англо-японском союзе. Поскольку можно было судить по замечаниям Клауде, я чувствовал, что Англия искренна в своем желании заключить договор, опасаясь в то же время, что Япония может заключить соглашение с Россией. Я полагал, что мы могли бы использовать страхи или опасения Англии, заявив, что принципы соглашения с Англией обсуждаются также и с Россией, что бы таким приемом ускорить заключение договора с Англией.

31-го июля я беседовал с лордом Ландсдоуном. Он сказал: «Пришло время внимательного изучения вопроса о заключении постоянного договора с Японией. Я хотел бы спросить у вас мнение Японии по вопросу о взаимоотношениях международных интересов в Маньчжурии, равно как также о том, какой именно договор Япония хотела бы заключить». На это я ответил: «По моему мнению, интересы Японии в Маньчжурии только косвенные. Если, однако, русские оккупируют Маньчжурию и распространят свое влияние на севере Китая, тогда Россия, несомненно, поглотит и Корею,—обстоятельство, против которого Япония должна будет протестовать. В чем Япония действительно заинтересована—это в предупреждении появления России в Маньчжурии и в том, что в случае, если Япония вступит в войну с Россией, Япония хотела бы не допустить возможности оказания помощи России какой-либо третьей державой». На это лорд Ландсдоун ответил: «Интересы Англии в Корее чрезвычайно невелики, однако, Англия не хотела бы, чтобы Корея сделалась достоянием России. Что касается английской политики в Китае, то она сводится к сохранению принципа «открытых дверей» и к «территориальной неприкосновенности» Китая, т.-е. политика Японии и Англии в Китае совпадает по цели. Я полагаю, пришло время принять все меры к защите наших общих интересов».

«Почему Япония отвергла предложение России превратить Корею в буферное государство?»

Я на это ответил: «В отношении Кореи совершенно бесполезно держаться нейтральной позиции. Корейцы совершенно лишены способности самоуправляться. Никто не может предсказать, когда в Корее начнется гражданская война. Но в случае, если она начнется, кто будет держать бразды правления? Разве могут страны, имеющие интересы в Китае, считать такое положение вещей нормальным?» Лорд Ландсдоун на это ответил, что взаимоотношения между Японией и Кореей аналогичны отношениям между Англией и Трансваалем. Я сообщил в Токио содержание своей беседы и 9-го августа получил следующий ответ: «Японское правительство подтверждает получение предложений, сделанных Англией по поводу соглашения и принимает их в целом. Сообщите детали. Успех или неудача договора зависит от вашего старания». Я был восхищен этим ответом и никогда не чувствовал себя более счастливым. В виду того, что я не получил еще официального уполномочия на ведение этих переговоров, я продолжал вести переговоры, как частное лицо. 16 августа Ландсдоун уехал в отпуск в Ирландию, сказав мне, что продумает во время отпуска самым тщательным образом весь вопрос, прося меня в то же время озаботиться получением от своего правительства официальных полномочий. 21 сентября Комура был назначен министром иностранных дел и телеграфировал мне: «Японское правительство рассмотрело вопрос о предполагаемом союзе, окончательно выработало свою точку зрения по этому поводу и настоящим уполномачивает вас обменяться взглядами с британским правительством».

Получив, таким образом, формальные полномочия, я повел переговоры в деловом порядке. 16 октября я посетил лорда Ландсдоуна в министерстве иностранных дел. Наша беседа завершилась составлением предисловия к договору о союзе. Ландсдоун сказал: «Так как при заключении договора первым долгом надобно выяснить точки зрения и пожелания договаривающихся сторон, я хотел бы знать, каковы пожелания

Японии по этому вопросу». Я ответил: «Моя страна считает своей первой и последней потребностью защиту ее интересов в Корее и предупреждение вмешательства какой-либо другой страны в дела Кореи».

«Какова ваша политика в Китае?» спросил маркиз. Я согласился с линией поведения Англии в Китае, другими словами—выразил согласие на сохранение принципа «открытых дверей» и «территориальной неприкосновенности» Китая.

Маркиз тогда спросил: «Какого характера договор, вы полагаете, Япония и Англия должны заключить между собой?» Я ответил: «Мы хотели бы иметь договор, предусматривающий военную помощь нашей союзнице, в случае, если другое государство будет в состоянии войны с одной из союзных сторон и если этому государству будет оказана помощь третьей державой».

Лорд Ландсдоун сказал: «Все, о чем вы просите, кажется мне весьма убедительным. Мы, однако, полагаем, что договор должен быть много шире, и что независимо от условий, о которых говорите вы, Япония и Англия должны находиться в самой тесной дружбе, должны без всякого стеснения и ограничения обмениваться взглядами по вопросам Дальнего Востока, равно как также принимать совместные действия по всем этим вопросам».

Я полагал, что маркиз хочет связать нас заранее и наперед, и предупредить всякую возможность нашего вступления в союз с какой-либо другой державой, после того, как предполагаемый англо-японский договор будет подписан. Маркиз закончил беседу, сказав, что он доложит лорду Сальсбюри после внимательного изучения вопроса и еще раз его обсудит со мною.

Я спросил его: «Каково ваше мнение по вопросу о присоединении Германии к этому договору?» Он ответил: «Сначала мы будем вести переговоры с вами, а затем в процессе самих переговоров мы можем предложить Германии присоединиться к договору. Я думаю,—

этот путь наплучший». Причина, по которой я упомянул о Германии, заключалась в моем желании выяснить, существовало ли какое-либо соглашение с Германией о том, что она примкнет к договору, так как я не был осведомлен о взаимоотношениях между Англией и Германией».

5-го ноября лорд Ландсдоун вручил мне проект предполагаемого договора. Суть его сводилась к следующему:

«Стремясь к сохранению нынешнего порядка вещей на Дальнем Востоке, к сохранению мира вообще и к предупреждению возможности поглощения Кореи какой-либо другой страной, к сохранению независимости и территориальной неприкосновенности Китая, к обеспечению в Китае одинаковых для всех стран коммерческих и промышленных прав, оба союзных государства согласились в следующем:

1. Если Англия или Япония вступят в войну с другой страной с целью защиты вышеуказанных принципов, союзная нация должна соблюдать строгий нейтралитет и приложить все усилия к тому, чтобы лишить всякую третью державу возможности оказания помощи врагу союзницы.

2. Если третья держава присоединится к врагу, другая договорившаяся нация должна помочь своей союзнице в войне. Мир должен быть заключен с обоюдного согласия обеих союзниц.

3. Союзные державы не должны вступать в союз с другой державой без взаимного согласия на то обеих держав, чтобы, таким образом, не нарушать интересов обоих государств в Китае.

4. Если Англия или Япония в любой момент усмотрят, что интересам упомянутым в вышеуказанных пунктах угрожает опасность, каждая из союзных наций должна сообщить другой все свои соображения по этому поводу, ничего от другой не утаивая».

Маркиз просил японское правительство изучить проект договора наиболее тщательным образом, выразив

убеждение, что проект охраняет все японские интересы в Китае. Ландсдоун продолжал: «В совете министров, в котором настоящий проект обсуждался, двое или трое членов кабинета заявили, что интересы Японии в Корее чрезвычайно велики, более значительны, по сравнению с интересами Англии в долине реки Ян-цзы. В виду этого, говорили эти министры, предполагаемый договор является односторонним и благоприятным только для Японии. По этим соображениям, они хотели бы, чтобы договор был расширен, и интересы Англии в Индии были бы также предусмотрены договором».

Предложенный мне проект не содержал в себе никаких существенных отличий от существа моих бесед с Ландсдоуном. Проект содержал в себе только простое указание на то, что никакая другая держава не должна «поглотить» Кореи. Проект не говорит также и о том, что Англия признает высшие и суверенные права Японии в Корее. Проект не дает никаких гарантий в том, что сама Англия не станет вмешиваться в действия Японии, если Япония сочтет необходимым принять меры к защите своих интересов в Корее. Я чувствовал, что эти пункты подлежат еще дальнейшему обсуждению. Если бы какой-либо из вышеуказанных пунктов мог чинить неудобства Англии, можно было бы заключить *секретный договор* (курсив наш—А. Н.) по этим пунктам.

Я протелеграфировал в Токио проект договора со своими соображениями. 13-го ноября я получил следующие инструкции. «По вопросу о проекте договора правительство сообщит свое решение в возможно скором времени. Отправьтесь в Париж для встречи с Ито, сообщите ему об обмене телеграммами, постарайтесь добиться его поддержки в вопросе о британском проекте. Телеграфируйте немедленно о результатах».

Маркиз Ито проезжал через Париж в Россию и прибыл уже в Париж ко времени получения мною телеграмм из Токио. Что касается самого путешествия Ито, то я из частных источников и докладов

знал, что его поездка имеет своей целью ведение переговоров по заключению русско-японского договора. В виду того, однако, что переговоры о заключении англо-японского договора были уже начаты и успешно развивались, вопрос о заключении русско-японского договора не мог даже серьезно ставиться. Тем не менее, я отправился в Париж, как мне то было приказано, повидался с Ито, сообщил ему о всех подробностях переговоров, обменялся с ним взглядами и, пробыв в Париже 4 дня, 19-го августа вернулся в Лондон.

Вот краткое содержание моих бесед с Ито. Он сообщил мне, что прежде чем он уехал из Японии, он беседовал с маркизом Ямагата, Инойе и другими членами Генро (высший совет, состоящий из бывших феодалов, фактически управляющих Японией. А. Н.), также с премьером принцем Кацура, графом Тоне. По мнению Ито, для России и Японии становилось все более и более невыгодным искоса подглядывать друг на друга, в виду невыясненности вопроса о Корее. Становилось настоятельно необходимым добиться компромисса. По этим мотивам и была решена поездка Ито в Россию вместе с Сузуки, в качестве его дипломатического помощника. К моменту от'езда Ито из Японии, правительство серьезно еще не расценивало переговоров с Англией. Правительство не верило в самую возможность заключения англо-японского договора. Условия, на которых Ито было поручено вести переговоры с Россией, были следующими: России предоставляется «свободная рука», полная свобода действий в Маньчжурии, Японии предоставляется полная свобода действий в Корее. Япония и Россия взаимно соглашаются не устраивать морской базы в Мазампо. Это был максимум того, чего, по мнению Ито, можно было добиваться. Сузуки сообщил мне также в Париже, что г. Курино согласился принять на себя обязанности посланника в России при условии, что ему будет поручено заключение договора с Россией. Ито чувствовал себя в затруднительном положении. Он не думал, что дело с переговорами об англо-японском договоре успело зайти так

далеко, и буквально не знал, что ему делать. Я сам был не в лучшем положении. Я вел переговоры с лордом Ландсдоуном, получив из Токио официальные полномочия; в то же время Токио посылает Ито в Россию для ведения с нею переговоров о договоре. Если сообщение о задачах Курино в Петербурге было верным, все дело о договоре принимало чрезвычайно оскорбительный характер, особенно если учесть, что правительство приняло мои соображения по вопросу об англо-японском договоре. Я запросил Токио по этому поводу. Ответ был: «Правительство не изменило своей политики. Курино не получал такого задания». Маркиз Ито был поставлен этой телеграммой в еще более затруднительное положение. Он согласился с тем, что переговоры с Англией приняли такой оборот, что японское правительство не могло просто отказаться от дальнейшего ведения этих переговоров. После долгого и всестороннего обсуждения вопроса, было решено, что Ито будет поддерживать в целом необходимость заключения англо-японского договора. В то же время Ито отправляется в Россию, так как об его поездке было уже официально об'явлено. Я, в свою очередь, решил не давать ответа британскому правительству до тех пор, пока не получу сообщения от Ито из Петербурга, так как считал весьма рискованной макиавеллиевскую политику в вопросе об англо-японском договоре. В вопросе такой исключительной важности, как заключение англо-японского или русско-японского договора, нам следовало итти одним из двух путей: или, заключив англо-японский договор, уведомить Англию о том, что мы предполагаем вести переговоры с Россией и затем заключить самый договор с Россией, или, до тех пор, пока ведутся переговоры с Англией, не обсуждать возможностей русско-японского соглашения, разве только русские первыми сделали бы предложение по этому поводу. Ито согласился итти по второму пути.

На следующий день после того, как я вернулся из Парижа, я повстречался с лордом Ландсдоуном, который запросил меня об ответе японского правительства.

Ландсдоун сказал, что оттяжка времени несет с собою большую опасность, так как возможно, что сведения о предполагаемом договоре просочатся в широкие круги, и тогда на пути заключения англо-японского союза возникнут новые препятствия. Ландсдоун спросил меня о целях поездки Ито в Россию и выразил пожелание о приезде Ито в Англию. Ландсдоун чувствовал себя обиженным тем, что Ито не заехал в Лондон до своей поездки в Россию, и сказал мне, что если японское правительство действительно намерено заключить договор с Россией в то самое время, когда ведутся переговоры с Англией по этому же поводу,—британское правительство будет чувствовать себя весьма оскорбленным. На это я ответил, что договоры для Японии—явление новое и потому, естественно, что все, связанное с договором, должно быть предварительно всесторонне исследовано. Вот почему и происходит задержка. Что же касается поездки Ито в Петербург, то я об'яснил, что поездка его никакого особого значения не имеет. Ито не мог прибыть в Лондон, так как погода в Лондоне очень неблагоприятная, ноябрь—вообще период туманов в Лондоне. Ландсдоун, однако, ответил, что Ито плыл по Атлантическому океану и, избегая высадки в Англии, отправился прямо во Францию. Если действительной целью его поездки является поправление его здоровья, то почему Ито отправился зимой в Петербург? Очевидно, Ландсдоун был неудовлетворен моими об'яснениями. После того я расстался с Ландсдоуном. Я повидал г. Бертика, товарища министра, который был значительно более откровенен, подойдя вплотную к вопросу об англо-японском договоре. Он сказал, что если сведения о предполагаемом договоре сделаются достоянием широкой публики, Россия может предложить более выгодные условия, с тем, однако, чтобы впоследствии без зазрения совести отказаться от этих условий. Бертик прибавил: «Будьте осторожны, предупреждаю вас».

Захват Кореи—цель договора.

На этом мы заканчиваем перевод части «мемуаров» Хаяши. Мы цитировали собственной рукой Хаяши написанные документы, чтобы выявить истинную природу

отношений, предусмотренных англо-японским договором. Целью договора был—спокойно задуманный и холодно-рассчитанный грабеж, грабеж громадной территории с миллионами трудового населения, грабеж всей Кореи. Эту грабительскую операцию Япония могла продолжать или «под прикрытием» союза с Англией, на случай, если бы царистская Россия потребовала своей доли в грабеже, или на основе союза с Россией, когда обширная добыча—Корея и Маньчжурия—была бы полюбовно поделена между хищниками. Какие бы слова в договоре мы не читали, сколь бы красноречиво пункты его не говорили о стремлении договаривающихся сторон «охранить мир на Востоке» вообще и спасти «независимость Кореи» в особенности (есть и такая фраза)—все это лишь империалистическое лицемерие, которое должно было прикрыть фиговым листком самый факт грабежа. Самый договор заключался для войны с Россией или, вернее говоря, в предвидении ее. Япония хотела войны. Война была нужна Японии, чтобы выйти на империалистический простор и занять «подобающее» место среди «великих держав». Авторы договора не ошиблись в своем прогнозе. Через два года после подписания договора стряслась кошмарная война между империалистической Японией и царской Россией. Полились потоки крови трудовых классов обоих народов в угоду капиталистам обеих империалистических стран.

Англо-японский договор вообще открыл Японии возможность заявить претензию на господствующее положение на всем Дальнем Востоке. Естественно, что Корея была избрана как первое опытное поле для приложения энергии империалистической Японии.

Корея была приманкой для капиталистической Японии, так как она, сама по себе, в виду экономических условий ее существования, не была способна оказать энергичного сопротивления захватнической политике более сильных государств; к тому же и правовое положение Кореи к началу двадцатого века было более чем ненормальным. Корея находилась в феодальном подчинении династии Маньчжуров в Китае. В то же время Корея была вассалом капиталистически развивающейся Японии. Положение должно

было «раз'ясниться», во-первых, победой капиталистической Японии над разваливающимся, догнивающим строем деспотов-Маньчжуров и, во, вторых, военной схваткой Японии с более сильным конкурентом и хищником, колонизатором и захватчиком Дальнего Востока—царской Россией. Такова была логика истории. Англо-японский договор лишь развязал процессы истории.

В качестве обстоятельств, которые форсировали процесс территориальных захватов на Востоке, надо указать на события 1900 года в Китае. Попытка китайских трудовых масс сбросить с себя иго иностранцев в период так называемого «боксерского восстания» дала повод к военной интервенции тогдашних «великих держав» и окрылила как Японию, так и царскую Россию империалистическими планами... После подписания «протокола 1901 года», который по своему существу был ничем иным, как новым ограблением Китая, Китай перестает играть сколько-нибудь заметную роль в делах Дальнего Востока. Китай был выведен из соревнующих рядов и стал об'ектом свирепой политики империалистов всех стран.

Япония в те времена была еще скромна в методах: она лишь подготовляла благоприятную обстановку для развертывания и осуществления своих империалистических планов в будущем. Царская же Россия была наиболее агрессивна в этом периоде своей захватнической истории. Уссурийские казаки уже вели своих лошадей на водопой к реке Ялу в Корее. Россия торопилась заключением договора с Францией, в котором определенно говорилось о «гарантиях и охране специальных интересов» обоих государств на Дальнем Востоке. Все шло форсированным маршем к военной развязке, и заинтересованные стороны усиленно готовились к этой развязке. Лицемерным же лозунгом войны явилось спасение независимости Кореи. Рескрипт японского микадо об об'явлении войны содержит в себе следующую фразу: «неприкосновенность Кореи является предметом неустанных забот для империи... Независимое существование Кореи является весьма существенным условием благополучия нашего государства». Так проливались

крокодиловы слезы о независимой Корее, когда самый вопрос об аннексии Кореи Японией был уже давно решен, когда ради этой аннексии был заключен и англо-японский договор.

Обстановка заключения англо-японского договора.

Кстати, еще несколько штрихов об обстановке, в которой осуществлялся этот империалистический план.

30 ноября 1901 года граф Хаяши получил телеграмму от министра иностранных дел Комура с некоторыми поправками к проекту договора, из которых одна требовала включения в договор пункта о предоставлении Японии неограниченной свободы действий в Корее, ради осуществления и охраны интересов Японии. Эта же телеграмма сообщала, что японский император, передав проект договора на рассмотрение Генро (совета феодалов), просил мнения Ито по существу проекта. Графу Хаяши было предложено послать курьером секретаря посольства в Петербург для вручения ему этой телеграммы и получения от него ответа. Это поручение было возложено на Мацуи. Сейчас же, по прибытии в Петербург, Мацуи послал «донесение» Хаяши, что Ито был хорошо принят Витте. Обсуждался вопрос о «компромиссе». Ито требовал свободы действий для Японии в Корее, в которой интересы Японии велики и значительны. Витте на это согласился при условии, что Япония обяжется не аннексировать Корею. Ито, в свою очередь, выразил на это свое согласие. Ито был затем принят Николаем, который говорил с ним на тему о том же русско-японском союзе. Ито обсуждал также вопрос о союзе с графом Ламздорфом, тогдашним министром иностранных дел, требовавшим от Японии уступок в ответ на уступку ей Кореи. Так определенно высказывались в своих сговорах представители двух грабительских правительств. Все дальнейшие переговоры оборвались, в виду спешного от'езда Ито из Петербурга. Впечатление, увезенное Ито с собою из Петербурга, было наиболее благоприятными в пользу необходимости заключения русско-японского союза. Ито сообщил свою точку зрения в Токио. При встрече с графом Хаяши в Берлине, по своем от'езде из Петербурга, Ито заявил ему, что он теперь не одобряет не только поправок к проекту англо-японского договора, но не одобряет и идеи

договора. Сторонами, единственно заинтересованными в Корее, по мнению Ито, являются Россия и Япония. Они-то и должны быть контрагентами по договору. Они-то только и должны заключить договор между собою. Какая польза от заключения договора о Корее с Англией, когда Англия никаких интересов в Корее не имеет? Это значило бы только предоставить Англии те самые права в Корее, какими уже располагает Япония, права, которыми Англия до сих пор не обладала. Между тем, и Витте, и Ламздорф соглашаются на предложения Японии о Корее, называя эти предложения установлением протектората Японии над Кореей,—убеждал Ито.

Таким образом, есть все основания расчитывать на заключении приемлемого для Японии русско-японского соглашения. Зачем же торопиться с англо-японским договором?» Кто был более прав, Ито или Хаяши, рассудила бабушка история в ряде больших последовавших событий. Ито и Хаяши были адвокатами, или вернее—добросовестными приказчиками финансового капитала. Принципиального различия между ними нет. Различие точек зрения между дипломатами капиталистической Японии—это различие оценок методов захвата Кореи.

Хаяши не жалеет «слов» в своих мемуарах, резко критикуя действия своего правительства в связи с его колеблющейся, двусторонней тактикой в вопросе об англо-японском договоре. «Я был использован в этом деле против моего желания. Кроме этого, недостаток добропорядочности и нарушение правил чести поставили Японию в исключительно трудное международное положение. Япония заручилась симпатиями Англии, но потеряла симпатии России и других европейских государств», — плачется уязвленный Хаяши.

Спор между Хаяши и Ито «взошел к трону». Вопрос в целом был решен императором с его Генро 7-го декабря 1901 года, когда была одобрена схема англо-японского договора и отвергнута схема русско-японского договора. Токийский корреспондент Рейтера сообщает подробности заседания микадо со своими советчиками. Совет министров

в целом был настроен в пользу проекта Хаяши. Настроения были настолько твердыми, что Кацура и Комура уведомили своих коллег о том, что они уйдут в отставку, в случае если император решит вопрос в пользу Ито. Заслушав доклад совета министров о проекте англо-японского договора и о деятельности Ито в России, микадо сказал секретраю: «Пойдите в мой кабинет и возьмите оттуда доклад маркиза Ито по поводу проекта англо-японского союза, когда Ито был премьером». Доклад был принесен. Микадо просмотрел его и, обращаясь к советчикам, сказал: «В этом докладе маркиз Ито, в роли премьер-министра, самым энергичным образом настаивал на необходимости заключения англо-японского договора. Обстановка не изменилась за последние несколько месяцев, ничто не заставляет изменять решение». В соответствии с этим было отдано распоряжение Хаяши продолжать свою работу, а Ито было приказано прекратить всякие переговоры с Россией. Переговоры Ито с царской Россией были использованы Японией. Япония стала спекулировать на возможности разрыва переговоров с Англией, в виду больших выгод, ожидаемых Японией в случае заключения договора с Россией. При таких условиях, Япония чувствовала себя много свободнее и находилась в положении стороны, диктующей свои условия Англии. Так, Япония воспротивилась включению в договор пунктов об Индии, доказывая Англии, что договор имеет своею целью лишь «защиту взаимных интересов в Китае и Корее». Вопрос об Индии остался вне этого договора. Германия сама отказалась от «удовольствия и чести» примкнуть к договору, строя свои планы на комбинациях, имевших своею целью опрокинуть и разбить все расчеты Англии. Таким образом, договор Англии и Японии 1902 года является полюбовною сделкой двух правительств, наиболее сильно заинтересованных в эксплоатации Кореи и Китая.

Ближайшие последствия договора.

Англо-японский договор был заключен в 1902 году, сроком на 5 лет. Договор, как мы уже сказали выше, был заключен с целью привести двух хищников—царскую Россию и империалистическую Японию,—к драке. Договор оправдал свое назначение и выполнил свою задачу. Два

года после подписания договора разразилась русско-японская война, в которой не были повинны ни русский, ни японский крестьянин и рабочий. Лилась только кровь крестьян и рабочих японцев и русских ради будущих прибылей фирм Мицуи, Окура, или ради возможности русским Безобразовым эксплоатировать лесные и иные богатства на реке Ялу, в Корее вообще, и в Маньчжурии. Англо-японский договор естественно и неизбежно должен был привести и привел к войне. Война с естественной неизбежностью должна была привести и привела к захвату Кореи и Маньчжурии. В 1906 году Япония об'явила свой протекторат над Кореей. Вслед за Кореей застонала и Маньчжурия.

Договор служил и другой цели—хищническому разграблению природных богатств Дальнего Востока, еще нетронутых жадною рукой капиталистов. Эксплоатация природных богатств Китая должна была повлечь за собою эксплоатацию и закабаление миллионов трудового народа. Уже в 1908 году Америка почувствовала на своей торговле последствия игры, затеянной Англией и Японией на берегах Великого океана.

Хваленым «принципам» частной торговли, гордости куцой мысли капиталистической демократии, священным началам «открытых дверей» и «равных прав» англо-японский договор нанес удар в самое сердце. Этим договором устанавливались *специальные* права вместо *равных* прав. «Открытые же двери» были оставлены в договоре лишь в виде бутафории, декорации. Америка в 1908 году запросила Японию о ея действиях в Китае. Япония ответила нотой, в которой все слова о «свободном» и «мирном» развитии торговли каждого государства, о принципе «одинаковых возможностей» на территории Китая были торжественно сказаны. На деле же Япония монополизировала торговлю в Корее, устраняя не только Америку, но и свою добродетельную союзницу—Англию.

В период от 1907 до 1911 года длань Японии простиралась, кроме Кореи, которая окончательно ею была захвачена в 1906 году, на Маньчжурию. За пределами Маньчжурии длань Японии не чувствовалась. Не потому, конечно, что Япония не хотела бы заграбить и другие

территории в Китае, а потому что экономически она еще не была подготовлена к поглощению новых территорий. Это время было еще впереди. Политика Японии становится особенно агрессивной в отношении Китая, после китайской революции, когда хозяйственная жизнь Китая дезинтегрировалась, когда феодальные формы собственности распадались, открывая дорогу медленному, мучительному процессу, но процессу уже капиталистического развития Китая.

На небольшом примере легко выяснить размеры аппетита, манеру и тон, какой усвоила в отношении Китая Япония, действовавшая на основе англо-японского договора. За убийство двух японских парикмахеров и торговца бакалейными товарами во время революционных событий в Нанкине, японцы потребовали компенсацию в размере 600 тысяч таэлей и по 15 тысяч долларов на семью каждого из убитых. Эти цифры чрезвычайно поучительны в свете другого инцидента, когда японцами было убито 5 китайцев по вине самих японцев в Чжан-ли. Японцы предложили китайскому правительству компенсацию из расчета 50 долларов на семью каждого убитого китайца. Япония вместе с другими заморскими империалистами пред'явила к китайскому правительству требование о возмещение убытков, понесенных японскими гражданами за время революции. Кроме этого требования, японскими империалистами было пред'явлено еще и другое—о возмещении «косвенных убытков», понесенных японскими гражданами якобы от развития революционных событий. Циничский характер этих требований, равно как самый факт их пред'явления, говорил о том, что Япония субсидирует свою промышленность за счет средств китайского трудового народа. Эти факты говорили также и о том, что Япония пытается итти впереди всех других «великих» держав на Дальнем Востоке, все туже завязывая петлю на шее китайских крестьян и рабочих.

Домогательства японского империализма и англо-японский договор.

Наиболее высокого напряжения японский империализм достиг в период империалистической войны 1914—1918 годов. С этого момента японские правящие круги не знают удержу, пределов и границ. Японцы считали все для себя дозволенным. Война затягивалась. Старая «владычица

морей», Англия была слишком занята делами на западном фронте. Все силы концентрировались на борьбе с сильным противником—Германией, чтобы вывести из рядов конкурентов на мировом рынке наиболее сильного противника, Япония была предоставлена самой себе. Англо-японский договор развязывал ей руки. Япония коршуном накинулась на Китай. Тогда-то, в самом начале 1915 года и были пред'явлены Китаю знаменитые 21 требование. Какой эффект этот «документ» произвел на благонамеренных англичан, живущих на Востоке, англичан, союзных с Японией и по духу завоевательной политики, и по букве своего договора со страной «Восходящего Солнца»,—можно судить по следующим замечаниям английской газеты «Пекин-Тянь-цзинь Таймс».

> «Весьма немногие из японцев могут вспомнить об истории с 21 требованием без чувства стыда... В наиболее жестоких главах истории современной дипломатии было бы трудно найти случай большего плутовства и обмана, чем тот, который представляла собою политика Японии на Дальнем Востоке в этот исторический период, имевшая своею целью придушить протест иностранцев, по крайней мере, до тех пор, пока японцы не закрепятся на своем новом пути».

Японцы лгали, отрицая самый факт пред'явления этих требований. Граф Окума, председатель кабинета министров, в интервью заявил, что критика действий Японии вызвана происками Германии, что предложения Японии, сделанные Китаю, находятся в полном соответствии с англо-японским договором и договорами других государств, гарантировавшими всем государствам принцип «одинаковых возможностей,» равно как и «территориальную неприкосновенность Китая».

Окума, вопреки отчетливому и ясному тексту 21 требования, утверждал, что Япония не настаивала на приглашении Китаем японских «советников» всех категорий и специальностей и что, вообще говоря, «положение в целом сильно преувеличено». Ложь и плутовство японских дипломатов в вопросе о бесстыдных, цинично-грабительских 21

требованиях были настолько большим «шокингом» для благородной парикмахерски-напомаженной дипломатии иностранного капитала на Востоке, что некоторые из дипломатов заявили об утрате ими доверия к заявлениям японского министерства иностранных дел. Японские империалисты старались отыграться на пустяковых отписках и продолжали свою политику беззастенчивой лжи перед парламентами своих союзниц. Тем не менее, действия японцев вызвали протесты и в Англии, и в Америке.

16 мая того же 1915 года Соедин. Штаты Америки представили ноту Японии и Китаю тождественного содержания, заявляя, что правительство Соед. Штатов не может признать соглашения, которое заключено или может быть заключено между Японией и Китаем, нарушающего права Америки и американских граждан в Китае—права, приобретенные по договорам. Америка не может признать соглашений, угрожающих политической и территориальной независимости Китайской республики или принципам международной политики в отношении Китая, известной под именем политики «открытых дверей». Америка, другими словами, требовала своей доли в большой добыче.

Япония, однако, не смутилась ни шумом, ни нотами, ни бледными парламентскими протестами своих союзниц. Требования были пред'явлены Китаю в форме ультиматума. Китай должен был принять эти требования под угрозой войны. Этот новый акт империалистической дипломатии—реальный фактор современной жизни угнетенного Китая. Самое пред'явление этих требований было возможно лишь, как последствие англо-японского договора, обеспечившего свободу действий Японии в результате полюбовного сговора о дележе добычи на Востоке. Англо-японский договор в первый период своего существования привел к войне Японии с Россией, ради отвоевания права за империалистической Японией распоряжаться на азиатском континенте. Этот же англо-японский договор во второй срок своего существования привел к аннексии Кореи (1910 г.). Возобновленный в 1911 году англо-японский договор привел к установлению господства Японии в Маньчжурии и в Пекине.

Вопрос об участии Китая в империалистической войне.

Японский империализм, в результате всех выгод, приобретенных им благодаря англо-японскому договору, превратился в такую «мощь» на Дальнем Востоке, что стал дерзать противопоставлять свое влияние влиянию всех других империалистов на Дальнем Востоке. Классическим примером вызывающей и независимой деятельности Японии служит поведение ее в вопросе о возможности участия Китая в империалистической войне на стороне союзной коалиции. Англия, Франция и царская Россия настойчиво требовали присоединения Китая к коалиции ради общих и, уж конечно, «благородных» целей войны.

Истинные мотивы настойчивого желания привлечь Китай к участию в войне лежали в том, что союзная коалиция нуждалась в китайском сырье и в китайских рабочих. Те формы и способы извлечения сырья и рабочей силы из Китая, какие были выработаны империалистами в мирное время, были несовершенны и недостаточны в обстановке войны. Противоречия и непримиримость интересов «союзников» заключались в том, что в этом сырье была, однако, больше всех заинтересована сама Япония. Она превратилась в поставщицу всех сортов и видов амуниции мировым империалистам. Япония была в стадии молниеносного развития своего капитализма. Ресурсов самой Японии было совершенно недостаточно для того, чтобы угнаться за развивающимися потребностями войны. Японии надо было во что бы то ни стало грабить Китай с его неисчерпаемыми богатствами и притом грабить монопольно, вопреки протестам своих друзей по духу. По этим-то причинам, Япония была против участия Китая в мировой войне, т.-е. против дележа китайского сырья с другими империалистами. Устами своих дипломатов Япония заявила, что не может согласиться на участие Китая в войне по ряду высоких мотивов. Истинный мотив японского империализма не был раскрыт японскими казенными дипломатами. Но сколь характерны следующие слова:

«Япония без страха и боязни не может глядеть на *моральное пробуждение* (курсив наш, А. Н.) 400 миллионов китайцев, которое явится естественным результатом

участия Китая в войне». Эти «откровенные мысли» были вслух высказаны бароном Ишии, японским посланником в Вашингтоне. Японские дипломаты больше всего боялись перехода империалистической войны в войну гражданскую и всеми силами противились вовлечению многомиллионных масс китайского трудового народа в общую потасовку. Рабовладельческая психология японского империализма выявилась с большою определенностью в этой мысли японского дипломата. Грабить бесконтрольно можно только в условиях политического угнетения трудовых масс. Стоит только трудовым массам политически (морально) пробудиться, как не останется и следа ни от грабежа, ни от рабовладельцев.

Вопрос об участии Китая в войне на стороне союзной коалиции был разрешен Америкой с момента вступления Америки в войну, в период, когда приток золота в Америку из всех воюющих и невоюющих стран прекратился, когда Америке было необходимо обеспечить свою долю в «победе», в империалистической добыче... С момента вступления Америки в коалицию, китайское сырье должно было итти и на американские фабрики и заводы, а не только на японские. Америка предложила Китаю присоединиться к ней и принять участие в общей свалке. Официальный Китай решился примкнуть к союзной коалиции из расчета приобрести друга в лице Америки на будущей мирной конференции. Китай тогда еще надеялся ликвидировать на будущей конференции 21 требование, сплою навязанные Японией китайскому народу. Китай надеялся дипломатическими средствами и логикой аргументов вернуть себе Шань-дун.

Наивность Китая была жестоко наказана. Сейчас же, вслед за вступлением Китая в империалистическую войну, «благородная» и «идеалистическая» Америка, в лице министра иностранных дел Лансинга, подписала соглашение с Японией, в лице ее посланника—Ишии. Это соглашение признавало «особые права» Японии в Китае. Что это означало на деле, как не полюбовный дележ богатств Китая и продуктов труда его населения между Японией и Америкой? Правда, Лансинг в своих оправданиях перед американским сенатом говорил о том, что его соглашение с

Ишии не признавало «верховных прав» Японии в Китае, несмотря на то, что на этом настаивали японцы. Лансинг согласился всего лишь только на признание «особых прав», просто вытекающих, как он об'яснял, из факта географической близости Японии к Китаю. Если, однако, забыть дипломатическую эквилибристику и весь тот «миллион слов», который приводится в движение для прикрытия истинной сущности целей империализма, то значение лансинг-ишии'евского соглашения предстанет в ясном, незатуманенном свете. То было соглашение о совместном дележе природных богатств Китая и продуктов неоплаченного труда китайского рабочего и крестьянина.

Наивность Китая была наказана в еще большей мере, когда сам Вудро Вильсон, апостол «14 пунктов» о «справедливом мире», согласился на отдачу Шань-дун'а японскому хищнику...

Естественным последствием англо-японского договора надо также считать и ту политику японских займов Китаю, которые имели своим последствием заклад всего народного имущества Китая японским банкирам.

Япония и китайская делация в Версале.

В истории отношений японского империализма к Китаю, выросших на почве, распаханной, удобренной и засеянной англо-японским договором, наиболее сильным моментом является отношение Японии к делегации Китая на версальской конференции. Японская дипломатия в этом вопросе разделась до нага. Вместо деликатного языка вежливого дипломата, был применен грубый язык угроз. Япония требовала, чтобы китайская делегация не сообщала в Версале о тех секретных соглашениях, которые Китай был вынужден подписать с Японией во время войны. Япония требовала, чтобы китайская делегация в Версале вообще не смела предпринимать самостоятельных шагов и была бы строго подчинена в своих действиях японской делегации. Японские дипломаты своими действиями лишь обнаруживали свой страх перед возможными разоблачениями кровавой политики Японии в Корее.

Китай в этом вопросе был упорен. Стало известно, что китайская делегация предполагает начать свою деятельность

в Версале с опубликования всех «секретных» документов, навязанных Японией Китаю. Это сообщение вызвало переполох в официальном Токио. Полномочный министр Японии в Китае, г. Обата, который был весьма прикосновенен к 21 требованию и в процессе их разработки, и в моменте их вручения правительству Юань Ши-кай'я, явился в китайское министерство иностранных дел и в крайне грубом тоне заявил, что опубликование секретных договоров Китая с Японией—не в интересах самих китайцев. Свои заявления Обата закончил указанием на то, что в распоряжении Японии имеется «полмиллиона тонн военных кораблей и один миллион войск». Угрозы на этот раз не сыграли своей роли и не достигли цели. Китайская делегация в Версале заявила энергичный протест против тех «несправедливостей» и жестокостей, какие Япония учиняла по отношению к Китаю во весь период войны. Китай отказался подписать так называемый «мирный договор», мотивируя свой отказ необходимостью возвращения Китаю тех территорий и прав, которые у Китая были отхвачены «под шумок» войны.

Пан-японское движение.

Само собою разумеется, что грубость японских дипломатов и агрессивный характер пред'явленных ими требований выражали собою лишь определенное состояние экономического развития Японии. Япония шла быстрыми шагами по пути капиталистического развития своей страны. Процессы строительства новых фабрик и заводов сопровождались богатыми «последствиями» англо-японского договора: удачными войнами, аннексией большого государства Кореи и «экономическим проникновением» на азиатский континент вообще. Сознание своей силы, нарастающей мощи должно было естественно сквозить в каждом новом движении японских империалистов. Естественно также, что капиталистическая Япония должна была питать самые злые, враждебные чувства по отношению к «белым» государствам, развившимся в большие капиталистические организмы значительно раньше Японии и захватившим богатейшие материки с неисчерпаемыми запасами угля, железа и сырья в свое исключительное пользование.

Все разговоры о равенстве рас, поднятые японским правительством накануне созыва мирной конференции, являются поэтому только энергичным протестом японского буржуа против «белого» буржуа, с которым японец вступил в ожесточенную конкуренцию.

Весною 1913 года по всей Японии была организована большая кампания, так называемая «Хакабатцу»—борьба с «белою опасностью». Душою этой кампании был Такутоми, член палаты пэров, бывший министр, редактор популярной в Японии газеты—«Кокумин-Шимбун»,—словом лицо, которое в официальном невежестве упрекнуть нельзя. В длинной серии статей Такутоми доказывал, что «белые» пытались завоевать весь мир, распространяя свою религию—христианство, с целью экономического покорения цветных рас. Задачей «желтой расы» является организация борьбы против «белого» угнетателя. Такутоми утверждает далее, что задача обращения «цветных» в христианство ни в коем случае не удалась бы «белым», если бы распространение христианства не сопровождалось аргументами от пушек и ружей. Насаждение религии шло рядом с применением грубой силы. Такутоми призывает к решительной схватке с «альбионократией».

В этой риторике «угнетенного», обиженного «цветного» сквозит изо всех щелей всего только обиженное чувство буржуа, у которого такие же буржуа, как и он сам, отняли природные богатства «цветных» и тем затруднили для него процессы эксплоатации этих «цветных». Когда «цветной» буржуа еще только становился на собственные капиталистические ноги, ему была необходима помощь белого, сильного буржуа, чтобы при его содействии грабить своих же цветных. В те поры Хаяши разговаривал с Ландсдоуном, Ито с Ламздорфом, а Курино мчался в Париж для переговоров о союзе с Францией. Когда же «цветной» буржуа окреп и прибрал к своим рукам то, что «плохо лежало» на Востоке, в услугах «белого» больше надобности не встречалось. Белый стал мешать цветному. Отсюда ненависть к «белым», потребность японского буржуа в рынках Востока и развитие пан-японизма.

Мнения самих японцев по этому вопросу чрезвычайно характерны и любопытны. Доктор Ишимура, профессор университета в Киото, дал следующую характеристику «белых рас»:

1. «Белые» только себя расценивают, как человеческие существа. Все цветные расы «белыми» относятся к разряду низшей цивилизации.

2. «Белые» чрезвычайно эгоистичны, заботятся только о своих собственных интересах, игнорируя интересы всех тех, кого они считают ниже себя стоящими.

3. «Белые» полны расовой гордости и предрассудков.

4. «Белые» во всем доходят до крайностей, превосходя «цветных» своею порочностью.

5. «Белые» превратили деньги в бога и поклоняются золотому тельцу. «Белые» полагают, что деньги основа всей и всякой жизни и ни перед чем не останавливаются, лишь бы только добыть деньги.

Пункты 2-й и 5-й «характеристики» ученого профессора раскрыли обиженную душу «цветного» апологета «цветного» буржуа.

В «Хакабатцу» приняли участие и другие видные японцы. В их числе граф Окума, «мудрец Васеды», бывший премьер, выдающийся по способностям захватчик чужих территорий. Окума очень точен в выражениях и определенен в оценках. Он знает, что «белые» захватили Китай, который нужен капиталистической Японии. Поэтому в мае 1913 года Окума с раздражением говорит о том, что «белые расы рассматривают весь мир, как собственность и управляют миром по своему усмотрению . . . Японцы не ниже «белых». Они равны им. «Белые» дразнят судьбу. Горе им!» Этот же Окума, в бытность свою премьером, от слов перешел к делу, пред'явив к «цветным», к таким же «желтым», как и сам, свои грабительские 21 требование.

Все лицемерие лозунгов «освободительного», пан-японского движения вскрывается на фактах злейшей эксплоатации японскими буржуа пролетариев своей собственной страны, трудовых масс Китая, населения Формозы и всех тех территорий, куда вместе с японским купцом приходят японский

полицейский и сыщик. К моменту, когда отставные премьеры и услужливые профессора раздували кадило пан-японского движения, аннексионистские, грабительские способности капиталистической Японии успели выявить себя в живом опыте. Этот опыт стоил потери свободы миллионам крестьян и рабочих «цветных» рас. Окума в речи, обращенной к коммерческой палате в Кобе, говорил: «Индия и южные моря были бы прекрасными рынками для ваших товаров. Вы не должны удовлетворяться, впрочем, одним только этим. Идите в Европу. Не обращайтесь к услугам иностранных кораблей. Плывите на японских суднах. Всякое «место», на котором развевается японский флаг, должно рассматриваться, как японское владение. В этом смысле владения Японии распространяются по Великому океану, китайским морям, Индийскому океану и Корее. Идите во все эти места под защитой японского флага. 300 миллионов индусов, будучи угнетаемы европейцами, ищут помощи Японии. Индия начала бойкот европейских товаров. (Слова эти говорились еще до организации «цветными» китайцами бойкота товаров японцев. А. Н.) Если японцы упустят случай, индусы будут сильно разочарованы. Если кто-либо не принимает даров, какие ему посылает небо, это лицо может ожидать несчастья. Индия с давних времен была страной богатств. Александр Великий приобрел в Индии богатства, которыми он нагрузил 100 верблюдов. Магомет и Аттила приобретали для своих народов богатства в Индии. Почему же Япония не протянет руки к Индии, особенно, когда сами индусы с мольбой глядят на Японию? Японцы должны проникнуть в Индию, южные моря и другие части света», повествовал захватчик.

Японский капитализм вступил в фазу конкуренции с капитализмом «белых» стран. Услужающие газеты и оплаченные профессора, учителя и адвокаты, все лакеи капитализма находили, в виду этих условий, соответственные прилагательные для характеристики своего соперника и конкурента. «Джапан Таймс» в эту пору экономического развития Японии говорит о «белых», как о существах «агрессивных, несправедливых, жестоких и безчеловечных». В другом

месте эти слишком общие признаки окрашиваются тою же газетой в признаки более конкретные. Газета говорит об «абсурдных, дерзких и опасных» иностранцах.

Граф Хирозава, воспитанник Кембриджского университета, директор «Сейкаио» — громадных сталелитейных заводов, непочтительно отзывается даже об англо-японском договоре:

> «Союз между Англией и Японией, несомненно, свидетельствует о периоде упадка (декаданс) Англии, так как то обстоятельство, что японские солдаты могут потребоваться для защиты Индии (подавление восстаний пролетариата и трудового крестьянства Индии—А. Н.), служит указанием на то, что наступил период уклона в истории Англии».

Речь идет о тексте англо-японского договора 1907 года, в предисловии к которому говорится о «поддержании мира в районах Восточной Азии и Индии». В пункте четвертом англо-японского договора периода 1907—1911 годов читаем:

> «В виду того, что Великобритания имеет специальные права в отношении всего, что касается охраны границ Индии, Япония признает за Англией право на такие меры в районах ближайших к границе, какие Англия сочтет необходимым принять для защиты ее индусских владений».

Мотивом включения этого пункта в англо-японский договор 1907 года была боязнь английских дипломатов, что царская Россия, потерпевши удар на Востоке, может попытаться приложить свою империалистическую энергию на юге Азии, т.-е. в районах ближайших к границам Индии. В виду этих возможностей, Англии был необходим оборонительно-наступательный союз с Японией, которая только-что в войне с Россией доказала свои милитаристические способности. Япония, конечно, не осталась в обиде. За предоставление своей помощи Англии на случай всяких возможностей в Индии, Япония добилась включения в договор пункта о «верховных правах» Японии в Корее. На основании этого пункта, если вообще какие-либо «пункты» были нужны, Япония без страха и сомнений аннексировала Корею в 1910 г.

Обеспечивая себе все, что только было можно, от связи с «белыми», японские милитаристы продолжали в то же время разрабатывать схему своего собственного, независимого и никем нестесняемого овладения азиатским материком, в первую очередь Китаем. В Японии, после аннексии Кореи, стала культивироваться мысль о протекторате Японии над Китаем. В Японии стали говорить об «исторической миссии» в отношении Китая. Кампанию по этому вопросу открыл автор англо-японского договора—граф Хаяши в своем органе «Джи-джи-шимбун». Эту мысль подхватил Окума. Его горячим последователем является премьер японского кабинета Хара, пришедший к власти в 1918 году. Японская биржа даже «играла», т.-е. спекулировала на этой исторической миссии Японии в отношении Китая.

После падения кабинета Кацуры в 1913 году, барон Като, министр иностранных дел, захватчик, один из авторов 21 требования, нынешний лидер «оппозиции», глава партии Кенсекай, совершил турнэ по Китаю, изложив свои впечатления о Китае в одной фразе: «Когда иностранцы приобретают какие-либо права (концессии) в Китае, японцы на это глядят, как на нарушение своих (японских) законных прав в Китае».

Като знал, чего хотел. Ему хотелось, чтобы монополия угнетения 400 миллионов трудового крестьянства Китая принадлежала только японским империалистам. Эту же мысль об исторической миссии повторял и полномочный министр Японии в Китае г. Ямаса: «Мы верим в нашу миссию в Китае, к сожалению, печать сильно шумит по этому поводу».

Поистине человеческим документом по вопросу об «исторической миссии» Японии в Китае является «духовное завещание» принца Ито своему сыну:

«Окажется ли конституционная система в Китае совершенной или нет, будет ли Китай об'единен или разделен,— голос Японии должен быть услышен прежде всего и раньше других. Мнению Японии должно быть отдано предпочтение перед мнением всех других в Китае. Ни одна из наций не должна оспаривать этого факта. Поэтому обязанностью Японии является охрана не только Китая, но и всех наций

Востока, включая Корею и Маньчжурию. Господство Японии в Японском море, в Китайском море и других морях и на всем Великом океане—задача исключительной важности и значения в интересах нашей самозащиты».

Мы знаем, к чему на практике свелось это «духовное завещание» Ито и других рыцарей империализма...

Манифест пан-японизма.

Япония не удовлетворилась англо-японским договором. Не удовлетворилась она также и 21 требованием, всеми захватами, займами, закабалившими Китай вместе с его богатствами и миллионами трудового населения. Планы японского империализма шли дальше. Капитализм и сопровождавший его пан-японизм был в зените своего расцвета. Японцы организовали «пан-азиатское» общество. Девиз организации — «Азия для азиатов». Лидером этого движения по об'единению народов Востока должна была явиться хищная империалистическая Япония. Главная квартира этого «сообщества» должна была быть в Мукдене. Организация имеет ежемесячный орган «Великая Азия», предназначенный только для членов этого сообщества. «Манифест» этой пан-японской организации заключает в себе ряд любопытных моментов, вскрывающих истинную сущность «сообщества».

«Нет границ, отделяющих культуру наций от счастья человечества,—начинает манифест. — Различные народы на обширном глобусе земного шара живут на различных континентах, наслаждаясь своим собственным счастьем,—романтически повествует империалистический манифест.—Задачей народов каждого континента является сохранение за собою суверенитета над своей территорией, которая ни при каких обстоятельствах не должна быть уступлена народам других континентов. Азия—континент для народов Азии, и только народы Азии должны обладать всею полнотою власти и правом контроля жизни всего континента. Почему должно быть позволено неазиатским народам наводнять нашу суверенную территорию своими полчищами или захватывать наши суверенные права. В единении—неразрушимая, священная сила народов Азии. Сконцентрировать всю

силу, всю мощь в наших собственных руках — главнейшая задача, которой будет служить «Великая Азия». На азиатском континенте много государств. Они могут отличаться или походить друг на друга формами правительственной власти, религией, но доктрина Великой Азии должна быть одинакова важна для каждого из этих государств. Подобно солнцу и луне, эта доктрина несет с собою свет. Подобно дождю и росе, это учение дает влагу всем, без различий и исключений. До тех пор, пока все народы Азии активно будут поддерживать эту доктрину—благополучие и счастье будут ненарушимы. Если же народы откажут в поддержке этой доктрины, неизбежны несчастья.

«До 17-го века мысль Востока распространялась на Запад. Начиная с 17 столетия, течение изменило свое направление. Мысль Запада упорно проникала на Восток. В течение последнего периода истории добрая часть территории Азии была потеряна азиатскими народами. Бирма отошла к Британии, Аннам—к Франции, острова Южного моря—к Голландии, Тибет—накануне того, чтобы превратиться в британское владение. Тучи нависли над вершиной Гималаев. Дальнозоркие деятели на Востоке уже сейчас полны тревоги и подозрений и сосредоточивают свое внимание на этом вопросе.

«Когда мы обернемся в сторону Севера, мы увидим, что районы Сибири были заняты русскими 300 лет тому назад. Недавно Германия пыталась захватить Сибирь».

(Речь идет, очевидно, о пребывании военно пленных в Сибири. Толки о немцах, стремившихся оторвать Сибирь от России, были муссированы японской контр-разведкой ради оправдания своей интервенции в Сибири и ради заключения «военного соглашения» с Китаем, другими словами—ради занятия своею военною ордой территорий Маньчжурии, Монголии и Забайкалья. Все это было в те еще недавние времена, когда лихие японские кавалеристы имели в виду привести своих лошадей «на водопой» к Волге. А.Н.)

«Ныне,—продолжает этот исторический документ—Германия не может осуществить своих планов, так как

раздирается на части. Такой же участи подверглась и Россия. Что касается Турции, то хотя она все еще с номинальной стороны остается независимой, однако, в прошлом она была жертвой Германии, а сейчас она падает в об'ятия Англии, Америки и Франции. Государства и народы, расположенные в срединных частях Азии, находятся или под иностранным протекторатом или на положении полуколоний трех западных государств. В результате—две трети всей Азии превращены в территории, на которые распространяется суверенная власть Европы и Америки. Миллионы народов, населяющих эти территории, превращены в рабов. Независимыми государствами, еще существующими на континенте Великой Азии, являются Япония, Китай и Спам. Однако, Европа и Соединенные Штаты Америки с каждым днем усиливают свой гнет и над этими странами. Европа и Америка всегда готовы заполучить контроль над рекой Янцзы, чтобы разделить Китай на Север и Юг, для того чтобы легче было проглотить эти части. Они готовы захватить Тянь-шань'ский хребет, чтобы занять потом районы к востоку и к западу от него. В этот критический момент, когда западные государства напрягают все усилия, чтобы взять Китай под свой контроль об'единение Китая и Японии, равно как согласование деятельности их правительств, является настоятельной потребностью, обеспечивающей мир на Дальнем Востоке и неприкосновенность его территории. Это обстоятельство, однако, большинством китайского народа игнорируется. Не будучи дальновидными, китайцы обвиняют Японию в агрессивности. Китай затеял антияпонское движение и с большею охотою готов приветствовать американцев или англичан, чем японцев. Такая политика опасна для Китая и может быть сравнена с прыганием в воду с огромным камнем, привязанным к телу.

«Где же путь к спасению? Этот путь только в устранении взаимных подозрений и недоразумений с тем, чтобы мы совместными усилиями могли добиться осуществления общих целей и превратить Азию в цветущую и

счастливую страну, находящуюся только в руках азиатских народов.

«Мировое развитие вызывает более ожесточенное соревнование между державами, стремящимися приобрести возможно больше прибыли в своих интересах и ради удобств своих народов. С целью осуществления этих задач, государства прибегают к военной силе и грабят территории на других континентах. Принцип выживания сильного и уничтожения слабого применяется в новейшие времена так же, с тою же интенсивностью, как и в прошлые времена Этот принцип применяется на Востоке и на Западе. Деспотизм и милитаризм впрочем, не могут закрепиться на бесконечно долгие времена. Лучшим доказательством является Германия. Учитывая значение этого простого факта, мы все в один голос должны сказать, что пришла пора нашего пробуждения от долгого сна.

«Уровень цивилизации азиатских стран значительно ниже уровня цивилизации европейских и американских государств. Различие в уровне цивилизации, естественно, ведет к различию во взглядах и оценках, а это различие—главная причина войны... Если это основное положение забывается, и каждый из народов ведет свою эгоистическую политику, стараясь захватить возможно больше только для себя, не думая о неизбежных опасностях в будущем, то могут возникнуть серьезные опасения за мир и благополучие на Дальнем Востоке. В далекой прошлой истории, Монроэ, президент Соединенных Штатов, первый развил теорию «Великой Америки». Он говорил, что власть в Америке должна принадлежать американцам, что никому из иностранцев не может быть предоставлено право вмешательства в дела Америки. Эта теория известна, как «доктрина Монроэ», об'явленная затем священной всеми партиями в Америке. В чем же различие между доктриною Монроэ и доктриною «Великой Азии», которую проповедуем мы? Доктрина Монроэ в 19-ом столетии была превращена в доктрину империализма, затем милитаризма. Чтобы доказать справедливость сказанного, нам

надо только сослаться на факты. Прежде чем успел улечься шум в Западной Европе, Америка наложила свою руку на территории, омываемые Великим океаном и распространила свое влияние на Сибирь, Северную Маньчжурию, Внешнюю Монголию и 18 провинций собственно Китая. Кроме того, это они, американцы, побудили невинный китайский народ начать антияпонское движение. («Манифест» писался в 1919 г., в годину озлобленного антияпонского бойкота, волной залившего весь Китай—А. Н.) Где же доктрина Монроэ? Где пожелания Вашингтона?

«Британия сейчас нас вытесняет из Индии и стремится проглотить ряд китайских провинций Сы-чуань, Ган-су и Спи-цзян, стремясь также к превращению Тибета в самостоятельное государство, независимое от центрального китайского правительства. Если бы мы последовали примеру Америки и осуществили идею «Великой Азии» с тем, чтобы наказать американцев и лишить их возможности выполнить мрачные свои планы, разве наши действия не были бы искренно приветствованы всеми народами Азии?

«В недавние годы в Китае произошла революция, установившая республику по образцу и модели Соединенных Штатов Америки. Среди китайцев, равно как и среди иностранцев, господствовало убеждение, что наступят золотые дни китайского народа. Прошло, однако, восемь лет со дня организации китайской республики, в течение всего этого периода не было ни единого мирного дня в Китае. Гражданская война захватила собою весь Китай. Провинции Китая раз'единились. Воцарился хаос и дезорганизация. Будущее республики Китая рисуется в грустных перспективах.

«Народы и правительства Азии больше заботятся о своих частных интересах, чем об общем благополучии. Вот почему и происходят печальные события, какие наблюдаются на Востоке. Вот почему гражданская война периодически вспыхивает. Сейчас мы отказались от своей власти на континенте Азии и не охраняем священных

прав, естественно нам принадлежащих. Если народы других континентов неожиданно попытались бы захватить наши территории и об'явили бы себя хозяевами всей Азии, каким образом народы Азии оберегали бы свои территории? Все народы на азиатском континенте, независимо от своих религиозных убеждений, независимо от того, в какой части Азии расположены их государства, независимо от того, существует ли или не существует мир и порядок в их странах, все должны об'единиться под лозунгом создания Великой Азии, чтобы спастись от европейского урагана и американского циклона, чтобы сохранить суверенитет нашей власти над нашей территорией и неприкосновенность наших основных прав. Если же народы Азии не учтут тенденций мирового развития, если они будут заботиться только о своих грошевых выгодах, не обращая ни малейшего внимания на тревогу, как Дамоклов меч нависшую над ними, если азиатские народы позволят европейцам и американцам развивать природные богатства, принадлежащие Азии, если народы Азии со скрещенными на груди руками будут только наблюдать за тем, как народы других континентов борятся между собою и конкурируют на суверенной самой в себе территории Азии, каким же образом при таких условиях народы Азии могут использовать неограниченные возможности своих собственных стран? Европейская война закончилась. Но война между Югом и Севером Китая не привела еще к об'единению Китая. Центральное правительство Китая не в состоянии побудить народ Китая подчиняться своим распоряжениям. Военные и гражданские власти Китая действуют только в своих собственных, эгоистических интересах, злоупотребляя властью, которую они захватили. Бедный народ, «poor people», все время страдает от такого положения вещей.

«Если Китай сумеет об'единить свою страну, преодолев все внутренние нелады, *если Китай сумеет защищаться против чужеземного врага, поддерживая и развивая дружеские отношения со своей ближайшей*

соседкой, в строгом подчинении к общим тенденциям мирового развития (курсив наш. А. Н.), Китай превратится в одно из наиболее могущественных государств Азии, укрепив в то же время фундамент своей республики. Каким счастьем это явилось бы для всех народов континента!

«Надо все время помнить, что единственная цель доктрины «Великой Азии»—это содействие миру и благополучию народов Великой Азии. Эта цель может быть осуществлена при принятии всех необходимых предохранительных мер против нашествия народов других континентов, в Азию с «призванием к порядку» тех, кто учиняет деяния, направленные против человечества, возмущающие чувство справедливости. Эта теория не имеет никаких других мотивов, кроме указанных. В коротких словах: Азией должны управлять азиаты. Европой—европейцы. Америкой — американцы. Установив такой порядок, мы могли бы завязать торговые сношения со всеми народами. Этим путем обеспечивается благополучие всех народов и торжество мира на всем пространстве земного шара. Вот как мы понимаем «доктрину Великой Азии».

Таков текст того манифеста, с которым пан-азиатская организация обратилась к народам, населяющим Азию. Организация, равно как и самый манифест, носят на себе все следы японского происхождения, не просто японского, а казенного, официально-японского происхождения. Это подтверждается тем, что вся организация возглавлялась японским генеральным консулом в Мукдене. Это подтверждается в еще большей мере историческими условиями, теми социально-экономическими отношениями, какие сложились к этому времени на Дальнем Востоке. Капитализм Японии, при ласковой поддержке и дружеском содействии лидера империализма—Англии, заграбил Корею, «округлил» свои владения на азиатском континенте Южной Маньчжурией, установил свой протекторат над Северной Маньчжурией и Внутренней Монголией и тянулся к новым империалистическим победам. В первую очередь, «заботливому» вниманию

Японии должен был подвергнуться Китай. Пан-азиатская организация была бы в противоречии с основной своей идеей, если бы манифест ее не говорил к народам всей Азии—к индусам, туркам, персам, арабам, монголам и к другим. Центр тяжести манифеста, однако, в Китае. Авторами империалистического манифеста посвящены Китаю пламенные строки и слова. Ему, Китаю, как могущественному народу Великой Азии, и предлагается добровольно принять над собою экономическое и военное командование Японии, ликвидировать «белых» и все «белые» завоевания, ради того, чтобы эти завоевания перешли к «желтым», и не просто к желтым, а именно к японским кущам и банкирам. Цели отчетливые, но безнадежные, поскольку историей Китаю поставлена задача экономического раскрепощения от всех угнетателей и завоевателей. История при разрешении этой проблемы не склонна считаться с цветом кожи угнетателей...

Японцы тем не менее прилагали все усилия к тому, чтобы «доктрина Великой Азии» нашла себе сторонников во всех местах Китая, равно как и в других местах и уголках обширного азиатского континента. Оплаченные агенты японского империализма рассыпались по всем местам Азии. Главные ветви этой организации были в Китае, с главной квартирой в Мукдене, районе японского влияния; в Турции—с квартирой в Константинополе; в Индии—с центром в Калькуте. Президентами «сообщества» были избраны Коно и Тойяма. Начальником главной «квартиры» —Нагано. Директорами — Фу Янь, Сюй Бо-шуань, Ван Вей-хоу и Шу И-чию. Члены совета: барон Ишикуро (японец), граф Хозогава (японец), граф Умекоп (японец), граф Сун Тин-чун (кореец, состоящий на японской службе), Нода (японец), Минура (японец), еще много других японцев, затем несколько арабов, индусов и турок.

Серьезного значения эта пан-азиатская, точнее—пан-японская затея не имела. Самое же появление ее, самая попытка идеологически обосновать необходимость эксплоатации Азии только азиатским капитализмом — характерное знамение времени. Когда японскому капитализму стало тесно в берегах своего «средиземного моря», тогда он стал

тянуться к новым владениям на континенте, с которым Япония не связана ни исторически вообще, ни экономической своей историей.

О пан-японском империализме и об организации по проведению в жизнь доктрины «Великой Азии», мы упомянули лишь, как о последствии англо-японского договора, поскольку сам англо-японский договор является последствием сложившихся отношений между империалистами на Дальнем Востоке.

Возобновление договора в 1911 г.

Англо-японский договор был в третий раз возобновлен в 1911 году сроком на десять лет, то есть до 1921 года. В период от 1907 до 1911 года произошли значительные перемены в социально-политических условиях жизни Англии и Японии. Естественно, что империалисты, договариваясь между собою, должны были внести в договор поправки, фиксирующие эти перемены. Текст предисловия к третьему договору гласил:

> «Правительства Японии и Великобритании, учитывая значение важных перемен, происшедших со времени заключения англо-японского договора, и полагая, что пересмотр договора в интересах его соответствия новой обстановке будет содействовать упрочению мира,—согласились заменить прежние начала новыми, преследующими те же цели: 1) поддержание мира на территории Восточной Азии и Индии, 2) охрану общих интересов всех наций в Китае, путем оберегания независимости и неприкосновенности Китайской империи и принципа равных прав в отношении торговли и промышленности всех государств в Китае, 3) сохранение территориальных прав высоких договаривающихся сторон в районах Восточной Азии и Индии и защиту их специальных интересов в этих районах».

Говоря о новых явлениях социально-политической жизни в период с 1907 по 1911 год, надо сказать, что так называемое «либеральное правительство» Англии, пришедшее к власти в результате экономического кризиса и англо-бурской войны, пыталось сговориться с другим хищником—царской Россией. Главное пугало Англии—царская, чиновничья, Россия, толкавшая Англию в об'ятия Японии, в

1911 году—не внушала владычице морей уже такого большого страха. Период 1907—1911 годов был начальным периодом дипломатической дружбы между «либеральной» Англией и жандармской Россией. Вопросы, волновавшие Англию, относившиеся к судьбе ее колониальных интересов в Тибете, Афганистане и Персии, были благополучно разрешены «англо-русским соглашением», подписанным 31 августа 1907 года.

Любопытной чертой договора 1911 года является отсутствие упоминания о Корее. Зачем было упоминать о ней в третьем договоре? Первыми двумя договорами была обеспечена аннексия Кореи, осуществленная полностью в 1910 году. На языке казенных дипломатов аннексия Кореи зовется «инкорпорированием Кореи во владения империи микадо под именем Чозен». В виду наличия условий, во-первых,—добрых отношений и взаимной договоренности Англии и России в вопросах колониальной политики и, во вторых,—совершившейся аннексии Кореи, уже в пунктах 3 и 4 договора 1905 года, говоривших о Корее и Индии, надобности больше не встречалось. Договор 1911 года о них уже и не упоминает.

Арбитражные соглашения.

Весьма существенной чертой англо-японского договора 1911 года является ссылка на принцип о международном арбитраже в спорах нескольких государств между собою. Четвертая глава договора 1911 года гласила:

> «В случае, если какая-либо из высоких договаривающихся сторон заключит с третьей державой договор об общем арбитраже, эта сторона освобождается от обязательства принимать участие в войне против государства, с которым арбитражное соглашение заключено».

Этот пункт имеет исключительно важное значение. Он говорит о том, что взаимоотношения между Англией и Америкой уже в те времена ставили вопрос о возможности вооруженных столкновений наиболее сильных империалистических государств. Англия к столкновениям с Америкой еще не была готова и потому стремилась к заключению арбитражных соглашений с Америкой, чтобы быть свободной от военных обязательств по отношению к своей союзнице—

Японии. Другим мотивом, побуждавшим Англию к освобождению себя от всяких военных обязательств на случай столкновения Японии с Америкой, было стремление сохранить свой «нейтралитет». Нейтралитет наилучшим образом обеспечивал интересы Англии, так как неоказание военной помощи ни одной из воюющих сторон вело к экономическому и военному истощению воюющих сторон, к сугубой выгоде сильного нейтрального государства. В этом-то ослаблении Америки и Японии, несмотря на свой союз с Японией, Англия была, прежде всего, заинтересована, и именно, в виду этих причин, она постаралась добиться арбитражного соглашения с Америкой 14 ноября 1914 года.

Англия начинала уже чувствовать на своей дальневосточной торговле результаты англо-японского договора. Она опасалась, что процесс роста капиталистической Японии идет слишком быстро, что экономическое влияние Японии, по крайней мере, на всем севере Китая, чрезмерно упрочивается, угрожая интересам самой Англии. Пламенный пыл Англии к «цивилизованной» в смысле «западной культуры» Японии стал остывать. Связи по договору ослабевали. Кроме этих причин, империализм Англии уже чувствовал надвигавшуюся мировую грозу, будущую «великую войну». Англия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы не портить своих отношений с Америкой, и не толкать ее тем самым в сторону враждебной империалистической коалиции, в сторону так называемого «тройственного союза» с Германией во главе. Отсюда—пункт об арбитражном соглашении и освобождении себя от каких-либо обязательств, направленных против Америки. Отсюда—подписание Англией арбитражного соглашения с Америкой в самом начале войны с Германией, чтобы этим путем лишить Америку возможности примкнуть к группе, воевавшей против так называемой союзной коалиции.

Последствия англо-японского договора 1911 года.

Несмотря на изменившиеся условия мирового хозяйства, надо, однако, сказать, что главный фактор дальневосточного империализма—англо-японский договор сохранился. Десятилетие от 1911 года до 1921 года знает не меньше, если не больше преступлений по отношению к миллионам

трудящихся на Дальнем Востоке, чем десятилетие от 1902 г. до 1911 года, то-есть первые два периода действия англо-японского договора. Не останавливаясь на классификации и квалификации всего длинного ряда преступлений, учиненных англо-японским договором над трудовыми массами Дальнего Востока, можно указать лишь на 3 главнейшие группы: на захват Японией Шань-дун'а, на пред'явление Японией Китаю 21 требования и на военную интервенцию всех союзников, и особенно Японии в Сибири, тянущуюся с 1918 года, стоющую несколько десятков тысяч жизней русских рабочих и крестьян, и хозяйственного раззорения Приморской, Амурской и Забайкальской областей.

«Англо-Японский договор положил в свою основу принцип неприкосновенности Китая и сохранение «статус кво» на Дальнем Востоке. Таков священный смысл иностранной политики Японии, поскольку эта политика предназначается для общественного потребления. Однако, со времени подписания договора, Корея была аннексирована; Южная Маньчжурия превращена в сферу исключительного японского влияния; Японии обеспечены специальные привилегии в Восточной Монголии; Японии отданы концессии на сооружение железных дорог протяжением в одну тысячу миль на севере Китая; Японии также заложены две другие железные дороги в провинции Чжэ-цзян, Японии гарантированы специальные права и в провинции Фу-цзянь, в дополнение к обильному урожаю специальных прав и привилегий, «отданных» другим государствам.

Поистине, процесс грабежа и расхищения Китая очень энергично развивался в последние годы под мягким лозунгом «открытых дверей». Теленок превратился в телячью котлету» (А. Пулей.—«Иностранная политика Японии»).

Такова оценка скромного англичанина, бывшего корреспондента официозного английского агентства «Рейтер» в Токио.

Список преступлений, приведенных Пулей'ем, далеко не является исчерпывающим; Пулей подвергает оценке всю процедуру заключения англо-японского договора, говоря:

«Мемуары (Хаяши) в весьма живой и яркой форме обнаруживают наивность британской дипломатии и ту легкость, с которой Хаяши заставил Даунин-стрит (улица в Лондоне, на которой находится британское министерство иностранных дел) заключить договор с Японией, угрожая Англии возможностью заключения договора с Россией...

«Если бы русское пугало,—продолжает тот же автор,—оказалось недостаточным для расстроенных нервов британских дипломатов, Японией на такой случай было заранее предложено Курино упаковать свои вещи и отправиться в Париж, чтобы разговаривать там о тройственном союзе России, Франции и Японии...

«Договор, с внешней стороны, был блестящим успехом для Великобритании и в то же время ярким цветком японской дипломатии. Договор отмечал собою враждебность Лондона к Петербургу и ревнивое, настороженное отношение Англии к колониальным планам Франции».

Англия, по мнению того же автора, руководилась элементарными расчетами:

«Если Япония выиграет войну (речь идет о назревавшей войне между Японией и Россией—А. Н.), Россия не будет представлять собою ни малейшей опасности для границ Индии. В этом же случае Франция, разместившая всю свою денежную наличность в России, естественно должна будет ограничить свои колониальные аппетиты. Если же Япония проиграет войну, то практически это будет лишь означать, что ее флот пойдет ко дну, и что биржа потеряет несколько миллионов валюты. Японская же империя сама по себе застрахована от нашествия враждебных сил, в виду островного положения ея и также в виду слабости русского флота. Награда же, которую Япония могла бы приобрести в случае успеха, это—Корея и все то, что можно было выторговать в Маньчжурии у России и Китая...

«Сэр Эдуард Грей не пролил слезы, и глазом не моргнул, когда Корея была аннексирована Японией во

имя сохранения целости Китая и неприкосновенности «статус кво» на Дальнем Востоке. Британия, действительно, позволила безденежной Японии принять участие в займе пяти держав и затем, ценою участия Японии в займе, Англия поддержала требования Японии о предоставлении ей специальных прав и привилегий в Восточной Монголии, признав справедливыми претензии Японии на исключительное влияние в Южной Маньчжурии. Британия, ради достижения Японией указанных целей, дала денег Японии, чтобы, таким образом, сделать возможным участие Японии в займе. Чрезвычайно вежливые британцы весьма часто оказываются в положении обманутых».

Этот же автор в другом месте своей книги говорит: «Разговоры и бесконечные обещания сохранить неприкосновенность Китая и «статус кво» на Дальнем Востоке ничего на практике не означают. Все это заранее обдуманная ложь».

Эта ложь в дипломатии вообще, и в дальневосточной дипломатии в особенности, стала обычным, бытовым явлением, не вызывающим ни раздражения, ни огорчения «государственных деятелей» Востока. Некоторые из этих деятелей окружают грубую ложь даже ореолом почестей и славы, если эта ложь, служит «государственным» классовым целям помещиков, фабрикантов и банкиров. Г. Озаки, бывший министр, выдающийся лидер японской буржуазии, ныне числящийся в рядах оппозиции, предпринявший турнэ по Японии с серией лекций на тему о разоружении всех народов, как единственном средстве избавить Японию от удара, уже занесенного над нею Америкой, говорит: «Ложь прощается, в зависимости от пользы, какую она приносит». Граф Мицура, тот самый, который по мотивам и заданиям империалистической Японии убил королеву Кореи, сказал: «Нечего глядеть на пути и средства, если требуемая цель осуществлена».

Г. Пулей, равно как также и авторы других книг на ту же тему об англо-японском договоре, больше всего скорбит по поводу договора, в виду тех выгод, какие, по договору, приобретались Японией в ущерб Англии. О Китае, как о

главном об'екте мучительных вивисекций, редко кто из этих доброжелательных и добродетельных авторов вспоминает.

«История учит нас,—говорит Пулей,—что куда приходит Япония, оттуда надо уходить всем другим нациям. Следовательно, с точки зрения эгоистичных интересов, не к выгоде Англии оказывать какими-либо средствами, коммерческими или политическими, помощь Японии или разрешать ей делать новые завоевания в Китае. Что касается поведения Японии в отношении Китая в течение войны, то Япония вряд ли сыграла роль *бушидо* (мифический рыцарь японской военной и государственной добродетели,—А. Н.). Бушидо—добродетель изобретения японского информационного бюро, ради завоевания симпатий Европы в начальных десятилетиях двадцатого века».

Японская фронда против Англии.

Японцы, повидимому, отчетливо понимали выгодность англо-японского договора, служившего прикрытием всей грабительской политики Японии на азиатском континенте. Когда Японии нужно было обеспечить себе у Англии признание фактически учиненного уже грабежа, отдавалось распоряжение по всей Японии подразнить союзницу, и даже слегка подгрунить над нею. Так по поводу совместных военных операций англичан и японцев в период империалистической войны, при взятии Цицдао, в провинции Шаньдун, член японского парламента Ито Томайа говорил: «Согласно заявления известного лица (речь идет, повидимому, о японском военном министре), английския войска—хороши, очень хороши. Тем не менее, когда ружейные пули летали кругом, английские солдаты принимали все меры предосторожности; настолько серьезные меры предосторожности, что британские войска не двигались вперед до тех пор, пока японцы не начали движение. Как только, однако же, белый флаг взвился над замком Цицдао, английские войска вновь сделались чрезвычайно храбрыми. Поэтому я и хотел бы знать, в какой мере военный министр оценивает помощь, оказанную нам британскими войсками».

Японским правительством инспирировались такого рода заявления, как и бесчисленные другие, с восклицаниями

в роде следующих: «Мы хотим узнать от лорда Китченера, когда же начнется настоящая война? На западном театре военных действий—французские войска занимают линию в 543 мили, бельгийцы—в 77 миль, а наш великий союзник Англия, всего только 31 милю. В то же время как Германия заняла всю длину западного фронта с огромным дополнением в виде растянутой линии восточного фронта, направленного против России, наша храбрая союзница, Великобритания, держит фронт в два раза меньший, чем маленькая Бельгия. Мы хотели бы знать, когда же настоящая война начнется». («Осака Майнити», 11 марта 1916 года).

Истинный смысл фронды японского империализма заключался в необходимости подготовить почву к новому торгу с Англией, ради закрепления за собою уже награбленного или в предоставлении Японии права новых грабежей.

Истинное же благодатное значение англо-японского договора японцами вполне учитывалось. Словоохотливый Като, играющий ныне в оппозицию, после «побед» над Китаем, одержанных им ультимативным пред'явлением 21 требования к Китаю, в одной из своих речей в Кобе, 7 мая 1916 года, сказал: «Англо-японский союз останется в будущем, каким он был и в прошлом,—стержнем, вокруг которого должны вращаться колеса японской дипломатии. Меня часто обвиняли в пристрастии к Великобритании. Я могу, однако, утверждать, полагая, что не вызову этим возражений, что во время моего пребывания во главе министерства иностранных дел, я с большей настойчивостью реализовывал японские интересы за границей, чем кто-либо из моих предшественников по министерству иностранных дел. Другими словами, осуществление интересов Японии было моей главной задачей и занимало меня в большей мере, чем соглашение с Британией или какою-либо другой страной. Японии откроются наилучшие возможности на будущей мирной конференции союзников, если она будет иметь англо-японский договор в качестве базы своих действий. Говоря откровенно, Япония вовсе не так сильна, как некоторые увлекающиеся патриоты думают. Если поведение Японии будет эгоистическим и высокомерным, Японию могут не взлюбить. Она вызовет к

себе такие же чувства вражды и ненависти, какие Германия вызвала к себе».

Като понимал необходимость вертеть колеса японской дипломатии вокруг английского стержня. Япония этим путем достигала двух целей. Она отвоевывала для себя Корею и Китай от своей союзницы Англии.

В 1904 году Британия контролировала 35½ процент. торговли с Кореей. По крайней мере, 50 процентов нынешнего японского ввоза в Корею шло из Англии. Ввоз в самый Китай, в отношении мануфактурных изделий на все 100 процентов был английским. В те времена вся иностранная торговля с Китаем составляла сумму в 52.240,974 иены. Этот рынок был отдан Японии первым англо-японским договором в 1920 году. Вся внешняя торговля Кореи в 1913 г. равнялась 102.459,191 иенам, из которых на долю Англии приходится только 7.880,029 иен. Американская торговля в 1913 году составляла всего лишь 7,9 процента всей внешней торговли Кореи. Эта цифра американской торговли удвоилась в последующие годы, но не в результате усилившейся торговли Америки с Кореей, а как последствие японских заказов на постройку вагонов и доставку другого инвентаря для нужд корейских и южно-маньчжурских железных дорог. До договора с Англией, японская торговля в Корее была равна цифре в 40 процентов. После договора эта цифра поднялась до 77 процентов. Ныне Япония одна и исключительно контролирует внешнюю торговлю Кореи.

Лорд Ландсдоун, очевидно, в оправдание своего преступления перед трудовыми массами Кореи, писал сэру Чарльзу Гардингу, английскому посланнику в Петербурге:

«Совершенно очевидно, что Корея, в виду ее близкого соседства с Японской империей, а также, в виду неспособности Кореи управляться одной, должна была подпасть под контроль и опеку Японии».

Ощущение, испытываемое при отдаче хищнику достояния целых народов, без сомнения, сильное, «в особенности, когда эти подарки охватывают целые королевства или империи», говорит Пулей по поводу англо-японского договора в целом. Но может ли кто-либо сказать, что такой способ

действий «вежлив» и честен? «Аргумент же, что соседство само по себе дает право владения чужими территориями—лживый аргумент и лишен намека на логику», негодует взбудораженный англичанин.

Точка зрения «Пекин-Тянь-цзинь Таймс»

Оценки г. Пулей—типичны и характерны для англичан, живущих на Дальнем Востоке. Очень решительным противником возобновления англо-японского договора в 1921 году явилась также газета «Пекин-Тянь-цзинь Таймс», английская газета большого влияния на севере Китая. Когда в 1920 году разгорелся спор по вопросу о том возобновлять или не возобновлять англо-японский договор, когда по всему Востоку волною прокатилось недовольство империалистическими заговорами, облеченными в форму договора, «Пекин-Тянь-цзинь Таймс» в длинной серии статей, посвященных вопросу об англо-японском договоре, писал:

«Желаем ли мы уничтожения или возобновления договора? Если мы желаем его возобновления, то на каком базисе?»

Ставя эти вопросы, «Пекин-Тянь-цзинь Таймс» отвечал на них с точки зрения нужд и интересов самих англичан, английских фабрикантов и экспортеров, на пути которых стояла сильная, капиталистическая Япония. Убедившись в том, что договор в целом убыточен для Англии, что интересам Англии угрожает опасность на всей территории Китая, в виду враждебного отношения широких китайских масс к японцам и их союзникам, газета, принадлежащая английским «бизнесмэнам» в Северном Китае, повела кампанию против договора.

«Что же в будущем? Можем ли мы ожидать изменения политики Японии? Можно ли предположить, что возобновление договора продвинет вперед нашу политику в Восточной Азии и гарантирует охрану наших владений в этой части земного шара? Мы видели на опыте, что политика Англии в Китае абсолютно непримирима с политикой Японии. Мы не одобряем того, что Япония делала в Китае в течение последних пяти лет. Более того, наши собственные интересы чрезвычайно существенно пострадали, благодаря нашей пассивности и покорности. Мы создали себе в Китае и в

Америке такую же моральную репутацию, какую вполне заслуженно своими действиями на Дальнем Востоке создала себе наша союзница. Мы были лишены возможности, благодаря нашей лояльности к договору, в определенные критические моменты недавней истории Китая открыто присоединиться к Америке или к другим культурным государствам в их оппозиции против Японии. Наши государственные деятели были лишены возможности из боязни оскорбить Японию—давать полные и подробные ответы в парламенте на резонные запросы по вопросу о событиях на Дальнем Востоке. В виду крайне тяжелого положения в Европе в период войны, Англия была вынуждена, временно, уступить Японии роль главной державы на Дальнем Востоке, равно как Англия была вынуждена дать свое согласие на интриги, сами по себѣ оскорбляющие совесть англосаксонца. Наложим ли мы печать одобрения путем возобновления договора на действия нашей союзницы? Уничтожение договора было бы большими облегчением для Британской империи в ее целом, которая могла бы многое потерять и ничего не выиграть, в случае возобновления договора... Интересы Англии в каждой отрасли жизни Дальнего Востока не совпадают с интересами Японии, а наш союз с Японией представляет собою лишь серьезное препятствие к установлению Англией действительно добрых отношений с Америкой. В этой части земного шара (в Китае) и Англия, и Америка являются сторонницами одних и тех же принципов, принципов «открытых дверей», отмены специальных привилегий, открытой политики в отношении Китая, вырывания с корнем всякого милитаризма и упразднения политики отдельной страны, которая своими сепаратными, секретными и произвольными действиями угрожает миру всего мира.

«Британия и Америка желают видеть сильный объединенный Китай, с правительством по его собственному выбору. Политика Японии находится в оппозиции к нашей собственной политике. Япония—против принципа «открытых дверей». Япония подпишет любое

количество документов, одобряющих этот принцип, при условии, чтобы она являлась сторожем этих дверей. Япония изо всех сил старается добиться признания ее специальных прав и привилегий. Честная игра в отношении Китая не значится в символах политической веры Японии... Мы могли бы только сослаться в доказательство на действия японских милитаристов в Маньчжурии и Сибири... Ни нынешнее британское правительство, ни то, которое сменит настоящее, не посмеет превратиться в сообщника японской политики в Китае, сообщника, действующего на тех же принципах, на каких действует и Япония. Наши традиции и задачи вообще не позволяют нам влачить жалкую роль пассивного сообщника в действиях, которые нами не могут быть одобрены».

«Пекин Тянь-цзинь Таймс» отчетливо видит положение, учитывая ряд новых явлений в самом Китае, настойчиво требующих изменения старой политики. Газета против японских приемов и тактики, ибо газета против «специальных прав», которые отвоевываются Японией в результате применения кровавых методов завоевания Востока. Газета против возобновления англо-японского договора, ибо эта связь не только компрометирует Англию, но угрожает самым живым ея интересам, угрожает бойкотом Британии в Китае. Газета против специфической агрессивности Японии, ибо стремится сохранить старые «завоевания». Газета боится, что в современных, обновившихся условиях жизни Китая легко растрясти, вместе с новыми, и старые приобретения, экстратерриториальность, договорные порты и проч. «Независимость Китая сегодня нарушена пребыванием иностранных гарнизонов на его территории. Речь идет не о тех войсках, пребывание которых было предусмотрено протоколом 1901 года. Великобритания должна настаивать на отозвании всех японских войск из Китая, пребывание которых на территории Китая не предусмотрено договорами и соглашениями»,—вопиет газета...

Другая влиятельная английская газета в Китае—«Норд Чайна Дэйли Ньюс», поддерживающая так называемую «пиджан партн», реакционную группу англичан на Дальнем

Востоке, считала необходимым, в виду изменившихся условий жизни самого Китая, существенно изменить самый договор с Японией. Необходимость же возобновления англо-японского договора, по мнению газеты, не вызывает ни малейшего сомнения. Английские «коммерческие палаты», поскольку их волеизъявление не ограничено предписаниями наблюдающих и опекающих властей, высказались против возобновления договора, подвергая оценке последствия договора с точки зрения торговых интересов—прибылей и убытков. Английские коммерческие палаты зарегистрировали факт убыточного влияния англо-японского договора на английскую торговлю и английское судоходство в Китае. Благодаря англо-японскому договору, Япония не только закрепила за собою торговлю в Корее, Южной и Северной Маньчжурии, Монголии и вообще на севере, но и проникла в Средний Китай, захватывая шанхайский рынок с его огромной территорией.

Возрастающая роль Америки на Дальнем Востоке

«Общественное» мнение англичан в самом Китае обозначилось весьма рельефно к моменту, когда в Лондоне—в июле 1920 года надо было, наконец, решить вопрос о том, возобновлять или не возобновлять договор с Японией. Поднялась кампания в самой Англии. Становилось очевидным, что изменившиеся условия в мировом хозяйстве, равно как изменившиеся отношения между самими империалистическими государствами придают вопросу об англо-японском договоре значение повода к новой вооруженной схватке, быть может, еще более жестокой, чем империалистическая война 1914 года. В учете грядущих событий и «большой политики» вообще, английское министерство иностранных дел не могло не считаться с интересами английских купцов на Востоке и органами печати, выражающими мнения этих купцов. Главными вопросами, подлежавшими обсуждению до решения вопроса о возобновлении или невозобновлении англо-японского договора были вопросы о взаимоотношениях с Америкой, о положении в Индии, и об отношении Англии к Китаю и Дальневосточной республике, как части России.

Вопрос о взаимоотношениях Англии с Америкой представляется наиболее существенным из всех трех перечисленных вопросов. В договорах 1902 и 1907 годов на

интересы Америки на Дальнем Востоке нет даже и намека. Интересы Америки на Дальнем Востоке были столь незначительны, что не составляли привеска к политике главных дальневосточных империалистов. Договор 1911 года уже учел возрастающий интерес Америки к дальневосточному рынку и к дальневосточным делам. Англия, с целью избавить себя от военных случайностей и роковых потрясений, поспешила внести в договор 1911 года пункт об арбитражных соглашениях с третьей державой. Этой третьей державой и была Америка. В десятилетие от 1911 года интересы Америки в Китае из небольших превратились в огромные. Особенно значительными эти интересы стали в период империалистической войны 1914—1918 годов. Англия и другие европейские страны были слишком заняты войной на западном фронте. Соединенные Штаты Америки удачно воспользовались сложившейся экономической кон'юнктурой и стали занимать вакантные места на китайском рынке. Укажем лишь на некоторые примеры. В районе Хань-коу коммерческие интересы Америки со времени войны сильно возросли. Америка стала поставлять материал для сооружения Кантон-Хань-коу'ской железной дороги. «Сбыт этих товаров сделался возможным, благодаря европейской войне, которая исключила всякую серьезную конкуренцию со стороны других государств». (Юлиан Арнольд—«Коммерческое руководство по Китаю»).

Тот же автор, будучи хорошо знаком с коммерческими условиями жизни Китая, как коммерческий атташе при американском посольстве в Пекине, отмечает расширение в этом же районе деятельности американского банка «Интернэшионал Банкинг Корпорэйшэн» и открытие в 1919 году другого банка—«Эйжиа Банкинг Корпорэйшэн». Американская торговля в южном районе Хань-коу выражалась в приобретении на китайском рынке шкур, кож, семян и органических масел.

«Интересы Америки все еще ниже того уровня, на каком они должны были бы быть», — говорит г. Арнольд. Торговые интересы Америки сильно возросли с момента начала войны, однако, это обстоятельство об'ясняется не-

усилиями самих американцев, а потребностями китайского рынка. Ни одна страна не представляла никогда таких богатых возможностей для развития коммерческой деятельности Америки, как Китай. Однако, сами американцы, очевидно, не учли еще необходимости энергичных действий». «Необходимость энергичных действий» ощущается американцами сейчас с особенной силой. Коммерческий американский атташе рекомендует своим соотечественникам направить свои усилия на снабжение материалами строящихся железных и шоссейных дорог, на рефрижераторы, электрические заводы, мельницы, хлопчато-бумажные фабрики, горные и другие предприятия в Китае.

Завоевания в области торговли, сделанные американцами в Хань-коу, и в сфере влияния Хань-коу не вызывают такого удивления, как завоевания, сделанные теми же американцами в местах, находящихся под исключительным влиянием Англии. Сюда, прежде всего, относится Гонконг. В этом районе американской торговлей сделаны большие приобретения.

«С началом войны,—пишет г. Арнольд о Гонконге,—американская торговля с Востоком чрезвычайно развилась в тех отраслях, которые ранее обслуживались Германией, Австро-Венгрией и Бельгией. Американская торговля развилась также в специальных отраслях, а именно в отраслях железа и стали, которые Англия и другие европейские страны были не в состоянии поставлять, в виду тех условий, в каких производства этих стран находились в период войны».

Вместе со сталью и железными изделиями Америка наводняла рынок Китая товарами другого рода — электрическими принадлежностями, химическими продуктами, стеклом, свинцом, ртутью, гвоздями, проволокой, оловом. «Американский производитель сейчас на китайском рынке завоевал себе прочное положение с богатыми перспективами на будущее. Восстановление мира в Европе и возвращение экономической жизни к нормальным условиям,—говорит г. Арнольд,—вызовет неизбежную необходимость конкуренции разных стран между собою, очень обостренной конкуренции,

в виду стремления других стран вернуть себе свое положение на китайском рынке. Соединенные Штаты уже завоевали себе определенное место в торговле с Китаем. Поэтому является настойчиво необходимым, чтобы американские предприятия всеми силами укрепили и упрочили свое положение».

Вместе с советом «укрепить свое положение», г. Арнольд сообщает американским фабрикантам, что покупательные способности китайского населения весьма незначительны. Населением, непосредственно потребляющим продукты иностранного производства, является население в 46 «договорных портах», то-есть в тех местах, где иностранный фабрикант и импортер удобно разместились со своими товарами. В абсолютной цифре—это население составляет цифру в 8 миллионов 700 тысяч человек,—действительно незначительная цифра, в сравнении с абсолютной цифрой населения всего Китая, превышающей 400 миллионов человек. Относительная незначительность этой цифры уравновешивается, однако, во-первых, тем соображением, что эта цифра абсолютно превышает все население, и мужское и женское, и младенцев и стариков, например, всей Австралии, поддерживающей своим сырьем промышленность Англии, являющейся богатым потребительским рынком английских фабрикатов, и, во-вторых, тем соображением, что «Китай, говорит тот же коммерческий атташе,—страна величайших природных богатств; его минеральные богатства совершенно не разработаны, его железные дороги охватывают лишь незначительную часть Китая. Пройдет ли Китай через этапы промышленного развития, через которые прошла Япония, или не пройдет—американским фабрикантам обеспечены богатые возможности удовлетворять растущие потребности».

Цифры проиллюстрируют состояние американской торговли с одним только Гонконгом, «колонией короля Англии», в которой британцами было все сделано для «поощрения» английской торговли.

Общая цена импорта в Гонконг из Соединенных Штатов Америки в течение 1918 года оценивается в 25 миллионов американских долларов, что равно пятидесяти миллионам

золотых рублей. Импорт в Гонконг в 1917 году составлял сумму в 16.500,000 золотых долларов. Цена экспорта из Гонконга непосредственно в Соединенные Штаты в 1918 году составляла сумму в 33 миллиона 107 тысяч 246 американских долларов. В 1917 году цифа экспорта равнялась лишь 25.548,413 американским долларам, в 1916 году цифа экспорта была лишь—15.407,690 американских дол. В предшествующие годы эта цифра была значительно меньшей. Экспорт из Гонконга на Филиппины—американские владения—в 1918 году составлял сумму в 6,739,044 золотых доллара. Экспорт из Гонконга на Гавайские острова — американския владения — дал цифру в 366,903 доллара. Вся сумма экспорта из Гонконга в Соединенные Штаты и американские территории дала цифру в 40.213,191 американских доллара в 1918 году, приблизительно на 8 миллионов больше, в чем 1917 году. Торговые операции Америки в последние годы сильно развились как в этой части Китая, так и во всех его других частях.

Совершенно исключительные успехи достигнуты американской торговлей в Шанхай'е. Американцы в этом районе об'единены в «американскую коммерческую палату», на подобие английской палаты. Цели и задачи американской палаты формулированы в следующих словах: «Поощрять развитие американской торговли и охранять американские интересы; собирать информацию по всем вопросам, представляющим интерес для американских торговцев; делать все необходимое к устранению препятствий, стоящих на пути развития американской торговли и сноситься с властями по вопросам развития торговли в Китае; сообщать властям о потребностях американцев в Китае и о необходимых условиях к улучшению плавания судов; добиваться равных прав со всеми другими национальностями в вопросах торговли с Китаем».

Американские интересы в Шанхай'е за последние годы чрезвычайно возросли. В 1916 году меновой оборот Соединенных Штатов с Шанхай'ем был больше, чем меновой оборот Англии и Японии с Шанха,ем. В 1917 году, наблюдается то же явление. Американская торговля с Шанхай'ем

в 1917 году (экспорт и импорт) дает цифру в 110.117,833 американских доллара. Английская торговля за этот же год дала цифру в 109.071,196 долларов. Япония дала цифру в 68.793,791 доллар. В 1918 году первое место по торговле с Шанхай'ем заняла Япония. Ее торговый оборот измеряется цифрой в 164,912,627 додларов, американская торговля дала цифру в 97.145,554 доллара, Англия—81.769,079 дол.

Эти цифры дают картину заинтересованности Америки, Англии и Японии в торговле с Китаем, следовательно, и во внутренних делах Китая. Явление, несомненно, новое, ибо до 1911 года и до войны вообще интересы Америки в Китае были больше миссионерскими, чем коммерческими.

Американская торговля, надо помнить, прокладывает себе дорогу в Китае в условиях всестороннего покровительства Гонконгу, владению английского короля, поощрения английской торговле, и в условиях существования англо-японского договора, оказывавшего содействие Японии в ее стремлении установить свое «влияние» в Китае. Поскольку речь идет о развитии американской торговли на Дальнем Востоке, приходится констатировать, что она с каждым годом возрастает, при возрастающем интересе американских купцов, фабрикантов и банкиров к Китаю, и как к богатейшему и малоиспользованному рынку, и как к стране нетронутых минеральных и металлических запасов.

Все возрастающий интерес Америки к Китаю стоит в прямом соответствии с условиями производства в самой Америке. Депрессия мирового хозяйства и неспособность американского производства «демобилизоваться», сразу перейти на мирное положение после войны 1914—1918 годов, создали большую армию пролетариев и перепроизводство товаров, измерявшееся в 1921 г. в огромном большинстве производств в 40 процентов над производством, предназначенным для внутреннего американского рынка и экспорта в завоеванные рынки. Эти сорок процентов «излишков» товаров должны быть размещены на каком-либо рынке. Таким рынком и является Китай, в первую голову, не говоря уже о России. Момент перепроизводства, экономического кризиса, только усилил, подчеркнул потребность американского производства в китайском потребителе.

Борьба победителей между собою.

Помимо вопросов, тесно связанных с интересами Америки в Китае, естественно влияющими на взаимоотношения между Англией, Америкой и Японией, имеются и другие вопросы, органически связанные с мировым хозяйством в его целом, влияющие на самую возможность возобновления англо-японского договора. Речь идет о экономических последствиях мировой войны. Из ряда империалистических государств в результате войны выведены Германия и возглавлявшийся ею союз государств, потреблявший продукты германского производства и снабжавший ее, Германию, всеми запасами своего сырья. Следующим моментом должна была явиться экономическая борьба победителей между собою. Борьба шла под лицемерным лозунгом «равноправия малых народностей», фактически под знаком поглощения слабых и установления системы монопольного распоряжения наиболее сильными империалистами судьбами рынков и миллионами живых людей, населяющих территории этих рынков. Экономически Бельгия поглощена Францией. Италия после войны лишилась способности самостоятельно разрешать стоящие перед нею проблемы. Англия свободно, по своему усмотрению, распоряжается и Францией, и Италией...

Если бы мировое хозяйство могло бы быть ограничено площадью одной только Европы, создавшееся положение вещей было бы принято Англией, как лучшее вознаграждение за «труды и жертвы», понесенные ею во время войны. Но кроме Европы, имеются другие континенты, питающие европейские фабрики сырьем. Имеется также и Америка, чье производство вышло за пределы насыщения своего только рынка, имеются «владения» Англии, на которые распространяется влияние Америки,—Канада, Австралия, имеются моря, служащие путями, разносящими товары к потребителю...

Кто же будет распоряжаться всеми этими морями, континентами, сырьем, рабочей силой? Кооперация империалистов между собою невозможна. Капиталистическое хозяйство дышет конкуренцией и взаимоуничтожающей борьбой. Попытки об'единенного действия империалистов, в особенности на Дальнем Востоке, всегда были безрезультатны. Крушение недавней попытки мирового банковского консорциума

для Китая служит прекрасным доказательством безплодности усилий мирового капитала «договориться» между собою. В современных условиях мирового хозяйства конкуренция идет между Англией и Америкой, как двумя крупными хозяйственными организмами, уцелевшими в результате империалистической войны. Еще до подписания так называемого версальского мира разногласия между Англией и Америкой приняли чрезвычайно острый характер. Вопрос о том, кому будет принадлежать господство в лиге наций— стал роковым для капиталистического хозяйства. В виду стремления Англии обеспечить за собою большинство голосов в лиге угнетенных наций, Америка отказалась подписать мирный договор. Америка равнодушно слышать не могла о «лиге наций», выдуманной Вильсоном, отместив ему и его партии на выборах в ноябре 1920 года. Конфликты в экономической области между Англией и Америкой нарастали и, в виду сложившихся исторических условий, имеют тенденцию нарастать.

Тенденция мирового развития ведет к новому столкновению империалистов между собою. С точки зрения подготовки к этой борьбе и приходится рассматривать попытку возобновления англо-японского договора в 1921 году. Америка, естественно, не могла оставаться пассивной стороной в 1921 году, при обсуждении вопроса в Лондоне об англо-японском договоре. Америка в самой попытке возобновления договора могла видеть только угрозу своим интересам.

Опасения Америки вряд ли были бы устранены, если бы даже вместе с заключением договора была опубликована торжественная декларация Англии, говорящая о том, что англо-японский союз не направлен против Америки, и что в случае конфликтов Японии с Америкой, Англия свободна от всяких обязательств по отношению к Японии. Такая декларация означала бы только сочувствие Англии войне вообще, сочувствие Японии в особенности, так как при нейтралитете Англии военные шансы Японии в борьбе против Америки сильно возросли бы. Англия не позволила бы тогда американскому флоту пользоваться портами Китая в качестве угольных и станционных баз. В условиях же ведения

морской войны, при громадной отдаленности района операций от главных питательных баз, вопрос о базах прибрежной полосы, ближайше расположенных к театру военных действий, приобретает исключительно важное значение. В таких условиях нейтралитет Англии — самая энергичная форма содействия Японии.

Англия предусматривает и то положение, что война между Японией и Америкой экономически ослабит и Японию, и Америку и подорвет могущество их военных флотов. От экономического ослабления обеих воюющих сторон— выиграет только Англия. Она заполнит собою те места, какие до новой войны занимались Америкой и Японией. От потопления флотов воюющих сторон выиграет только Англия, так как притупится необходимость военной охраны изрезанных берегов английских «владений»-колоний.

В социально-экономических условиях, сложившихся в результате войны 1914 года, лучшим выходом для империалистической Англии было бы возобновление англо-японского договора с обеспечением нейтралитета Англии в случае войны Америки с Японией Те же социально-экономические условия, в особенности состояние американского рынка, говорили о необходимости для Америки какою угодно ценою сорвать англо-японский договор. Трестам и синдикатам Соединенных Штатов была видна тенденция развития английского договора с Японией...

Интервенция в Сибири и англо-Японский договор.

Если даже позабыть о последствиях англо-японского договора в прошлые десятилетия, если сосредоточить свое внимание на эффектах действия этого договора в одно последнее десятилетие, то и тогда в практике действия этого договора можно было бы найти много поучительного, разоблачающего лживые формулы англо-японских соглашений. Договор прикрывал собою империалистическую, захватническую, грабительскую политику Японии в Китае и тем лишал капиталистическую Америку, жаждавшую рынков и прибавочной стоимости, возможности выхода на широкий простор рынков Китая. Мало этого. Под прикрытием того же англо-японского договора, Япония сохраняет свои дивизии в Приморье, лишая Америку, кроме китайского, так же и русского рынка. В отношении России в целом и Сибири

в особенности, создалась «обстановка» совершенно устранявшая Америку, как конкурирующий на рынке элемент. Япония занимала с 1918 по 1920 год (сентябрь) всю Восточную Сибирь и продолжает в 1921 году занимать Приморскую и Сахалинскую области. Вместе с Англией, Япония контролирует все подходы и подступы к Сибири. Все стратегически важные пункты на Востоке заняты англо-японцами. Заняты города Дальний (Дайрен), Циндао, Острова Лу-чу, Формоза, Гонконг, Сингапур, Малакский пролив. Заняты Владивосток и Николаевск-на-Амуре. С запада все подходы и подступы к России охраняются англичанами. Англия контролирует Дарданеллы, Суэц, Египет, Аден, Персидский залив, Восточную Африку, мыс Доброй Надежды и Гибралтар. На севере Британия контролирует все подходы к России, имея свои морские базы в северных морях и в Балтийском море (в Данциге в особенности). Задача английских и японских империалистов была в том, чтобы, окружив Россию железным кольцом японских броненосцев на Востоке и английских крейсеров на западе, севере и юге, обеспечить за собою, и только за собою, величайшей емкости русский рынок. Ввод японских войск на территорию Сибири вместе со всеми интервентами и оставление японских войск на территории Приморья, после мучительных лет борьбы рабоче-крестьянского партизанства против японских банд, имеет своей правовой и экономической основой англо-японский договор. Англия отдавала миллионы русского трудового народа на разграбление японскому империализму, как в свое время, договором 1902 года Англия обрекла 18 миллионов корейского народа на рабство той же Японии. Англия ограничила свои собственные интересы в Сибири, чтобы, во-первых, развязать себе руки на западе для экономического порабощения собственно России, и во-вторых, не открывать территории Сибири, как рынка, для наиболее опасного из своих конкурентов—Америки.

Говоря об Америке, как об «обиженной» стороне, мы не имеем ни малейшего желания облагородить страну «трестовой демократии», равно как ни на минуту не забываем ответственности американского империализма перед трудовыми

массами России за его участие в мировой, общесоюзнической интервенции в России и Сибири. Надо признать, однако, что об'ективное значение англо-японского договора заключается в том, что он был направлен против всех, кроме Англии и Японии: он был направлен против Америки в особенности, а также против китайской буржуазии, поскольку японская интервенция в Сибири автоматически упраздняла насиженную в длинном ряде десятилетий китайскую торговлю в Сибири.

Заключение «военного соглашения» с Китаем в 1918 году, размещение японских войск вдоль полотна Китайской Восточной железной дороги, запрещение Китаю принимать какое-либо участие в больших войсковых перемещениях союзных интервентов в районе Маньчжурии, все это имело своею ближайшею целью отвоевание у китайской буржуазии, позиций, приобретенных ею в торговле с Сибирью, не говоря уже о политической задаче изолирования китайских трудовых масс от российского пролетариата. Военная оккупация японцами русской территории на Востоке и действия Англии в Балтийском море и Дарданеллах суть явления одного порядка: оба они выражают стремление к захвату России, как исключительно богатого рынка.

Америка и англо-японский договор.

Могла ли Америка оставаться равнодушной ко всем затеям конкурентов-империалистов? Этот именно вопрос представляется вопросом исключительного значения для Америки в современных условиях ее хозяйства. Мы выше уже говорили, что у Соединенных Штатов Америки не было линии поведения, не было выдержанной по программе и цели политики на Дальнем Востоке, по крайней мере, до 1907 года. Экономическая, политическая, военная и дипломатическая области дальневосточных интересов были заняты тогда Россией, Японией и Англией, говоря точнее,—союзом империалистической Англии и Японии против царской России. Политика Америки по делам Дальнего Востока вызывала улыбки в дипломатических кругах Европы и смех—в Токио.

Об'яснение факту «ломаной» линии» политического поведения Америки находится в том, что Соединенные

Штаты были самопроизводящей и самопотребляющей страной. Естественно, что движения и жесты американских дипломатов были неуклюжи и тяжеловесны. Америка в те времена больше была занята рассмотрением проекта о Панамском канале, экономически связывавшем весь континент Америки и два океана. Америка в те времена (1908 год) лишь испытывала силу своего военного флота, отправив свои военные суда в кругосветное путешествие. То были времена президента Рузвельта, вошедшего в американскую историю с прозвищем «Рузвельта-охотника».

Активный «коммерческий» интерес» к делам Дальнего Востока Америка начинает проявлять в период президентства Тафта. Америка, в первый раз в 1909 году, открыто заявляет свой протест, продиктованный реальными экономическими интересами, против японского плана «расширения» своих границ и стремления превратиться в континентальное государство, с избранием Китая в качестве поля для приложения империалистической политики. Загорелся живой спор. Со стороны Америки «бой» вели президент Тафт и известный сенатор Нокс. Со стороны Японии—Кацура и Камура. Это была первая ласточка разногласий империалистов между собою, разногласий, которым история суждена расширяться в базисе, усиливаться в качестве и оттенке, с доведением этих разногласий до кризиса и стремительной подготовки к войне между Америкой и Японией. Америка превращалась в фактор дальневосточной политики. Америка в этот же период стала распространять свое экономическое влияние на британские «владения»—на Канаду, Австралию, Новую Зеландию...

Ответом на создавшееся положение в 1911 году было возобновление англо-японского договора, правда, с оговоркой об арбитражных соглашениях с третьей державой, обесценивающей военную сущность этих соглашений. Япония пытается возглавить собою коалицию, направленную против Америки. Англо-японский договор—лишь одна из мер этой серии.

Следующей мерой, сейчас же вслед за войной Японии с Россией, было стремление к недопущению установления «добрых» отношений между Америкой и Россией. Все

искусство японской «восточной» дипломатии было сосредоточено на срыве дружбы между капиталистической Америкой, заинтересованной в русском рынке, и царской Россией. Практически эта политика Японии в отношении России имела своею целью воспрепятствовать осуществлению проектов, которые должны были вести к закреплению экономических отношений между Америкой и Сибирью. Речь идет о проектах Перри Коллинс'а, первого коммерческого агента Америки на Дальнем Востоке (на Амуре), рекомендовавшего соединение двух континентов телеграфной линией через Берингов пролив. План сооружения этой линии был изготовлен, но не был реализован.

Такой же участи подвергся и другой проект—о сооружении железной дороги, приспособленной к железным дорогам на Аляске, не столь давно уступленной Россией Америке. Пушная торговля Сибири с Америкой, организованная на Камчатке и в Николаевске-на-Амуре, длилась весьма недолго. Такой же судьбе подверглись и другие проекты сибирско-американской торговли, проекты акционерных русско-американских рыболовных компаний, пароходных обществ и т. п. предприятий.

Японии было нетрудно об'единиться с царской Россией. Империалистические задания России не поблекли на Дальнем Востоке после поражения на полях Маньчжурии в 1904—1905 году. Эти задачи были лишь пространственно сужены. Вместо территории всей Маньчжурии, полем для русской колонизации была избрана только Северная Маньчжурия. Оба хищника, Япония и царская Россия, поделив между собою судьбу миллионов трудового населения третьего государства, стали жить в «добром согласии».

Колонизаторская политика царской России в Маньчжурии поколебалась лишь на один миг, в первые годы завоевательнаго периода. Это было тогда, когда генерал Субботич, первый губернатор Порт-Артура, рекомендовал военному министру ген. Куропаткину ликвидировать маньчжурскую авантюру в целом и уйти в Сибирь, в виду продвижения на север Японии, прокладывающей себе путь через Корею. Был, впрочем, и другой момент колебаний царской политики,

когда в 1906 году, сейчас же вслед за японо-русской войной, военным советом в Петербурге был решен вопрос о сооружении Амурской железной дороги. Второй момент в колебаниях по вопросу о захватнической политике царизма на Д. Востоке существенно и принципиально отличается от первого. Ген. Суботич, чувствуя сильного соперника в лице Японии, говорил о необходимости ликвидации всех колонизаторских планов. Военный же совет имел в виду оставление Китайской Восточной железной дороги и перенесение центра тяжести завоевательной политики на Амурскую дорогу, с целью лучшей защиты своих прав на Дальнем Востоке вообще, и в частности—в Маньчжурии. Мера военного совета имела быть актом лишь военного, а не политического значения.

Все эти вопросы были вопросами жизненного значения для Америки.

«Америка во всем этом имеет свой интерес, который по своему значению может возрости до пределов, когда этот интерес придется рассматривать, как угрозу безопасности Америки», говорит Сидней Осборн, исследователь японо-американских отношений на Дальнем Востоке.

Деятельность Японии принимала, таким образом, все более вызывающий для Америки характер, приходя в противоречие с доктринами Монроэ и Хея, специально созданными для «свободной» торговли Америки на других рынках. Доктрина Монроэ требует гарантии неприкосновенности континента для народов, населяющих континент. Доктрина Хея требует борьбы против всякой попытки нарушить территориальную неприкосновенность Китая.

«Ничто не находилось в более резком противоречии с доктриной Монроэ, чем та интерпретация, которую ей на практике давали японцы. В Китае ни одна железная дорога не может быть построена, никакие копи не могут разрабатываться, ни один иностранный заем не может быть учинен без согласия на то Японии и без непременного участия самой Японии во всех этих мероприятиях; японцы должны находиться на службе у Китая в качестве его политических, финансовых и военных советчиков; мнение Японии

должно быть испрашиваемо всякий раз, когда речь идет о важном промышленном предприятии; Китай обязан советоваться с Японией, когда он покупает оружие, и уже само собою разумеется, большая часть этого оружия должна быть приобретена в самой Японии; японцы должны управлять теми железными дорогами, которые сооружаются на средства иностранного капитала; японские товары должны пользоваться удешевленным железнодорожным тарифом, с целью обеспечить японским товарам на китайском рынке преимущество перед товарами других иностранцев; все железнодорожные материалы, потребные Китаю, должны быть куплены в Японии или при посредстве японских фирм; таможенные ставки на японские товары должны быть ниже ставок на товары производства других стран; японцам должно быть предоставлено право приобретать недвижимость во всех местах, а японские граждане должны быть из'яты из действия китайских законов во всех местах своего пребывания; японцы должны возглавлять собою китайскую полицию в наиболее крупных китайских городах; Китай не может сдавать в аренду части своей территории, не испросив на то предварительного согласия Японии; Китай никому не может сдавать контрактов на сооружение пристаней и гаваней без согласия на то Японии; мнение Японии должно быть испрошено и в том случае, если Китай предполагает изменить свою фискальную систему»,—повествует о захватах японского империализма г. Осборн, усматривая во всем этом резкое противоречие с теориями Монроэ и Хея, читай—противоречие с экономическими интересами Америки на китайском рынке.

При таких условиях, отношение Америки к Японии может быть, конечно, только враждебным. Враждебным должно быть также отношение Америки и к легальному союзнику Японии—Англии, до тех пор, по крайней мере, пока Америка и Англия не «сговорятся» между собою. Америка в учете всех этих обстоятельств могла занять по вопросу о возобновлении англо-японского договора резко враждебную позицию

«Отрицательное отношение Америки к вопросу о возобновлении англо-японского договора,—говорит тот же

автор,—подкрепляется сознанием, что ее точка зрения по вопросу о договоре вызывает поддержку различных частей Британской империи, а именно, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки, которые силою обстоятельств, согласно заявления генерала Смутса, имеют равные права с самой Англией в решении вопросов, связанных с благополучием Британии в целом. По вопросу о новой японской опасности, все эти государства стоят рядом с Соединенными Штатами. Все их влияние будет пущено в ход, чтобы резко противостоять опасной политике связывания своей будущей судьбы с судьбой страны Восходящего Солнца».

Имперская конференция, созванная в Лондоне в мае 1921 года для обсуждения и решения вопроса об англо-японском договоре, действительно выявила отрицательное отношение к этому вопросу. Имперская конференция явилась жестоким ударом политике Уинстона Черчилл'я и лорда Керзона. Наиболее энергичную политику борьбы против возобновления англо-японского договора вел южно-африканский генерал Смутс, считавший необходимым заменить двойственный англо-японский договор тройственным—англо-американо-японским.

Осборн не прав в деталях своей оценки. Во-первых, на провал вопроса англо-японского договора на имперской конференции в Лондоне исключительное влияние оказала позиция Индии. Раскрепощающаяся Индия в империалистической Японии видит такого же злого врага, как и в Англии.

Во-вторых, Австралия голосовала за возобновление договора против решения громадного большинства австралийских рабочих. Австралийский премьер, впрочем, оговарпвал возможность возобновления англо-японского договора условием решительного воспрепятствования японской иммиграции в Австралию.

В-третьих, имперская конференция, заявив права на большее влияние на ход британской политики, провалила идею федерации британских владений на принципах национального самоопределения. Имперская конференция вскрыла процессы быстрого капиталистического развития в каждой из

британских колоний, процессы, характерные взаимной борьбой и сильной конкуренцией. По этим причинам—на имперской конференции в Лондоне и происходили стычки между премьером Австралии и куцым представительством Индии.

Имперская конференция явилась испытанием для британского империализма. Империализму посторней заказан один лишь путь—путь захватов и войн, вскрывающих противоречия, во-первых, между империалистами разных наций, и во-вторых, в пределах наций—между классами.

Если вышеприведенные соображения могут быть охарактеризованы, как общие причины, заставляющие Америку быть злым врагом англо-японского договора, то имеются и конкретные обстоятельства, усиливающие враждебность Америки к возможности возрождения англо-японского договора. Первое из этих соображений—необходимость дальнейшего развития американского торгового судостроительства, дабы избегнуть зависимости от иностранных кораблей. Торговое мореплавание атлантического района совершалось на британских пароходах. Торговля Великого океана шла на японских пароходах. Америка заинтересована в том, чтобы обеспечить господствующее положение в морской торговле за собою. Главной противницей Америки в этой области является Англия, до сих пор командующая морями, в виду исключительного богатства своего торгового флота. Морская политика Америки, сопряженная с интересами влиятельных капиталистических трестов в Америке,—анти-британская. Америка быстро развивает свое судостроительство, чтобы занять господствующее положение в мировом хозяйстве, в особенности в судостроительстве и в судоходстве...

Вторая группа соображений заключается в том, что Америка, обладая большими запасами угля и железа, как условиями колоссального развития своей промышленности, непрерывно, уменьшая площадь под земледелие, сокращая у себя производство продуктов питания.

Вывоз продуктов питания из Америки в другие страны падает с каждым годом. Соединенные Штаты Америки не располагают сейчас большими излишками скота и

продуктов скотоводства—мяса и масла. Соединенные Штаты превращаются в сплошную фабрику. В одном 1910 году оценка производства фабрично-заводских изделий превышала сумму в 20 с половиной биллионов долларов, между тем как цена продуктов земледелия за тот же 1910 год составляла сумму в 8 ½ биллионов долларов. Во все последующие годы соотношение между фабричным производством и земледелием изменялось не в пользу земледелия.

Еще в более неблагоприятных условиях в этом отношении находится Англия. Англия уже сейчас целиком зависит от других стран в том смысле, что она должна получать продовольствие из-за границы. Лишь 18 процентов земельной площади в Англии занято под агрикультурное хозяйство, между тем, как для примера, Германия, при сильно развитой промышленности, располагала до войны площадью под земледелие в 61 процент всей земельной площади.

Вопрос о продовольствии принимает характер проблемы исключительной важности. Недаром так называемые союзники придумали систему блокады, как средство ликвидировать сопротивление страны, с которой они находятся во враждебных отношениях или в состоянии войны. Блокада в отношении Германии продолжалась и после заключения перемирия лишь только для того, чтобы ценою этого нажима вырвать у Германии ее военные и торговые суда, золото, паровозы, вагоны. Только отдав все это союзникам, Германия получила право на ввоз продовольствия.

Та же блокада, только с большими жестокостями, применялась «союзниками» и в отношении Советской России, с целью заставить советскую власть отказаться от социалистического строительства и признать над собою экономическое и политическое господство мировых империалистов. С Советской Россией задача оказалась не по плечу мировому империализму. Вместо господства над Россией и свободы действий в самой России—Англии пришлось подписать торговое соглашение с советской властью, причем главным мотивом Англии при подписании договора было стремление обеспечить за собою русское продовольствие и сырье.

В критическом положении в смысле продовольствия находится и Япония, ввозящая к себе из соседних стран даже рис, главный продукт массового потребления в восточных странах.

С точки зрения учета продовольственных перспектив— возобновление англо-японского договора является угрозою самому существованию Соединенных Штатов Америки. Возобновление договора фактически означало бы, что Англия и Япония устанавливают свой контроль в первую очередь над богатейшими продовольственными запасами Китая, а затем—над теми же запасами и в Сибири. Это проблема слишком конкретного и жизненного значения, чтобы Америка могла оставаться равнодушной к лондонским манипуляциям в 1921 году.

Вашингтонская конференция.

Не должен поэтому вызывать удивления тот факт, что за 2 дня до решения в Лондоне вопроса о возобновлении или невозобновении договора, 11 июля 1921 года Гардинг, вновь избранный президент Соединенных Штатов Америки, обратился к Лондону и к другим «союзным» центрам с предложением собраться в ноябре 1921 года на конференцию в Вашингтон для разрешения вопросов о разоружении, о морских программах, и о делах на Дальнем Востоке вообще. По реальному значению вопрос о дальневосточных делах имеет первостепенное значение, тогда как вопрос о разоружении по своему существу имеет значение второстепенное и подчиненное, не говоря уже об нереальности самой идеи разоружения в условиях капиталистического хозяйства.

Фактом «приглашения» Англии, Японии и других государств с колониальной политикой к себе на конференцию Америка заявила о том, что и она кровно заинтересована в делах на Дальнем Востоке и в способах дальнейшей эксплоатации Китая и Сибири.

Америка отчетливо заявила, что она не примиряется и не примирится с системой соглашений двух стран между собою, преследующих цели, направленные против Америки. Америка делает попытку до разрешения разногласий и противоречий между империалистами при посредстве броненосцев

с четырнадцати-дюймовыми орудиями—договориться. Америка должна сговориться с другими странами, извлекающими из стран Востока сырье, уголь, продовольствие и эксплоатирующими живую рабочую силу этих стран.

В современных условиях мирового хозяйства и взаимоотношений иностранных капиталистов с Китаем Америке выпало на долю быть наиболее либеральной. Об'яснение этого факта лежит в том, что другие империалистические государства, Англия и Япония, приобретали в Китае «специальные привилегии» в то время, когда внутренний рынок Америки был достаточно емким, чтобы поглощать продукты американского производства и обеспечивать непрерывный рост американского капитала. С насыщением своего рынка—Америка должна была обратиться к другим рынкам, в первую очередь к Китаю. Самым верным способом к закреплению себя на китайском рынке было требование «одинаковых возможностей» для всех стран и решительная борьба против «специальных прав» и привилегий. Осуществление этих требований «либеральной» Америки было бы большим выигрышем для американских капиталистов. В условиях свободной конкуренции американскому производству открывалась бы возможность вытеснять продукты чужого производства своими, более доброкачественными и дешевыми товарами.

Конференция в Вашингтоне по вопросам Дальнего Востока должна итти в плоскости борьбы против «специальных прав» на Дальнем Востоке и за открытие Китая для свободной торговли всех капиталистических государств. Все договоры, заключенные какими-либо государствами с Китаем с нарушением принципа «равных прав и одинаковых возможностей», должны быть раз и навсегда упразднены, в один голос кричат обиженные американские фабриканты и их идеологи.

Доктор Рейнш, бывший американский посланник в Пекине, ныне советник пекинскаго правительства и член различных американских комиссий по делам Дальнего Востока, разработал схему для вашингтонской конференции, которая должна, по мнению Рейнша, добиться признания за

всеми одинаковых прав на китайском рынке. В конкретных задачах вашингтонская конференция должна постановить, что китайские железные дороги должны быть отданы в управление «консорциуму». Англо-японский договор и Лансинг-Ишии'евское соглашение должны быть, согласно этой же схеме, об'явлены упраздненными. Займы, учиненные Китаю отдельными государствами, а не группой государств, об'единенных в консорциум, предназначившиеся на административные цели пекинского правительства, взамен предоставленных Пекином концессий, также не могут быть признаны вашингтонской конференцией.

Вашингтон должен сказать свое слово о Сибири. Это последнее требование имеет в виду побудить японцев эвакуировать свои войска из Приморья и Сахалина.

Таковы, в общих чертах, те об'ективные условия, которые заострили вопрос о «Пасифике», о водах Великого океана и о берегах, им омываемых. Изменившаяся экономическая кон'юнктура требует участия Америки в делах Дальнего Востока.

Способы разрешения вопроса об «участии» в дальневосточных делах—разнообразны. Самым удобным способом для империалистов было бы сговориться, распределить между собою «добычу». Конференция, созываемая Гардингом в Вашингтоне в ноябре 1921 года, и имеет своею целью сделать еще одну попытку «сговора», добиться «взаимного понимания» империалистов в делах Китая и Сибири. Конференция созывается с тем, чтобы кошелек (Китай и Россия), из которого английскими и японскими капиталистами извлекалась прибавочная стоимость, поступил в общее пользование и оплачивал также прибыль и американских экспортеров и фабрикантов. Заинтересованность Америки в прочном установлении своего влияния в Китае удостоверяется историческими фактами. Соединенные Штаты Америки, после русско-японской войны стремились к образованию буфера в Северной Маньчжурии между Россией и Японией, стремясь приобрести в собственность от царского правительства Китайскую Восточную железную дорогу.

Пребывание в Харбине Стивенса, главы американской железнодорожной миссии и председателя так называемого «международного технического бюро», служит лишь подтверждением факта экономической заинтересованности Америки в установлении над территорией Северной Маньчжурии, в районе полосы отчуждения, своего влияния. Контролируя железную дорогу, связывающую Китай с Россией, разрозненные части русского Дальнего Востока между собою, и американский рынок с Сибирью (через Владивосток),— американцы получают действительные возможности укрепиться и на китайском, и на сибирском рынке.

Не подлежит сомнению, что стремление Америки тождественны по своей природе и характеру со стремлениями других государств. Не подлежит далее сомнению, что не интересами миллионов китайского и русского трудового народа вдохновляется политика президента Гардинга и его «секретарей», а интересами стальных, нефтяных и железнодорожных королей. Не подлежит, наконец, сомнению и тот факт, что первая попытка к укреплению торгового и всякого иного влияния Америки на китайском рынке—это попытка сговора с другими капиталистическими странами.

Сила вопроса—не в этой тенденции к миролюбивому и полюбовному распределению добычи. Суть вопроса в том, допустят ли об'ективные условия миролюбивое разрешение конфликтов, возникших на берегах Великого океана между капиталистическими государствами, на долгий срок.

Противоречия интересов капиталистических государств являются слишком реальным фактором развития капиталистической «культуры», чтобы можно было верить в мирное разрешение всех тревожных вопросов жизни Дальнего Востока, черной тучей нависших над миллионами крестьян и рабочих. Политика Америки подтвердила факт существования взаимоуничтожающих, глубоко-противоречивых интересов Америки и других империалистических стран на Дальнем Востоке.

Американский сенат провалил Вильсона и его политику, в виду неприемлемости для Америки конструкции лиги наций, в которой механическое большинство было

обеспечено за Англией. Тот же американский сенат не признал решения версальской конференции по вопросу о Шань-дун'е. Вот слова сенатора Шэрмана в сенате Вашингтона по поводу Шань-дун'а:

> «Америка должна отказать в признании пункта мирного договора о Шань-дун'е, так как содержание этого пункта находится в противоречии с принципом беспристрастия, столь часто об'являвшимся союзниками руководящим принципом их внешней политики. Пункт договора, относящийся к Шань-дун'у, имеет своею элементарною задачей поставить Японию в Шань-дун'е в такое положение, когда Япония сумеет размахивать мечом перед лицом всего мира. Появление «Германии в Азии» неизбежно должно вести за собою изгнание из Азии всех ее (азиатской «Германии») конкурентов и исключительную ее (Японии), монополию на коммерческие интересы Дальнего Востока. В виду того, что интересы Англии в Японии на Дальнем Востоке тождественны, Америка должна приложить все свое старание, чтобы обеспечить целость Филиппин».

Заявление сенатора расшифровывает «либеральную» формулу. Американский каштал имеет свои «кровные», жизненные интересы в Китае. Америка не желает утверждения прав монополистки Японии в Китае и потому отвергает версальский договор. Америка знает действительную цену англо-японскому договору и потому укрепляет Филиппины, как свою будущую морскую базу в военных операциях против Японии.

Что изменилось в об'ективных условиях с момента, когда Соединенные Штаты стали в резкую оппозицию к версальскому договору, наименее удовлетворительно разрешавшему «коммерческие» интересы Америки? Последующий ход событий лишь в еще большей мере выявил борьбу империалистов между собою, лишь с большей наготою обнаружил корыстные, классовые интересы разных держав некогда единой союзной коалиции. Фарс полюбовного об'единения спорящих из-за «добычи» сторон может завершиться

повой войной, в которой пушечным мясом на алтаре империализма будут миллионы крестьян и рабочих. Опасность войны уже висит над Дальним Востоком.

Одна из газет на Дальнем Востоке пишет: «Мир на Дальнем Востоке целиком зависит от вопроса, достигнуто ли общее соглашение между всеми государствами, заинтересованными в *эволюции* Китая. Столь важное взаимоотношение между государствами могло бы быть достигнуто после того, как все заинтересованные группы договорились бы между собою. До тех же пор, пока существует договор между Японией и Англией, миру на Дальнем Востоке угрожает опасность».

Отношение Китая к англо-японскому договору.

Каково отношение к вопросу о возобновлении англо-японского договора самого Китая?

Мнения всего Китая по этому вопросу единодушны. Революционные элементы Китая—рабочий класс, его политическая партия, и передовые круги студенчества заявили самый решительный протест против попытки нового об'единения Англии с Японией ради усиления эксплоатации Китая и его трудовых масс. Буржуазия Китая при посредстве своих органов, коммерческих палат, разослала всему миру свой резкий протест против возобновления англо-японского договора.

Буржуазия Китая говорила с английским парламентом в боевом тоне, улавливая живое и мощное общественное движение в самом Китае против новых опытов дележа, грабежа и насилия. В своей телеграмме английской палате общин от 13 июня 1921 г. за месяц до истечения срока англо-японского договора, китайская коммерческая палата Шанхай'я писала: «Япония может утвердить свое господство на Дальнем Востоке только при условии возобновления договора с Англией. Возобновление же договора в какой-либо форме будет убыточным для британской торговли в Китае. Вопреки традиционной дружбе между Британией и Китаем, Китай, в случае возобновления договора, будет вынужден применить в отношении Англии те же самые меры воздействия, какие Китаем применяются в отношении Японии».

Речь идет о бойкоте японских товаров, испытанном орудии борьбы Китая с чужеземным угнетателем.

Бойкот английских товаров, как лозунг движения, становился все более и более популярным в широких кругах китайского народа, в момент обсуждения в Лондоне возможностей возобновления англо-японского договора. Вопрос о бойкоте английских товаров не в первый раз ставится в истории Китая. В момент организации антияпонского бойкота в 1919 году была сделана попытка организовать бойкот и английских товаров. От этой мысли китайское движение отказалось в 1919 году, исходя из тех соображений, что антианглийский бойкот был бы немедленно использован Японией в качестве казуса для организованного вмешательства всех иностранцев в дела «бойкота», то-есть для организованной расправы над либерально - национальным по своему характеру движением. Китайцы, отказавшись на этой стадии своего освободительного движения, от бойкота всех иностранцев, решили сосредоточить всю силу движения на бойкоте товаров дальневосточного хищника—Японии.

Бойкот английских товаров был отвращен. Британцы учли этот урок в период бойкота японских товаров и в период, следовавший за ним, пытались рекламировать свои добрые чувства в отношении Китая. Англичане на Дальнем Востоке не скрывали своих чувств радости по поводу антияпонского бойкота в Китае, так как бойкот японцев увеличивал торговые обороты Англии с Китаем, в момент, когда это было особенно необходимо, в момент демобилизации военной промышленности в Англии и перехода ее на мирные пути и рельсы. Гордые британцы громко говорили о своих симпатиях в отношении китайского народа, хотя британское правительство и было ответственно за подвиги японского империализма в Китае и за отхват богатой Шаньдун'ской провинции у Китая.

В мае 1921 года вопрос об антианглийском бойкоте вырос с новой силой на юге Китая. Причинами угрозы бойкотом явились выставленные кантонским правительством доктора Сун Ят-сен'а против Гонконга обвинения в тайных договорах с Пекином для борьбы с Югом, в активном содействии китайским контр-революционерам, находившимся на территории Гонконга и организовывавшим военную

кампанию против кантонского правительства, в запрещении китайских демонстраций в Гонконге против Пекина и в честь Кантона, в посылке судов с амуницией по Западной реке в провинцию Гуан-си, на помощь контр-революционеру Лу Юн-тин'у для борьбы против правительства Сун Ят-сен'а. Гонконгу, в лице его британской администрации, пришлось официально опровергать сообщение о соглашениях с Пекином и извиняться перед кантонским (непризнанным) правительством за недопущение китайских демонстраций в Гонконге. Победа кантонской армии над контр-революционерами в провинции Гуан-си в июле 1921 года на время сняла с очереди вопрос о бойкоте английских товаров на Юге. С новой силой уже во всем Китае возник вопрос о бойкоте английских товаров в связи с возможностью возобновления англо-японского договора.

Отношение кантонского правительства к англо-японскому договору.

С телеграммами протеста против возобновления англо-японского договора выступили все существующие в Китае организации. Движение против договора стало всеобщим и энергичным.

Кантонское правительство обратилось ко всему китайскому народу с следующим воззванием по поводу англо-японского договора.

«Миссия японского наследного принца в Великобританию должна рассматриваться как дипломатический успех Японии. Британское правительство решило созвать конференцию из представителей своих колоний для обсуждения вопроса о договоре. Целью договора является распространение «силы» и влияния обоих государств (Англии и Японии) на Китай. Темные мотивы вдохновляют это дело. Решение возобновить англо-японский договор является грубою несправедливостью. В первый раз договор был заключен в 1902 году. Его текст торжественно и определенно говорил о том, что договор не имеет никакой иной цели, кроме цели сохранения независимости Кореи. Однако, в течение периода менее чем в десять лет со дня подписания договора, Корея, как национальное единство, была уничтожена.

«В 1905 году договор был пересмотрен с единственной целью положить предел русской агрессивности на Дальнем Востоке. Однако, результатом этого пересмотра явилось утверждение японского влияния в Маньчжурии.

«В 1911 году договор был возобновлен с единственной целью положить предел агрессивности Германии в Китае. Однако, результатом этого договора явилось распространение влияния Японии на Шань-дун. Ныне Россия и Германия не выступают в роли конкурентов Японии и Англии на Дальнем Востоке. Тем не менее. мы накануне возобновления англо-японского договора, На этот раз задачею договора является разделение Китая на новыя сферы интересов Англии и Японии, хотя в договоре будет торжественно сказано, что договор заключается ради сохранения целости и независимости Китая, как нации. Англия и Япония имеют в виду путем договора закрепить сферы своего влияния в Китае.

«Со времени возобновления договора в последний раз различные государства заключили более чем двадцать секретных договоров, с целью защиты интересов соответственных групп в Китае. Когда война была в полном разгаре в Европе, и внимание всех народов было приковано к театру военных действий, Япония, поддерживаемая своей союзницей Англией, пред'явила свои 21 требование к Китаю и стала «свободно» распоряжаться и действовать в Шань-дун'е и Маньчжурии. Благодаря усилиям всего китайского народа, все секретные договоры, навязанные Японией Китаю, были беспощадно разоблачены в Париже. До момента, когда патриотические усилия самого Китая увенчались полным успехом, обе большие империи на Западе и Востоке спешат об'единиться, чтобы разрушить национальное бытие Китая. Япония оказывает сильное давление на Север Китая, Великобритания—на Юг, оскорбляя наши суверенные права, захватывая наши территории, распоряжаясь нашими экономическими богатствами, не считаясь с постоянными и непрерывными протестами всего Китая, как нации.

«Мы, народ, населяющий нашу страну, не должны оставаться равнодушными и молчаливыми. Если англо-японский союз будет возобновлен, мы не будем в состоянии воспрепятствовать заключению аналогичных договоров между другими государствами, преследующими ту же цель разделения между собою территорий и богатств Китая. Если договор будет возобновлен, мы можем с положительностью предсказать, что Китай в очень скором времени должен будем перестать существовать, как нация и как член в семье других государств.

«Представители Китая за-границей продолжают посылать правительству в Китае телеграммы, настаивая на том, чтобы Китай принял все меры против возобновления договора. Общественное мнение Европы и Америки также решительно против агрессивности Японии и Великобритании. В договоре упоминается также и об Индии. Народ индусский, населяющий британскую колонию, заявил по этому поводу свой энергичный протест. Китай—независимая страна и поэтому китайский народ должен немедленно же об'явить борьбу против несправедливости, учиняемой над ним. В этом смысле народ Китая не должен расценивать себя ниже народа Индии.

«В качестве общего правила известно, что когда возникают вопросы, касающиеся суверенных или территориальных прав какой-либо страны, сам народ этой страны должен разрешать эти вопросы. Как мы можем позволить иностранным государствам разрешать эти вопросы в их собственную пользу? В виду этого, народ всего Китая должен немедленно об'единиться, как один человек, чтобы бороться против новой затеи. Если мы не позволим, чтобы нам наступили на грудь, захватчики должны будут рассеяться. Мы верим, что сила—не право и что, в конечном результате, восторжествует право и справедливость. Мы уже телеграфировали британскому парламенту о непризнании нами несправедливого договора, который возобновляется с единственной целью—дележа Китая между Японией и Великобританией.

Мы обратились за помощью и поддержкой к народу самой Англии».

Этот «манифест» представляется одним из наиболее интересных документов современного Китая. Язык этого документа еще слишком общий, во многих местах чрезмерно вежливый. Однако, содержание этого обращения не оставляет никаких сомнений в том, что англо-японский договор, как заговор империалистов между собою, вызывает к себе в Китае враждебные чувства наиболее высокого напряжения.

Пекинское правительство и англо-японский договор.

Пекинское правительство, в свою очередь, не могло не высказаться по вопросу об англо-японском договоре. В мае 1920 года Вай-цзяо-бу вручило «памятную записку» британскому полномочному министру в Пекине следующего содержания:

«Нас неоднократно уведомляли, что в виду близости окончания срока действия англо-японского договора—в июле 1920 года—и что в согласии с одним из пунктов договора, предусматривающим его возобновление за год до истечения срока, британское и японское правительства возобновили неофициальные переговоры по поводу договора и что в случае, если договор будет возобновлен, его основные положения будут пересмотрены. В виду того, что этот вопрос затрагивает жизненные интересы Китая и всего Дальнего Востока, народ Китая чувствует себя в большой тревоге. Согласно практике международного права, когда два дружественных государства заключают между собою договор, такой договор предусматривает права и интересы, бесспорно принадлежащие только этим государствам. Этот обычай приобрел особенную силу в результате великой войны, в течение которой вопрос о братстве всех народов сделался лозунгом всех наций. Если, таким образом, договор будет заключать в себе такие выражения и термины, как «Китай» или «неприкосновенность Китая» без участия самого Китая в качестве стороны договора, то этот договор является оскорблением чести и достоинства независимого государства. Правительство и народ Китая не могут не выразить по этому поводу своего протеста».

Милитаристическое правительство Пекина говорило спокойным «просвещенным» языком о делах, существенно затрагивающих интересы миллионов трудящихся. Однако, и оно на своем робком, дипломатическом языке, подражающем языку больших «дипломатов», говорящих о «великой войне» и прочих вещах, должно было заявить свой протест.

Движение против возобновления англо-японского договора, широкою волною разлившееся по всему Китаю, было не столь скромно в выражениях своих чувств и настроений, как пекинское правительство. Провинциальный парламент провинции Шань-дун, состоящий в своем подавляющем большинстве из представителей китайской буржуазии, послал телеграммы Ллойд Джоржу и президенту Соединенных Штатов Гардингу. В телеграмме Ллойд Джоржу китайская буржуазия, присвоившая себе в современных условиях право говорить именем всего китайского народа, сказала:

«Мир прекрасно осведомлен об агрессивных планах и задачах Японии в Китае. Жестокости и обиды, нанесенные Японией Китаю, резко осуждались всеми нациями. Англо-японский договор—результат захватнической политики Японии, в том случае, если Англия согласится на возобновление этого договора—Англия превратится во врага Китая».

Телеграмма провинциального парламента на имя Гардинга говорит о том, что «целью англо-японского договора является стремление монополизировать интересы всего Дальнего Востока с прямым нарушением принципа—«открытых дверей», усвоенного Америкой в отношении Китая. Президент Соединенных Штатов должен оказать все свое воздействие для того, чтобы убедить британское правительство отказаться от возобновления договора», просят китайские кущы.

«Так как мы—не рабы,—говорила телеграмма того же шань-дун'ского парламента на имя своего посланника в Лондоне, Велингтона Ку,—то мы должны бороться за сохранение наших прав и против иностранной тирании и агрессивности. Если наш протест будет оставлен без внимания, мы сами, должны будем принять необходимые меры, чтобы спасти положение».

Оцѣнка договора китайскою печатью.

Много интересных моментов выявлено китайскою печатью, проводившей большую кампанию против возобновления англо-японского договора. Общий тон газетных статей свидетельствует о бойких настроениях, о готовности противустоять новому натиску мирового империализма.

Газета «Спнь-сио-хуй-бао», издающаяся в Пекине, в номере от 27 мая 1921 года писала: «Китай—об'ект англо-японского договора. Всякий гражданин Китая, если он только интересуется делами международной политики, должен обратить серьезное внимание на вопрос об англо-японском договоре, на пути его развития и методы его разрешения. Мотивы, в силу которых Япония стремится к возобновлению договора, просты и очевидны: 1) заключая договор с Великобританией, Япония пріобретает право на свободу действий в делах Дальнего Востока, при гарантии невмешательства Англии в эти же дела; 2) стремясь к распространению своего влияния на Дальневосточную Республику, Япония должна воспользоваться союзом с Англией подобно тому, как в свое время, Япония воспользовалась союзом с Англией для своей борьбы против старой (царской) России; 3) Америка является единственной страной, угрожающей милитаристической Японии. Заключая союз с Англией, Япония сумеет, по крайней мере, предупредить возможность оказания Англией помощи Америке в ее войне против Японии.

«В свою очередь, и Англия имеет две главные причины, побуждающие ее к заключению договора с Японией. Эти причины суть: 1) С момента, когда политика Англии на Востоке стала переходить из наступательной в оборонительную, Англия должна была вверить защиту своих интересов на Востоке «азиатской Пруссии», чтобы иметь свои руки развязанными для деятельности в Европе; 2) Англия, видя неизбежность японо-американской войны, пытается, путем возобновления договора, обеспечить за собою роль зрителя, подобно тому как она ограничивалась такой же ролью в начале Германской войны...

«В англо-японском договоре имеются три пункта, говорящих о Китае. Главный пункт говорит о «сохранении

мира в Азии и Индии». Второй об охране независимости и территориальной целости Китая. Третий пункт говорит о сохранении специальных прав и привилегий, приобретенных договаривающимися странами в Китае. Попытка обращаться с Китаем,—продолжает газета, — точно так, как Англия обращается с Индией, несомненно является для Китая большим оскорблением. Один из индусов недавно заявил, что если в договоре будет содержаться фраза о том, что Япония обязуется поддержать «мир и порядок» в Индии, Индия окажет самое решительное сопротивление договору.

«Что же должен делать независимый народ Китая? Потребовать, прежде всего, от так называемого правительства, чтобы оно заявило Великобритании и Японии, что народ Китая против возобновления договора. Далее обратиться к правительствам Японии и Англии непосредственно от имени китайского народа и, наконец, возможно более широко оповестить все народы о взглядах Китая на вопрос о возобновлении англо-японского союза, первоисточника японской агрессивности и 21 требования. Граждане, организуйтесь для борьбы, не дожидаясь новых 21 требований».

В китайской либерально-буржуазной печати можно было встретить не только общие протесты, но и непосредственные призывы к сопротивлению и борьбе с надвигающейся опасностью. В этой же печати были весьма реальные указания на необходимость организации большого, массового, уличного движения, в виде митингов и демонстраций. В Шанхай'е состоялись митинги, конференции и массовые демонстрации протеста против нового закабаления Китая, несмотря на все ухищрения и меры, принятые против движения китайской и иностранной полицией.

В своей резкой оценке англо-японского договора печать оперировала с рядом аргументов, основанных на живом и проверенном опыте. «Судя по тому факту,—говорит «Синьсио-хуй-бао» от 4 июня 1921 года,—что Япония еще в соглашении Лансинг-Ишии потребовала для себя специальных привилегий на Дальнем Востоке, не будет преувеличением утверждение, что Япония выдвинет это свое требование в возобновляемом англо-японском договоре. Этот договор имеет своею целью лишить народы Азии их элементарных

человеческих прав. Англичане и японцы называют такое положение вещей «сохранением мира и порядка». Договор несет с собою новые цепи рабства. Однако, авторы его заявляют, что возобновление договора имеет целью сохранение принципа «открытых дверей». Не говоря уже о тяжелых последствиях этого договора для человечества в целом, каким образом мы, китайцы, будем в состоянии защищать наши интересы, когда наша независимость старательно «охраняется» другими государствами?..

«Граждане Китая и все угнетенные народы! Если вы не хотите оставаться в угнетенном состоянии,—добейтесь осуществления следующих мер: 1) слова—«Китай» и «китайский» не должны упоминаться в англо-японском договоре, равно как также не должно быть ни единой фразы, мысли или указания на то, что Китай является об'ектом этого договора. 2) наши требования должны сделаться гласными и громкими. Наши представители за-границей должны быть осведомлены о решении китайского народа. Соответственное предупреждение должно быть нами послано британскому и японскому правительствам. Мы должны организовать у себя большое массовое движение против тех, кто оскорбляет нашу независимость».

Содержание этих статей не вызывает сомнений в чувствах широких масс и либерально настроенной печати. На массовых собраниях в разных городах Китая выносились резолюции о бойкоте английских товаров. Если сравнить обстановку «кладбища», всеобщего рокового молчания в Китае при заключени англо-японского договора в 1902, 1905 и 1911 годах с той оживленной общественной обстановкой, какая создалась в Китае в 1921 году,—легко почувствовать, сколь быстро Китай, в его целом, идет навстречу своему раскрепощению...

В вопросе о возобновлении англо-японского договора, всего резче выявились противоречия между Китаем и мировым империализмом. Сам англо-японский договор и по духу, и по содержанию является актом, направленным на удушение китайской национальной промышленности. Естественно, что становящаяся на ноги китайская промышленость

и обслуживающая ее печать, изо всех сил, всеми видами словесных протестов, должна была реагировать на попытку захвата иностранцами китайского рынка, предназначенного самой историей для китайской промышленности.

Либерально настроенная печать, в момент, когда должна была решиться судьба англо-японского договора, 29 и 30 июня 1921 года, вопила: «Если бы не политические обстоятельства, которые вынуждают Англию итти на заключение договора с Японией, десяток визитов японского крон-принца в Англию оказался бы бесполезным. Внимание китайского народа должно быть поэтому сосредоточено на реальных фактах и реальных мерах воздействия, так как телеграммы и циркуляры не являются действенными орудиями борьбы. Арсеналы не превращены еще в телеграфные конторы и газетные типографии. Мы другими, настоящими средствами должны показать всему миру, что мы, китайцы, способны сохранить независимость нашей страны, развить нашу собственную промышленность и добиться соответственного места в семье народов. Пора сбросить иллюзии. Если бы мы организовались несколько лет тому назад, мы не стояли бы ныне перед опасностью возобновления англо-японского договора, за наш счет. Мы должны найти себе друга, который помог бы нам в этой борьбе. Этим другом является молодая республика в Сибири—Дальневосточная Республика».

Так вновь и по конкретному поводу раскрепощающийся Китай с надеждою глядел на революционную Россию, несущую освобождение всем угнетенным народам.

«Если мы желаем освободиться от иностранного гнета, мы должны развить в себе способность к самозащите. Одними разговорами делу не поможешь. Если народ действительно хочет стать независимым, в нем должен быть дух и стремление к борьбе за независимость. Граждане, не расчитывайте на других, расчитывайте на себя», поучает газета своих сограждан, только сейчас втягивающихся в круг борьбы за лучшую судьбу.

Широкие массы Китая не обманываются и не возлагают никаких надежд на вашингтонскую конференцию. Даже буржуазная печать рассматривает эту конференцию, как попытку сговора «союзников» между собою.

«Результатом вашингтонской конференции в отношении Китая явятся два факта: 1) организация нового консорциума и 2) призыв к политике «открытых дверей» в отношении Китая. Полтора года тому назад Китай финансировался исключительно Японией. Не столь давно был организован так называемый новый консорциум с тем, чтобы «помочь развитию китайской промышленности». На самом же деле «державы» заинтересованы в том, чтобы разрушить экономическую мощь Китая. Принцип «открытых дверей», в свое время защищавшийся и Англией, и Японией и столь торжественно одобренный американцами, является лишь орудием в руках белых завоевателей, с целью поставить Китай в положение политически зависимой страны. Политическая жизнь китайского народа всегда «опекалась» Великобританией. Ныне претензию на «опеку» заявили все «победители» в европейской войне. Сейчас раздается уже требование об организации «международного управления Китаем». Этот лозунг подхвачен наиболее видными и ответственными иностранцами. Осуществление этого принципа и явится, вероятно, одним из наиболее значительных результатов вашингтонской конференции.

«Граждане, довольно спать! Решайте свою собственную судьбу. Отношение конференции к Китаю—будет отношением опекуна над уже опекаемой страной. Наши делегаты на конференции будут только зрителями.

«Мы—одна из наиболее угнетенных наций.

«Если мы не желаем возобновления англо-японского договора, последствий вашингтонской конференции, организации нового консорциума и реализации на практике принципа «открытых дверей», за наш собственный счет,—нам надо напрячь все усилия, чтобы улучшить наше международное положение».

Эта статья, приведенная нами в выдержках, появилась 13 июля 1921 года одновременно в пекинском и тянь-цзинь'ском изданиях «И-Шп-бао».

Китайская пресса, а по ней можно судить о настроениях, широко разлитых в массах китайского народа, заняла отрицательную, резко враждебную позицию в отношении

англо-японского договора. Заговор имел своею целью уязвить и без того сморщенную, сгорбленную политическую «независимость» Китая и еще туже завязать петлю экономического рабства на шее миллионов трудящихся. Китайская печать в своих возражениях на возможность возобновления англо-японского договора оперировала лишь с опытом и практикой грабительского договора на протяжении 20 лет его действия и применения.

Договор был особенно выгоден японским империалистам, твердила китайская печать: «Мемуары Хаяши с бесспорностью устанавливают тот факт, что одним из главных мотивов при заключении союза с Англией было стремление Японии получить «свободную руку» в Корее. Япония получила не только «свободную руку» в Корее, но и всю Корею. Весь мир ленивo на это поглядывал, не проронив ни звука протеста по поводу захвата Кореи. Япония получила от Британии и Америки, на основании договора, золото, располагая которым, она могла вести войну с Россией. Результатом военных действий явилось то, что Япония фактически захватила Маньчжурию. Весь мир и по этому поводу не заявил протеста. Современное положение Японии в Шань-дун'е явилось результатом договора...

«Нет ни одного момента в прошлой истории, когда Япония не извлекала бы живой пользы для себя из англо-японского договора. Если Япония играет сейчас какую-либо роль в международной политике, она целиком обязана этим существованию англо-японского договора. Вне всякого сомнения, англо-японский договор и преданно, и верно служил Японии в прошлом. Будет ли он нести полезную службу в будущем? Если Англия дает себя обмануть и возобновляет договор,—Япония извлечет из него новые выгоды. Япония не отказалась от своих планов в отношении Китая. К этим планам ныне присоединяется возможность большой захватнической политики в Сибири, осуществление давней мечты—расширить границы японской империи до Урала». Эта выдержка взята нами из «Пекин Дэйли Ньюс», китайской газеты на английском языке.

Неправильной, само собою разумеется, была бы такая постановка вопроса, в силу которой Япония осуществляет

свои империалистические, захватнические планы в отношении Китая только при условии возобновлении договора с Англией. В случае, если договор и не был бы заключен, в случае, даже, если международная кон'юнктура создала бы коалицию империалистов против Японии, японский империализм все же искал бы путей, ведущих к осуществлению его грабительских целей. Если бы Япония на этом пути оказалась бы брошенной своею верной союзницей Англией,— она продолжала бы однако следовать по этому пути.

Казенная Япония и англо-японский договор.

Председатель японской палаты депутатов г. Оока, говоря по поводу англо-японского соглашения, заявил: «Я должен заверить вас, что нет ничего более срочного и важного для нашей страны, как реформировать нашу дипломатию, сделать ее гибкой, способной справиться с любым положением, сделать ее независимой. Наша дипломатия должна отказаться от политики расчета на поддержку других... Теперь, когда Япония достигла такого высокого положения в делах международной политики, в дипломатии, в военных, экономических и финансовых делах, нет необходимости следовать путям нашей «древней» дипломатии, всегда зависевшей от других держав, особенно в тех случаях, когда возникали трудные вопросы... В особенной мере такая «спонтанейная» (самопроизвольная) дипломатия необходима в связи с китайской проблемой».

Несмотря на такую развязную самоуверенность «спикера» японского «парламента», японское правительство было более реально в своей политике. Оно изо всех сил старалось добиться возобновления англо-японского договора. С этой целью японское министерство иностранных дел разослало всем своим агентам за-границей официальное раз'яснение по вопросу о целях англо-японского договора. Центр тяжести этого раз'яснения и весь его смысл в том, чтобы рассеять подозрения американцев в отношении японских планов.

> «Еще не были начаты переговоры о возобновлении договора между Великобританией и Японией, как антияпонская пропаганда была уже пущена в ход, с целью извратить эффект, какой возобновление договора

могло бы произвести на Соединенные Штаты,—говорит официальный документ. Даже при колоссальной игре воображения нельзя честно заявить, что договор имел хотя бы отдаленнейшее намерение быть использованным в качестве орудия борьбы против Соединенных Штатов. Англо-японский договор в своей 20-летней истории дважды возобновлялся. Каждый раз его основные принципы оставались неизменными. Договор имел и имеет своею целью сохранить и укрепить мир на Дальнем Востоке.

«Первоначальный договор 1902 года в соответствии с этой политикой имел своею задачей локализовать всякую войну, которая могла бы быть навязана какой-либо из договорившихся сторон, ради защиты и охраны своих жизненных интересов. Этот договор был заключен в то время, когда Китай находился под угрозой иностранного захвата. Тогда Соединенные Штаты, дружески расположенные в отношении обеих договаривающихся сторон, встретили договор с сочувствием и одобрением. В 1905 году, когда договор возобновлялся с тем, чтобы приспособить его к новым условиям, создавшимся после русско-японской войны, ни у кого из государственных деятелей тогда ни в какой из стран не возникало и мысли, что Соединенные Штаты могут сделаться потенциальным врагом одной из сторон. По этой причине—и только по этой—в договоре не было сделано никаких оговорок в предвидении такой случайности.

«Договор вновь был пересмотрен в 1911 году. В 4-ом пункте договора содержится замечание об освобождении себя от обязательств, в случае войны, если одна из сторон заключила бы арбитражное соглашение с другой из держав, находящейся в состоянии войны с союзницей. Этот пункт—в его отношении к Соединенным Штатам—весьма часто служил предметом противоречивых толкований. Однако, обстоятельства, приведшие ко включению этого пункта в договор, имеют большое практическое значение для всякого непредубежденного человека. Идея пересмотра договора в 1911 году заключалась, главным образом, в необходимости

содействовать переговорам между Лондоном и Соединенными Штатами, которые в то время велись. Ни Япония, ни Великобритания не имели в виду создания своими договорами таких обстоятельств, которые были бы враждебны интересам Соединенных Штатов. Всякая реальная мера, направленная к тому, чтобы устранить возможность вооруженного конфликта между Соединенными Штатами и Англией была лишь приятна Японии. В согласии с такой именно политикой и был принят пункт 4-й договора.

«Теми же самыми началами вдохновляется политика Японии и сейчас. Япония ни в какой мере не задета тем обстоятельством, что договор об общем англо-американском арбитраже не получил одобрения Сената Соединенных Штатов Америки. Японии также не представляется необходимым заняться юридическим анализом того положения, должен ли остаться в силе договор «мирной комиссии», подписанный в 1914 году между Англией и Соединенными Штатами, соответствует ли договор об общем арбитраже смыслу и значению пункта 4-го англо-японского договора. Независимо от всех этих вопросов, к моменту возобновления переговоров по поводу англо-японского договора в 1921 году было хорошо известно, что договор ни в коем случае не направляется против Соединенных Штатов».

На этом заканчивается официальное раз'яснение японского министерства иностранных дел. Казенная Япония пыталась устранить все препятствия на своем пути. Одним из главных препятствий была оппозиция Соединенных Штатов попытке возобновления договора, всеми своими точками и всем своим существом направленного против Америки. Отсюда—этот поток японского казенного канцелярского красноречия, с торжественным из'яснением в «любви и преданности» наиболее злому из своих соперников на Тихом океане и его берегах.

Граф Учида, министр иностранных дел Японии в сейюкайском кабинете Хара, убитого в ноябре 1921 года, энергично и со всякой трибуны говорил о добрых намерениях

Японии в отношении Америки. В бюджетной комиссии своего парламента 4 февраля 1921 года Учида сказал:

«Широко глядя на вещи, мы можем с полным спокойствием заявить, что при заключении англо-японского договора было понято, что он ни в коем случае не может относиться к Соединенным Штатам. Япония, естественно, стремится закрепить узы дружбы и лояльной кооперации с Великобританией, и договор с ней рассматривается как наиболее важное условие мира и спокойствия на Дальнем Востоке. В то же самое время,—продолжал Учида,—Япония имеет твердое и непоколебимое намерение устранять всякие препятствия, мешающие традиционным добрым отношениям и взаимному пониманию с Соединенными Штатами Америки. Япония полагает, что эти отношения не содержат в себе ничего противоречивого, а, наоборот, являются существенно необходимыми в интересах обеих сторон».

Такую речь держал Учида. Одних слов и голых прокламаций для американского буржуа, заинтересованного в делах Дальнего Востока, было недостаточно. Япония знала, что интересы американской внешней торговли ныне преимущественно направлены в сторону Китая и его рынка. По этим причинам Учида в своей речи и фиксирует политику Японии в Китае в выражениях, которые не должны вызывать сомнений в «искренности и благожелательности» империалистической Японии к трудовым миллионам Китая.

«Нередко Японии бросались обвинения в том, что англо-японский договор имеет своею целью развитие агрессивных планов в отношении Китая. Если бы это было так, то предисловие договора противоречило бы его тексту, в котором говорится, что договор имеет своею целью сохранение интересов всех держав в Китае, путем обеспечения независимости Китая, неприкосновенности его территории, сохранения принципа «одинаковых возможностей» в области торговли и промышленности всех наций в Китае. Япония прекрасно понимает, что всякая попытка такой агрессивности была бы безнадежна. Всякая такая попытка угрожала

бы безопасности и благополучию самой Японии. Япония искренно желает культивировать с Китаем отношения взаимной помощи и уважения. Обширные коммерческие интересы Японии, не говоря уже о других соображениях и мотивах, неизбежно должны привести к благоразумной политике на Дальнем Востоке. Таков основной принцип англо-японского договора. Осуществление договора ни единым примером или случаем не доказало противоположного».

Лицемерие министра иностранных дел Японии в последней фразе нашло себе максимальное выражение. Вся история Китая за последние 20 лет, история крови, слез и страданий трудовых масс Китая—есть история осуществления англо-японского договора.

ОЦЕНКА ЯПОНСКОЙ ПЕЧАТИ.

Казенная точка зрения на англо-японский договор к моменту начатия переговоров по вопросу о его возобновлении была прокламирована. Японской печати разрешалось поддерживать в бесконечных вариантах только казенную точку зрения по вопросу о договоре. Никакой другой точки зрения японское правительство не допускало, беспощадно подавляя свою же буржуазную печать. Номер газеты «Кокумин» от 16 июня 1921 года был запрещен к продаже. Та же судьба постигла газету «Иомиури» от 24-го июня. Два номера английской либеральной газеты в Кобе «Джапан Кроникл», руководимой независимым литератором, знатоком Японии, Робертом Юнгом, были из'яты из обращения. От свирепости японской цензуры специально и особо в вопросе об англо-японском договоре пострадало очень большое количество других японских изданий.

Поведение японских жандармов, руководимых японским министерством внутренних дел, должно было вызвать злобный отклик печати. «Почему японское правительство проявляет такую исключительную нервность по вопросу о возобновлении или невозобновлении англо-японского договора? — запрашивает «Кокумин». — Какая же польза от подавления печати? Какой смысл в запрещении опубликовать для сведения японского народа материалы о переговорах по договору? Закрытие газет мотивируется необходимостью поддержать «мир и порядок», между тем как совершенно

очевидно, что опубликование материалов по вопросу о договоре ни в какой мере не угрожает «миру и порядку».

Что касается оценки по существу вопроса о возобновлении договора,—то наиболее исчерпывающую оценку с точки зрения японской либеральной оппозиции, той части буржуазии, которая сама хочет управлять страной, поставив милитаристов Японии в подчиненное к себе положение, на положение своих слуг и приказчиков, дала газета «Иомиури»: «Переговоры которые идут по вопросу об англо-японском договоре на имперской конференции (речь идет о конференции британских колоний в Лондоне) благоприятны в смысле возможности возобновления договора. Горячие речи премьера Ллойд Джоржа, Чемберлэна, лидера английской палаты депутатов, поддержка оказанная договору австралийским премьером Юзом и г. Массей, премьером Новой Зеландии, энергичная кампания лондонского «Таймс» в пользу возобновления договора, — все это элементы, из которых составляется политика Британской империи. Хотя поведение и мнение генерала Смутса из Южной Африки, настаивающего на тройственном союзе Британии, Америки и Японии, вместо двойственного англо-японского союза, несколько отличны от мнений других групп, тем не менее эти различия не принципиального характера».

Говоря об оппозиции возобновлению договора, «Иомиури» продолжает:

«Не надо забывать, что оппозиция в Англии и Америке вопросу о возобновлении договора основана на учете политики Японии. Можно пожалеть, что противники возобновления договора основывают все свои обвинения на прошлой политике Японии. Договор, к которому мы стремимся, по духу и форме должен находиться в соответствии с задачами мира. Народы Англии и Америки, быть может, не осведомлены относительно того факта, что те, кто поддерживает в Японии, необходимость возобновления англо-японского договора, в то же время являются противниками военной дипломатии . . .

«В связи с этим нам хотелось бы привлечь внимание правительства к факту посещения японского посланника

Делегацией английской палаты депутатов, в составе 6 членов независимых либералов и секретаря русской комиссии, поддерживаемой рабочими, заявившей протест против политики Японии в Сибири. Эта делегация указала представителю Японии в Англии, что Дальневосточная Республика является демократическим государством и что лишь пребывание японских войск является условием, нарушающим политический порядок в Сибири. Делегация далее, утверждала что переворот во Владивостоке (речь идет о перевороте 21 марта 1921 года, приведшем к временному утверждению белогвардейцев—семеновцев-каппелевцев во Владивостоке) был организован Японией, это что обстоятельство было подтверждено английской печатью, благоприятно расположенной к Японии, что всякий англо-японский договор будет лишен значения до тех пор, пока на договор не будет выражено согласия организованными рабочими массами Британии, и что рабочие Англии самым решительным образом будут противиться возобновлению договора, если Япония не уберет безоговорочно свои войска из Сибири.

«До тех пор,—говорит «Иомпури,—пока Япония не освобождена от обвинения в милитаризме, договор,—если-бы и был возобновлен,—не был бы поддержан широкими массами британской нации. Ллойд Джорж—не вечен. Делая свою иностранную политику, Япония должна принять во внимание возрастающее влияние широких масс на дела самой нации, а не тающее влияние меньшинства нации. Считая, что английское правительство только под давлением английских рабочих подписало торговое соглашение с Россией, мы чувствуем,—продолжает газета, — что предупреждение, сделанное делегацией, имеет важное значение. Единственный способ, при помощи которого можно устранить все недоразумения с Японией это заключение такого англо-японского договора, который был бы санкционирован и поддержан организованными рабочими в Британии».

Такова точка зрения либеральной печати, выражающей настроения и мнения японской буржуазии, стремящейся к полному захвату аппарата власти. Японская буржуазия—за возобновление договора, но на началах подновленных,

гарантирующих нейтралитет Англии, в случае войны Японии с Америкой.

Милитаристические круги не пожелали, однако, сдать ни одной из позиций, ими завоеванных. Тон и характер их выступлений и их печати оставался и остается боевым. «Хочи», орган маркиза Окума, одного из вдохновителей 21 требования, пред'явленных Японией Китаю, в 1915 году, в период переговоров по вопросу о возобновлении англо-японского договора в Лондоне, вел ожесточенную кампанию против Китая, переходя от суровой критики к грубым угрозам.

«Договор,—говорит орган захватчиков,—был заключен на основах политики «открытых дверей» и «одинаковых возможностей». Поэтому абсурдным является опасение, что возобновление договора может привести к расчленению Китая, и международным осложнениям».

Японские милитаристы старались запугать китайцев возможностью новых захватов территории Китая. «Лига наций,—пишет «Хочи»,—еще прочно не организовалась, европейские государства должны сосредоточить свое внимание на Китае, обладающем богатыми экономическими возможностями, если эти государства вообще будут стремиться к восстановлению своих истощенных организмов. Китай становится ареной энергичного экономического соревнования различных государств между собою. Если эти государства не встретят сопротивления своим планам и намерениям, Китай будет поставлен перед опасностью расчленения».

Попечительные японские захватчики, денно и нощно «заботящиеся» о благополучии миллионов китайских трудовых масс и территориальной неприкосновенности Китая, свои речи заканчивали указанием на то, что: «единственной целью англо-японского союза является сохранение мира на Дальнем Востоке. Китай также заинтересован в достижении этой цели».

Индия, Сибирь и англо-японский договор.

Вопрос о возобновлении англо-японского договора сделался вопросом, глубоко заинтересовавшим весь Дальний Восток. Интерес к очередному заговору империалистов был проявлен трудовыми массами всего азиатского континента.

В массах существовала уверенность, что англо-японский догоговор будет иметь в качестве основной своей задачи подавление при содействии и помощи японских штыков восстаний в Индии. Об'ективная логика вещей говорила о большой вероятности таких предположений и опасений. Революционное движение в Индии, быстро идущей по пути собственного капиталистического развития, достигло такого напряжения, что метрополия должна озаботиться своевременным принятием мер против своей «колонии». Одной из «реальных» мер является договор с Японией, готовой ради экономических компенсаций на быструю расправу в будущем с восставшими массами Индии.

Не подлежит также сомнению, что возобновление англо-японского договора означало бы упрочение Японии на азиатском материке вообще и его северной части в особенности. Японии была бы предоставлена «свободная рука» в делах Сибири. Советская Россия и Дальневосточная Республика систематически наталкивались бы на империалистическую, захватническую, кровавую политику японского милитариста, жандарма и контр-разведчика.

Трудовые массы России и всех других народов азиатского континента могли и должны были усвоить в отношении к англо-японскому договору и возможности его возобновления лишь единственную тактику—тактику борьбы против возобновления договора и беспощадного разоблачения перед пролетариями всех стран империалистических, грабительских целей и заданий самого договора, этого нового заговора против сотен миллионов трудящихся.

ЛАНСИНГ-ИШИИ'ЕВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

Другим фактором империалистической политики на Дальнем Востоке является соглашение между Америкой и Японией, известное под именем соглашения Лансинга-Ишии. Это соглашение вызвало много шума, толков и комментарий. С внешней стороны это соглашение находится в противоречии с традиционной, «либеральной» политикой Америки на азиатском континенте, политикой «открытых дверей»,

«равных прав» и «одинаковых возможностей». Соглашение говорит о «специальных правах» Японии в Китае.

Термин «специальные права» сделался собирательным фокусом дальневосточной империалистической политики. В виду резко очерченных контуров этого понятия, в виду отчетливой ясности этого термина и яркой, живой ненависти, какую он к себе вызывает, дипломаты на Дальнем Востоке предпочитают ныне не пользоваться этим термином. Не брезгуют им одни лишь Японцы. Японские милитаристы и империалисты определенны в своих действиях и не боятся слов.

Впрочем, в прошлой истории дипломатических документов, распоряжавшихся судьбами многомиллионного Китая, встречается термин «специальные интересы». Так, в текстах англо-японского договора 1902, 1905 и 1911 годов термин «специальные интересы» фигурирует выпукло и рельефно. Эти «слова» должны были найти себе столь почетное место в англо-японском договоре, ибо он служил главным орудием к распределению «сфер влияния» между заинтересованными сторонами. В франко-японском договоре 1907 года термин «специальные интересы» также нашел себе место в той части договора, где речь идет о том, что оба государства имеют «специальные интересы на сохранение мира и порядка, особенно в тех районах Китайской империи, которые являются соседними территориями, на которых оба государства осуществляют права суверенитета, протектората или оккупации».

Этот документ является наиболее ярким образчиком империализма на Дальнем Востоке. Договор не только предусматривает права других государств на уже захваченной территории, но принимает на себя задачу охраны «порядка» и в соседних территориях. Практически охрана «порядка» осуществляется путем ввода военных судов или иностранной полиции. Это—первый период захвата, период оккупации, подготовляющей пути к переходу на протекторат для того, чтобы следующим этапом явилось об'явление своего суверенитета над территорией чужого государства и над ограбленными богатствами этого государства. Новейшая

история Кореи, это—история «специальных интересов», «оккупации, протектората и суверенитета». История Тонкина, Гуо-лун'а Тибета, Маньчжурии, Хунь-чунь'я Фу-цзянь'я и других территорий азиатского континента, на которые ступила железная нога империалиста-завоевателя, является историей «специальных интересов» и ужасов военной интервенции.

Соединенные Штаты Америки включили термин «специальные интересы» в ноты, коими 2 ноября 1917 года обменялись граф Ишии, специально делегированный японским правительством в Вашингтон, с американским министром иностранных дел Лансингом. Подлинный смысл этого соглашения заключался в необходимости сговора империалистов между собою перед моментом дележа добычи империалистической войны 1914 года. Япония успела договориться с Англией, Францией и царской Россией в ряде секретных актов о компенсациях для себя за участие в войне. Японии, как известно, этими договорами были гарантированы не только «специальные интересы», но целая обширная область Китая—Шань-дун'ская провинция. Япония не имела оснований опасаться за судьбу своих будущих компенсаций до момента вступления Америки в войну на стороне союзной коалиции. Америка становилась фактором победы над другой империалистической коалицией. Японии необходимо было получить подтверждение потенциально приобретенных прав от одной из наиболее могущественных, неистощенных еще держав союзной коалиции. Это было необходимо тем более, что пыль от вашингтонского либерализма времен Вильсона засыпала глаза даже опытным «деятелям» империализма. Япония и поспешила выяснить свои отношения с Соединенными Штатами Америки. Америка, в свою очередь, вмешавшись в войну, была заинтересована в том, чтобы иметь свои руки развязанными на Атлантическом океане, не отвлекая своего внимания и сил на берега Тихого океана. Америка решала задачу в Европе, как задачу неотложной и первой важности, отсрочив решение других задач до другого, более благоприятного момента. Этими обстоятельствами об'ясняется та легкость, с которой было подписано соглашение, известное под именем Лансинг-Ишии'евского соглашения.

Вся переписка, связанная с этим соглашением, представляет исключительный интерес. Уже с первого мгновения возникли два толкования этого соглашения: японское и американское. То содержание, какое японцы вкладывали в это соглашение и в термин «специальные интересы», превосходило максимум уступок, на какие Америка могла пойти в свое время. Самое включение в договор термина «специальные интересы» находилось в резком политическом противоречии с «либеральными» воззрениями мещанско-сентиментального характера, усиленно подогреваемыми всеми «администрациями» Америки в обывательских кругах.

По поводу соглашения и термина «специльные интересы» было высказано много разноречивых и противоречивых мнений в самой Америке. Наиболее последовательным из всех мнений и действий надо признать линию поведения Вудро Вильсона, рыцаря империализма «без страха и упрека», отдавшего на версальской конференции без колебаний и сомнений китайскую провинцию Шань-дун Японии. Это и было признанием на деле «специальных интересов» Японии в Китае. Отдача Шань-дун'а Японии была логическим и естественным последствием соглашения Лансинг-Ишии, признавшего право Японии на «специальные интересы».

Это положение бесспорно, несмотря на то, что сам Лансинг много раз и в печати, и в комиссии по иностранным делам в американском сенате, пытался придать словам «специальные интересы» другое толкование, чем то, какое придавали ему японцы.

Письмо Лансинга.

Обратимся к тексту основного документа от 2 ноября 1917 года,—к письму Лансинга на имя графа Ишии:

«Имею честь сообщить вам мое понимание соглашения, достигнутого нами в недавних наших беседах по вопросам о взаимных интересах наших правительств в отношении Китайской республики. С целью положить предел ложным толкам, мы полагаем целесообразным еще раз об'явить во всеобщее сведение о желаниях и намерениях наших правительств по отношению к Китаю.

«Правительства Соединенных Штатов и Японии признают, что территориальная близость создает специальные отношения между государствами. Вследствие этого, правительство Соединенных Штатов признает, что Япония имеет специальные интересы в Китае, в особенности в той его части, к которой примыкают владения Японии. Территориальная неприкосновенность Китая тем не менее не должна быть нарушена. Правительство Соединенных Штатов питает полное доверие к многократным заверениям императорского японского правительства в том, что в то время, как географическое положение дает Японии право на специальные интересы, эти интересы не будут препятствовать торговле других государств в Китае, не будут нарушать коммерческих прав, нашедших себе выражение в договорах Китая с другими государствами.

«Правительства Соединенных Штатов и Японии отрицают наличие стремлений нарушить в каком-либо смысле независимость или территориальную неприкосновенность Китая. Оба правительства об'являют, что они всегда поддерживали принцип «открытых дверей» и «одинаковых возможностей» в интересах развития торговли и промышленности в Китае.

«Более того: оба правительства об'являют, что они противятся приобретению каким-либо правительством специальных прав и привилегий, которые могли бы задеть независимость или территориальную неприкосновенность Китая. Оба правительства заявляют, что они будут содействовать осуществлению гражданами всех государств своих торговых и коммерческих прав на основе равных для всех возможностей.

«Я был бы рад получению подтверждения от вас такого толкования соглашения, достигнутого между нами».

Текст исторического документа ни в едином месте и ни единым словом не упоминает о правах самого Китая. Америка и Япония говорят о правах на развитие торговли и промышленности в Китае, об условиях наибольшего

благоприятствования этому развитию, забывая запросить по сему поводу мнение самого Китая. Такой метод решения вопросов, затрагивающих судьбы миллионов китайского народа, без участия самого Китая, является характерным для всех империалистов. Америка не составляет исключения из общего правила. Китайское правительство не только не было запрошено по существу соглашения между Лансингом и Ишии, оно даже не было осведомлено о переговорах, ведшихся, следовательно, против Китая и за его спиной.

Японское посольство в Пекине, а не американское, вручило 4 ноября того же года меморандум китайскому правительству с уведомлением о состоявшемся соглашении между Японией и Америкой. Эта мера, учиненная баропом Хаяши, в роли японского посланника в Пекине, была предпринята в расчете добиться политического эффекта.

Томас Миллард, знаток вопросов Дальнего Востока и деятельности Японии в Китае, пишет по этому поводу: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта мера была тщательно расчитана на то, чтобы произвести на китайское правительство впечатление в том смысле, что Соединенные Штаты до известной степени признали верховенство Японии в Китае. Официальной прерогативой Японии, следовательно, должно было явиться уведомление китайского министерства иностранных дел и американского посольства в Пекине о соглашении».

Японские дипломаты не только торопились первыми сообщить китайскому правительству о состоявшемся соглашении с Америкой, но поспешили также сообщить содержание документа в своем переводе, существенно отличающемся от первоначального текста. Г. Миллард указывает, что китайские иероглифы, употребленные в японском переводе термина «специальные интересы», означают «собственность», нечто реальное, физически существующее, ощутимое. Американское толкование термина «специальные интересы» говорит лишь об общем «интересе» в Китае, а не о специальных интересах, нашедших себе выражение в данной группе прав собственности или господства экономических интересов Японии в точно очерченной области.

Протест Китая по поводу соглашения.

После всех этих манипуляций китайское правительство было вынуждено 12 ноября 1917 г. реагировать на Лансинг-Ишии'евское соглашение следующей декларацией:

«Правительства Соединенных Штатов и Японии, в интересах нераспространения ложных сведений, обменялись нотами в Вашингтоне, в которых изложили свою точку зрения о своих намерениях по отношению к Китаю. Копии этих нот были сообщены китайскому правительству японским полномочным министром в Пекине. В целях избежания всяких недоразумений, китайское правительство опубликовывает свою декларацию с тем, чтобы сделать известной точку зрения китайского правительства по этому поводу. Принцип, усвоенный китайским правительством в отношении к дружественным нациям был всегда принципом справедливости и равноправия. Основанные на договорах права, которыми пользуются дружественные нации, уважаются Китаем.

«Это относится также и к государствам, между которыми создались специальные отношения, благодаря территориальной близости, лишь поскольку эти права предусмотрены в уже существующих договорах. Китайское правительство и на будущее время считает для себя обязательным вышеуказанный принцип и заявляет, что не считает себя связанным никакими договорами, которые заключены другими государствами между собою».

На вопрос одного из сенаторов в комиссии по иностранным делам Лансинг ответил, что, по его мнению, не было никакой необходимости запрашивать мнение Китая по вопросу об обмене нотами между Америкой и Японией, имевшими своей целью лишь установление взаимного понимания в вопросах китайской политики. «Это непосредственно не затрагивало никаких прав Китая, за исключением только того, что оба государства соглашались на то, чтобы убрать свои руки прочь с Китая», закончил Лансинг свои об'яснения перед сенатом.

Все последовавшие после 2 ноября ноты и заявления Лансинга представляются сплошной попыткой замять впечатление от этого «неловкого» дипломатического шага. Уйти возможно дальше в толковании термина «специальные интересы» от логического и исторического содержания этого понятия, чтобы освободить себя от упрека и ответственности за поддержание агрессивной политики Японии в Китае. Лансинг вообще старался привлечь внимание к той части своей ноты, в которой говорится, что Япония принимает на себя обязательство не нарушать принципа «открытых дверей», равно как и обязуется не вмешиваться в дела, непосредственно относящиеся к суверенитету Китая.

Секретарское или министерское красноречие Лансинга, однако, не может устранить основного элемента ноты, а именно признания за Японией «специальных интересов» в Китае. Рядом со «специальными интересами» слова о непарушении Японией суверенитета Китая или его территориальной неприкосновенности являются бледными, вымученными словами. Суверенитет государства нарушается с того самого момента, когда признаются «специальные права» другого государства на его территории. Суверенитет Китая был в особенности грубо нарушен, так как договор о «специальных интересах» другого государства в Китае был заключен без ведома и согласия самого Китая.

Смысл спора—находится ли идея «специальных интересов» в противоречии с понятием суверенитета—заключался в расшифровании термина «специальные интересы». Лансинг определенного содержания этому термину не дал, говоря только о неизбежности специальных интересов, в виду географической близости двух государств. Какие же, для примера говоря, «специальные интересы» легально отвоеваны Англией у Франции, или Америкой у Канады, несмотря на географическую близость этих государств?

Япония, с своей стороны, никаких связывающих ее толкований термина «специальные интересы» не делала. Лансинг сам рассказывает, что граф Ишии упорно молчал, когда Лансинг старался доказать ему, что «специальные интересы» еще не означают суверенных прав на чужой

территории. Граф Ишии после длинных тирад Лансинга попросил лишь включить в соглашение слова «специальные интересы *и влияние*». Таким образом, точка зрения Японии, при всей дипломатической выдержанности японских дипломатов, была известна «демократической» Америке, подписавшей соглашение, не обусловленное каким-либо сроком или обстоятельством.

Неуспех Америки на версальской конференции, захват всей добычи Англией, внес в правительственные круги Америки чувство досады, «обиды» и разочарования. Эти «настроения» не могли не отразиться на оценке Лансинг-Ишии'евского соглашения: американский сенат усвоил на это соглашение точку зрения необязательности его для Америки.

Независимо от всех последовавших шагов, соглашение Лансинг - Ишии занимает определенное место в деятельности империализма на Дальнем Востоке, главным образом— в Китае. Отношение к этому документу со стороны широких китайских масс столь же враждебное, как и к другим документам, проникнутым тем же духом эксплоатации мировым капиталом трудовых масс и захвата чужих прав и территорий.

АГРЕССИВНОСТЬ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

В предыдущих главах речь шла о тех «завоеваниях», которые сделаны мировым империализмом в Китае в долгом историческом процессе. Все «завования» в целом могут быть охарактеризованы, как стремление мирового капитала к бесконтрольному хозяйничанию на обширном китайском рынке с подчинением себе неисчерпаемых богатств Китая, с господством над правительством, к слову говоря, не представляющим ни одного из общественных классов Китая, и с эксплоатацией миллионов трудящихся в Китае.

Для достижения этих целей мировой империализм действовал об'единенно, групповo и разрозненно. Каждый из этих способов действия находил себе оправдание с точки зрения заданий финансового капитала в каждой данной политико-экономической обстановке. Этой цели должны

были служить правовые «гарантии», в виде экстратерриториальности, консульских и смешанных судов. Этой же цели служили иностранные гарнизоны, броненосцы, захват территорий, «установление сфер влияния», действия отрядов «ту-фей»—хунхузов. В эту же сторону было направлено действие англо-японского договора, с тем лишь отличием от общих способов воздействия, что англо-японский договор должен был дать конденсированный эффект, более энергичный, более выгодный для договорившихся империалистов. Если общие способы воздействия об'единялись потребностью империализма в «экономическом внедрении», в экономическом господстве в течение длительного во времени процесса, то англо-японский договор был захватническим, аннексионистским с самого момента своего зарождения и во все периоды своего действия.

Десятилетия, протекшие со времени, когда мировой капитал установил свои взаимоотношения с Китаем, сильно видоизменили социальную ткань самого Китая. Мировому капиталу, однако, именно в виду всех происшедших и происходящих социальных изменений, хочется во что бы то ни стало удержать захваченные позиции. Мировому империализму даже мерещатся новые завоевания.

Резолюция британских коммерческих палат.

Самым характерным проявлением настроений мирового капитала в отношении Китая являются постановления с'езда «британских коммерческих палат» в 1920 году в Китае. Все соображения, которые высказываются наиболее влиятельной и наиболее заинтересованной британской группой, вызывают реальную и живую поддержку всех других империалистов. Все они могут конкурировать между собою, соперничать друг с другом, готовиться к войне и даже драться из-за неразделенной добычи, но все они единодушны в своем отношении к Китаю и в основных оценках идущих в Китае процессов. Постановления британских коммерческих палат характерны еще и тем, что они выражают позднейшие взгляды «завоевателей», после периода «оборонительной» (читай—империалистической) войны, когда ради извлечения людского материала и сырьевых богатств угнетенным народам обещали «новую» жизнь с признанием за

угнетенными народами прав на их национально-политическое самоопределение, естественно включающее и понятие суверенности этих государств. Лицемерие «победителей» удостоверяется каждым действием империалистов в Китае, каждой фразой документа от ноября 1920 года.

Резолюция «британских коммерческих палат» обнимает 16 самостоятельных вопросов, на которые реагирует империалистическая мысль. Классифицируя эти вопросы, их можно подразделить на три группы: 1) группу политических прав, 2) новые экономические завоевания и закрепление уже одержанных побед и 3) задачи образования и империалистической филантропии в Китае. Что касается до последней группы вопросов (параграфы 14 и 16 резолюции), то мы уже говорили о ней, когда указывали на затраты от излишков прибавочной стоимости, выжатой из китайских пролетариев для подготовки в Китае дешевых клерков, бухгалтеров, стенографов, комиссионеров и услужающего кадра вообще.

Значительно важнее первая и вторая группы вопросов. Во втором параграфе своей резолюции «британские коммерческие палаты» говорят о правах экстратерриториальности, испытывая дикий страх перед возможностью ее уничтожения в Китае. Этот страх был вселен во встревоженные души после упразднения экстратерриториальности в отношении русских, германцев, австрийцев и других народов, с которыми Китай подписывал договоры после войны 1914—1918 годов.

«Британские коммерческие палаты,—гласит резолюция,—с большим прискорбием глядят на поведение китайского правительства, принявшего под свой контроль территории, находившиеся до сих пор под иностранной юрисдикцией, лишив граждан государств, с которыми Китай находился в договорных отношениях, прав собственности на землю и представительства в муниципальных советах. С'езд коммерческих палат настаивает перед правительством Великобритании на полной необходимости охраны во всем об'еме прав британских граждан, живущих на территории Китая и ведущих дела с Китаем, равно как также настаивает на

необходимости оказывать сопротивление всякой попытке нарушения этих прав. С'езд далее настаивает перед своим правительством на абсолютной необходимости притти с китайским правительством к удовлетворительному разрешению вопроса о будущем управлении этими территориями на таких началах, которые защищали бы интересы британских собственников и которые вообще охраняли бы мир и порядок на других концессиях».

Покончив с вопросом о ненарушимости священных прав, приобретенных иностранцами на китайской территории, на так называемых концессиях, английский капитал требует расширения площади так называмых «территорий короны». Концессии представляются уже недостаточным средством к осуществлению целей бесконтрольного господства над рынком. Облюбованные британским капиталом территории необходимо совершенно из'ять из владения самого Китая, превратить их просто в колонии и распространить на них исключительное действие законов британской империи. Этот путь более надежен, автоматически устраняя все спорные вопросы о взаимоотношении иностранных законов с законами, требованиями и претензиями самого Китая. В одном из своих параграфов резолюция британских комерческих палат говорит о необходимости продолжить срок арендования разных территорий, прося свое правительство добиться скорейшего удовлетворительного разрешения этого вопроса.

Для большей прочности своего собственного положения и ради действительного осуществления выдвигаемых требований британские коммерческие палаты в Китае об'явили себя лишь подотделами «об'единенных коммерческих палат в самой Великобритании», превращая эти последние в главное орудие борбы за осуществление требований империализма.

Организационно перестроивши свои ряды и предоставив разрешение всех политических вопросов своим министрам и посольству, преданно обслуживающим интересы капитала, британские палаты наметили длинный список тех

экономических требований, осуществление которых жизненно необходимо для прибылей империалистов. Сюда, в первую очередь, относятся проблемы улучшения водных путей сообщения, как главных артерий, разносящих британские фабрикаты к китайскому потребителю и увозящих от китайского производителя продукт его неоплаченного труда. Британские палаты требуют, чтобы на цели улучшения речных систем китайское правительство использовало суммы от таможенных поступлений и соляной монополии, после того, как из этих самых источников будут оплачены проценты мировым банкирам по навязанным Китаю займам.

Британские капиталисты, выражающие настроения мировых империалистов, требуют принятия всех мер к правильной деятельности китайских почтовых учреждений.

Этот же с'езд требует немедленного назначения технической комиссии для изучения вопроса о судоходстве по реке Ян-цзы, с тем, чтобы уже в ближайшем будущем были сделаны конкретные предложения о том, какая работа должна быть произведена для улучшения судоходства на этой реке. Суть вопроса в том, что река Ян-цзы, величайшая водная артерия, перерезывающая Китая по срединной его части и связывающая его западную часть с восточным морским побережьем, не является судоходной на всем своем протяжении. Ян-цзы судоходна для больших, даже океанских кораблей, на протяжении от Шанхай'я—устья реки—до Хань-коу. От Хань-коу, вверех по реке, до И-чан'а река судоходна для мелкосидящих судов. Еще выше по реке, в провинциях: Сы-чуань и Юнь-нань, наиболее богатых металлическими запасами, минеральным топливом и сырьем вообще, Ян-цзы мало судоходна. В своих истоках река течет узенькой тоненькой ленточкой. В этой своей части река совершенно не судоходна. Мировые капиталисты не могли и не могут примириться с таким положением вещей. Большие богатства Китая остаются вне поля зрения и эксплоатации. Богатые рынки для сбыта фабрикатов иностранного производства остаются неиспользованными. В этих условиях становится понятным интерес британских коммерческих палат к вопросам судоходства на реке Ян-цзы и «приказ» своему дипломатическому представительству

в Китае добиться у китайского правительства незамедлительных благоприятных решений.

Еще более прямолинейны английские фабриканты, купцы и банкиры в вопросе о китайских железных дорогах. Мы уже отмечали, что ввоз товаров иностранного производства в Китай идет в сторону сокращения мануфактурных товаров. В частности и в особенности Китай развил свое собственное хлопковое хозяйство и хлопчато-бумажное производство. Единственные возможности, временно еще оставшиеся в руках иностранного капитала, это поставка тяжелых машин в Китай и материалов для богатого железнодорожного строительства. Империализм не ограничивается скромной ролью купца или импортера этих товаров. Империализм должен управлять чужими странами и народами, господствовать над ними. В вопросе о китайских железных дорогах британские коммерческие палаты требуют признания за ними права контроля над железными дорогами, «в виду неспособности главных железных дорог в Китае удовлетворительно справиться с задачей транспорта всего количества грузов, каковая неспособность об'ясняется несовершенством организации, с одной стороны, и недостатком в материалах—с другой». В виду этих причин, британские коммерческие палаты предлагают свои услуги для того, что бы «улучшить организацию, обеспечить более регулярное движение поездов и создать систему непосредственного приема, передвижения и сдачи грузов без содействия транспортных компаний». Англичане предлагают своему посольству добиться у китайского правительства отпуска средств «для дополнительного приобретения железнодорожного материала, для новых сооружений на железных дорогах, и создания вторых путей некоторых железных дорог».

Это стремление мировой буржуазии к железнодорожному строительству в Китае не стоит в противоречии с утверждением, нами сделанным в одной из первых глав настоящей книги о том, что мировой империализм не желал бы видеть Китай изрезанным густою сетью железных дорог. Мировая буржуазия против того, чтобы Китай строил

железные дороги без ея, мировой буржуазии, участия и контроля.

Резолюция коммерческих палат предусмотрела и ряд других вопросов, имеющих своею целью обслужить интересы английского купца, фабриканта и комиссионера. Эти оценки представляют для нас интерес не по тем или другим конкретным требованиям английских купцов. Интерес всех требований во всем их об'еме заключается в том, что они говорят об интенсификации империалистических тенденций на Дальнем Востоке.

Возражение, которое могло бы быть сделано по тому поводу, что эта разолюция говорит лишь об интересах «британских коммерческих палат», а не об интересах всех иностранцев, не может быть принято во внимание. Иностранцы в Китае отличаются друг от друга лишь в методах завоевания китайского рынка. В свою очередь, вопрос о методах не является вопросом тех или других особенностей национального характера, как о том не перестают твердить идеологи американского капитала, а является вопросом соотношения между производством и рынком в своей собственной стране, равно как также вопросом об общем состоянии производительных сил своей страны.

Хунь-чуньский инцидент.

Хищнические тенденции империализма всего ярче выявились в 1920 году на так называемом хунь-чунь'ском инциденте. Инцидент был задуман и инсценирован японцами для достижения своих собственных грабительских целей.

Хунь-чунь находится в непосредственной близости к Посьету, бухте на русском побережье Великого океана и к русской территории,—Никольску и его уезду. Хунь-чунь в то же время является лучшим подходом к Китайской Восточной железной дороге. Хунь-чунь, находясь на севере границы с Кореей, служил естественным местом прибежища корейских революционеров и всех корейцев, которые были не в состоянии примириться с режимом тюрьмы, палки и расстрела, созданным империалистической Японией в аннексированной Корее. Хунь-чунь является также и нетронутым полем естественных богатств Северной Маньчжурии.

Всех этих соображений было достаточно для того, чтобы Хунь-чунь стал взлелеянной мечтой японских милитаристов, застрельщиков интересов капитала своей собственной страны. План заключался в необходимости создать в Хунь-чунь'е стратегическую базу на случай вооруженной борьбы с Советской Россией, в необходимости раздавить, задушить, залить кровью корейское революционное движение и жестоко расправиться с корейскими повстанцами и партизанами, в необходимости поставить Хунь-чунь, как экономическую единицу, под свой, японский, непосредственный контроль.

Задача отчетливая. Японские милитаристы жестоки в средствах к достижению своих целей. Было организовано нападение на японское консульство, с убийством нескольких японцев, словом, было создано то, что на казенном языке называется «беспорядками», угрожающими жизни и имуществу иностранных граждан, японцев по преимуществу. Был создан повод к введению японцами своих военных полчищ и жандармов. Пришли все ужасы экспедиционного отряда, беспощадно расправлявшегося с очагами корейской революции, сжигавшего дома со всем их населением и школы с спрятавшейся детворой. Зверства и кошмары японской расправы были настолько экстраординарны, что вся иностранная, неяпонская, колония, миссионеры по преимуществу, заявили по поводу жестокостей свой резкий протест. Последствия Хунь-чунь'ского инцидента заключаются не только в достижении ближайших целей,—в разгроме корейских революционных организаций, но и в вводе своих войск и расквартирования японских жандармов, и полиции на новой территории. Практически, Хунь-чунь'ский инцидент означает новый захват на северо-востоке Маньчжурии.

Мы могли бы привести ряд других доказательств агрессивности мирового империализма в течение 1920 года. Таков приезд в Пекин агента японских банкиров, Оно, требовавшего возврата долгов по займам, известным под именем «займов Нашихары», учиненных Китаю в период пребывания ань-фуистов у власти. Требования сопровождались

угрозами и закончились получением от пекинского кабинета 1921 г. новых реальных гарантий, то-есть новых обязательств Китая и еще большего заклада его народного имущества.

Приезд гонконгского губернатора в Пекин весною 1921 года вызвал оживленные толки о переговорах «гонконгского правительства» с пекинским правительством, об уступке Англии новых территорий на юге Китая, главным образом, вдоль линии железной дороги Гоу-лун-Кантон. Империализм не успокаивался. Он искал все новых площадей для расширения своего влияния.

Империализм, однако, чем дальше, тем все больше наталкивался на упорное сопротивление внутри самого Китая. Это сопротивление—экономического происхождения. Все процессы гражданской войны в Китае, начавшиеся с первым днем революции в Китае, консолидируют, об'единяют и укрепляют капиталистическое производство в Китае. Революция была исторически необходимым процессом, который должен был вскрыть вопиющее противоречие между рвущимся вперед капиталистическим развитием Китая и сдерживающей этот процесс разлагающейся, подгнивающей властью полуфеодалов-деспотов Маньчжуров и услужающей бюрократии—мандаринов. Империализм натолкнулся на живого и сильного противника в виде быстро развивающегося капитализма в самом Китае.

Китайская буржуазия в ходе исторических событий пытается отвоевать для себя самой китайский рынок, закрепить за собою экономическое господство над своей собственной страной, вырвать власть из рук мандаринов, поддерживаемых иностранной интервенцией, и сосредоточить власть в своих руках. Поскольку буржуазия Китая стоит лицом к лицу с мировой буржуазией,—она упорна в средствах борьбы и сопротивления. Поскольку китайская буржуазия чувствует крепнущую силу китайского пролетариата, постольку ее сопротивляемость мировой буржуазии сильно ослабевает.

Для правильного учета сил в происходящих процессах более всего важно изучить об'ективный ход событий и их тенденцию, уловить то, что уже успело вырасти и создаться в экономике Китая.

Мы имеем в виду перейти в следующих главах к оценке тенденций экономического, в нынешних условиях исторического процесса капиталистического развития самого Китая. Район интенсивного капиталистического развития—все тот же Средний Китай. Нам необходимо, в виду этого, сосредоточиться, прежде всего, на анализе предпосылок экономического развития в Китае, как материальных условий этого развития.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Новый порт.

В цикле мер, способных обеспечить экономическое развитие Среднего Китая, серьезное значение имеет вопрос о сооружении порта, которым могли бы пользоваться китайские промышленники, как своим портом. Потребность в создании такого порта настоятельна именно потому,—сколь странным на первый взгляд это не покажется,—что на восточных берегах Великого океана существует большой мировой порт—Шанхай. Этот порт находится в исключительном и нераздельном владении иностранцев. В самом управлении шанхайским портом китайцам места не отведено. В самом управлении Шанхай'ем, как городом, китайской буржуазии отведено незначительное место, путем предоставления китайским собственникам права образования особого совещательного органа при муниципальном совете. Экономическое развитие самого Китая требует свободного от иностранного влияния китайского порта, в котором стороной, диктующей условия в экспорте и импорте, стороной, занимающей господствующее положение на самом рынке, являлись бы сами китайцы. Эти соображения составляют первую группу мотивов необходимости сооружения независимого нового порта.

Вторую группу мотивов составляют практические, вернее технические соображения. Шанхай обречен на медленное умирание, как мировой порт: река Ян-цзы заносит Шанхай илом, забивающим собой все подходы и подступы к Шанхай'ю. Согласно вычислениям главного инженера в комитете по очистке Ван-пу (Хуан-пу), фон-Гейденштама, весовое количество ила,

наносимого рекою Ян-цзы в реку Ван-пу (Хуан-пу), ежегодно достигает цифры в 100 миллионов тонн и способно покрыть собою площадь в 40 квадратных миль, глубиною в 10 футов. Ян-цзы в своем устье чрезвычайно широко разливается, соединяясь с рекою Ван-пу (Хуан-пу), в свою очередь, соединяющую всю систему островов и лагунов к юго-западу от Шанхай'я.

После боксерского восстания в 1900 году, вопрос об очистке Ван-пу (Хуан-пу) стал на обсуждение иностранных коммерческих кругов и был включен дипломатическим корпусом в протокол 1901 года. Параграф 17 «мирного протокола 1901 года» говорит о «правилах по улучшению течения по Ван-пу (Хуан-пу)».

К действительным работам по очистке Ван-пу (Хуан-пу) от наносимого ила было приступлено только в 1906 году. К концу 1910 года стоимость очистительных работ за истекший период исчислялась уже цифрой в 6.125,284 таэля-лана, не считая невыплаченной тогда суммы в 415,000 таэлей-лан по контрактам к тому времени уже выполненным. В 1911 году году инженер фон-Гейденштам представил в комитет по очистке Ван-пу (Хуан-пу) доклад, в котором называет новую цифру в 6 миллионов таэлей-лан, потребных для правильного урегулирования течения реки Ван-пу (Хуан-пу) от У-сун'а, места слияния Ван-пу (Хуан-пу) и Ян-цзы, до Цзян-нан'ского арсенала. Расходы по очистке Ван-пу (Хуан-пу) создали необходимость в особом налоге, исчисляемом приблизительно в ежегодной сумме в полмиллиона таэлей-лан.

Вопрос о превращении Шанхай'я в порт мирового значения может быть вообще удовлетворительно разрешен по разрешении предварительной проблемы об иле, несомом рекою Ян-цзы. Все расходы по очистке Ван-пу (Хуан-пу) не разрешили проблемы в целом, несмотря на то, что на очистку уже затрачено свыше двенадцати миллионов таэлей-лан. Есть целый ряд проектов, имеющих своей целью избавление Шанхай'я от тяготеющего над ним илового проклятия. Эти проекты толкуют о создании каналов, углублении русла реки, выпрямлении линии Ван-пу (Хуан-пу),

вместо нынешнего ее направления, засыпки ряда площадей реки с превращением засыпанных мест в ряд новых бульваров Шанхай'я. Однако, все эти проекты, помимо их большой проблематичности в смысле достижения цели, не импонируют китайской буржуазии, так как даже при удовлетворительном разрешении иловой проблемы, нерешенной остается первая часть задачи ликвидации господства в порту мирового значения иностранной буржуазии, и утверждения господства китайской.

Симпатии и сочувствие китайской буржуазии на стороне сооружения нового порта, вполне независимого от иностранного капитала, хорошо оборудованного, способного справиться со стоящей перед ним экономической задачей. Китайская буржуазия к тому же подходит к разрешению вопроса о сооружении нового порта и с точки зрения потребных на эту цель расходов. По вычислениям специалистов, «исправление» Шанхай'я, то-есть правращение его в первоклассный порт, не угрожаемый быть занесенным илом, открывающий доступ в самую бухту океанским, глубоко сидящим пароходам, потребует 100 миллионов мексиканских долларов. Затрачивая эту громадную сумму денег, китайская промышленная и банковская буржуазия все-таки будет чувствовать себя в Шанхай'е на положении гостей, с которыми «хозяева»—мировые банкиры и экспортеры—обращаются по собственному усмотрению и произволу.

Отсюда—взоры в сторону «нового порта». Рядом с Шанхай'ем вырастет китайский порт мирового значения. Между Шанхай'ем и этим новым портом завяжется ожесточенная борьба, сначала глухая, но неугомонная, а затем открытая и решительная, какая уже происходит между Гонконгом и Кантоном, между захваченным англичанами островом и китайским портом, служащим центром притока продуктов всего Южного и Юго-западного Китая.

Место «нового порта».

Лучшим пунктом для нового порта называют место к югу от Ча-пу в Хан-чжоу'ском заливе. Новый порт будет, следовательно, находиться в весьма небольшом расстоянии от Шанхай'я к югу от него. Этот порт, согласно проекта, лежащий между Ча-пу и Ка-пу, будет охватывать

расстояние в 15 миль. Весь район свободен от опасности быть занесенным илом, так как и самая гавань и все подходы к ней «чисты» от жидкой грязи.

Проектируемый порт, в случае его сооружения на вышеуказанном месте, будет находиться на самом глубоком месте Хан-чжоу'ского залива. Средняя глубина залива в этом месте от 6 до 7 фатомов при морском отливе, то-есть от 36 до 42 футов, глубина,—расчитанная на любой океанский пароход самой тяжелой посадки.

Идеологи и адвокаты китайской буржуазии называют проектируемый порт будущим Нью-Йорком. В предстоящем соревновании «нового порта» с Шанхай'ем все преимущества не на стороне последнего. Новый порт точно так же, как и Шанхай, является центром, главным торговым и притягательным пунктом для всей системы реки Ян-цзы и вообще Восточного Китая. Железнодорожная связь «нового порта» со всеми крупными городами, лежащими к югу от реки Ян-цзы, более короткая, чем связь Шанхай'я с этими же городами. Речные сообщения с этим портом также будут более короткими и удобными, если одновременно с сооружением «нового порта» произвести улучшение водных путей, соединяющих будущий порт с городом У-ху на реке Ян-цзы в провинции Ань-хуй.

Авторы проекта «нового порта», в предвидении будущих успехов большого независимого китайского порта, отводят Шанхай'ю значение внутреннего порта, а самому городу—роль большого промышленного центра. Соотношение между «новым портом» и Шанхай'ем должно быть соотношением между Манчестером и Ливерпулем, Осака и Кобе, Токио и Иокогама. Будущее порта обеспечено также и потому, что он лежит в районе, чрезвычайно густо населенном, превышающем по численности 200 миллионов человек.

Поскольку речь идет о самом проекте, его стройность, наглядная и историческая убедительность не вызывают сомнений. Споры начинаются с момента, чьими силами и средствами такой порт может быть сооружен. Порт является лишь одним из звеньев большой системы мероприятий, ведущих к экономическому раскрепощению Китая. Даже

радикально настроенные апологеты «национального», буржуазного Китая, доктор Сун Ят-сен с своми сторонниками, полагают возможным сооружение этого порта об'единенными усилиями буржуазного китайского государства и мировой буржуазии. В возможности такого тесного аллианса в вопросах экономического развития Китая можно сильно сомневаться. Мировая буржуазия менее всего склонна кооперировать с китайской буржуазией ради собственной своей ликвидации. Сооружение «нового порта» рядом с Шанхай'ем является одним из путей ликвидации влияния мировой буржуазии на китайском рынке. Скорее можно полагать, что вопрос о «новом порте» в его конкретном плане вызовет энергичное сопротивление иностранного капитала и соответственное «давление», при наличии готового аппарата давления, на китайское правительство. Тем не менее самый вопрос о сооружении «нового порта» является вопросом неизбежной необходимости, настоятельной потребностью экономического развития Китая, исторически идущего в направлении раскрепощения его от мирового империализма.

Необходимые мероприятия на реке Ян-цзы.

Сооружением «нового порта» на восточном побережьи Великого океана, на берегах Среднего Китая, не исчерпываются предпосылки экономического развития Китая. Главная артерия промышленного развития Китая—это река Ян-цзы. Она соединяет западный и восточный пункты Среднего Китая, прорезывая богатейший, наиболее плодородный и наиболее промышленно развитой район Китая. В виду исключительного значения реки Ян-цзы для экономической жизни Китая, китайская буржуазия и ее идеологи уделяют вопросу о правильном урегулировании течения Ян-цзы и вопросу о лучшем использовании реки исключительно большое внимание.

Устье реки Ян-цзы.

В интересах китайской промышленности и торговли, река Ян-цзы в своем устье должна быть освобождена от большого количества ила, крайне затрудняющего судоходство. Устье реки Ян-цзы на всем обширном своем протяжении характерно своим густым желтым, вернее, глиняным цветом. Самое накопление ила в устье об'ясняется ослаблением

течения реки, которая сильно разливается при своем слиянии с морем. Средством борьбы против накопления ила является поддержание той самой скорости течения, которою обладает река в своих истоках. Очевидно, достигнуть этого можно лишь при сокращении устья, при сильном его сужении, в свою очередь, возможном при сооружении соответственных стен. Ил, приносимый рекой, при суженном русле, быстро уносился бы в море и, прежде чем этот ил успел бы осесть на морское дно, он морским приливом приносился бы опять к суженным частям реки, чтобы быстрым течением реки вновь его унести в море, которое вновь проделало бы тот же процесс возвращения ила снова и опять. В таком непрерывном процессе устье реки оставалось бы чистым. Цель была бы достигнута. Река, будучи вообще глубокой в этой своей части, представлялась бы в «очищенном» и профильтрованном виде вполне удобной для плавания судов любой посадки.

Представляется ли возможным осуществление плана суженія устья реки?

Река Ян-цзы разливается в устье тремя рукавами, а именно: северный рукав проходит между левым берегом и островом Чун-мин, средний рукав проходит между островом Чун-мин и отмелью, известной под именем Дун-ша и, наконец, третий, южный рукав протекает между отмелями Дун-ша и правым берегом реки. Инженер фон-Гейденштам полагал необходимым или упразднить, засыпать, застроить стеною северный и средний каналы, оставив только южный рукав в качестве единственного устья реки, или, наоборот, засыпав южный рукав, сохранить северный и средний рукава. Имеются и другие проекты, настаивающие на необходимости закрыть средний и южный каналы, оставив только северный. Преимущество последнего плана, по мнению его авторов, заключается в том, что северный рукав является кратчайшим по расстоянию в море.

Урегулирование течения реки Ян-цзы, кроме задачи по созданию глубокого, очищеного подхода к морю, имеет еще задачу собирания ила, откладывания его в определенных местах для образования новых территорий. Остров Чун-мин,

отмели Дун-ша и территория, известная под именем «Хаймынь» все они—илового, намывного происхождения. Образование новых территорий и соответственное использование их, может, по мнению инженеров, окупить все расходы, необходимые для осуществления задачи сужения устья реки. Новый канал, стесненный с двух сторон стенами, будет глубиною в 40—50 футов с быстрым течением, в виду слияния трех каналов в один.

Течение реки подлежит улучшению на большом своем пространстве в интересах превращения Ян-цзы в могущественное орудие развития китайской индустрии.

Первый сектор реки идет от устья вверх к истокам от города Цзян-инь, в провинции Цзян-су, до У-ху, в провинции Ань-хуй. Русло этой части реки более или менее постоянное. Однако, и в этой части реки предстоит много практической работы по выправлению изгибов реки, по засыпке боковых каналов, по упразднению островков, лежащих в фарватере реки, по приведению реки в этой ее части, по возможности, к единообразной ширине. В этой части реки лежат города большого значения. Здесь и Чжэнь-цзян, и Нан-кин, и Тай-цин, и У-ху. Кроме этого, Нан-кин связан с Шанхайем не только железной дорогой в несколько часов расстояния, но и «Великим Каналом». Вдоль железной дороги и канала также лежат города важного промышленного значения, например, У-си,—город с сильно развитой мукомольной промышленностью, Су-чжоу,—центр шелковой промышленности Среднего Китая, Чан-чжоу, Дань-янь, Чжэнь-цзян, Пу-коу, лежащий на левом берегу Ян-цзы, город, связывающий Средний Китай с Северным при помощи Пекин-Пу-коу'ской железной дороги. Вся длина этой секции реки равна 180 милям. Часть реки от Нан-кин'а до У-ху представляется почти прямой линией с тремя изгибами по течению.

Следующим сектором является район реки от У-ху до Дун-лю. Оба эти города находятся в одной и той же провинции Ань-хуй. На линии реки в этой ее части находится и столица провинции Ань-хуй, город Ань-цинь. Все расстояние этого сектора—около 130 миль. В этой части река

делает довольно большое количество изгибов, дающих новые рукава и новые острова.

От Дун-лю до У-сюэ.

Третьим сектором является район от Дун-лю, в провинции Ань-хуй, до города У-сюэ, в провинции Цзян-си. Длина этого сектора всего 80 миль. Правый берег очень низкий. Река в этом районе дает 4 излучины. В местах излучин берега непрочны, непостоянны. Образовываются островки. Исследования специалистов говорят о необходимости сблокирования излучины или, по крайней мере, сужения изгибов, путем устройства дамб или плотин. Технические задачи по исправлению русла и общему улучшению течения в этой части реки те же, как и в других ее частях.

От У-сюе до Хань-коу.

Наиболее важный участок реки Ян-цзы—от У-сюэ до Хань-коу. Эта часть реки длиною в 100 миль. Оба берега во многих местах гористы. Река здесь в полмили шириною с глубиной от 30—40 футов и даже больше. В этой части реки, по мнению апологетов и специалистов китайской буржуазии, заинтересованной в устранении препятствий к развитию своей промышленности, также необходимы улучшения и исправления с тем, чтобы обеспечить достаточную глубину пристани самого города Хань-коу и устья реки Хань, впадающей в реку Ян-цзы на берегах двух городов—Хань-коу и Хань-ян.

Указанные мероприятия, охватывающие расстояние в 630 миль от Хань-коу до устья реки Ян-цзы, требуют огромного капитала. Сами специалисты исчисляют потребную сумму в несколько сот миллионов долларов. Учитывая, что одними этими мерами не устраняются все препятствия, мешающие свободному и быстрому развитию товарного хозяйства в Китае, учитывая далее, что сама китайская буржуазия не настолько еще «богата», далее, что период «первоначального накопления» в условиях развития капитализма в Китае не выделил таких излишков «прибыли», которые позволили бы китайской буржуазии осуществить эти мероприятия собственными силами, можно полагать, что процессы экономического развития Китая и все грандиозные по плану сооружения и мероприятия потребуют других форм власти и новых

отношений между классами внутри самого китайского «общества».

Характеристика «положения» на реке Ян-цзы была бы неполной, если бы она была бы закончена городом Хань-коу. Правда, до самого Хань-коу возможно плавание океанских пароходов. Но от Хань-коу до своих истоков река Ян-цзы тянется на расстояние, значительно превышающее тысячу миль. Верхняя часть реки судоходна для мелкосидящих пароходов до Цяо-цзя-тин'а, находящегося в расстоянии 1100 миль от Хань-коу. Река могла бы быть судоходной и до города Чэн-ду, столицы провинции Сычуань, центра богатейшей равнины Западного Китая, при условии осуществления ряда технических мероприятий. Особым улучшениям должен подвергнуться также участок реки от Хань-коу до города Ио-чжоу, центра военных событий в долине реки Ян-цзы в конце лета 1921 года, лежащего на границе провинций Ху-бэй и Ху-нань. Когда речь идет об улучшениях на реке,—имеется в виду урегулирование течения реки, исправление и укрепление ее берегов, выпрямление линии реки, исправление и сооружение пристаней и другия мероприятия.

Порт Чжэнь-цзян.

Следующим циклом в серии предпосылок экономического развития Китая является улучшение существующих портов и сооружение новых вдоль реки Ян-цзы. Долина реки является чрезвычайно богатой продуктами земледелия, минеральными и металлическими запасами. Весь район, прилегающий к реке, густо заселен. Берега реки при правильной системе портов могли бы быть заселены еще более густо. Порты должны также служить центрами притока и распределения продуктов для определенных районов.

Подымаясь от Шанхай'я вверх по реке, мы подходим к первому порту Чжэнь-цзян. Этот город, находящийся в 112 милях от Шанхай'я, расположен на пересечении реки Ян-цзы, соединяющей Западный Китай с Восточным, с Великим Каналом, соединяющим Северный Китай со Средним. Чжэнь-цзян—одна из важных станций на железной дороге Нанкин—Шанхай. Несмотря на такое выигрышное положение,

город Чжэнь-цзян является сейчас излюбленным местом только для охотников, устраивающих «экскурсии» на фазанов. В прошлом, во времена, предшествовавшие применению пара, этот город играл роль во внутренней торговле между севе роми югом Китая. Город испытал все прелести иностранной интервенции. В 1842 году английский флот вошел в гавань и «заставил замолчать», говоря языком военных реляций, китайские форты.

В нынешнем своем виде город Чжэнь-цзян никакого значения не имеет, если не считать его связи с городом Ян-чжоу, лежащем в 14 милях от него по каналу. Чжэнь-цзян продает глиняную посуду, изготовляемую в Ян-чжоу. Город Чжэнь цзян мог бы играть большую роль в экономическом развитии Китая. Для этих целей он должен быть расширен, заново застроен. Должны быть сооружены доки, которые обслуживали бы пароходы внутреннего и внешнего плавания. Чжэнь-цзян мог бы сделаться важным распределительным и собирательным центром всей соляной промышленности восточного побережья, важной отрасли китайского хозяйства. Апологеты буржуазии с увлечением говорят о будущих гранитных набережных и пристанях по обеим сторонам реки у города Чжэнь-цзян, о туннелях и мостах, с целью обеспечить сообщение между обоими берегами реки.

Нанкин и Пу-коу.

Следующие города вдоль реки Ян-цзы—это Нанкин на правом берегу реки и Пу-коу на левом берегу. Нанкин—большой город, с огромным населением, превышающим 400 тысяч граждан. Нанкин, нынешняя столица провинции Цзян-су, в прошлом, до перенесения столицы в Пекин—столица всего Китая. В политической истории Китая Нанкин всегда играл крупнейшую роль. Еще во времена китайских феодалов, на протяжении длинного ряда веков, Нанкин был центром политической жизни. В революции 1911 года, а до этого во времена Тайпин'ского восстания Нанкин играл выдающуюся роль, оставаясь в руках революционеров, все время отбивая аттаки императорских войск. В Нанкине императорская маньчжурская власть признала себя побежденной. Нанкин весьма удобно расположен. Река в этом месте глубока, представляя наибольшие удобства

для океанских пароходов. Нанкин, несмотря на то, что его значение, как промышленного центра, переместилось на юг в сторону Су-чжоу, все еще продолжает оставаться пунктом сильно развитой шелковой промышленности.

Сумма менового оборота Нанкина, зарегистрированного только одними таможнями в 1920 году, равна 53.323,696 таэлям-лан, дав сильное увеличение в сравнении с предыдущими годами. И река, и оба города, Нанкин и Пу-коу, нуждаются в ряде усовершенствований, чтобы служить рычагом экономического развития Китая. С другой стороны, развитие Нанкина стоит в прямой зависимости от экономического развития Среднего Китая в целом. Тенденция развития идет именно в этом направлени. Нанкин—начальный пункт весьма важной железнодорожной линии Нанкин—Шанхай. Нанкин служит продолжением пути от Пекина до Шанхай'я через Пу-коу, на левом берегу реки Ян-цзы. Пу-коу при правильном использовании мог бы превратиться в центр притока угля и железа, добываемых в провинции Шань-си и Хэ-нань, служа средством связи этих богатейших районов с океаном. Необходимость соединения Пу-коу и Нанкина элементарно очевидна, в целях повышения производительности всего прилегающего района.

У-ху. Город У-ху в расстоянии 50 миль от Нанкина, с населением приблизительном в 200 тысяч человек. У-ху—центр рисовой торговли всего района нижнего течения Ян-цзы. В целях закрепления за У-ху этой его роли, существует предположение соединить его каналом с рекой Ван-пу (Хуан-пу), на которой стоит Шанхай, и удлинить канал до порта Ча-пу в Хан-чжоу'ском заливе. Город У-ху, связываясь, таким образом, со всей юго-восточной частью рисового Среднего Китая, сильно повысил бы свое экономическое значение. У-ху приобретает также большое значение и как пункт обработки и сплава леса. Вообще торговое значение этого города сильно растет. В 1919 году общая сумма менового оборота города У-ху составляла 66 миллионов таэлей. Главными предметами вывоза были: рис—534 тысячи тонн, железная руда—138 тысяч тонн и 80 миллионов яиц. В 1920 году меной оборот города У-ху сократился на 8

миллионов 176 тысяч 509 таэлей-лан. Сокращение менового оборота вызвано, согласно таможенным отчетам, уменьшением вывоза риса в южные порты, Сватоу и Кантон, которые получали рис по более дешевым ценам из Индо-Китая и Сиама.

Общее количество тонн товаров, ввезенных в У-ху и вывезенных из У-ху в 1920 году равно 8,32 миллионам, на несколько десятков тонн меньше, чем в 1919 году. Сокращение вызвано меньшим количеством океанских пароходов, заходивших в 1920 году в порт У-ху. Однако, тоннаж пароходов внутреннего плавания сильно возрос.

Лучшим признаком торгового значения У-ху является то обстоятельство, что в городе организовалась коммерческая палата из китайских купцов и промышленников. Исследователи экономической жизни Китая предсказывают этому городу большую будущность в индустриально-развитом Китае, при условии, впрочем, что добыча угля и железа в этом районе будут соответственно организованы с тем, чтобы поднять развитие крупнейших отраслей промышленности этого района.

Ань-цин.

В 355 милях от Шанхай'я и в 150 милях от Нанкина, на реке Ян-цзы находится город Ань-цин, столица провинции Ань-хуй. Этот город почти до основания был разрушен во времена Тайпин'ского восстания. С того времени город Ань-цин уже не восстанавливал своего былого значения. Население города—100 тысяч. Соседний к Ань-цин'у район очень богат минералами. Вся окружающая площадь весьма плодородна. Кроме этого, провинция Ань-хуй граничит на большом протяжении с провинцией Хэ-нань, богатой чайными плантациями. При правильном использовании Ань-цин'а как порта, при одновременном улучшении самого порта и развитии железнодорожной сети Ань-цин мог бы играть роль распределительного пункта для всего прилегающего к нему района.

Новый порт на Ян-цзы.

Существует предположение соорудить новый порт, который должен быть расположен между большим озером По-ян в провинции Цзян-си и рекою Ян-цзы. Все города

провинции Цзян-си соединены между собою водными путями, в свою очередь, связанными с озером По-ян. Порт, удобно расположенный к озеру и к реке, свяжет провинцию со всею обширною долиною реки и с океаном. Провинция Цзян-си—одна из наиболее богатых по минералам. Ее население превышает 30 миллионов человек. Экономические условия уже в настоящем требуют сооружения порта, который играл бы роль коммерческого и промышленного центра. Эта задача становится особенно необходимой в целях пульсирования развития зародившейся промышленности в этом районе.

Согласно идее авторов проэкта, новый город-порт должен быть сооружен на треугольнике, образуемом правым берегом реки Ян-цзы, левым берегом озера По-ян и подошвою горы Лу-шань. Этот новый порт должен сделаться центром фарфоровой промышленности, которой энергично занята вся провинция.

Цзю-цзян. Недалеко от места предполагаемого порта находится город Цзю-цзян—«город девяти рек»—в расстоянии 458 миль от Шанхай'я и в 142 милях от Хань-коу. Цзю-цзян был центром религиозной мысли в Китае.

Буддизм, ввезенный в Китай из Индии, основал свою, главную квартиру в Цзю-цзян'е. Вокруг Цзю-цзян'а шла напряженная борьба императорских войск с восставшими тайпинцами в 1853 году.

Город Цзю-цзян играет крупную роль в фарфоровой индустрии и торговле серебром. Общая сумма торговли этого города за 1920 год дает цифру в 48.416,293 таэлей-лан, показывая увеличение над торговым балансом за 1919 год в несколько миллионов таэлей-лан.

В отношении этого города можно повторить те же замечания, какие делались в отношении других городов, расположенных на долине реки Ян-цзы. Город большого экономического будущего при наличии ряда благоприятных условий общеполитического характера, правильных производственных отношений и технических усовершенствований.

Река в этом месте непостоянна в своем течении и фарватере. Инспектор реки Ян-цзы г. Гаррель в своем

отчете за 1920 год пишет: «Река в этом районе была на высоком уровне до 20 октября, когда водомер показывал глубину в 39 футов 5 дюймов, самый высокий уровень воды в это время года, начиная с 1917 года. С этого времени вода стала сильно падать... К концу года водомер уже показывал 13 футов 1 дюйм». Низкий уровень воды содействует откладыванию ила и затрудняет очистку дна. Это обстоятельство, в свою очередь, затрудняет плавание судов глубокой посадки, сокращая сумму торгового оборота данного города и прилегающего к нему района.

Хань-коу, Хань-ян, У-чан.

На соединении реки Ян-цзы и реки Хань лежат 3 города, каждый из которых имеет свое особое и большое значение. Эти города суть Хань-коу, Хань-ян и У-чан. Весьма нередко эти три города называются «У-хань городами». Этот пункт—на реке Ян-цзы представляется самым существенным местом всего Китая. Он—в самой середине страны. От этого пункта видно во все концы Китая. Этот район перерезывается железными дорогами: на север идет Пекин-Хань-коу'ская железная дорога, на юг—Хань-коу-Кантонская железная дорога. Эта дорога начата была сооружением одновременно с 2 концов: со стороны Хань-коу и со стороны Кантона. Дорога незакончена. Большая доля вины в этом обстоятельстве лежит на империалистических группах, которые своими интригами и своей «политикой» наживы приостановили дальнейшее сооружение дороги, фактически не разрешая китайцам закончить постройку этой дороги своими собственными силами и средствами.

Район этих трех городов должен, в виду выгодного своего положения, сделаться «метрополией» в отношении других частей Китая. Все богатства долины реки Ян-цзы, все продукты труда этого обширного района должны стекаться сюда, чтобы отсюда распределяться по разным местам и направлениям. Долина реки Ян-цзы должна будет превратиться—и на деле уже превращается—в центр промышленного развития Востока. Население этих трех городов превышает один миллион человек.

По торговому значению Хань-коу занимает первое место из всех трех городов. Хань-коу во многом напоминает

Шанхай, с тем отличием, что Шанхай'ем овладел иностранный капитал с давних времен для того, чтобы иметь свободную связь через океаны со всем миром, а в Хань-коу—мировой капитал пытался овладеть самим китайским рынком. Бриганская концессия в Хань-коу была выделена в 1861 году, в том самом году, когда Хань-коу был об'явлен «договорным портом». В тот же приблизительно период были захвачены участки для русской и французской концессии. Японская и германская концессии были «освящены» в 1895 году.

Англичане, кроме концессий, обеспечили за собою «специальные права» в долине реки Ян-цзы, концентрируя свое «коммерческое» внимание и влияние на этом районе. Япония, захватив наиболее богатую металлургическую промышленность в долине Ян-цзы, в свою очередь, в 1915 году заявила претензии на «исключительные права» в долине реки. Коммерческие и *военные* суда иностранных государств свободно плавают по Ян-цзы.

Самой любопытной чертой экономического положения на Ян-цзы является, однако, то обстоятельство, что мобилизация китайского капитала идет именно в этом районе, и что китайская промышленность с значительно меньшими усилиями захватывает китайский рынок для себя в этом районе, чем в районе Шанхай'я, насиженном месте мирового капитала. Торговый оборот за один только год,—за 1920-ый год,—достигает цифр в 169.951,530 таэлей-лан. Хань-коу застраивается китайскими фабриками и заводами и обслуживающими их банками и конторами.

В 1920 году в Хань-коу открылась новая большая ткацко-прядильная фабрика. (Hankow Dee Jee Cotton Spinning and Weaving Co., Limited). Заканчиваются сооружением 2 других ткацких фабрики. В том же году открылась большая табачная фабрика—Nanyang Brothers Tobacco Co. Металлургические заводы Ян-цзы закончили сооружением несколько новых цехов и заложили фундамент для новых сооружений. Открыты новые копи в Сян-бин-шань, которые, по количеству добычи должны будут превзойти копи железной руды, известные под именем Да-е. Новые спичечные

китайские фабрики вытесняют с рынка японские спички. В том же 1920 году открыты в Хань-коу новые китайские банки, имеющие своею целью не только размен и спекуляцию на курсах различной валюты, но и субсидирование китайской промышленности. Эти банки суть: Земледельческий и промышленный банк провинции Ху-бэй. (The Provincial Agricultural and Industrial Bank of Hupeh.) У-хань'ский земледельческий и промышленный банк (The Wuhan Agricultural and Industrial Bank), Коммерческий банк (Huang Pi Bank of Commerce).

Вне регистрации остаются явления меньшего экономического значения, важные, впрочем, для оценки общих итогов быстрой индустриализации Китая.

Мировой империализм изо всех сил старается не отставать от китайского капитала. В том же Хань-коу в 1920 году открылось отделение французского банка и расширены отделения английского банка. Hongkong and Shanghai Banking Corporation и американского The International Banking Corporation. Не говоря уже о судах речного и морского плавания, в течение 1920 года в Хань-коу пришло 294 океанских парохода, из которых 161 пароход направились обратно в Японию. Из указанного числа японских пароходов—41 пароход был нагружен железной рудой, 27—грузом общей номенклатуры и 93 парохода—железною рудою из Ши-вей-яо.

Центральные и юго-западные провинции Китая, Ху-бэй, Ху-нань, Сы-чуань и Гуй-чжоу и значительная часть северо-западных провинций—Хэ-нань, Шень-си и Гань-су—экономически «ориентируются» на Хань-коу. Хань-коу—единственный порт, в который стекаются все их товары, подлежащие обмену на продукты другого производства.

Город Хань-ян обладает наиболее значительными в Китае железнодорожными сталелитейными заводами. Целый ряд сооружений на этих заводах новейшего происхождения и современной техники. Заводы выполняют из своей руды самые сложные задачи по сооружению стальных мостов для железных дорог, вагонов всякого типа, по сооружению деревянных и стальных пароходов легкой нагрузки, равно

Так также любые сооружения. Заводы в Хань-ян'е справляются с заданиями общеинженерного характера. Весь завод, со всеми его сооружениями законтрактован японским правительством, которому завод поставляет выработанную руду и другие материалы на заводы Вакаматсу.

У-чан—город больше исторического значения, чем коммерческого или промышленного. В период революции 1911 года в Китае У-чан'у пришлось играть крупную роль, хотя даже и тогда значительно большая роль выпала на долю Хань-коу. Значение этого города, равно как также значение Хань-коу и Хань-яна, может сильно возрасти при условии создания технических усовершенствований и наличия таких социально-политических отношений, которые развязали бы экономическое развитие Китая вообще, и его индустриализацию в особенности.

Улучшение водных путей.

В группу вопросов, составляющих общий цикл предпосылок экономического развития Китая, войдет также вопрос об улучшении водных путей—путем исправления уже существующих каналов. При всей огромной протяженности территории Китая, железнодорожная сеть Китая более чем незначительна. Железные дороги Китая строились для соединения торговых портов, открытых для иностранцев, для связи так называемых «договорных портов» между собою. Железные дороги в своем огромном большинстве—дороги прибрежной полосы. Другим стимулом строительства железных дорог являлась потребность мирового империализма найти применение «накопленному» капиталу под «добрую» гарантию. Наилучшей страной для такой «гарантии» являлся Китай. Собственные экономические отношения в Китае и навязанные ему договоры с иностранцами предоставляли мировому капиталу огромный простор. Железные дороги, сооружавшиеся вдали от прибрежной полосы, находились,—частью и сейчас находятся—под протекторатом иностранцев. Капиталисты сами и непосредственно оберегали свои капиталы, вложенные на сооружение и эксплоатацию железных дорог в Китае. Железные дороги служат и сейчас приманкой для мирового империализма. Новый консорциум банкиров всех капиталистических стран поставил железные

дороги во главе угла своей «конструктивной» схемы, при условии своего полного и исключительного контроля. Отсюда проект так называемой интернационализации китайских железных дорог.

Чрезвычайная, чрезмерная любовь иностранцев к железным дорогам в Китае вызывает в Китае своеобразный «страх» перед новыми железными дорогами. Этот страх лишен намека на суеверность. Китайское население весьма охотно пользуется уже существующими железными дорогами, составляя господствующий элемент вагонного «населения». Это—«страх» перед иностранным или заморским «дьяволом», иностранным капиталом, страх перед тем, что мировой капиталист прорежет из конца в конец всю страну железными путями, и установит везде те же отношения господства и эксплоатации, какие им установлены в «договорных портах». Китай компенсирован обширной сетью водных сообщений и системою каналов. Водные пути и каналы в своем большинстве сходятся к реке Ян-цзы—главнейшей водной артерии Китая.

Великий Канал.

Великий Канал соединяется с рекою Ян-цзы в пункте неподалеку от Чжэнь-цзян'а и идет на север до Тянь-цзинь'я, на расстоянии в 600 миль от Ян-цзы. В настоящее время уже производятся большие работы по улучшению Великого Канала с тем, чтобы сделать его доступным для плавания больших судов.

Река Хуай-хэ.

Река Хуай-хэ берет свое начало в северо-западной части провинции Хэ-нань и течет на юго-восток и восток к северным частям провинций Ань-хуй и Цзян-су. Хуай-хэ течет в озеро Хун-цзэ. В сезон дождей река широко разливается, затопляя обширные пространства. Существуют проекты изменить русло реки, а главный инженер американского общества Красного Креста, г. Джемсон, предложил два проекта: направить реку по старому руслу Желтой реки к морю или гнать реку Хуай-хэ через озера Бао-ин и Гао-и в реку Ян-цзы. Второе предложение вызывает к себе большее сочувствие апологетов китайского капитала.

Система Цзян-нань.

Провинция Цзян-су густо изрезана водными путями. В этом районе существует водная система, известная под именем Цзян-нань. Она охватывает южную часть Великого Канала, реку Ван-пу (Хуан-пу), озеро Тай-ху и все примыкающие водные соединения. Существует предположение связать эту богатейшую водную систему с системою реки Ян-цзы. В этих целях предполагается расширить водный бассейн У-ху—И-син, находящийся между Ян-цзы (город У-ху) и озером Тай-ху (И-син). Далее прорезывается канал, который подходит к городу Ка-шин (Цзя-син), в провинции Чжэ-цзян. От Ка-шин'а канал идет к Ча-пу, к месту предполагаемого порта, о котором уже выше шла речь.

Система По-ян.

В провинции Цзян-си, при почти полном отсутствии железных дорог, существует очень богатый водный бассейн, охватывающий собою все углы провинции. В северной части провинции, у Ян-цзы, лежит большое многоводное озеро По-ян. Усовершенствование водных путей провинции мыслится в виде создания при помощи каналов связи всех рек между собою, которые все вливаются в конечном результате в реку Ян-цзы.

Река Хань и озеро Дун-тин.

В проектах, посвященных улучшению водных путей, много внимания уделяется реке Хань, которая в своем современном виде пригодна лишь для плавания маленьких судов, захватывая, однако, на своем пути большие и богатые районы провинции Шэнь-си и Хэ-нань, к водному бассейну провинции Ху-нань с большим озером Дун-тин.

В этой части приходится повторить уже сказанное нами о том, что технические усовершенствования, весьма необходимые для быстрой и успешной индустриализации Китая, могут итти только в параллельном процессе с раскрепощением Китая. Индустриализация Китая—единственный путь к освобождению Китая от ига мирового капитала и политического угнетения миллионов трудящихся. Одновременно с индустриализацией Китая, как необходимое условие этого процесса, растет рабочий класс. Процессы индустриализации идут, таким образом, в условиях международных и классовых противоречий внутри самого китайского «общества».

Железные дороги.

Наибольшее значение во всей системе предпосылок экономического развития Китая имеет вопрос о железных дорогах. История этого вопроса—это история империализма в Китае вообще, история завоевания Китая, захвата его территории и дележа «добычи», установление сфер влияния, получения концессий, введения иностранного контроля, надзора и опеки над миллионами трудящихся. Железные дороги в Китае должны были служить, прежде всего, интересам мирового капитала. Эта «тенденция» империалистов была сразу же разоблачена, вскрыта до наготы и должна была вызвать к себе чувства злейшей вражды со стороны широких масс Китая. Проникновение империалистов внутрь и вглубь Китая вместе с железными дорогами, опутывавшими их интригами и займами, порождало реакцию и создало в Китае большие общественные движения, направленные против гнета мирового капитала. Так называемое «боксерское восстание» 1900 года, восстание угнетенного и ограбленного народа против угнетателей, в числе других причин, имело своею причиною и то лихорадочное горячечное железнодорожное строительство, какое мировыми империалистами было начато в Китае со времени поражения Китая в войне с Японией в 1894—1895 годах. «Как последствие этой войны,—говорит г. Woodhead, редактор китайского ежегодника «China's Year Book» за 1921—1922 год:—европейские державы были деятельно заняты интригами ради получения привилегий по постройке железных дорог в Китае, исходя из соображения, что район, занимаемый железною дорогою, со временем подпадет под протекторат державы, построившей дорогу. Эта компания интриг известна под именем «войны за концессии».

История железных дорог в Китае раскрывает в интересных подробностях домогательства мирового империализма на Дальнем Востоке. Первая попытка сооружения железной дороги в Китае относится к 1863 году, когда группа английских и американских купцов, в годы тайпин'ского восстания обратилась к губернатору провинции Цзянсу, весьма известному Ли Хун-чжан'у, с предложением дать им концессию на сооружение железной дороги от

Шанхай'я до Су-чжоу. Ли Хун-чжан, могущественный императорский чиновник, призывавший иностранную интервенцию, чужеземные штыки и пушки для расправы с революционным движением в своей собственной стране, прекрасно понимал истинные намерения и цели интервентов. Ли Хун-чжан старался не допускать расширения влияния иностранного капитала, неизбежно ведшего к утверждению прав экстратерриториальности.

Ответ Ли концессионерам представляет исключительный интерес: «Железные дороги,—гласит этот ответ,—будут лишь тогда полезны Китаю, когда их сооружение и управление будет в руках самих китайцев. В виду этого, существуют серьезные препятствия к возможности приглашения на службу большого числа иностранцев во внутреннем Китае».

Ли Хун-чжан мотивировал свой отказ на выдачу концессии также и тем, что китайский народ окажет сильное сопротивление попытке лишить его земли, подлежащей экспроприации при сооружении железных дорог. Первая попытка иностранных купцов оказалась безуспешной.

Вторая попытка была сделана в 1868 году. Она также оказалась безуспешной. Ответ, полученный группою иностранцев в 1868 году, гласил: «Единственная инструкция, которую Китай дает своим посланникам,—это не дать возможности Западу навязать нам сооружение железных дорог и телеграфа. Эти сооружения представляют интерес для Китая лишь постольку, поскольку они связаны с нашей инициативой».

В 1874 году группа шанхайских купцов, испросив разрешение на прокладку дороги для конного трамвая от Шанхай'я до У-сун'а, вместо конной тяги проложила железную дорогу. Чувство протеста Китая было настолько велико, что Китай настоял на выкупе всего предприятия. В 1877 году деньги были уплачены компании иностранных капиталистов, полотно железной дороги было разрушено, рельсы сняты и отправлены в Формозу.

Разрешение китайского правительства впервые было дано в 1881 году на сооружение небольшой железной дороги в районе Кайшин'ских угольных копей. Сооружение

дороги от Шань-хай-гуан'а до Пекина было закончено в 1896 году.

Империализм и железные дороги в Китае

К этому же периоду относится то оживление железнодорожного строительства в Китае, которое органически было связано с империалистами, их планами и заданиями. Пример был положен царской Россией. Преследуя отчетливые империалистические цели в Корее, царская Россия решила «отхватить» у Китая Маньчжурию, как путь к Корее и как богатейший район для колонизации и эксплоатации. В 1896 году был подписан контракт на сооружение Китайской Восточной железной дороги, отдавшей под исключительный и непререкаемый контроль царского правительства и его чиновников всю территорию от ст. Маньчжурия до Порт-Артура и от Харбина до ст. Пограничной. Основное сооружение охватывает расстояние в 1596 миль.

Хотя Китаю по контракту, оформленному через фиктивного собственника, (Русско-Китайского Банка, переименовавшегося впоследствии в Русско-Азиатский Банк), было предоставлено право выкупа всей дороги через 36 лет, однако, условия выкупа делали невозможным самый выкуп. Царская Россия, взяв дорогу и обширный район под свою опеку сроком на 80 лет, имела в виду к концу периода настолько закрепить этот район за собою, настолько его руссифицировать, что самая мысль о возврате ограбленной территории Китаю должна была бы показаться чудовищной. Потребовалась Великая Российская Революция, снесшая до основания прогнившее здание царизма, чтобы русские трудовые классы, по собственной своей инициативе, поставили перед Китаем вопрос о радикальном изменении отношений, созданных царскими чиновниками на чужой территории.

Попытка навязанного царизмом железнодорожного строительства с захватом территории открыла собою новую эру в эксплоатации Китая—эру «завоевания железных дорог», эру, известную под именем «дипломатии доллара», разменной денежной единицы в Китае. В Китае был создан ряд «синдикатов» иностранных капиталистов, претендовавших на право сооружения железных дорог в Китае. Самое сооружение дорог в облюбованной местности должно было вести—и на

практике вело—к созданию «сфер влияния» и к признанию Китаем «специальных интересов» той державы, которая силой и подкупом захватывала территории для прокладки железных путей.

В результате железнодорожной горячки, за Россией были признаны «специальные интересы» в Маньчжурии, в так называемой полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, за Германией те же права были признаны в Шань-дун'е с признанием права на сооружение Германией железной дороги от Цин-дао до Цзи-нань-фу, ныне эти права по версальскому договору, не признанному Китаем, перешли к Японии, за Францией были признаны права в провинциях, примыкающих к французским «владениям», к Тон-кин'у с признанием права за Францией на сооружение железной дороги от гор. Юнь-нань-фу, столицы провинции того же имени, до Лай-чжоу, города на «французской» территории, в бывшей китайской провинции Тон-кин. Франция впоследствии заявила также претензии и на признание за нею специальных прав в провинции Сы-чуань, лежащей в том же секторе юго-западных провинций Китая. Япония требовала признания за собою «специальных прав» с предоставлением ей, Японии, исключительного права на сооружение железных дорог в провинции Фу-цзянь. Мотивом этих требований служила близость этой провинции Китая к острову Формоза (Тайвань), отхваченному Японией у Китая после войны 1894—5 годов. Италия в 1899 году пыталась заявить свои претензии на «специальные права» в провинции Чжэ-цзян. Китай в этом случае оказал сильное сопротивление империалистическим претензиям Италии, не дав своего согласия на «специальные» права.

На ряде других железных дорог в Китае скрещивались антагонистические интересы империалистов. Борьба империалистов между собою достигла особого напряжения в вопросе о сооружении Пекин-Хань-коу'ской железной дороги. Такая же борьба продолжается сейчас вокруг вопроса о Кантон-Хань-коу'ской дороге и ряда других.

Китай лишь в 1899 году создал у себя «Бюро по контролю железных дорог и копей», с целью подойти вплотную

к вопросу о своем непосредственном управлении над железными дорогами в Китае. После боксерского восстания требования Китая к мировым империалистам в вопросе о железных дорогах стали кристаллически ясными. В 1906 году Китай заявил, что все новые железные дороги в Китае будут сооружаться только китайцами. Если же будет необходима финансовая помощь иностранного капитала, то Китай, не отказываясь от иностранных займов, будет везде и всюду ставить китайских инженеров и директоров.

Современное состояние железных дорог в Китае может быть представлено в следующем виде. Все сети железных дорог в Китае лежат к северу от реки Ян-цзы. Лишь три железнодорожных линии лежат к югу от реки Ян-цзы. Эти линии суть железные дороги от Нанкина до Шанхай'я, от Шанхай'я до Хан-чжоу, столицы приморской провинции Чжэ-цзян, и далее, к самому побережью до города Нин-бо в той же провинции, и, наконец, третья железнодорожная линия, соединяющая две средних провинции между собою—Ху-бэй и Ху-нань,—от города У-чан до города Чан-ша. Факт сравнительной редкости железных дорог на юге представляется тем более характерным, что Юг по количеству естественных богатств, численности населения и состоянию промышленности неизмеримо богаче Севера. Об'яснение этому факту надо искать в исторических условиях развития железнодорожной сети в Китае. Железные дороги в Китае—это предприятия мирового капитала, всегда шедшего по пути наименьшего сопротивления. Юг во все времена был менее сговорчив и более строптив, чем Север. Рядом с этим стоит и другая причина—более богатая водная система Юга, обладающего полноводными реками и функционирующими каналами.

Китайские железные дороги в цифрах.

В сравнительных цифрах, железные дороги в Китае дают следующие отношения. Прежде всего, интересно взаимоотношение населения к железным дорогам. На каждую милю железных дорог Китай имеет 44 тысячи человек. Корея имеет 13 тысяч человек на каждую милю железных дорог, Индия—8,600. Япония—8 тысяч человек на 1 милю, Соединенные Штаты—3,800 человек.

Все расстояния железных дорог в Китае, принадлежащих правительству, составляют в километрах—6.410,84 кил.; расстояние железных дорог, принадлежащих отдельным провинциям, частным компаниям—в километрах—773, концессионные дороги: Китайская Восточная железная дорога, Южно-Маньчжурская дорога, Шань-дун'ская, Кантон-Гоулунь'ская в английской ее секции—составляют расстояние в километрах—3,780. Всего протяженность железных дорог в Китае—10.963,84 километра. В милях—6,813.

Стоимость правительственных железных дорог в Китае, согласно официальным данным по 31 декабря 1919 года, составляла сумму в 491.577,322 мексиканских доллара. Из этой суммы стоимость самих железных дорог—485.100,154 мекс. доллара, остальные деньги ушли на приобретение земли и другого недвижимого имущества. Стоимость одного километра китайских железных дорог составляет—81.144,71 мексиканских доллара. Сравнительная таблица стоимости одного километра железных дорог в других странах представляется в следующем виде:

Страны	Стоимость километра жел. дор.
Австралия	34,243 золотых долларов.
Индия	28,796 „ „
Япония	55,074 „ „
Россия	54,039 „ „
Южная Африка	30,153 „ „
Германия	74,595 „ „
Соедин. Штаты Америки	46,065 „ „

Высокая стоимость километра китайских железных дорог, в сравнении со стоимостью километра в любой другой стране, об'ясняется, во-первых, тем, что Китай должен был приобретать весь необходимый железнодорожный материал за-границей, обогащая иностранных капиталистов, во-вторых—фактом учинения займов у них для сооружения дорог и, наконец—фактом приобретения рельс и других материалов для этих же дорог на их же заводах.

Итоги доходов и расходов китайских железных дорог представляются в следующей таблице:

	1919	1918	Увеличение
Доходы .	$ 83.047,390,24	$ 77.652,152,95	$ 5.395,237,29
Расходы	$ 38.440,540,62	$ 34.322,615,12	$ 4.117,925,50
Чистая прибыль	41.606,819,62	$ 43.329,537,83	$ 1.277,311,79

Эти немногие цифры служат указанием на то, что тенденция развития железных дорог в Китае ведет к увеличению доходности, что толки о суеверии китайцев в отношении железных дорог лишены всякого основания, что Китай сам способен справиться с задачами управления своих железных дорог.

Будущее строительство.

Количество железнодорожных линий в Китае более чем недостаточно для быстро идущей индустриализации Китая. И протяженность железных дорог, и их направление не могут удовлетворить растущих потребностей. Китай стоит перед большими железнодорожными проблемами, составляющими только часть общей проблемы экономической реконструкции Китая, идущей рядом и параллельно с процессом его раскрепощения от гнета иностранного капитала. Справится ли с этими грандиозными задачами национальное, буржуазное движение Китая или для разрешения этих задач потребуются новые силы, новый общественный класс, несущий с собою раскрепощение человечества вообще,—это вопрос, выходящий за пределы настоящей главы. Важно лишь отметить выпукло выявившуюся потребность грандиозных экономических задач и исторически неизбежного железнодорожного строительства.

Китай преодолеет все свои экономические недуги, кризисы и угнетение мирового капитала лишь в процессах своей собственной индустриализации, куя вающей силы и средства борьбы с мировым империализмом. Широко развитая сеть железных дорог в Китае—один из самых существенных элементов этой индустриализации. Это отчетливо понимают все «заинтересованные» группы.

Консорциум и железнодорожное строительство в Китае.

Мировой капитал, перенося свои «сбережения», прибавочную стоимость от неоплаченного труда мирового пролетариата на нетронутую еще почву Китая, пытается прежде всего, приложить эти «сбережения» в области «грюндерства» — лихорадочного железнодорожного строительства. Империалистическая война прервала процесс строительства в Китае. Достаточно, однако, указать, на то, что до войны иностранным капиталом было вырвано у Китая право на сооружение новых железных дорог общей протяженностью в 14 тысяч миль, т.-е. на расстояние, вдвое большее, чем современная железнодорожная сеть в Китае. Сейчас же после войны, по образовании «нового консорциума», его первой задачей было использование военной прибыли и сверхприбыли на железнодорожное строительство. Условия, какие международный империализм ставил Китаю, предусматривали не только заклад иностранцам большого ряда ценностей народа и его богатств, но и фактически управление страной и, в частности, непосредственное управление железными дорогами в Китае. Эти условия показались неприемлемыми даже для пекинского правительства. При всей заинтересованности Китая, как экономической единицы, в непрерывном расширении своей сети железных дорог, Китай отказался от «каторжных» условий международного империлализма.

Правительственные планы.

Много внимания вопросу железнодорожного строительства уделяет пекинское правительство. Органическая потребность быстро развивающегося капитализма в Китае требует новых путей к новым рынкам и потребителю. Примерная программа Пекина в этой области следующая: сооружение боковых ветвей радиусами, расходящимися от главных линий, и привлечение частного китайского капитала для железнодорожного строительства. Если новая боковая линия большого протяжения,—новая железная дорога управляется частной компанией, согласно правил для частных железнодорожных обществ. Если же новая линия покрывает собою небольшое расстояние,—боковая ветвь находится под управлением главной линии железной дороги.

Пекинское правительство пыталось заинтересовать китайскую буржуазию делом железнодорожного строительства,

обещая субсидии, из'ятие от всяких налогов на ввозимые железнодорожные материалы, гарантию прибыли в виде определенного процента на затраченный капитал. Пекинское правительство предложило китайской буржуазии приобрести до 20 процентов прав собственности на государственные железные дороги Китая, при условии, что частный капитал будет использован на расширение сети и общее улучшение железнодорожного хозяйства в Китае. Практический результат этих обращений к китайской буржуазии сказался пока в том, что группа китайских банков учинила заем пекинскому правительству в сумме 6 миллионов долларов на приобретение инвентаря для китайских железных дорог, при условии непосредственного контроля банков над расходованием этих денег.

Схема доктора Сун Ят-сен'а.

Обширный план железнодорожного строительства намечен доктором Сун Ят-сен'ом. Согласно плана доктора Сун Ят-сен'а, Китай должен покрыться сетью железных дорог общей протяженностью в 100 тысяч миль. Программа железнодорожного строительства в Китае охватывает следующие направления: 1) центральную систему железных дорог, 2) юго-восточную систему, 3) северо-восточную, 4) северо-западную систему.

Центральная система железных дорог.

Система железных дорог в центральном Китае представляется наиболее важной. Центральная система охватывает собою весь собственно Китай, к северу от реки Янцзы, часть Монголии и провинции Синь-цзян (Китайский Туркестан). Экономическая картина района в его огромном целом совершенно различна в различных крайних точках этого района. Юго-восточная часть этого района густо населена, северо-западные окраины—чрезвычайно редко заселены. Юго-восточный район очень богат естественными рессурсами, в особенности минеральным топливом, обеспечивающим возможность промышленного развития края, в то время как северо-западные области—земледельческие и пригодны для скотоводства по преимуществу. Весь район покрывается, согласно плана доктора Сун'а, густою сетью железных дорог.

Новый порт (или Шанхай)—Тарбагатай.

а) Железная дорога, идущая от предполагаемого нового порта в Среднем Китае до Тарбагатая, лежащего на китайско-русской границе. Эта дорога своей северо-западной точкой упирается в русские области в районе г.г. Чугучак'а и Сергиополя. Предполагаемая группа охватывает расстояние в 3 тысячи миль. Эта дорога будет иметь своей исходной точкою либо новый порт, либо Шанхай, прорежет Нанкин, войдет в провинцию Хэ-нань, далее в провинции Шэнь-си к столице—городу Си-ань, далее в провинции Гань-су—к столице этой провинции Лань-чжоу. От этой провинции дорога поднимается на север в направлении на Хами, к городу Урумчи и, наконец, к Тарбагатай'ю.

Новый порт (или Шанхай)—Урга.

б) Вторая предполагаемая линия должна соединить новый порт, или Шанхай, с Ургой. Эта линия прорезывает провинции: Ань-хуй, Хэ-нань, Шань-дун, Чжи-ли и Шань-си, провинцию исключительно богатую углем и железом. От столицы провинции Шань-си, города Тай-юань, дорога идет к северо-западному углу провинции Шань-си, оттуда на север, прорезывает Великую Китайскую Стену. Далее дорога соединяется с дорогой, проектируемой к Долон-нор'у и Урге в Монголии. Расстояние этой дороги свыше 2000 миль.

Новый порт (или Шанхай)—Улясутай.

Третья линия имеет своей задачей соединить новый порт, или Шанхай, с городом Улясутай, лежащим в Западной Монголии, северо-западное продолжение которой берет направление на г. Кобдо, лежащий невдалеке от русской границы—Семипалатинской области. Эта железная дорога прорезывает ряд центральных провинций Китая, соединяясь на севере с системой северо-западных железных дорог. Длина этой дороги—свыше 2000 миль. Этими тремя главными линиями заканчивается связь Китая с южной частью Азиатской России. Связь Китая с Среднею Сибирью, и областями Дальнего Востока предусматривается системой северо-западных дорог.

Нанкин—Ло-ян

г) Железные дороги, опутывающие самый центр Китая, согласно плана, начинаются с дороги Нанкин — Ло-ян. Оба эти города—бывшие столицы Китая: Нанкин, в провинции Цзян-су, сыгравший крупную роль в революционном движении Китая в 1911 году, и Ло-ян, столица провинции

Хэ-нань, некогда столица всего Китая, ворота, через которые совершалось движение монгол на восток. Эта железная дорога будет пробегать по наиболее плодородному и наиболее плотно заселенному району. Протяженность этой дороги свыше 300 миль.

Нанкин—Хань-коу

д) Дорога от Нанкина до Хань-коу должна итти вдоль левого берега реки Ян-цзы, захватывая города Ань-цин, Цзю-цзян и Хань-коу. Вся длина дороги—350 миль.

Си-ань—Да-тун.

е) Дорога от города Си-ань, столицы провинции Шэнь-си, до города Да-тун, города на крайнем севере провинции Шан-си. Эта дорога должна обслуживать наиболее богатые провинции, не связанные ни между собою, ни с другими провинциями. Предполагаемая дорога должна встретиться с двумя другими дорогами, идущими на Улясутай и от Пекина к исходным точкам Великой Китайской Стены, так называемой Пекин-Су-юань'ской железной дорогой. Протяжение этой дороги—600 миль.

Си-ань—Хань-коу.

ж) Си-ань-Хань-коу'ская железная дорога соединит долины двух рек, имеющих огромное значение для Китая—Хуан-хэ и Ян-цзы. Длина дороги 300 миль.

Другие дороги.

Другие железные дороги центральной системы должны итти в следующих направлениях:

Си-ань—Шунь-цин в провинции Сы-чуань. Эта дорога также имеет промышленное значение, так как об'единяет районы, богатые металлами, и втянутые уже в процесс капиталистического развития. Длина дороги 450 миль.

Дорога от *Лань-чжоу*, столицы провинции Гань-су, до *Шунь-цин* имеет своею задачей содействие скорейшей индустриализации районов Среднего Китая. Остальные проектируемые линии связывают новый порт, или Шанхай с городом Си-ань, с городом Хань-коу, с направлением на Хами—в Китайском Туркестане.

План предусматривает также соединение Чжи-фу—Хань-коу. Чжи-фу (Чифу)—порт в провинции Шань-дун. Система железных дорог в центральном Китае предусматривает также густую сеть вдоль морского побережья.

Обширная программа железнодорожного строительства, рассчитанная на огромный труд пролетарских масс, вновь

приводит вплотную к вопросу, какие общественные классы могут разрешить стоящие перед Китаем задачи его раскрепощения и индустриализации. Самая потребность индустриализации Китая и сооружения густой сети железных дорог в качестве одного из существенных условий этой индустриализации сейчас резко ощущается и ни в ком не вызывает сомнений. Исторические процессы, при всей замедленности темпа развития, дали уже сейчас ряд крупных явлений в экономической жизни Китая, и требуют общей оценки и учета. Другие предпосылки экономического или индустриального развития Китая, в особенности общие условия, содействующие успеху и быстроте идущих процессов, относятся к оценке политических условий жизни Китая и процессов происходящей в Китае борьбы против остатков феодальной власти и поддерживающего эту власть мирового капитализма. Эти процессы требуют самостоятельной оценки соотношения борющихся сил и классов.

КИТАЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Взаимоотношения мирового империализма с Китаем устраняли, по крайней мере, на чрезвычайно долгий исторический срок, возможность капиталистического развития самого Китая. Мировая буржуазия своею «колониальною» политикой ставила и ставит себе целью извлечение сырьевого богатства из своих колоний и захвата местных и отдаленных рынков для фабрикатов своего производства. Нарождение промышленности в колониальной стране опрокидывает все расчеты мировых капиталистов. Банкиры и дипломаты, пришедшие на чужую территорию, заставляют «цветные» народы выполнять свою волю. Все институты экстратерриториальности, концессий, введение своих гарнизонов, военных судов, жандармов, контр-разведчиков, регулирование давления политического «пара», при посредстве дипломатических клапанов, должны были дать в Китае—характерное явление в его собственной экономике. О своей, китайской, промышленности, о промышленном капитале, о средствах и орудиях китайского производства не могло быть и речи.

Китайская буржуазия должна была проделать тот же путь, по которому следовала ее родная сестра—мировая буржуазия. Китайская буржуазия должна была пережить и пережила этап развития торгового капитала и капитала ростовщического. Буржуазия Китая должна была пережить процессы «первоначального накопления» капитала, чтобы создались необходимые об'ективные условия для будущего развития капитализма в Китае.

Процессы «накопления» капитала, будучи тождественны по своему заданию, как тождественны законы капиталистического развития во всех странах, были, однако, вполне своеобразны по своим формам, в виду своеобразных условий экономического развития Китая. В каждой европейской стране на заре капиталистического развития нарождающаяся буржуазия должна была преодолевать только сопротивление отмирающих общественных классов, феодалов-землевладельцев, аристократов и королей. В Китае—наряду с внутренними препятствиями, своими собственными феодалами, своими богдыханами, деспотами и вице-королями в каждой провинции, существовала также мировая буржуазия, укреплявшая свою власть в Европе путем захвата «колоний» и «полуколоний» и утверждавшая свое влияние в «завоеванных» и ограбляемых местах. Мировая буржуазия укреплялась в Китае путем сговора с китайской феодальной властью, угнетавшей трудовые массы Китая, и стеснявшей экономическое развитие Китая вообще.

Китайская буржуазия должна была, в виду этих условий, пройти через этап «первоначального накопления» в своеобразных формах,—в формах приспособления самого факта своего существования к навязанным силою, но фактически существующим, экономическим отношениям в Китае, с командным, господствующим положением в Китае мировой буржуазии.

Компрадор.

Этот процесс исторически вынужденного приспособления дал, с одной стороны, институт компрадорства—форму накопления торгового капитала китайской буржуазией, и с другой стороны—китайские банки «дореформенного периода», менялного, спекулятивного характера, ярко выраженную форму ростовщического капитала.

Апологеты мирового капитала, останавливаясь на институте компрадоров, дают ему оценку технического института субсидиарного значения для иностранной буржуазии. По своей внешней роли, компрадор, действительно, ведет вспомогательную работу в иностранном предприятии.

Однако, уже самое филологическое происхождение слова «компрадор» говорит о большем значении и роли этого института, чем та, какую ему пытаются придать казенные защитники капиталистического строя. Джайльс в своем «Толковом Словаре» говорит, что слово «компрадор» берет свое начало от португальского слова «comprar»—покупать. Джайльс в своем определении понятия компрадора говорит о нем, как о «посреднике при покупках». «Это название,—говорит Джайльс,—присваивается китайским агентам, при посредстве которых иностранные купцы в Китае учиняют свои сделки по купле и продаже».

Уже из этой характеристики выясняется роль компрадора. Компрадор—на рынке. Он и владеет рынком. Иностранный купец, банкир и фабрикант, при всем могуществе своих военных флотов, при всей изворотливости своих дипломатов—бесспомощны, а потому и бессильны на самом китайском рынке. Экономически беспомощен и китайский буржуа, деятельность которого находилась под энергичным контролем и угнетающей опекой мировой буржуазии.

В этих исторически сложившихся условиях родилась кооперация мирового империалиста с китайской буржуазией, оторванной от промышленной деятельности и занятой торговой, посреднической деятельностью по купле и продаже. Отсюда необходимый на определенный исторический срок институт компрадоров. В работах одного из китайцев, посвященных изучению экономики своей страны, находим следующую характеристику этого института:

«С самого начала сношений иностранцев с Китаем компрадор в иностранном предприятии был неот'емлемой его частью. Он—посредник между иностранным предприятием и китайцами».

Само собою разумеется, что, говоря об институте компрадоров, как о форме накопления торгового капитала

китайской буржуазией, мы не имеем в виду утверждать, что эта форма была или является единственной формой накопления. Торговый капитал в Китае имел и имеет ряд других форм и характерных выражений. Наше утверждение надлежит понимать в том смысле, что процессы развития капитализма в Китае можно правильно понять лишь в учете взаимоотношения мирового империализма с Китаем. Одной из весьма существенных форм этого взаимоотношения, сильно влиявшей на ход капиталистического развития в Китае, был институт компрадорства. Компрадорство не только вело к накоплению капитала, но и к овладеванию рынком, путем концентрации в своих руках всех его нитей и путей.

Тот же автор, г. Тон, говорит о компрадоре в следующих словах: «Положение компрадора—одно из наиболее ответственных и важных. Этот институт создался, как результат необходимости, как последствие незнания иностранцами китайского языка и отсутствия у них связи с китайцами вообще». Незнание языка и условий китайского рынка, равно как также недружелюбные отношения, сразу создавшиеся между широкими китайскими массами и «завоевателями», действительно, создавали потребность в промежуточном аппарате на рынке, в создании института компрадоров.

Необходимость в услугах компрадора для иностранного предприятия становится особенно понятной в свете тех своеобразных экономических и финансовых условий, какие сложились в ходе экономического развития Китая. Финансовая и денежная система в Китае совершенно отлична от денежных систем в других странах. Китай—монометаличен, имея серебро, серебряный доллар, в качестве свой валюты. Уже одно это обстоятельство создает возможность энергичной спекуляции на курсовых разницах между «золотом» и «серебром». Каждая провинция, к тому же, почти каждый город, имеет свои собственные бумажные знаки, в качестве эквивалента металла, сильно затрудняющие меновой оборот. Еще в большей мере положение осложнилось с момента признания Китаем за иностранными банками права эмиссии денег. Беспредельное разнообразие денежных единиц на китайском рынке сильно содействовало развитию «банковской» спекуляции, ростовщичества, в котором активное

участие принимал и международный капитал. Отсюда—потребность мирового империализма в аппарате, который был бы в состоянии владеть рынком спекуляции и господствовать над ним.

Другой экономический мотив, вызывавший необходимость существования компрадора, заключался в прикрепощенности мирового капитала к определенным пунктам, к так называемым «договорным портам». Отсутствие права и возможности проникнуть во «внутренний» Китай, лишало мировой капитал возможности приобретать китайское сырье, не говоря уже о затруднениях по сбыту своих фабрикатов. Без торгового посредничества, без компрадоров, являющихся истинными хозяевами на китайском рынке, международный капиталист не мог бы осуществлять своей «исторической миссии»—культуртрегера и благодетеля цветных рас.

Компрадор—не просто лицо, добросовестно знающее китайский рынок, условия его действия и господствующие на нем тенденции. Компрадором не мог бы быть ни профессор-экономист, знающий все законы действия своего китайского хозяйства, ни китаец-специалист, практически улавливающий все комбинации на рынке. Кроме знания рынка, и «больших связей» среди китайцев-буржуа, компрадор должен обладать одним специальным свойством, когда он вступает в «союз», в договорные отношения с иностранным купцом или экспортером. Иностранный капиталист требует, прежде всего, от компрадора «обеспечения» его будущей деятельности. Это «обеспечение» компрадор либо вносит наличными деньгами в банк, либо представляет иностранной фирме в письменном виде «гарантию» в определенной форме какого-либо китайского банка. В качестве общего правила, китаец-компрадор, работающий в иностранном банке, этом горниле денежной спекуляции, вносит гарантию, не меньшую чем в 100 тысяч таэлей-лан. Торговые компрадоры вносят меньшую сумму, всегда в зависимости от положения самой иностранной фирмы и об'ема ее торговых оборотов в Китае.

В свою очередь, иностранный банк или иностранный экспортер должен платить определенную сумму денег в виде ежемесячного жалованья компрадору. Эта сумма

колеблется в пределах от 200 дол. до 500 таэлей-лан. Сверх этого, компрадор получает определенный процент со всякой сделки, учиняемой им по поручению своей «фирмы». Компрадор на этой «комиссии» получает неизмеримо большую сумму, чем размер его жалованья. «Законные» доходы компрадора не вызывают протеста со стороны мирового капиталиста, жадного до доходов вообще. Это об'ясняется данью мирозого банкира, фабриканта и куща своей экономической беспомощности на рынке завоеванной и угнетаемой ими территории.

Компрадор вступает в иностранное предприятие уже с накопленным капиталом. Несколько лет его деятельности сильно увеличивают это «накопление», побуждая компрадора искать нового приложения своим капиталам в сферах большей доходности.

Такой сферой в современных условиях жизни Китая является китайская промышленность. Торговый капитал находит свое квалифицированное выражение в форме промышленного капитала.

Общие обязанности компрадора суть—учинение сделок по поручению «фирмы», наблюдение за денежными сделками в той части этих сделок, в какой они непосредственно связаны с китайцами и осуществляются в наличных расчетах, собирание справок о местном рынке, собирание коммерческой и экономической информации вообще, рекомендации и отзывы о китайцах, с которыми иностранная «фирма» вступает в долговые отношения, контроль над китайским штатом своих служащих. Компрадор также является ответственным по всем сделкам, учиненным с китайцами. Компрадоры обычно располагают большим штатом «сотрудников», при помощи которых они справляются со своими задачами.

Непременными агентами компрадора являются: эксперт по рынку или «репортер» по рынку, сообщающий о всех «новостях» на рынке, эксперт по серебру, так называемый «шроф», который должен удостоверять чистоту серебряной монеты и ее полновесность, и группы других лиц, состоящих из юношей-родственников или добрых знакомых компрадора, которым компрадор либо ничего не платит, либо

платит мизерно-нищенское вознаграждение. Компрадор в своем «департаменте» пользуется теми же приемами эксплоатации, какие практикует соседний, европейский, «департамент».

Г. Оделл в своей статье «Хлопчатобумажные товары в Китае» пишет:

«С внешней стороны, можно поразиться тем обширным запасам информации не только в отношении своей собственной страны, но и в отношении условий рынков в Соединенных Штатах и Англии, каким располагает компрадор. Он следит за состоянием хлопкового рынка в Америке; он также следит за состоянием «курса» на бирже, в виду того, что денежная система в Китае покоится на серебряной валюте. Он изучает коммерческие и политические условия жизни всего мира, потому что эти условия имеют прямое или косвенное влияние на китайский рынок. Компрадоры знают запросы и относительную роль главных потребительских районов Китая и точную номенклатуру товаров, имеющих распространение в каждом данном районе. Сомнительно, существует ли в какой-либо другой стране в мире такая прекрасная система получения информации, распределения ввозимых товаров или собирания товаров, подлежащих экспорту за-границу, какая существует в Китае в форме института компрадоров».

Этот же автор указывает на то, что в недавние годы деятельность компрадоров на пользу иностранных предпринимателей становится все менее интенсивной. Компрадоры даже отказываются гарантировать иностранную «фирму» от возможных потерь и убытков, какие фирма может понесть от сделок с китайцами. Бывший американский генеральный консул Шанхай'я и его округа, Томас Саммонс, в своем отчете о состоянии своего округа также указывает на падение интереса компрадоров к своим иностранным работодателям. Экономические органы печати мирового империализма ставят уже сейчас вопрос об упразднении института компрадоров, о замене этого института непосредственной связью иностранного капитала с китайским рынком. Апологеты мирового капитала говорят, что институт компрадоров себя

изжил, что его функции далеко отошли от своего прототипа, когда в начале 19-го столетия кантонские купцы поручили одной группе китайцев вести с иностранцами торговые дела от имени всех купцов-китайцев этого города.

Мировой империализм отчетливо чувствует, что те формы взаимоотношений, какие были установлены с Китаем в области экономики нанкинским и другими договорами, являются неудовлетворительными в современных условиях жизни Китая. Компрадоры проявляют непокорность, утрачивая интерес к «службе» в иностранной «фирме», унося с собою накопленный ими капитал на новые, *китайские* фабрики и заводы. Мировой империализм не сдает, однако, своих позиций. Он стремится закрепить свое положение на рынке Китая, учитывая перспективу изолированной деятельности без компрадоров, против компрадоров, ставших и становящихся банкирами для промышленных предприятий и промышленниками в своей собственной стране. Мы отмечали уже, что мировой империализм пытается в школах, содержимых на «свои» средства в Китае создать кадр китайцев для службы у себя, китайцев-клерков, специалистов и посредников, которые могли бы заменить компрадоров,— вчерашних «компаньонов», сегодняшних конкурентов, завтрашних врагов.

Развитие капитализма в Китае.

Процессы экономического развития в Китае, несмотря на все заторы и препятствия, чинившиеся мировым капиталом, могли итти только в направлении индустриализации Китая в данных исторических условиях, в формах частной собственности на средства и орудия производства. Капитализм в Китае, или вернее китайский капитализм, сделал огромные завоевания в течение последнего десятилетия, в особенности в последние годы, когда нажим мирового капитала на Китай в значительной степени был ослаблен империалистической войной, отвлекшей внимание всех империалистов, кроме Японии, на Запад. Факт капиталистического перерождения Китая очевиден. Тенденция развития в смысле новых успехов и завоеваний китайского капитализма и его утверждения на китайском рынке несомненна. Это констатируют даже казенные исследователи жизни

Китая, состоящие на службе у иностранного капитала, обязанные осведомлять своих фабрикантов и купцов о происшедших переменах и тенденциях развития.

«Китай сейчас пробуждается и накануне того, что может быть названо величайшим промышленным и коммерческим развитием какое когда-либо видел мир», говорит один из коммерческих атташэ в Китае.

Эти же исследователи отмечают наличие условий в Китае, необходимых для большого и быстрого индустриального развития. Остается только необ'ясненным, в фолиантах этих исследователей, почему Китай при неисчерпаемых природных богатствах и огромном населении, стоял вне собственного экономического развития в течение длинного ряда десятилетий. Ученые исследователи забывают упомянуть, что все возможности индустриального, капиталистического развития в Китае были бесцеремонно экспроприированы мировым империализмом, что на территорию Китая пришли иностранные интервенты, что Китаю были навязаны невыгодные договоры, что Китай был превращен в поле безудержной эксплоатации природных богатств и трудовых масс. Потребовались десятилетия для того, чтобы внутри самого Китая, в недрах его «общества» создались факторы и силы, которые обеспечили новые экономические возможности и новые тенденции исторического развития.

Китай в результате всего сложного ряда экономических причин и надстроенных политических институтов уже сейчас в процессе быстрой индустриализации, в условиях быстрого развития у себя капиталистического строя.

На отдельных примерах успехи капиталистического развития в Китае особенно рельефны. Провинция Ху-нань является одной из самых богатых по минеральным запасам. Однако, лишь только в самые последние годы горно-промышленное производство в провинции Ху-нань, организованное по последнему слову современной техники, сделало огромные завоевания. Провинция Ху-нань поставляет сейчас около 80 процентов мирового потребления химического продукта сурмы, антимония. Кроме антимония, провинция Ху-нань добывает в настоящее время в больших количествах уголь, свинец, жесть, цинк, вольфрамит и др. продукты.

Провинция застроилась большим количеством металлообрабатывающих заводов и рудников. Эта отрасль промышленности, основная для этого района, вызвала к жизни ряд других смежных, зависимых и соподчиненных отраслей промышленности. В провинции Ху-нань появились кирпичные и цементные заводы. Город Чан-ша, столица провинции Ху-нань, даже пожертвовал классической и древней китайскою стеною, красою каждого китайского города, чтобы прорезать большую дорогу и устроить бульвар. Город Чан-ша, стоявший изолированным от всего земного мира и от других провинций в самом Китае, соединен сейчас железною дорогою с Хань-коу, с долиною реки Ян-цзы, через Хань-коу и со всем севером. К городу Чан-ша тянется железнодорожная линия и от Кантона, не законченная сооружением только в виду интриг мировых империалистов между собою. Пин-сян'ские угольные копи являются наибольшими во всем Китае. Хань-ян'ские железоделательные и сталелитейные заводы поглощают ежедневно 3 тысячи тонн антрацита и 1500 тонн кокса. Тысячи рабочих ныне заняты на рудниках и заводах в городах Чан-ша и Хань-ян'е, в провинции Ху-бэй. Всего несколько лет тому назад город Чан-ша, хотя и был столицей провинции, представлялся заброшенным, захолустным городом, не имевшим представления о грандиозности современой техники.

По мнению г. Арнольда, китайцы сами еще сейчас не в состоянии оценить всех тех возможностей, какими они располагают в смысле сбыта своих продуктов не только в своей собственной стране, но даже на западных рынках.

«Китай не мог использовать всех блестящих возможностей,—говорит г. Арнольд,—созданных для него войной, в отношении захвата заграничных рынков для своих продуктов. Недостаток пароходов, внутренние беспорядки, отсутствие опытных организаций на местах, отсутствие единой денежной системы, все эти факторы мешали Китаю собрать «урожай» добытых успехов, в 10 раз больший против того, что Китаю удалось на самом деле собрать. Несмотря, однако, на все неблагоприятные условия, торговля Китая возросла до огромных размеров, тем самым указывая, какие результаты могли бы быть достигнуты, если условия

были бы более благоприятны. Надо только сравнить современное положение Японии с положением Китая, чтобы оценить, что Китай мог бы приобрести. В начале войны Япония была бедной страной с огромной задолженностью. Япония была, однако, готова использовать все возможности, предоставленные ей войной, потому что Япония имела торговый флот, торговые организации, способные справиться с задачами развития иностранной торговли. Будучи бедна естественными богатствами, по сравнению с Китаем, Япония из страны-должника превратилась с страну-кредитора с большими запасами золота. Япония не только развивала свои собственные естественные богатства, но пришла в Китай и стала приобретать прибыль на естественных богатствах самого Китая, прибыль, которую китайцы сами могли бы получить».

Факт вступления самого Китая на путь быстрого капиталистического развития является фактом, признанным и иностранным капиталом, и его апологетами, обсуждающими способы экономического приспособления мировых капиталистов к новым явлениям социально-экономической жизни Китая...

Иностранные предприятия в Китае.

Предприятия иностранного капитала разбросаны по всему Китаю. Небольшая таблица, заимствованная нами из официального правительственного органа «Бюро экономической иноформации», иллюстрирует заинтересованность мирового империализма в делах Китая (Бюллетень № 14):

Соединенные Штаты Америки	413	фирм
Бельгия	20	„
Дания	27	„
Австрия	5	„
Великобритания	644	„
Нидерланды	25	„
Франция	171	„
Германия	2	„
Италия	19	„
Япония	4878	„
Норвегия	12	„
Португалия	93	„
Россия	1780	„ *)
Испания	8	„
Швейцария	4	„
Другие страны	33	„

*) Примечание. В эту цифру входят все русские предприятия полосы отчуждения Кит. Вост. ж. д.

Приведенная таблица, несомненно, не охватывает всех иностранных предприятий в Китае, так как правительственным китайским агентам, по статистике в целом ряде городов, (Шанхай) не приходилось вступать в прямые отношения с иностранными предпринимателями.

Число новых китайских промышленных предприятий за 1918 и 1919 г.г.

Об успехах самой китайской промышленности можно судить по официальным данным китайского министерства земледелия и торговли, всегда неполным, о новых промышленных предприятиях, выросших в Китае в 1918 и 1919 годах (Бюллетень «Бюро экономич. информации», № 19):

Провинция.	Число предприятий.	Капитал.
Чжи-ли	32	44.584,000 Мекс. Дол.
Цзян-су	53	17.566,600 „
Цзи-линь	13	24.006,000 „
Шань-дун	14	4.442,000 „
Хэй-лун-цзян	1	3.200,000 „
Ху-нань	3	1.760,000 „
Чжэ-цзян	13	1.509,600 „
Цзян-си	6	1.380,000 „
Ху-бэй	7	892,000 „
Хэ-нань	5	860,000 „
Шань-си	4	469,000 „
Фын-тянь	3	400,000 „
Фу-цзянь	6	373,000 „
Ань-хуй	4	275,000 „

Промышленные предприятия в провинции Цзян-су.

Наиболее характерной из всех провинций Китая в вопросах промышленного его развития является провинция Цзян-су с городом Шанхай'ем. Провинция Цзян-су в своем целом уже приобрела значение промышленного центра всего Китая. Процессы быстрой индустриализации особенно интересны в этой провинции, так как эта провинция, и в особенности город Шанхай, являются цитаделью мирового империализма, казавшейся еще не столь давно неприступною твердыней. Китайская буржуазия вступила на путь борьбы с мировой буржуазней именно на этом поле. Борьба уже дала китайской буржуазии ряд больших приобретений. По данным «Дальневосточного Обозрения», шанхай'ского ежемесячника от февраля 1919 года, не отвечающим современному состоянию вещей, главные промышленные

предприятия в которых господствующая доля капитала принадлежит китайской буржуазии, представлялись в следующем виде:

48 ткацко-прядильных фабрик
16 мельниц, сооруженных согласно требований современной техники
6 маслобойных (органических масел) заводов
1 большая бумажная фабрика
5 малых бумажных фабрик
6 больших типографских предприятий и очень большое количество малых.
7 фабрик по изготовлению готового платья
41 новейшей техники мельница по обработке риса
2 больших лесопильнах завода и много малых
15 больших паровых прядилен и много малых
1 салотопенный завод
1 мыловаренный завод
1 конфектный
2 больших табачных фабрики и много малых
1 большой рефрижератор
7 малых
1 химический завод
3 кожевенных завода
4 завода минеральных вод
1 пивоваренный завод
5 судостроительных заводов
4 водопровода (ежедневный расход—15 миллионов галлонов)
5 электрических заводов
1 газовый завод
1 завод искусственного льда
Мастерския правительственных железных дорог
1 Морской арсенал

По данным морских таможен о торговых оборотах с товарами китайского призводства за 1920 год, обороты по одному только Шанхай'ю дали 396 мпл. таэлей-лан. Эта цифра не может считаться абсолютно характерной или показательной, ибо 1920 год был годом мирового экономического кризиса, оказавшего свое влияние и на рынок Шанхай'я. Сокращение торгового оборота Шанхай'я на товарах китайского производства в 1920 году, в сравнении с 1919 годом, дает цифру в 53 миллиона таэлей-лан.

Сокращение коснулось, главным образом, шелковой промышленности, главной статьи вывоза в Америку, и чайных плантаций, все еще не нашедших для себя своего старого и привычного русского рынка. Чай вытесняется на своем собственном китайском рынке чаем, ввозимым из Индии и Явы.

Несмотря на некоторое сокращение в хлопчато-бумажной промышленности,—все шанхайские ткацкие фабрики были завалены работой, дав китайской буржуазии солидный «дивиденд».

Сильно развилось в Шанхай'е в течение 1920 года производство готового платья и белья. Эта отрасль промышленности устраняла с рынка тождественные продукты иностранного производства. Хлопчато бумажной пряжи на китайских фабриках в 1920 году было изготовлено 160 тысяч пикуль. Каждый пикуль составляет 133 ⅓ английских фунта, или 60,453 килограмма. Каждые 36 английских фунта дают один пуд. На собрании собственников хлопчатобумажных фабрик в Шанхай'е было зарегистрировано, что к 31 июля 1920 года во всем Китае в действии находятся 1.280,036 прялок, и что в одном Шанхай'е в течение 1920 года организовалось новых 15 хлопчатобумажных фабрик с прялками в количестве от 350 тысяч до 400 тысяч.

Большие успехи китайской промышленности сделаны во всей провинции Цзян-су. Такие города в провинции Цзян-су, как, например, У-си, Нань-тун-чжоу, Су-чжоу и другие превратились в районы большого промышленного значения. Провинция Цзян-су, очень густо населенная, располагает хорошей сетью железных дорог, идущих от Шанхай'я к Нанкину, от Шанхай'я к Хан-чжоу и Нин-бо, от Нанкина через Пу-коу на север. Эту же провинцию прорезывают Великий Канал и река Ян-цзы.

Город У-си

Город У-си—исключительно китайский. Он не открыт для иностранной торговли, не значится в списке «договорных портов». Тем не менее этот город превратился в большой центр мукомольной промышленности, организованной согласно требованиям новейшей техники. Развитие мукомольной промышленности в городе У-си связано с именем

китайского капиталиста—Юн Чжун-цин'а построившего еще в 1900 году 4 мельницы с капиталом в 2 миллиона долларов. Мукомольная промышленность вызвала к жизни ряд соприкасающихся отраслей промышленности, в частности—фабрики по изготовлению мешков. В этом же городе—большие маслобойные заводы, мыловаренные заводы, кирпичный завод и другие промышленные предприятия.

Город Су-чжоу.

Торговые обороты с товарами исключительно китайского производства—в городе Су-чжоу, в той же провинции Цзян-су, выразились в цифре 12.690,987 таэлей-лан с сокращением в 5.364,416 таэлей-лан против менового оборота в 1919 году. Сокращение торгового оборота об'ясняется влиянием мирового кризиса вообще и кризисом в шелковой промышленности в особенности. Су-чжоу располагает полумиллионым населением. Су-чжоу—по преимуществу является центром шелковой промышленности в провинции Цзян-су.

Город Нань-тун-чжоу.

В этой же провинции имеется новый город, Нань-тун-чжоу, известный под именем «образцового города». Он находится на реке Ян-цзы, в ста милях от Шанхай'я, в самой плодородной части долины реки. Город строился и строится под руководством Чжан Цян'а, крупнейшего собственника большого количества фабрик, расположенных в этом городе, бывшего министра торговли и земледелия. Нань-тун-чжоу—центр в округе «Тун-чжоу», большого района хлопчатобумажной промышленности. Ежедневное производство на хлопчатобумажных фабриках этого района превышает миллион тюков. Город имеет показательные и инструкторские станции по хлопковой и шелковой промышленности, высший сельско-хозяйственный институт, 334 школы с общим количеством в 20 тысяч учащихся, пять «современных банков», производящих все операции европейских банков и 8 «старых» банков, больше занятых разменом денег и спекуляцией на «курсах» валюты, одну спичечную фабрику, одну мельницу, один железоделательный завод, один электрический завод, технически хорошо организованное производство шелковых изделий и ряд других отраслей промышленности. В 1922 году Нань-тун-чжоу будет иметь 7 новых хлопчатобумажных фабрик,

новый электрический завод и богатые угольные копи в окрестностях самого города.

Опыт с городом Нань-тун-чжоу весьма поучителен. Каждый из китайских городов может чем-либо «похвастать», перед другими китайскими городами. В истории каждого крупного города Китая имеется какой-либо «выигрышный» момент. Исторических столиц в Китае много, так как различные династии со своими королями-феодалами, вели между собою войны, перемещавшие их самих и их столицы в новые места. Каждый крупный китайский город имеет свою стену, нередко несколько внутренних стен, кроме наружной, внешней «для защиты граждан во время опасности и для охраны правительственных запасов от врагов, которые постоянно угрожают государству». Стены разрушаются, но сохраняют на себе следы былого исторического величия. И пыль, лежащая на улицах Китая высотою в несколько кубических футов, не огорчает обитателей городов, так как эта пыль «историческая», результат обветривающихся исторических китайских стен. Нань-тун-чжоу—город, не связанный с системою феодального хозяйства, королями, монголами, маньчжурами и разрушительными войнами. Это—город новый, выросший в условиях капиталистического развития Китая, не несущий на себе следов средневековой истории, но создавший вместе с фабриками и китайский пролетариат, которому предстоит историческая задача освобождения и себя, как класса, и всех трудовых масс от гнета капиталистического хозяйства. Темп роста этого промышленного, «образцового» города—красноречивое доказательство тех успехов, какие сделал капитализм в Китае за последние несколько лет.

Угольная промышленность.

По отдельным отраслям промышленности быстрый рост капиталистического развития в Китае особенно рельефно заметен. Китай обладает углем и железом,—двумя условиями, совершенно необходимыми для промышленного развития страны. Согласно вычислениям г. Фернальда, профессора университета в Пенсильвании, угольные запасы Китая измеряются в 1.200,000,000,000 тонн, считая каждую тонну в 62 пуда. Угольные запасы Соединенных Штатов

Америки 4.200,000,000,000 тонн. В. К. Тин, директор геологического общества в Китае, полагает, что угольных запасов Китая хватит на покрытие потребности мирового рынка в течение одной тысячи лет, если исходить из современной цифры мирового потребления в 1.000,000,000 тонн ежегодно.

Добыча на угольных копях Китая в настоящее время при посредстве машин новейшей конструкции равна 15 миллионам тонн в год. Общее количество добычи на всех копях—80 миллионов тонн. Соединенные Штаты Америки добыли в 1880 году 60 миллионов тонн, в 1917 году—приблизительно 700 миллионов тонн. Обыкновенно Китай больше ввозил к себе угля, чем вывозил. В 1918 году, однако, импорт угля в Китай составил цифру в 1.075,000 тонн, тогда как экспорт в том же году равнялся цифре в 1.708,000 тонн.

С этого года начиная, экспорт угля превышает ввоз. Добыча угля в Китае сильно возросла. Однако, целый ряд угольных районов захвачен иностранным капиталом. Это обстоятельство не предоставляет Китаю возможности свободно распорядиться своим минеральным топливом для своих же фабрик и заводов. Иностранные капиталисты отапливают добываемым в Китае углем свои пароходы и свои фабрики.

Вот сравнительная таблица распределения угольной собственности в одной только провинции Чжили:

Название предприятия	Национальность	Капитал	Добыча в тонн.	Стоимость добычи
Кай-лань'ские копи	Англійско-китайск	£ 2.000,000 (англ. фунт. стерлинг.)	4.500,000	$18.540,000
Цзин-син'ские „	Китайские	500,000 т.-л.	500.000	$ 2,100,000
Линь-чэн'ские „	Бельгийские	$ 2.000,000	120,000	$ 600,000
Чжэнь-фын'ские „	Китайские	$ 600,000	70,000	$ 100,000
Лю-цзян'ские „	„	$ 720,000	10,000	$ 60,000
Ци мин-шань'ские „	Правительст.	—	67,000	—
Бао-синь'ские „	Китайские	$ 24,00	12,000	—
Син-е'ские „	„	$ 500,000	—	—
Мин-син'ские „	„	$ 20,000	—	—
Цзэ-сянь'ские „	Правительст.	$ 800,000	—	—
И-чжан'ские „	Китайские	$ 10,000	—	—

Наиболее богатыми по затраченному капиталу и по добыче во всей таблице—являются Кайлань'ские копи, фактически принадлежащие англичанам. В последние годы

образован целый ряд новых исключительно китайских акционерных компаний для разработки угольных копей. В этой отрасли промышленности обнаруживается тенденция к концентрации добычи в руках китайской буржуазии.

Слабой стороной угольной промышленности в Китае является то обстоятельство, что целые провинции, чрезвычайно богатые по месторождениям угля, например, провинции Шань-си, Сы-чуань, Юнь-нань остаются до сих пор неразработанными и даже неисследованными. Лишь в самое последнее время стала вестись более или менее планомерная угольная разведка, давшая прекрасные результаты, например, в провинции Гань-су.

Отсутствие достаточной сети железных дорог является другим существенным тормазом к развитию угольной промышленности в Китае, естественно требующей переброски результатов своей добычи быстрыми транспортными средствами в районы потребления.

Угольная промышленность, составляя только часть промышленного перерождения Китая, при всех своих современных несовершенствах, сделала ряд блестящих завоеваний в Китае, имея перед собою богатые перспективы и по расширению площади добычи и по интенсификации приемов и методов добычи.

Добыча железа.

Запасы железной руды в Китае также огромны. По вычислениям доктора Фостера Бэн'а, помощника директора горного департамента Соединенных Штатов Америки, Китай располагает запасом в 400 миллионов*) тонн железной руды, пригодной для обработки в современных доменных печах. Сверх этого количества Китай имеет 300 миллионов тонн железной руды, которые могут быть приобретены более примитивными техническими средствами. Производство чугуна в болванках за 1918 год выразилось в 500,000 тонн. Соединенные Штаты Америки в 1880 г. обработали чугуна 3.600,000 тонн, в 1916 г.—30 милл. тонн. Китай вывез в 1918 г. 420,000 тонн железной руды и около 200,000 тонн чугуна в болванках.

Примечание. Эта цифра, несомненно, сильно преуменьшена и не выражает истинных богатств Китая. Очевидно, доктор Бэн имеет в виду уже обнаруженные и исследованные залежи руды.

Не будет преувеличением утверждение, что в настоящее время огромное количество районов железной руды в Китае захвачено японским капиталом. Не говоря уже о богатейших угольных копях в Южной Маньчжурии (Фу-шуньския копи, законтрактованные Южно-Маньчжурскими японскими железными дорогами), японцам фактически принадлежат и Хань-пин'ские железоделательные заводы на реке Ян-цзы.

Другие районы Китая, также богатые железною рудою, захвачены английским капиталом. Кроме уже указанных Кайлань'ских копей, английский капитал занимает господствующее положение в так называемом Пекинском Синдикате, получившем концессии и в провинции Шань-си, и в провинции Ху-нань. В 1915 году образовалась новая англо-китайская компания, с главенствующим английским капиталом, которая поставила себе целью монополизировать горную промышленность во всех местах деятельности этой компании путем скупки у кайтайцев их рудников.

Провинция Шань-дун, богатая рудою, захвачена японцами. Так называемые Цзин-лин-чен'ские копи разрабатываются японцами. Японцами усвоена английская система образования смешанных с китайцами компаний, в которых господствующее положение принадлежит японскому капиталу. В период пребывания у власти ань-фуистов народилось большое количество японо-китайских горнопромышленных компаний. Согласно знаменитых 21 требований, пред'явленных Японией Китаю в 1915 году, Япония захватила под свой исключительный контроль Северную Маньчжурию и восточную часть внутренней Монголии со специальною задачею организовать добычу руды.

Горная промышленность в Китае сделала ряд завоеваний за последние годы. Согласно таблице разрешений, выданных в 1919 году, образованы китайские компании для добычи и разработки горной руды: в провинции Ху-бэй— 5 компаний для добычи меди и угля; в провинции Шань-дун— 8 компаний; две—для добычи золота и остальные—для добычи магнезии и угля; в провинции Цзян-су—одна для добычи угля; в провинции Цзян-си — одна для угля; две угольные компании — в провинции Чжи-ли, одна—в

в провинции Шань-си и в Хэ-нань; одна большая компания в провинции Цзи-линь для добычи свинца и меди, три компании в провинции Фын-тянь, в Маньчжурии.

Эти сведения нами заимствованы из бюллетеней «Бюро экономической информации». Они свидетельствуют о большом оживлении горнопромышленной деятельности. В этой отрасли экономической жизни Китая, быть может, больше чем в какой-либо другой ощущается самими китайцами потребность в концентрации всей промышленности в своих собственных руках. Китайская буржуазия заявляет претензию на уголь и железо, как на основные предпосылки промышленного развития своей страны. Мировой империализм, в свою очередь, стремится контролировать природные богатства Китая, чтобы, во-первых, извлекаемое топливо и металлическое сырье отправлять на свои фабрики и, во-вторых, чтобы не допускать, оттеснять и ограничивать свободное развитие китайской промышленности. Таково реальное соотношение между китайской и мировой буржуазией в вопросе об отношении к природным богатствам Китая.

ГОРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЗАКОН.

Китайская буржуазия должна была принять необходимые меры к тому, чтобы не допустить дальнейших завоеваний мирового капитала в области горной промышленности в Китае. Горно-промышленный закон от 11 марта 1914 года в пункте третьем гласит: «Граждане Китая или лица, в законном порядке приобревшие права подданства в Китае, могут получить права на обработку горных участков».

Если бы Китай к моменту, когда его правительство писало этот закон, был свободен от гнета мирового империализма, не было бы нужды, в четвертом параграфе того же горного закона, гласящем: «Граждане государств, с которыми Китай находится в договорных отношениях, могут приобретать права горной разработки лишь при условии их совместной деятельности с китайцами. В этом случае граждане этих государств должны подчиняться настоящим правилам и законам, с ними связанным. Иностранцам не разрешается владеть больше чем половиною акций, принадлежащих горнопромышленному предприятию».

Чтобы обеспечить себя и китайских граждан от «давления» со стороны иностранного капитала, в каждом конкретном случае горный закон предусматривает необходимость представления иностранными капиталистами удостоверений от своих посольств с обязательством подчиниться всем требованиям закона о горной промышленности.

Таков выход, который был изыскан китайским правительством для создания баланса между китайской буржуазией и мировым империализмом в вопросах горной промышленности.

Хлопчатобумажная промышленность.

Развитие хлопчато-бумажной промышленности в Китае поразительно по своему темпу. Китай в 1918 году сложил свой урожай хлопка в 2.500,000 тюков по 500 английских фунтов весом каждый, тогда как ежегодная добыча хлопка в Америке составляет цифру в 12 миллионов тюков. Сведения, собранные журналом союза владельцев хлопчатобумажных фабрик, дают цифры о собранном хлопке в девяти провинциях Китая за 1920 год.

Доклад комиссии по исследованию состояния урожая хлопка в 1920 г. совершенно не касается провинции Хэнань, несмотря на то, что эта провинция одна из наиболее богатых по хлопку. В целом добыча хлопка в 1920 году составляет лишь одну треть урожая 1919 года. Об'яснение этому факту надо искать в засухе, постигшей ряд провинций Китая в 1920 году, занятых культурою хлопка, а также разливами рек в период собирания урожая хлопка.

По провинциям—добыча хлопка и площадь, занимаемая культурой хлопка, в 1920 году распределяется в следующем виде:

Провинции	Площадь, занятая под хлопок в му. (1 му—1/6 английск. акра)	Количество пикулей (1 пикуль—133 1/3 фунта)
Чжи-ли	4.370,000	952,500
Шань дун	420,000	120,000
Шань-си	626,000	66,000
Ху-бэй	—	1.570,000
Чжэ-цзян	1.240,000	250,000
Цзян-су	—	3.000,000
Ань-хуй	1.200,000	220,000
Цзян-си	398,800	97,800
Ш нь-си	—	227,300

Приведенная таблица, в виду указанных неблагоприятных условий 1920 г., не является показательной или характерной. Провинция Цзян-су дает в среднем не 3 миллиона пикуль, как показано в таблице, а 5 миллионов пикуль. Площадь под культуру хлопка в одной только провинции Цзян-су занимает 11 миллионов му. Из добываемого количества хлопка на долю местного населения приходится 600 тысяч пикуль. Значительные количества хлопка поглощаются китайскими фабриками.

Площадь под культуру хлопка увеличивается и в других провинциях. В провинции Гуан-си коммерческие палаты организовали выставку в 1920 г. с тем, чтобы выяснить, какой из районов этой провинции дают лучшую культуру хлопка. Лучшие результаты были даны районами, пользовавшимися американскими семенами. Хлопок стали разводить в таких провинциях Китая, в которых этой культуры до недавнего времени не было. Так, в провинции Цзян-си под культуру хлопка занято сейчас 8,800 му, по сравнению с 4 тысячами му, занятыми в этой провинции в 1918 году.

Средний урожай, собираемый с каждого му, составляет 200 кэтти. Из каждых 100 кэтти сырца-хлопка возделанного хлопка получается только 32—36 кэтти. Рыночная цена за каждый пикуль—от 32 до 40 долларов. Цены на хлопок в самом Китае, в виду усиленного спроса, возрастают, что побуждает китайцев-крестьян охотно переходить к хлопковой культуре.

Сильно возросла добыча хлопка и в провинции Ань-хуй, в которой, по данным «Журнала Земледелия и Торговли», урожай за 1920 г. превысил цифру в 200 тысяч пикуль.

Культура хлопка сильно развита и в провинции Сы-чуань, в районах городов Чэн-ду, Чун-цин и других. Культуре хлопка китайской буржуазией уделяется много внимания, в виду той роли, какую хлопчатобумажное производство уже сейчас играет в экономике Китая.

Рост хлопчатобумажных фабрик в Китае.

Первая хлопчатобумажная фабрика с новейшими машинами в Китае была сооружена в 1890 году. В течение тридцати лет, протекших со дня организации первой

фабрики, хлопчатобумажное производство сильно развилось. Вот таблица, дающая наглядную картину роста хлопчатобумажных фабрик в Китае.

Год	Число фабик	Количество веретен
1891	2	65,000
1896	12	417,000
1902	17	565,252
1911	32	831,106
1916	41	1.145,136
1918	49	1.200,000
1921	63	1.749,312

Сверх этого количества веретен Китай имеет свыше 10 тысяч машинных ткацких прялок, не говоря уже о десятках тысячах ручных прялок, разбросанных по всему Китаю.

Любопытны сравнительные цифры количества веретен и прялок в других странах. Япония, в которой хлопчатобумажное производство сильно развито, имеет 3 миллиона веретен и 35 тысяч прялок. Соединенные Штаты Америки имеют 34 миллиона веретен. Англия имеет 58 миллионов веретен и 900 тысяч прялок.

Хлопчатобумажное производство в Китае дало применение «накопленному» капиталу китайской торговой и ростовщической буржуазии, превращая ее в промышленную буржуазию. Эта отрасль промышленности потребовала больших сумм, так как установление каждых 25 тысяч веретен требует 750,000 долларов. Доходность китайских предприятий совершенно исключительная. Годовой дивиденд ткацких фабрик достигает 30 процентов. Средний доход по ткацкой промышленности около 26 процентов на затраченный капитал.

Сухие цифры не говорят о выжатом поте и слезах подростков и женщин, пролетариев вообще, вся заработная плата которых—при каторжном рабочем дне в 14—16 часов—сводится к нескольким десяткам медяшек.

Состояние хлопчатобумажной и ткацкой промышленности в Китае не таково еще, чтобы китайская буржуазия была в состоянии покрывать потребности увеличивающегося в емкости китайского рынка. Мировая буржуазия также получает огромные прибыли, имея в своем распоряжении свои ткацкия фабрики и сооружая новые в Китае. Японские капиталисты соорудили свои фабрики в разных городах Китая: в Шанхай'е—8, в Хань-коу—1, в Тянь-цзинь'е—3, в Циндао—4, в Мукдэнь'е—1. Общее число веретен, работающих на японских фабриках в Китае,—469,780. Капитал, затраченный на сооружение этих фабрик равен сумме в 198.777,650 иен. Японский империализм не удовлетворяется достигнутыми результатами, предполагая поставить новые 450,000 прялок. Английские капиталисты имеют в Китае 18 фабрик с общим количеством веретен в 261,067. Это число веретен предполагается увеличить в ближайшее время на 36,991 веретено. Американский капитал в последние годы также уделяет значительное внимание вопросу о сооружении своих ткацких фабрик в самом Китае. В течение последнего десятилетия сооружено 10 американских фабрик. Это явление служит лишь отражением общей тенденции мирового капитала расширить площадь своего «экономического владения» на территориях колоний и полуколоний. Тенденция мировой буржуазии к строительству фабрик в Китае встречается с противодействующей тенденцией китайской буржуазии, стремящейся захватить китайский рынок в свое исключительное распоряжение. Большие завоевания китайской буржуазии уже сделаны.

Китайский рынок в своем современном состоянии целиком не насыщается, как сказано выше, товарами китайского производства. Китай поглощал и все еще поглощает большое количество японской хлопчатобумажной пряжи, правда, с одним характерным моментом—неуклонным падением количества ввозимых из Японии тюков пряжи, начиная с 1917 года. Это сокращение об'ясняется постепенным вытеснением с рынка японского продукта китайским полуфабрикатом.

Наглядная таблица рисует неуклонное падение ввоза в Китай японской хлопчатобумажной пряжи:

Год		Количество	Год		Количество
1913	1-ая половина	220,639 тюков	1917	1-ая полов.	194,190 тюк.
„	2-ая „	188,658 „	„	2-ая „	102,385 „
1914	1-ая „	248,036 „	1918	1-ая „	126,296 „
„	2-ая „	207,088 „	„	2-ая „	105,492 „
1915	1-ая „	197,309 „	1919	1-ая „	121,271 „
„	2-ая „	266,612 „	„	2-ая „	52,900 „
1916	1-ая „	240,277 „	1920	1-ая „	57,683 „
„	2-ая „	199,881 „	„	2-ая „	неизвестно.

Исследователи хлопчатобумажной промышленности в Китае утверждают, что в течение ближайших лет китайская пряжа вытеснит пряжу иностранного производства, целиком покрывая потребности китайского рынка.

Данные о состоянии хлопчатобумажной промышленности в Китае за последние два года уже были приведены. Можно лишь добавить, что в 1921 году предполагалось к открытию новых 39 китайских хлопчатобумажных фабрик и 38 новых компаний по торговле хлопчатобумажной пряжей.

Чтобы убедиться в том, в какой мере вырастает производство хлопчатобумажной пряжи в Китае приводим следующую таблицу, также заимствованную нами из бюллетеней правительственного бюро экономической информации:

Год	Количество	Год	Количество.
1910	1.050,000 тюков	1916	2.580,000 тюков.
1911	750,000 „	1917	2.576,000 „
1912	1.200,000 „	1918	2.700,000 „
1913	1.205,000 „	1919	3.307,500 „
1914	1.610,000 „	1920	4.102,000 „
1915	1.620,000 „		

Вырабатываемое на китайских фабриках количество хлопчато бумажной пряжи недостаточно для удовлетворения потребностей китайского рынка. Интересно сопоставить количество «поглощенной» Китаем пряжи с количеством, выработанным на китайских же фабриках.

Год	Количество	Год	Количество
1910	3.332,472 тюков	1915	4.285,667 тюков
1911	2.610,126 „	1916	5.043,182 „
1912	2.788,174 „	1917	4.652,544 „
1913	3.182,995 „	1918	6.532,728 „
1914	4.141,611 „	1919	5.842,785 „

Эта таблица служит указанием на то, что Китай должен еще в течение ближайших лет ввозить к себе иностранную пряжу, преимущественно японскую. Годовая стоимость иностранной пряжи, ввозимой в Китай, исчисляется в 65 миллионов долларов. Эта же таблица говорит и о непрерывном росте потребностей на самом китайском рынке, об увеличении его емкости, его «поглощающей» способности.

Китайская хлопчатобумажная промышленность имеет перед собою и ряд других задач по вытеснению с китайского рынка всех выделанных из пряжи фабрикатов. Процесс сокращения ввоза этих фабрикатов в Китай нами уже был отмечен. Тенденция сокращения весьма отчетливая. Товары иностранного производства, ныне ввозимые в Китай, составляются в своей главной массе из машин и разных частей к ним, в которых капиталистическое развитие Китая испытывает острую нужду.

Тем не менее, по данным 1920 года—в Китай было ввезено: серой ткани для рубашек (шертинг)—на 9.000,000 долларов, серого холста—на 13.000,0000 долларов, белого холста—на 17.000,000, толстого сукна—на 5 миллионов долларов, тика или бумазеи—на 11 миллионов долларов, полотна—на 3.500,000 долларов, ситца—на 4.500.000 долларов, цветных материй—на 25 миллионов долларов, бумажных материй (нанка, китайка)—на 7 миллионов; других тканей—на 15 миллионов. Общая сумма ввезенной в Китай иностранной пряжи и продуктов ее выделки составляет 175 миллионов долларов.

Таково соотношение в цифрах между китайской и мировой буржуазией в одной из наиболее важных отраслей промышленности. Цифровый материал с выпуклой наглядностью говорит о том, что Китай, несмотря на все насилия,

учиненные мировым империализмом, несмотря на все его ухищрения, вступил в полосу капиталистического развития.

Все явления первой стадии капитализма налицо и в Китае: чудовищная эксплоатация пролетариата, применение женского и детского труда, каторжный труд и нищенская заработная плата, антисанитарные условия работы на фабриках, отсутствие фабричных законов, фабричной инспекции и лишь зарождающийся процесс пробуждения классового самосознания пролетариата и организация его сил в профессиональные и политические ячейки.

Вызов мировому капиталу историей брошен. Китай уже находится в процессе экономического раскрепощения от гнета мирового империализма, утвердившегося в Китае в истории длинных и мучительных для китайских трудовых масс десятилетий.

Мукомольная промышленность.

Мукомольное дело составляет важную отрасль китайской промышленности. До недавнего еще времени Китай ввозил к себе муку, преимущественно из Соединенных Штатов Америки. Импорт муки в Китай в 1913 году составил сумму в 10.300,612 таэлей-лан. Экспорт китайской муки в другие страны в том же самом году составил сумму в 516,997 таэлей-лан, Соотношение между экспортом и импортом резко меняется к 1920 году. Экспорт китайской муки в 1920 году составил сумму в 18.251,722 таэлей-лан. Китай из импортной страны превратился в экспортную страну. Количество вывозимой муки не дает точного представления о состоянии мукомольной промышленности, так как главное количество производящейся на китайских мельницах муки потребляется внутри самого Китая.

Чрезвычайно распространенное мнение о том, что китайское население питается только рисом, является ни на чем не основанным и может быть квалифицировано как предрассудок. В Китае имеются обширные районы, где продуктом потребления широких народных масс является мука, а не рис. Все провинции, лежащие к северу от реки Хуанхэ (Желтой реки), питаются, главным образом, мукою. Еще далее на север, и в особенности во всем районе Маньчжурии, рис не произрастает. Именно потому, что хлеб является

продуктом питания миллионов населения в Китае—мукомольная промышленность сделала такие огромные завоевания, насыщая внутренний китайский рынок и экспортируя в другие страны излишки производства.

Точных цифр средней урожайности в Китае нет, ибо нет в Китае законченной системы собирания статистических сведений. Приблизительное же количество собираемой в год пшеницы определяется цифрой в 200.000,000 бушелей. Приблизительное количество муки, вырабатываемой на китайских мельницах, определяется цифрой в 48.000,000 мешков.

Мукомольная промышленность развивается в двух районах: на севере—в Маньчжурии и в Среднем Китае—в провинции Цзян-су, в Шанхай'е и У-си. Мукомольные предприятия имеются и в ряде других провинций, но главными пунктами развития этой отрасли промышленности являются Маньчжурия и Цзян-су.

Развитие мукомольного дела в Маньчжурии об'ясняется тем, что маньчжурское зерно питает русское население всего Приморья, восполняет недостаток в муке в районах Забайкалья, и идет на запад, в Иркутскую губернию и далее до богатых хлебом районов Западной Сибири. Маньчжурское зерно и мука предназначались также для вывоза в Англию. Русская буржуазия, прочно осевшая в Маньчжурии в период интенсивной колонизации этого района, соорудила несколько мельниц согласно требованиям новейшей техники. В последние годы китайцы соорудили свои мельницы, выдерживающее соревнование с русскими и японскими мельницами.

В провинции Цзян-су мукомольная промышленность развивается в городах Шанхай'е и У-си.

В одном Шанхай'е свыше 20 больших мельниц, работающих на машинах новейшей конструкции. Шанхай ежедневно производит около 60 тысяч мешков. Оба же города в провинции Цзян-су, Шанхай и У-си, дают больше одной трети всего количества муки в Китае. По своему качеству китайская мука выдерживает конкуренцию на мировом рынке. Если в других местах в Китае некоторые из мельниц находятся в общей собственности китайских и

иностранных капиталистов, то в городе У-си все мельницы находятся в исключительной собственности одной китайской буржуазии.

Экспорт и импорт муки в Китай.

Приводимая таблица дает соотношение между экспортом муки из Китая и ввозом муки в Китай в весе и стоимости:

	Количество пикуль	Стоимость в таэлях-ланах.
За 1913 год:		
Экспорт	119,451	516,997
Импорт	2.596,821	10.300,612
За 1919 год:		
Экспорт	2.694,271	10.872,318
Импорт	271,328	1.242,283
За 1920 год:		
Экспорт	3.960,779	18.251,722
Импорт	511,021	2.330,215

В течение 1920 года в Китае было сооружено десять паровых мельниц с капиталом в 5.800,000 долларов.

Мукомольные предприятия имеются в следующих провинциях Китая.

Чжи-ли	6	мельниц
Ань-хуй	2	»
Ху-нань	1	»
Ху-бэй	6	»
Цзян-су	43	»
Маньчжурия	27	»
Шань-дун	3	»
Сы-чуань	4	»
Юнь-нань	2	»

Приведенная таблица страдает неполнотою, во всяком случае, не преувеличивая количества технически хорошо оборудованных мельниц. К этому числу необходимо прибавить большое количество маленьких мельниц, разбросанных по всему Китаю. Не упразднена также система перемола зерна на камнях, система, широко распространенная в китайском земледельческом хозяйстве.

Существенной предпосылкой будущего энергичного развития мукомольной промышленности в особенности, равно как и других отраслей промышленности, вообще является развитие железнодорожной сети. При наличии богатой сети

мука северо-западных провинций легко могла-бы найти себе сбыт на внутренних рынках. Провинция Шэнь-си, для примера, в нормальных условиях является очень богатой зерном. Отсутствие же каких-либо железных дорог в этой провинции лишает ее возможности рационально использовать свое зерно. В провинции Шэнь-си урожайность зерна, благодаря интенсивным способам обработки большая, давая от 30 до 40 бушелей на один акр, но использовать это зерно на рынке не представляется возможным, в виду полного отсутствия железных дорог в этой провинции. Транспорт тонны-мили в провинции Шэнь-си обходится в 15—20 сент, между тем как обычно транспорт тонны-мили не превышает $^7/_{10}$ сента. В виду этих причин, мукомольное дело в Китае развилось только в тех провинциях, в которых имеются какие-либо средства передвижения, в провинции Цзян-су и Маньчжурии. Мукомольная промышленность в Китае в процессе непрерывного роста.

Шелковое производство.

Шелковое производство насчитывает тысячилетия своей истории в Китае. Эта отрасль промышленности находится сейчас в стадии перехода от устарелых ручных способов обработки к новым машинным способам. Старые мастерские по шелку сменяются новейшими фабриками с заменою «древнего» ручного станка машинным.

Шелковое производство, являясь одним из наиболее значительных в Китае, страдало и страдает тем же недостатком, каким характеризуется ряд других отраслей китайского хозяйства. Из Китая в значительно большей мере увозится сырье, чем его фабрикат. В 1918 году экспорт шелка-сырца составлял сумму в 89 миллионов таэлей-лан, экспорт шелковых остатков выражался цифрою в 11 миллионов, агрегатов шелка—в сумме 128 миллионов таэлей. Количество же выделенного шелка, вывезенного за-границу за тот же период выражается в следующих цифрах: шелковых изделий—15.220,000 таэлей-лан, чесучи—7.330,000 таэлей-лан. Соотношение между выделанным шелком, фабрикатом, и сырцом, не к выгоде Китая и его промышленности. Главная масса китайского шелка экспортируется в Америку. В 1918 году из Китая было вывезено в Америку

34.000,000 английских весовых фунтов стоимостью приблизительно в 200 миллионов таэлей-лан.

Американские фабриканты настаивают на изменении китайских методов приготовления шелка-сырца, чтобы приспособить китайский шелк-сырец под американские станки. Китайские купцы непрерывно улучшают методы обработки своего шелка.

Кантон является одним из центров торговли шелком с Америкой. В 1920 году производство в одном Кантоне дало 20 тысяч тюков. Цены на тюк колебались в пределах 1.850 долларов до 1.280 дол. за тюк. Следует кстати отметить, что цены на шелк претерпевают большие изменения, в виду сильной спекуляции, в которой, вместе с китайцами купцами, принимают участие и американские и японские купцы и фабриканты. В январе 1920 года цены в Америке были подняты до 4,300 иен за тюк, тогда как в мае того же года цена за тюк сырца не превышало 1,260 иен.

Шелковая промышленность в последние годы сильно развилась в провинции Чжэ-цзян, перерабатывающей сырье в фабрикат. Общая стоимость выделанного шелка в одной этой провинции в 1920 году составляет сумму в 10 миллионов долларов.

Из одного Шанхай'я 42 иностранными предприятиями, согласно данным «Коммерческого бюллетеня Дальнего Востока», в период от 1 июня 1920 по 31 мая 1921—вывезено в Европу и Америку 57,167 тюков шелка.

В этой отрасли промышленности, более чем в какой-либо другой, старые методы столкнулись с новыми требованиями. Ручной станок пришел в конфликт с машинным. Развивающееся производство бесжалостно разрушает старые станки и пред'являет ряд новых требований. Замедленный процесс промышленного развития этой отрасли народного хозяйства в прошлые годы облегчил Японии и Франции занять на мировом рынке по отношению к шелку то положение, какое по праву должен был бы занимать Китай. Япония стала вытеснять Китай на американском рынке, вывозя в Америку громадные количества шелка, применительно к требованиям американскаго рынка. Китаю для

достижения больших результатов предстоит перестроить свои ткацкие и прядильные станки, чтобы итти в ногу с бешеным темпом индустриализма.

Китайские промышленники прекрасно понимают стоящую перед ними задачу и пытаются улучшить шелковое производство от начального этапа до заключительного аккорда этого производства. Улучшено питание шелковичных червей, введены специальные курсы в Нанкинском высшем сельско-хозяйственном институте, созданы «национальные комитеты» для усовершенствования этой отрасли промышленности. Пекинское правительство согласилось на организацию «международной комиссии по улучшению шелкового производства», сознавая, что эта отрасль хозяйства придет в упадок, если не будут приняты надлежащие меры. Никаких существенных результатов деятельность этой «международной комиссии», несмотря на год ее существования, не дала. Были лишь организованы в некоторых местах опытные поля и привлечены новые группы студентов для изучения шелкового производства во всех его процессах и этапах.

Высказываются соображения в пользу организации особых бюро из специалистов для каждого района. Эти бюро должны давать крестьянам все необходимые указания, чтобы оздоровить шелковичного червя и понизить процент его смертности. Эти бюро должны быть об'единены в центральном аппарате. Эти бюро также должны снабжать шелковые фабрики новейшими машинами.

Эта отрасль промышленности, как и целый ряд других отраслей, ставит на очередь вопрос, сумеет ли китайская буржуазия собственными силами и средствами решить задачу индустриализации Китая. В самом Китае имеются течения, наиболее ярко представленные в лице доктора Сун Ят-сен'а, считающие, что шелковая промышленность, как и ряд других отраслей, должна быть национализирована, чтобы обеспечить техническое и экономическое развитие шелкового производства.

Электрические машины.

В течение последних лет в Китае сооружено более 100 электрических заводов. Развитие этой отрасли промышленности идет ускоренным темпом. Электрическая энергия

идет, главным образом, на осветительные цели. В самое последнее время электрическая энергия применяется и на фабриках и заводах в качестве двигательной силы. Спрос на электрические машины и части к ним в 1920 году превышал то количество их, какое было ввезено в Китай. Америка предлагала в 1920 году в ответ на заказы больших электрических машин группы маленьких машин. В китайских промышленных предприятиях наблюдается тенденция к замене машин, расчитанных на 300—400 килоуаттов, машинами на 1000 и больше килоуаттов. Рост требований на электрические машины, естественно, повысил требования на ряд принадлежностей к ним. Львиная доля в снабжении Китая этими принадлежностями, лампочками и электрическими приспособлениями всякого рода была захвачена Японией. Ввоз электрических принадлежностей в Китай составлял следующие суммы: за 1913 год—2, 3 миллиона таэлей-лан за 1919 г.—5 миллионов, за 1920 год—6 миллионов.

Главным потребляющим районом для электрических машин и частей к ним является Шанхай.

Судостроительство.

Судостроительная промышленность в Китае сильно развита. В одном Шанхай'е есть ряд больших доков и судостроительных заводов.

На некоторых из них в 1920 году были сооружены пароходы вместимостью в 50 тысяч тонн. Оборудование этих судостроительных заводов настолько удовлетворительно, что Америка заказала этим заводам несколько пароходов.

Кроме Шанхай'я,—судостроительные доки имеются в Амой'е (Ся-мынь), на южном побережье Китая, в провинции Фу-цзянь, в городе Фу-чжоу, в столице провинции Фу-цзянь, в Кантоне, в Дайрене, в Хань-хоу, в Тянь-цзинь'е и других местах. Не все из имеющихся в Китае доков и судостроительных заводов оборудованы согласно требований новейшей техники. Самое их существование—явление весьма недавнего происхождения. Техническое же усовершенствование этих заводов непрерывно продолжается.

Другие отрасли промышленности.

Из других видов промышленности обращает на себя внимание развивающаяся спичечная. Эта отрасль промышленности тем характерна, что она вытесняет с китайского

рынка японский фабрикат. В одном только 1919 году, по данным пекинского министерства земледелия и торговли, зарегистрировано китайских спичечных фабрик, с основным капиталом в 1.141,000 долларов и 387,000 таэлей-лан. На спичечных фабриках в провинции Чжэ-цзян введены новейшие машины.

Сахарная промышленность также переживает поворотный момент в своей истории. Несмотря на обилие сахарного сырья в виде тростника—сахарная промышленность не сделала тех приобретений, какие эта отрасль промышленности могла бы сделать. Одним из обстоятельств, сдерживающих развитие сахарной промышленности, является усиленное развитие этой промышленности на островах Формоза и Ява. Ввоз готового сахара в Китай в 1918 году составил сумму в 70 миллионов долларов. Большая часть ввоза приходится на Гонконг, Формозу и Яву. В 1920 г. «сахарный король» в Китае, Ма Ю-шан, стал строить 4 сахарных завода в Шанхай'е, с применением машин новейшей конструкции. Его же компании заняты разведением сахарного тростника в самой южной провинции Китая—Гуандун и сахарного бурака в окрестностях Тянь-цзинь'я.

В Китае сильно развивается культура бобов и тесно связанная с ней отрасль промышленности по выделке масел. Экспорт одних бобов в 1918 году в другие страны, кроме Японии, привозящей к себе бобы из Маньчжурии, составил сумму в 87 миллионов долларов. В бобовой отрасли промышленности наблюдается отмеченное нами выше явление—несоответствие между добываемым сырьем и фабрикатом. Это несоответствие об'ясняется историческими путями экономического развития самого Китая. Мировой капитал увозил из Китая сырье, возвращая ему, Китаю, переработанный на европейских фабриках готовый продукт. Китай лишь в последние годы, перерабатывая на своих фабриках сырье, стал снабжать своим фабрикатом китайский рынок и вывозить излишек фабриката в другие страны.

Самый процесс выделки масел в самом Китае—большое завоевание, расширяющееся в базисе.

Районом выделки бобовых масел является город У-си в провинции Цзян-су, имеющий десять маслобойных заводов. Эти заводы потребляют ежедневно 4 тысячи пикуль бобов. Результатом ежедневной переработки на заводах в городе У-си является 450 пикуль масла и 4,400 пикуль «бобового пирога». Стоимость годового производства бобовых продуктов в городе У-си выражается в цифре в 15 миллионов долларов. Следующим местом по выделке масел является город Тянь-цзинь. В этом городе восемь заводов, из которых четыре принадлежат японским капиталистам. Новые маслобойные заводы в 1921 году сооружены в городах У-ху и Чжун-мин. Что касается до других растительных масел, то производство их в Китае сделало крупные успехи. Главными центрами этой промышленности являются Шанхай и Хань-коу. Стоимость вывоза других масел в 1918 году, кроме вышеуказанных, составила цифру в 30 миллионов долларов. 75 процентов экспорта приходится на Америку.

Огромное развитие бобовой культуры и производства бобового масла наблюдается в Маньчжурии.

Рост бобовой промышленности.

Нижеследующие таблицы дают картину роста этой промышленности в ряде лет.

Бобы.

Год	Количество	Стоимость
1912	109.340,000 пикуль	233.740,000 таэлей-лан
1913	103.250,000 »	232.960,000 »
1914	86.110,000 »	190.190,000 »
1915	102.350,000 »	168.660,000 »
1916	67.320,000 »	137.860,000 »
1917	79.270,000 »	152.740,000 »
1918	63.710,000 »	143.390,000 »
1919	112.270,000 »	287.750,000 »

Бобовое масло

Год	Количество	Стоимость
1912	5.250,000 пикуль	39.490,000 таэлей-лан
1913	910,000 »	37.320,000 »
1914	6.070,000 »	49.660,000 »
1915	10.170,000 »	74.810,000 »
1916	15.650,000 »	118.330,000 »
1917	18.910,000 »	181.960.000 »
1918	22.770,000 »	24.981,000 »
1919	23.610,000 »	210.600,000 »

Бобовых продуктов.

Год	Количество	Стоимость
1912	81.620,000 пикуль	176.420,000 таэлей-лан
1913	118.180,000 »	249.620,000 »
1914	115.930,000 »	200.210,000 »
1915	115.930,000 »	207.060,000 »
1916	116.360,000 »	261.220,000 »
1917	155.120,000 »	237.580,000 »
1918	163.660,000 »	298.920,000 »
1919	207.240,000 »	441.370,000 »

Приведенные таблицы говорят о богатой бобовой промышленности в Маньчжурии. Эта промышленность обслуживает японский рынок. Бобы, масла и бобовые продукты в огромных количествах вывозятся по Южно-Маньчжурской дороге в Дайрен, а оттуда в Японию.

В Маньчжурии также развита культура особого боба, под именем сойи, продукта, заменяющего собою по питательным качествам мясо. Сойя была «открыта» в Китае несколько тысячелетий тому назад и составляет предмет широкого потребления в Китае и Японии. Годовое мировое количество бобов сойи, по данным «Банковского Еженедельника» (китайского), выражается в следующей таблице:

Государства	Площадь	Количество
Собственно-Китай	71.403,000 му	50.286,000 пикуль
Япония	6.982,000 »	6.464,000 »
Корея	7.550,000 »	5.220,000 »
Соед. Штаты	10,000 »	870,000 »
Всего	85.945,000 »	62.840.000 »

Из этой таблицы видно, что на долю Китая приходится около 80 процентов мировой «добычи» сойи. Культура сойи, кроме Маньчжурии, сильно развита в провинциях Шань-дун и Хэ-нань; Маньчжурия дает 60—70 процентов всего количества сойи в Китае. По провинциям в самой Маньчжурии культура сойи распределяется в следующем виде:

Провинция	Общая площадь возделыв. земли	Площадь под культуру сойи	Отношение к 100	Количество
Фын-тянь	73.367,000 му	15.311,000 му	19:100	14.570,000 пик.
Цзи-линь	50.533,000 »	9.547,000 »	18:100	8.559,000 »
Хэй-лун-цзян	51.100,000 »	8.806,000 »	18:100	8.663,000 »
	175.000,000 му	33.664,000 му	18:100	31.762,000 пик.

Ежегодное увеличение «производства» сойи определяется в 700 тысяч пикуль. Из общего количества в 31.762,000 пикуль—семь миллионов осталось для внутреннего рынка, остальное количество вывезено за-границу.

Следующая таблица дает взаимоотношение между количеством сойи, поглощаемым на внутреннем рынке, и излишками, экспортируемыми из Китая:

Провинция	Годовое количество	Местное потребление	Излишек.
Фын-тянь	14.570.000 пикуль	3.970,000 пикуль	10.600,000 пик.
Цзи-линь	8.559,000 »	2.013,000 »	6.546,000 »
Хэй-лун-цзян	8.633,000 пикуль	1.155,000	7.478,000
Всего	31.762,000 »	7.138,000	24.524,000

Из всего количества экспортируемой сойи Япония поглощает 77 процентов, 7 процентов уходит в Америку и Европу, а остальные 16 процентов распределяются по различным провинциям в самом Китае. Сколь значительно развитие сойевой промышленности, видно из следующей справки. Десят лет назад экспорт бобовых продуктов машинной прессовки составлял 400 тысяч тонн. В настояще время цифра экспорта превышает один миллион тонн. Масла в недавнем прошлом вывозилось в количестве от 20 до 30 тысяч тонн. В настоящее время это количество возросло до 400 тысяч тонн.

Из других видов семян и масел следует остановиться на развитии культуры сезамского семени и масла. Главным районом сезама является Хань-коу.

Сезамское семя.

1917	329,973 пикуль	1.600,369 таэлей-лан
1918	137,861 »	643,810 »
1919	1.765,050 »	9.531,270 »

Сезамское масло

1917	15,699 пикуль	125,278 таэлей-лан
1918	23,991 »	242,310 »
1919	37,486 »	428,840 »

В этой области и в ряде других наблюдаются быстрые и большие успехи, лишь подтверждающие факт интенсивного развития индустриализма в Китае.

Из других видов промышленной деятельности обращает на себя внимание производство цемента. Кантон, Хань-коу, Гонконг и Тан-шань являются ныне пунктами большой цементной промышленности. На одних цементных заводах в Тан-шань'е производство цемента выражается в 500,000 бочек в год. Заводы в Хань-коу дают 1000 бочек в день, Кантон дает 500 бочек ежедневно, гонконгские цементные заводы дают 50—60 тысяч бочек в месяц. Цементное производство захватывает новые районы в Китае. В 1919 году открылись 2 цементных завода в Тянь-цзинь'е с капиталом в полтора миллиона долларов, завод в Да-е, в провинции Ху-бэй, с капиталом в 1.423,400 таэлей-лан. Эти сведения взяты нами из «Официального регистратора министерства земледелия и торговли».

Целый ряд других производств в Китае сейчас в зародышевом состоянии, быстро переходящим из младенческого возраста в юношеский, чтобы за тем перейти в зрелый.

«Китайский народ,—говорит г. Арнольд,—понял преимущества машинного производства и необходимость его организации в соответствии с научными данными и готов, поскольку это разрешают условия, заменить свое домашнее производство и примитивные методы современной индустрией».

Сырьевые продукты.

Из сырьевых продуктов видное место в Китае занимает шерсть. Китай, по статистическим данным до 1918 года, вывозил шерсти на 12 миллионов долларов. 64 процента этого количества вывозилось в Америку. Переработка шерсти на китайских фабриках сейчас только зарождается. Значительных успехов в этой отрасли пока не зарегистрировано.

Экспорт кож из Китая составляет сумму в 25 миллионов долларов. 75 процентов всего количества экспорта идет в Соединенные Штаты Америки. Обработка кожи на заводах в самом Китае начата всего несколько лет тому назад. В настоящее время находятся в действии несколько кожевенных заводов в Китае, из них один большой завод в Шанхай'е.

Яичное производство, и в частности альбуминовое производство, сильно развилось за последние годы. Сооружены также рефрижераторы в нескольких городах Китая.

Налицо все условия для быстрого промышленного развития в Китае. Обладая неограниченными, неисчерпаемыми и неиссякаемыми источниками естественных богатств, при большом количестве опролетаризованных масс, Китай должен итти в сторону быстрой индустриализации, сооружения фабрик и заводов, перерабатывающих сырье на «отечественных» предприятиях. Отсюда возрастающий спрос на машины и абсолютное и относительное увеличение стоимости «ввоза» этого «фабриката» в Китай из других капиталистических государств, преимущественно из Америки. Отсюда—также образование торговых товариществ, акционерных предприятий, синдикатов, словом, весь тот процесс трестирования промышленности на началах частной собственности, какой является характеным для капиталистического строя.

Главным промышленным центром Китая является Шанхай, застраивающйся фабричными корпусами. «В течение ближайших десяти или двадцати лет, десятки миллионов долларов будут затрачены в Шанхай'е на сооружение новых зданий, торговых домов, промышленных предприятий, заводов, большинство которых, вероятно, будет построено китайским капиталом», пишет г. Арнольд в «Коммерческом руководстве по Китаю».

Рост торгового баланса Китая.

Состояние китайской промышленности, распределение производительных и земледельческих районов в Китае и рост торгового баланса Китая выпукло вырисовываются из ряда таблиц, охватывающих период от 1864 до 1917 годов.

Тоннаж судов, пришедших в Китайские порты:

1864 год.	6.635,485 тонн.	1871 год.	7.381,557 тонн.
1865 »	7.136,301 »	1872 »	8.486,473 »
1866 »	6.877,582 »	1873 »	8.227,754 »
1867 »	6.396,815 »	1874 »	9.305,801 »
1868 »	6.418,503 »	1875 »	9.867,641 »
1869 »	6.843,072 »	1876 »	10.226,421 »
1870 »	6.907,828 »	1877 »	11.983,591 »

1878	год.	13.446,394	тонн.	1898 год.	34.233,580 тонн.
1879	»	13.927,221	»	1899 »	39.268,330 »
1880	»	15.874,352	»	1900 »	40.807,242 »
1881	»	16 640.278	»	1901 »	48.416,668 »
1882	»	17.388,852	»	1902 »	53.990,002 »
1883	»	17.589,914	»	1903 »	57.290,389 »
1884	»	18.806,788	»	1904 »	63.774,706 »
1885	»	18,068,177	»	1905 »	72.755,547 »
1886	»	21.755,760	»	1906 »	75.819,888 »
1887	»	22.199,661	»	1907 »	80.109,424 »
1888	»	22.307,859	»	1908 »	83.991,289 »
1889	»	23.517,884	»	1909 »	86.771,809 »
1890	»	24.876,459	»	1910 »	88.776,689 »
1891	»	27.710,788	»	1911 »	85.929,511 »
1892	»	29.440,575	»	1912 »	87.562,748 »
1893	»	29.318,881	»	1913 »	93.334,830 »
1894	»	29.622,001	»	1914 »	97.084,213 »
1895	»	29.737,078	»	1915 »	90.663,005 »
1896	»	33.490,857	»	1916 »	88.020,101 »
1897	»	33.752,362	»	1917 »	86.907,049 »

Торговые обороты Китая по главным городам в таэлях-ланах.

	1867 год	1907 год	1917 год
I. Северн. города			
Поселок Маньчжурия	—	—	11.438,872
Суй-фын-хэ	—	—	21.631,487
Ань-дун	—	4.736,238	42.867,316
Дайрен	—	13.837,739	135.945,180
Ню-чжуан	5.444,230	32.294,663	28.829,499
Цин-вань-дао	—	5.293.870	10.355,729
Тянь-цзинь	14.720,294	96.778,966	142.360,661
Чжи-фу	6.265,373	28.646,513	32.233,419
Цзяо-чжоу	—	28.637,889	57.782,991
II. Порты на реке Ян-цзы			
Чун-цин-(в провинции Сы-чуань)	—	27.045,904	33.592,533
Чан-ша (в провинции Ху-нань)	—	7.292,133	27.492,228
Хань-коу	30.537,026	115.071,383	170.730,067
Цзю-цзян (в провинции Цзян-си)	7.860,609	30.337,377	41.936,034

	1867 г.	1907 г.	1917 г.
У-ху (в провинции Ань-хуй)	—	21.390,455	19.477,194
Чжэнь-цзян (в провинции Цзян-су)	5.806,802	32.437,296	18.014,171
III. Центральные города			
Шанхай	38.093,101	137.058,239	276.411,418
Су-чжоу	—	4.367,546	18,927,756
Хан-чжоу (в провинции Чжэ-цзян)		19.687,735	21.020,832
Нин-бо (в провинции Чжэ-цзян)	12.563,541	25.018,064	25.107,383
IV. Южные порты			
Фу-чжоу (в провинции Фу-цзянь)	23.457.792	19.034,094	15,223.269
Амой (Ся-мынь в провинции Фу-цзянь)	10.058,401	17,680,050	14.602,519
Сватоу (Шань-тоу в провинции Гуан-дун)	11.826,941	45.365.758	51.900,351
Кантон	24,296,136	103.782.947	102.844,940
Гоу-лун (в провинции Гуан-дун)	—	54.381,058	53.838,709
У-чжоу (в провинции Гуан-си)	—	9.663,395	15.490,167

Вышеприведенная таблица не исчерпывает всех данных о китайской торговле, так как совершенно не показывает движения торговли во внутреннем Китае, ограничиваясь только «договорными портами». Из 48 «договорных портов», 34 мест, открытых в дополнение к «договорным портам», для международной торговли и 25 портов, в которых иностранные суда, в одних случаях только с пассажирами, в других случаях с пассажирами и грузом, могут останавливаться— вышеприведенная таблица дает сведения о торговле лишь в 27 «договорных портах». Однако, и эти неполные сведения дают картину растущего торгового баланса Китая.

Хозяйственная номенклатура Китая.

Чем же богат Китай? Какова номенклатура его естественных богатств, земледельческих продуктов, промышленной деятельности. Всю сумму его богатств удобно расположить в две таблицы. Первая таблица распределяет самые продукты. Вторая распределяет провинции, указывая, какие продукты имеются в каждой из провинций.

Несколько слов предварительно о зерновых продуктах. Вообще говоря—зерновые продукты запрещены к вывозу из Китая. На деле—эти продукты вывозятся. Пшеница в больших количествах вывозится из Маньчжурии и Шань-дун'а, а рис из Среднего и Южного Китая. Рис растет южнее 32 параллели. Исключение составляет только одна провинция Цзян-су. Рис составляет главный продукт питания в Среднем и Южном Китае. Пшеница, ячмень и проса растут преимущественно на севере. Пшеница, впрочем, растет и на юге. Гаолян является главным продуктом потребления в Маньчжурии, маис—в северной части провинции Юнь-нань и в соседних провинциях.

Овес культивируется в Монголии, в Хэй-лун-цзян'ской провинции, а также в провинциях Гань-су и Гуй-чжоу. Рожь культивируется на крайнем северо-западе, в провинции Гань-су.

Продукт	Откуда
I. Продукты от животных	
Шкуры и кожи диких животных	Маньчжурия, Монголия, леса Нань-шань, западный Сы-чуань, северный Сы-чуань, Гань-су и Шэнь-си
Шкуры овечьи Шерсть » Шкуры козлинные	Монголия и Тибет по преимуществу
Кожи вола и буйвола Рога » » Сало	Во всех частях Китая
Щетина	Преимущественно в Чжи-ли, Хэ-нань, Ху-бэй, Сы-чуань'е Гуан-дун'е и Гуан-си
Альбумин	В больших портах на реке Ян-цзы
Яйца Перья	Долина реки Ян-цзы и дельта в провинции Гуан-дун
II. Зерновые продукты	О них шла речь выше
III. Волокно	
Подсолнечник цветной	Ху-бэй
Пенька	Почти во всех частях Китая, преимущественно же в провинциях Гуан-дун и Гуан-си
Джут	Чжи-ли

Продукт	Откуда
Рами (китайская трава, волокно которой идет на выделку одежды в Китае и Японии)	Сы-чуань, Цзян-си, Ху-бэй, Гуан-дун и Гуан-си
IV. Металлы	
Антимоний (сурма)	Почти исключительно в провинции Ху-нань, имеется также в Гуан-си и Юнь-нань'е
Железо	Для вывоза за-границу, в провинции Ху-бэй; кроме этого — во многих провинциях
Свинец	Преимущественно в провинции Ху-нань, также северная часть провинции Юнь-нань
Ртуть	Гуй-чжоу
Олово	Южный Юнь-нань
Цинк	Ху-нань
V. Семена	
Бобы сойи	Маньчжурия, Хэ-нань, Чжи-ли, Шань-дун и провинции в центральном течении реки Ян-цзы
Земляной орех	Во всех частях, особенно в Шань-дун'е (лучший) и в Гуан-дун'е
Полевая репа	Главным образом, в центральной части Маньчжурии, Ань-хуй, Цзян-су, Чжэ-цзян, Сы-чуань
Сезам	Маньчжурия, Хэ-нань и Шань-дун
Касторовое масло	Маньчжурия, Чжи-ли
Горчица	Монголия и Юнь-нань
VI. Шелк	
Белый	Чжэ-цзян, Цзян-су, Гуан-дун
Желтый	Шань-дун, Сы-чуань
Дикий	Южная Маньчжурия, Шань-дун и Гуй-чжоу
VII. Чай	
Черный	Ху-бэй, северная часть Цзян-си, Фу-цзянь, Гуан-дун
Зеленый	Цзян-си, южная часть провинции Ань-хуй, Чжэ-цзян, Фу-цзянь, Гуан-дун

Продукт	Откуда
VIII. Лес	
Лес, включая бамбук	Восточная и Северная Маньчжурия, хребет Нань-шань (северная часть провинции Чжэ-цзян), южная часть провинции Ань-хуй, Фу-цзянь, южная часть провинции Ху-нань, северный Гуан-дун, южная часть Цзян-си, южный Гуй-чжоу и Гуан-си
IX. Разные	
Анисовое семя	Гуан-си
Китайский корень	Ху-бэй, Гуан-дун, Гуан-си
Фарфоровые изделия	Цзян-си и Гуан-си
Уголь	Маньчжурия, Чжи-ли, Шань-си, Хэ-нань, Шань-дун
Хлопок	Чжи-ли, Хэ-нань, Шань-дун, Ху-бэй, Чжэ-цзян, Цзян-су
Гриб	Ху-бэй, Гуан-си и Сы-чуань
Мускус	Западный Сы-чуань
Чернильный орех	Сы-чуань, Гуй-чжоу, Ху-бэй и Гуан-си
Сахар	Гуан-дун и Гуан-си
Табак	Маньчжурия, Гань-су, Ху-бэй, Фу-цзянь, Гуан-дун, Гуан-си

Провинция	Продукт	Экспортный порт
I. Собственно Китай (18 провинций)		
а) Северные провинции:		
1. Чжи-ли	Семена абрикоса и дыни, щетина, джут, соломенные шнуры.	Тянь-цзинь
	Хлопок (из юго-западной части Чжи-ли)	Тянь-цзинь
	Земляной орех (из юговосточной части Чжи-ли).	Тянь-цзинь
	Уголь (Кан-пин'ские копи)	Тянь-цзинь и Цинвань-дао
2. Шань-дун	Хлопок (северо-западная часть провинции)	Тянь-цзинь
	Че-су-ча и дикий шелк.	Чжи-фу
	Уголь (из Бо-шань и Вэй-сянь)	Цзяо-чжоу
	Стеклянные изделия, шнуры из соломы, пшеница, белый и желтый шелк	Цзяо-чжоу

Провинция	Продукт	Экспортный порт
	Бобовое масло, бобовые продукты, щетина, земляной орех, масло земляного ореха, грецкий орех.	Чжи-фу и Цзяо-чжоу
	Вермишель (из зеленых бобов)	Чжи-фу
3. Хэ-нань	Бобы сойи.	Цзяо-чжоу и Хань-коу
	Уголь.	Тянь-цзинь
	Сезамское семя	Хань-коу
4. Шань-си	Уголь.	Тянь-цзинь
5. Шэнь-си	Козлиные шкуры	Тянь-цзинь
6. Гань-су	Щетина, шкуры, кожи.	Тянь-цзинь, Цзяо-чжоу и Хань-коу
б) Центральные провинции:		
7. Сы-чуань	Щетина, перья, грибы, козлиные шкуры, китайская трава, идущая на ткань, пенька, кожи, желтый инбирь	Чун-цин
	Лак, растительные масла и желтый шелк.	Чун-цин
	Медицинские средства (из Западных Гор по преимуществу)	Чун-цин
	Ревень (из северо-западного Сы-чуань'я), белый воск (из Цзя-дин'а), соль	Чун-цин
8. Ху-бэй	Мышьяк, черный и зеленый чай, щетина, китайский корень, уголь, хлопок, гриб, козлиные шкуры, гипс, кожи, железо, медицинские средства, мускус, чернильный орех, табак, лак, пшеница, белый воск, дерево, дерев. масло, желтый и белый шелк	Хань-коу
Западный Ху-бэй	Хлопок, грибы, пенька, чернильный орех, лак, растительные масла	И-чан и Ша-ши
9. Ху-нань	Китайская трава для ткани, пенька, рис, пшеница. Металлы: антимоний (сурма), мышьяк, свинец, магнезий, цинк, красный мышьяк	Чан-ша и И-чжоу

Провинция	Продукт	Экспортный порт
10. Цзян-си	Уголь и кокс.	Чан-ша
	Бобы, камфора, фарфоровые изделия, хлопок, китайская трава на ткани, земляной орех, индиго, семена дыни, бумага, рис, сезамское семя, чай, лес, табак и растительные масла	Цзю-цзян
11. Ань-хуй	Перья, зеленый чай, кожи, репа, рис, шелк и пшеница.	У-ху
12. Цзян-су	Бобы, бумага для вееров.	Нанкин
	Козлиные шкуры, кожи, семена сезама и дыни.	Нанкин и Чжэнь-цзян
	Яйца, бобы сойи	Чжэнь-цзян
	Земляной орех	Чжэнь-цзян и Шанхай
	Хлопок, яйца, соломенные шнуры, пшеница.	Шанхай
	Шелк.	Шанхай и Су-чжоу
	Зеленый чай и семена репы	Су-чжоу
	Соль	
13. Чжэ-цзян	Квасцы, рыба и рыбные продукты, цыновки, медицинские средства, шляпы.	Нин-бо
	Капуста, шелк, табак	Хан-чжоу
	Хлопок, зеленый чай, бумага и бумажные продукты	Хан-чжоу и Нин-бо
	Черный и зеленый чай, рыба, бумага, лес, табак.	Янь-чжоу
c) Южные провинции.		
14. Фу-цзянь	Бамбук, камфора, чай и лес	Сян-ду-ао и Фу-чжоу
	Бумага, черный и зеленый чай	Все порты
	Маслина и апельсины	Фу-чжоу
	Фарфоровые изделия, сахар и табак	Амой (Ся-мынь)
15. Гуан-дун	Кассия (дерево и самый плод) и шелк	Кантон и Лап-па
	Пальмовые листья	Лап-па
	Бамбук, бамбуковые изделия и апельсины	Все порты
	Рыба и рыбные продукты	Гоу-лун, Лап-па и Святоу (Шань-тоу)
	Китайская трава для материи	Сватоу

Провинция	Продукт	Экспортный порт
	Земляной орех и масло от него	Сватоу, Лаппа и Пак-хой
	Индиго	Сватоу и Пак-хой
	Яйца, фрукты, бумага, и табак	Все порты
	Цыновки	Кантон
	Сахар	Все порты
	Чай	Все порты, кроме Пак-хой
16. Гуан-си	Земляной орех, бумага, сахар и табак	Все порты
	Анисовое семя и кожи	Нань-нин и У-чжоу
	Пенька, индиго, семена дыни, шелк, чай, лес, деревяное масло, чернильный орех	У-чжоу
17. Гуй-чжоу	Козлиные кожи и чернильный орех (северная часть провинции)	Чун-цин
	Дикий шелк, лес (южная часть провинции)	Чун-цин
18. Юнь-нань	Олово	Мэн-цзы
	Черный чай	Мэн-цзы и Цзы-мао
	Табак	Цзы-мао
	Самородный, желтый арсеник, грецкий орех и желтый шелк	Тэн-юэ
II. Владения Китая		
а) Маньчжурия		
1. Хэй-лун-цзян	Кожи, меха лисицы, соболя, сурка и др.	Ст. Маньчжурия
2. Цзи-линь	Бобы	Харбин, Суй-фын-хэ
	Зерно и мука	Сань-син (по реке Сунгари), Суй-фын-хэ и Харбин
	Лес	Ань-дун, Харбин и Суй-фын-хэ
3. Фын-тянь	Дикий шелк, бобы и бобовые продукты	Ань-дун, Дайрен и Ню-чжуан
	Зерновые продукты, сезам и различные семена и соль	Дайрен и Ню-чжуан
	Уголь	Дайрен и Ню-чжуан
	Лес (нижнее течение реки Я-лу)	Ань-дун
б) Монголия	Кожи	Тянь-цзинь и Цинвань-дао
	Шкуры, меха, овцы	Тянь-цзинь
	Кожи, скот, мясо	Харбин

Провинция	Продукт	Экспортный порт
в) Синь-цзян (Китайский Туркестан)	Овес, ячмень, пшеница дыня. Лошади, верблюды, волы, ослы, овцы, козлы. Золото, свинец, уголь, нефть, камни, сульфур, квасцы	
г) Тибет	Ячмень, всякое зерно, фрукты	
	Лошади, овцы, козлы, ослы, яки (тибетский конехвостый бык)	
	Меха, мускус, золото	
	Горный хрусталь, ртуть, соль, железо, борная кислота	

В пояснение к приведенному списку провинций с продуктами, находящимися в них, необходимо сказать, что целый ряд продуктов не внесен в список, в виду зародышевого состояния своей добычи или производства. Сюда относятся: керосин—в северной части Шэнь-си, нефтяные колодцы в провинции Сы-чуань, минеральные богатства горных цепей Маньчжурии и Гань-су, медь—в северной части провинции Юнь-нань. В списке уделено небольшое внимание соли, в виду того, что соль из'ята из торгового обращения, составляя продукт государственной монополии.

Приведенные нами таблицы, во-1-ых, не дают сведений о состоянии обмена Китая за последние годы, во-2-ых, не дают соотношения в цифрах импорта в китайские города продуктов иностранного и товаров китайского происхождения, в третьих, не сопоставляют сведений об импорте и экспорте из Китая. Приводимая ниже таблица отвечает на указанные вопросы, давая материал о каждом «договорном порте» в отдельности и общую сумму торгового оборота в целом.

Необходимо лишь принять во внимание, что приводимые цифры говорят о торговле, находившейся под бдительным оком «приморских таможен». «Приморские таможни» в Китае охватывают район не только морского побережья, но и все вообще «договорные порты». Вне сферы наблюдения «приморских таможен» происходит обмен во всем внутреннем Китае. Цифры нижеприводимой таблицы не охватывают всей торговли в Китае, ограничиваясь данными обмена китайского производства с фабрикатами иностранного производства.

Торговый оборот по каждому «договорному порту» в 1919 и 1920 годах.

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Айгунь				
Иностр. ввоз	2.665,460		716 819	
Китайск. „	1 321.397		1.397,580	
Экспорт	225,707	4.212,564	362,425	2.476,845
Сань-син				
Иностр. ввоз	170,507		295 300	
Китайск. „	189,461		484 294	
Экспорт	1.852,095	2.212 063	4.137 020	4.916,614
ст. Маньчжурия				
Иностр. ввоз	—		—	
Китайск. „	23,409		40.555	
Экспорт	5.259,744	5.283 151	4.223,885	4.264,440
Харбин				
Иностр. ввоз	—		—	
Китайск. „	7.373,630		10.705 373	
Экспорт	895,984	8.269 614	663,515	11.368,888
Суй-фын-хэ				
Иностр. ввоз	10.716,722		4.323,241	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	6.492,338	17.209,070	5.734 574	10.057,815
Хунь-чунь				
Иностран. ввоз	586,636		577,972	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	377,382	964,548	211,311	779,283

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Лун-чжэн-цун				
Иностр. ввоз	2.234,406		1.640,066	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	1.080,972	3.315,378	593,585	2.233,651
Ань-дун				
Иностр. ввоз	31.983,240		34 165,934	
Китайск. „	3.952,950		3.787 023	
Экспорт	25.436,436	61.372,626	25 118,566	63.071,523
Дадун-гоу				
Иностр. ввоз	28,843		14,409	
Китайск. „	43		—	
Экспорт	38,124	67,010	31,245	45,654
Дайрен				
Иностр. ввоз	89.430,626		70.220.715	
Китайск. „	16.306,543		8.486 621	
Экспорт	105.010,867	210.066,263	125.066,263	203.773,599
Ню-чжуан				
Иностр. ввоз	11.320,358		15.635,628	
Китайск. „	11.795,479		16.499,596	
Экспорт	18.225,449	41.341,286	13.994,544	46.129,768
Цин-вань-дао				
Иностр. ввоз	4.292,867		3.500,173	
Китайск. „	1.868,036		2.584,417	
Экспорт	9.539,537	15.700,440	11.095,926	17.180,516

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Тянь-цзинь				
Иностр. ввоз	85.348 380		80.201,524	
Китайск. „	32.877,521		39.692,488	
Экспорт	71,550,033	189.775,934	44.588 530	173.482,542
Лун-коу				
Иностр. ввоз	307,423		275,486	
Китайск. „	1.657,027		2.768,454	
Экспорт	838,253	2.802,703	924,149	3.968,089
Чжи-фу				
Иностр. ввоз	6.211,841		6.569.397	
Китайск. „	12.420,592		11.675 480	
Экспорт	19,050,724	37.683,137	19.594,000	37.838,877
Цзяо-чжоу				
Иностр. ввоз	20.191.124		25.557.009	
Китайск. „	9.441,092		9.374,003	
Экспорт	38.744,608	67.376,824	32.653,098	67.584,110
Чун-цин				
Иностр. ввоз	10.388 355		8.867,671	
Китайск. „	14.517,935		14.006,941	
Экспорт	16.666,042	41.572,332	12.554,797	35.429,409
Вань-сянь				
Иностран. ввоз.	667,812		480,701	
Китайск. „	2.322,788		1.902,431	
Экспорт	3.119,513	6.110,113	1.492,563	3.875.696

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
И-чан				
Иностр. ввоз	2.465,890		3.336,071	
Китайск. „	2.129,226		4.816,269	
Экспорт	1.450,535	6.045,651	1.001,726	9.154.066
Ша-ши				
Иностр. ввоз	2.580,647		3.093,506	
Китайск. „	3.447,511		3.039,223	
Экспорт	1.545,390	7.573,548	1.434,822	7 567,551
Чан-ша				
Иностр. ввоз	11.390,173		11.176,081	
Китайск. „	3.891.132		4.753,349	
Экспорт	9.729,963	25.011,268	17.044,046	32 973,476
Ио-чжоу				
Иностр. ввоз	2.744,627		3.041,150	
Китайск. „	3.632,005		3.634,023	
Экспорт	4.212,102	10.588,734	4.880.928	11.556.101
Хань-коу				
Иностр. ввоз	52.986,020		58.740,163	
Китайск. „	22.491,761		23.003,128	
Экспорт	124.920,650	200.398,431	88.208,239	169.951 530
Цзю-цзян				
Иностр. ввоз	9.851,761		13.723,192	
Китайск. „	9.125,680		10.487,316	
Экспорт	24.284,682	43.262,123	24.205,785	48 416.293

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лен	Таэлей-лан	Таэлей-лан
У-ху				
Иностр. ввоз	10.278,359		11.521,105	
Китайск. „	6.001,788		7.014,885	
Экспорт	31.408,645	47.688,790	21.608,629	40.144.619
Нанкин				
Иностр. ввоз	16.821,211		21.323,033	
Китайск. „	5.956,159		6.978,618	
Экспорт	21.369,721	44.147,091	25.022,045	53.323,696
Чжэнь-цзян				
Иностр. ввоз	11.505,866		15.035,276	
Китайск. „	7.700,077		8.500,951	
Экспорт	5.533,198	24.739,141	5.300.380	28.836,607
Шанхай				
Иностр. ввоз	119.605,093		224.632,688	
Китайск. „	53.421,955		54.618,144	
Экспорт	237.721,719	410.748,767	232.664,201	511.915,033
Су-чжоу.				
Иностр. ввоз	3.315,771		4.313,777	
Китайск. „	1.176,809		1.310,008	
Экспорт	18.055,403	22.547,983	12.690,987	18.314,772
Хан-чжоу.				
Иностр. ввоз	4.593,082		5.598,531	
Китайск. „	2.575,566		4.126,597	
Экспорт	11.196,530	18.365,178	10.243.515	19.968,643

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Нин-бо				
Иностр. ввоз	9.280,864		9.509,952	
Китайск. „	7.241,819		8.992,952	
Экспорт	11.811,577	28.334,260	9.904,980	28.407,884
Вэнь-чжоу				
Иностр. ввоз	1.639 789		1.774,775	
Китайск. „	919,679		1.601,373	
Экспорт	1 502,649	4.062,117	1.484,098	4.860,246
Сань-ду-ао				
Иностр. ввоз	172 450		154.769	
Китайск. „	118,911		158,022	
Экспорт	2.027,513	2.318,874	1.925,612	2.238,403
Фу-чжоу				
Иностр. ввоз	6.581,590		5.149,215	
Китайск „	3.219,039		6.131,711	
Экспорт	10.939,605	20.740,234	14.331,884	25.612,810
Амой (Ся-мынь)				
Иностр. ввоз	9.411,281		9.865,699	
Китайск. „	7.774,549		8.664,727	
Экспорт	2.590,427	19.776,257	3.768,909	22.299,335
Сватоу (Шань-тоу)				
Иностр. ввоз	15.106.850		12.232,185	
Китайск. „	24.167,363		27.166,008	
Экспорт	19 166,368	58.440,581	24.454,926	63.853,119

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Кантон				
Иностр. ввоз	30.067,508		32.095,248	
Китайск. „	47.073,094		41.715,054	
Экспорт	70.812,534	147.953,136	67.004,015	140.814,317
Гоу-лун (желез. транспорт)				
Иностр. ввоз	1.966,690		2.867,433	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	825,827	2,792.517	1.372,815	4.240,248
Лаппа				
Иностр. ввоз	7.933,466		12.724,715	
Китайск. „	192,195		193,428	
Экспорт	5.170,602	13.296,263	5.065,092	17.983,236
Гоу-лун				
Иностр. ввоз	21.855,769		20.476,342	
Китайск. „	6.483 372		5.907.509	
Экспорт	15.135,616	43.474,757	14.839,144	41.222,995
Гон-мун (Цзян-мынь)				
Иностр. ввоз	3.298,136		5.134,373	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	1.086,766	4.384,902	1.454,106	6.588,479
Сань-шуй				
Иностр. ввоз	2.724,399		2.748 284	
Китайск. „	746,477		650.269	
Экспорт	1.411,038	4,881.914	1.502,040	4.900,593

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
У-чжоу				
Иностр. ввоз	8.505,448		9.064,182	
Китайск. „	2.167,808		3.539,812	
Экспорт	6.181,894	16.855,150	5.571,722	19.175,716
Нань-нин				
Иностр. ввоз	3.904,942		3.736,023	
Китайск. „	1.108,879		1.477,815	
Экспорт	2.972,717	7.986,538	2.772,018	7.985,856
Цзюн-чжоу				
Иностр. ввоз	2.553,397		2.883,858	
Китайск. „	241,086		402,523	
Экспорт	2.921,611	5.716,094	2.535,691	5.822,072
Пакхой				
Иностр. ввоз	1.796,924		1.958,885	
Китайск. „	29,170		7,403	
Экспорт	2.009,462	3.835,556	2.157,026	4.123,314
Лун-чжоу				
Иностр. ввоз	68,789		63,878	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	13,830	82,619	24,844	88,722
Мэн-цзы				
Иностр. ввоз	8.523,260		9.601.284	
Китайск. „	548 924		372,776	
Экспорт	9.886,638	18.958,882	12.252,083	22.226,143

«Порт»	1919 г.	Итого по каждому «порту»	1920 г.	Итого по каждому «порту»
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Цзы-мао				
Иностр. ввоз	189,337		285,527	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	32,997	222,334	61,443	346,970
Тэн-юэ				
Иностр. ввоз	3.505,271		4.042,570	
Китайск. „	—		—	
Экспорт	2.029,375	5.534,646	1.605,280	5.647,850
Общий итог				
Иностр. ввоз	652.800,440		774.028,774	
Китайск. „	338.649,915		362.669.149	
Экспорт	984.361,922	1.637.162,362	922.423 028	1.696,451,772

Приведенная таблица интересна, прежде всего, в сопоставлении цифр ввоза иностранных фабрикатов и вывоза китайских фабрикатов. В качестве общего явления наблюдается, что вывоз китайских фабрикатов возростает. Исключение составляют только те районы, в которых в течение 1919 и 1920 годов происходила гражданская война. Особенно богат событиями был 1920 год, когда в его середине шла борьба против клуба Ань-фу, борьба, влияние которой чувствовалось и на севере Китая, и в долине Ян-цзы и когда, в конце того же 1920 г., революционный генерал Чен Цюн-мин отвоевывал Кантон для провозглашения власти Сун Ят-сена.

Цифры, соответствующие категории «экспорт», означают вывоз продуктов китайского труда. Вывоз китайских продуктов из промышленных портов в потребляющие районы возростает непрерывно. Это явление весьма знаменательно

указывая, что китайская буржуазия осуществляет свою главную задачу—завоевание китайского рынка для своей собственной промышленности.

Соотношение между вывозом китайских товаров в свои собственные города и порты (внутренний рынок) и иностранные порты (внешний рынок) выражается в следующих цифрах:

	1919 г.	1920 г.
Вывоз в иностр. порты	630.809,411	541.631,300
Вывоз в Кит. города	353.552,511	380.791,728
	984.361,922	922.423,028

Эта таблица показывает сокращение вывоза в заграничные города и увеличение вывоза китайских продуктов из промышленных районов Китая в районы непромышленные. Цифры говорят о завоеваниях, какие уже сделал и продолжает делать капитализм в Китае.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В КИТАЕ.

Из каких же товаров составляется китайский вывоз в иностранные порты?

Громадное большинство предметов вывоза за-границу все еще составляется из сырьевых продуктов и полуфабрикатов. Такое явление вполне естественно, ибо китайская промышленность современного уровня своего развития не может претендовать на вывоз своего фабриката на мировой рынок. Задача китайского капитализма в освобождении себя от гнета иностранного капитала, в вытеснении иностранного готового продукта со *своего* рынка и в завоевании этого рынка для китайских фабрик. Однако, если китайский фабрикат не завоевал еще себе положения на мировом рынке, то китайский полуфабрикат приобретает солидную «популярность» на рынках Европы и Америки.

Мы ниже даем таблицу вывоза продуктов, полуфабрикатов из Китая, составленную по номенклатуре, принятой на Международном Конгрессе Коммерческой Статистики, состоявшемся в Брюсселе в 1910 году.

Описание товара	1919 г.	1920 г.
	Таэлей-лан	Таэлей-лан
I. Животные		
1. Лошади	26,950	24,444
2. Скот	878,082	2.134.192
3. Овцы	145,568	279,094
4. Козлы	20,997	32,683
5. Свиньи	2.269.450	2.212.576
6. Дичь	663,806	705,496
7. Другие животные, включая мулов и ослов.	16,950	3,244
II. Продовольствие и напитки		
8. Мясо	3.849.667	3.274,391
9. Убитая дичь	293,526	537,470
10. Консервированное мясо, сало и дичь	10.293,133	5.483,819
11. Съедобные жиры	—	—
12. Маргарин и искусств. масло	—	—
13. Молоко	—	—
14. Масло	—	—
15. Сыр	—	—
16. Икра	—	—
17. Рыба, раки и моллюски	1.201,540	1.651,158
18. Яйца	24.932,494	21.457,401
19. Мед	43,555	25,114
III. Зерновые продукты		
20. Пшеница	10.075,281	25.394,864
21. Рожь	—	—
22. Ячмень	495,607	219,831
23. Овес	47,953	261,301
24. Маис	1.162,359	695,714
25. Другие зерновые продукты	9.118.028	9.005,913
26. Рис	5.144,656	1.058,768
27. Мука от зерновых продуктов	10.872,318	18.251,722
28. Другие продукты мукомольного производства	153,408	154,546
29. Солод	—	—
30. Макароны и вермишель	1.639,350	2.333,817
31. Овощи свежие	1.138,990	1.233,187
32. » сухие (бобы)	40.169,855	28.176,726
33. » других сортов	6.092.965	6.419,133
34. Картофель	137.295	126,785
35. Фрукты (включая сухие фрукты)	3.555,448	4.689,329
36. Кофе	—	—
37. Какао сырой	—	—
38. » приготовленный	—	—
39. Чай	22.398,436	8.873,135
40. Сахар	1.287,809	3.086,787
41. Пряности	1.480,969	899,618
42. Растительные масла	46.876,171	32.400,818

Описание товара	1919 г.	1920 г.
	Таэлей-лан	Таэлей-лан
43. Соль	3.260.877	1.729,399
44. Другие продукты питания, включая консерв. овощи	—	—
45. Вина	—	—
46. Пиво	52.527	19,749
47. Напитки: ликеры и др.	662.664	724,113
48. Минеральные воды	—	—
49. Другие напитки	—	—
III. Сырье		
50. Кожи и меха	19.845,790	16.912.333
51. Слоновая кость	—	—
52. Кости и рога	1.219,807	1.103.251
53. Удобрения (включая химическое)	—	—
54. Волосы и перья	6.333,451	7.879,675
55. Растения и цветы	44,136	43,437
56. Корм для скота	319,592	284,821
57. Отруби	2.186,999	2.579,433
58. Смесь каменного угля с глиной	47.481.873	44.266,471
59. Хмель	—	—
60. Сахараный бурак	—	—
61. Семена	22.762,117	16.380,431
62. Каучук	—	—
63. Смола, растительный клей и растительный воск	2,395,009	1.141,266
64. Табак	7.127,138	6.579,244
65. Лес	5.907,301	7.460,200
66. Деревяный уголь	238,034	223,280
67. Красильное дерево, дубильная кора и другие красящие вещества	—	—
68. Древесина	—	—
69. Медь в руде	—	—
70. Железо в руде	2.402,524	2.611,760
71. Свинец в руде	6,698	135,766
72. Цинк в руде	34	156,796
73. Магнезий в руде	—	—
74. Другие металлы	1.686,492	1.633,141
Металлы.		
75. Аллюминий	—	—
76. Медь	186,372	79,969
77. Олово	8.428,133	11.098,167
78. Железо и сталь	8.175,024	7.284,348
79. Никкель	—	—
80. Свинец	1,955	81,508
81. Цинк	24,198	13,458
82. Другие металлы	1.264,263	1.568,548

Описание товара	1919 г. Таэлей-лан	1920 г. Таэлей-лан
83. Драгоценные камни, включая кораллы и жемчуг	—	—
84. Мрамор и алебастр	522,297	245,865
85. Другие камни	53,405	59,165
86. Минеральные масла	—	—
87. Уголь и кокс	7.700,681	12.417,172
88. Известь	—	—
89. Цемент	138,969	141,025
90. Сульфур	—	—
Текстильные пр.		
91. Шерсть	13.957,517	5.044,136
92. Шелк	113.957,908	76.998,360
93. Хлопок.	30.789,728	9.582,631
94. Джут	451,210	159.940
95. Пенька и лен	1.041.025	1.356,503
96. Волокнистые вещества	2.872.688	2.962,370
97. Другие материалы	16.159,207	13.447,998
IV. Фабрикаты.		
98. Крахмал	—	—
99. Мыло	152,830	176,452
100. Конфекты	558,200	81,517
101. Парфюмерия	56,553	67,832
102. Краски	2.251,052	1.440,412
103. Химические продукты	—	—
104. Медицинские средства	3.927,452	4.452,323
105. Сигары и папиросы	6.462,393	8.671,099
106. Другие сорта табака	—	—
107. Обработанные меха	6.283,051	4.900,635
108. Выделанные кожи	846,974	1.144.050
109. Ботинки и сапоги	123,957	34,765
110. Кожанные перчатки	—	—
111. Другие произведения кожи	216,086	237,737
112. Нитка шерстяная	—	—
113. » шелковая	240,973	286,919
114. » бумажная	2.695,863	2.901,876
115. » джутовая	—	—
116. » пеньковая, льняная	252,953	338,035
117. Веревки	278,289	300,914
118. Штучные товары, шерстяные	—	—
119. » » шелковые	23.260,228	24.317,477
120. Штучные товары, хлопчато-бумажные	4.962,446	4.949,734
121. » » джутовые	—	—
122. » » пеньковые, льняные и др. волокна	3.138,082	3.593,634
123. Кружево	2.693,435	3.534,148
124. Чулочный товар	—	—
125. Шляпы для женщин	—	—

Описание товара	1919 г.	1920 г.
	Таэлей-лан	Таэлей-лан
126. Шляпы всех сортов	147,067	240,128
127. Драповое полотно 128. Женские платья 129. Мужские костюмы	1.885,097	2.315,847
130. Другие суконные товары	—	—
131. Резиновые и каучуков. изделия	—	—
132. Деревянная мебель	214,206	310,458
133. Деревянные вещи	736,591	893,825
134. Обои	—	—
135. Бумага и картон	3.934,807	3.957,162
136. Бумажные и картонные изделия	—	—
137. Книги и ноты	330,128	405,072
138. Другие графические произведения	—	—
139. Произведения из мрамора, гипса, цемента и камня	—	—
140. Кирпич, черепица, трубы	550,453	473,253
141. Глиняные изделия и фарфоровые изделия	4,533,052	5.623,664
142. Глиняная посуда всех сортов	—	—
143. Зеркала	—	—
144. Оконные стекла	—	—
145. Выпуклые стекольные товары	—	—
146. Другие стекольные изделия	336,889	299,407
147. Железные и стальные прутья	48,648	180,115
148. Железные изделия	279,879	615,054
149. Аллюминевые изделия	—	—
150. Медные »	—	—
151. Изделия из олова	213,560	153,355
152. Никкелевые изделия	—	—
153. Изделия из свинца	—	—
154. » » цинка	—	—
155. Ювелирные изделия, золотые и серебряные вещи, вещи из драгоценных металлов	409,063	730,949
156. Ювелирные изделия других сортов	—	—
Машины		
157. Локомотивы и тендеры	—	—
158. Локомобили	—	—
159. Электрические машины и аппараты	—	—
160. Турбины, паровые котлы	—	—
161. Машинные части	—	—
162. Ткацкие, прядильные машины	84	169
163. Швейные машины	—	—
164. Машины для рафинирования сахара, дистилляции и другие	—	—

Описание товара	1919 г. Таэлей-лан	1920 г. Таэлей-лан
165. Сельско-хозяйственные машины	—	—
166. Другие машины и части к ним	59.514	61,809
167. Разные другие	—	—
168. Экипажи и трамвайные вагоны	—	—
169. Автомобили	—	—
170. Мотоциклы	—	—
171. Велисопеды	—	—
172. Повозки	7,042	2,425
173. Суда	16,071	7,377
174. Музыкальные инструменты	—	—
175. Научные приборы	—	—
176. Часы.	—	—
177. Оружие	73,790	4,873
178. Порох	—	—
179. Спички	—	—
180. Другие мануфактурные изделия	18.945,513	24.473,826
181. Произведения искусства	512,672	756,363
182. Невыделанное золото	4,966,276	35.228,151
183. » серебро	1.990,592	10.015,836
184. Золото в монете	4.930,153	33.241,209
185. Серебро	6.977,826	23.699,574

Приведенная таблица содержит в себе ряд интересных данных. Она говорит, прежде всего, о том, что Китай продолжает быть житницей других государств, указывает также и на то, что мировой капитал обращается к Китаю за минеральным топливом, углем, и стремится увезти из Китая его метталлические запасы, преимущественно, в виде драгоценных металлов. Эта же таблица свидетельствует о том, что Китай не в состоянии, по уровню развития своих производительных сил, вывозить в другие страны машины или части к ним. Развитие капитализма в Китае требует ввоза машин всех видов из других стран.

Цифры ввоза машин дают непрерывное повышение, выявляя растущую потребность самого Китая в переработке на своих фабриках и заводах сырьевого продукта в фабрикат.

Ввоз

	1918 г. Таэлей-лан	1919 г. Таэлей-лан	1920 г. Таэлей-лан
Электрич. машины и аппараты	4.808,355	6.110,028	8.404,316
Турбины, паровые котлы и др.	757,469	1.640,303	2.376,120

	1918 г. Таэлей-лан	1919 г. Таэлей-лан	1920 г. Таэлей-лан
Ткацко-прядильные машины	1.808,887	3.905,821	7.060,094
Швейные и вязальные машины	311,228	628,840	1.048,596
Сахаро-рафинадные дистиллирующие	19,352	3,271	27,688
Сельско-хозяйственные машины	167,506	524,739	1.023,570
Разные другие машины	5.019,367	8.417,416	12.443,643
Разные орудия	760,288	849,210	1.128,259

Количество и стоимость машин и машинных частей, ввозимых в Китай, возростают из года в год, показывая повышение и в параллельных отраслях ввоза. Вместе с фабриками и заводами в Китае увеличивается число трамвайных миль в городах, возростает также ввоз автомобилей, мотоциклетов и других перевозочных средств.

Ввоз

	1918 таэлей-лан	1919 таэлей-лан	1920 таэлей-лан
Вагоны для трамваев	2.011,998	4.844,302	4.715,874
Автомобили	1,337,464	2.373,347	3.780,785
Мотоциклы	36,669	76,472	96,035
Велосипеды	129,808	170,336	345,660
Другие перевозочные средства	377,887	528,609	1.586.958

Взаимоотношения между китайской буржуазией и мировой буржуазией в современных условиях экономического развития в Китае выражаются в закупке китайской буржуазией заграничных машин, в спешном строительстве китайских фабрик и заводов, в вывозе мировой буржуазией сырья из Китая и строительстве своих, иностранных, фабрик на территории Китая. В процессах извлечения прибавочной стоимости, в эксплоатации пролетарских и полупролетарских масс в Китае существенной и принципиальной разницы между китайской и мировой буржуазии нет. В процессе строительства фабрик и заводов на территории Китая китайская буржуазия пытается опередить и действительно опережает мировую буржуазию.

Мы приведем список фабрично-заводских предприятий в Китае, распределенных по производственному и территориальному признакам. Следуя принятому нами порядку сопоставления мирового капитала капиталу китайскому,—мы в нашем списке будем отмечать фабрично-заводские предприятия, принадлежащие китайской буржуазии, отдельно от предприятий, принадлежащих иностранным капиталистам.

Необходимо оговориться, что приводимый ниже список дает только приблизительное представление о количестве фабрик и заводов в Китае, так как список не включает в себя предприятий, возникших в 1921 году, между тем как по целому ряду отраслей промышленности рост фабрик и заводов шел со сказочной быстротой в 1921 году.

Длинный ряд отраслей китайской промышленности, весьма значительной по об'ему, но не применяющей машин, не вошел в список. Сюда относятся специфическая китайская промышленность—производство фарфоровых и глиняных изделий, которым занята по преимуществу вся провинция Цзян-си, производство ковров в городах Фу-чжоу и Кантоне, производство ковров в северном Китае и Цзи-нань-фу, работы «клуазонне» в Пекине и Вэй-хай-вей'е, маты и цыновки—в Кантоне и Нин-бо; веера из пальмовых листьев в Южном Китае.

Альбуминовые фабрики имеются в провинциях Аньхуй, Чжи-ли, Хэ-нань, Ху-бэй, Шань-си, Цзян-су, и других городах:

Чжэнь-цзянь	в	провинции	Цзян-су	9	фабрик китайских
Фу-чжоу	»	»	Фу-цзянь	2	» китайских
»	»	»	»	1	» германская
»	»	»	»	1	» американская
»	»	»	»	1	» английская
»	»	»	»	2	» французская
»	»	»	»	1	» бельгийская
»	»	»	»	1	» китайско-англ.
»	»	»	»	1	» японс-китайск.
Шанхай	»	»	Цзян-су	4	» китайских
»	»	»	»	2	» американских
Тянь-цзинь	»	»	Чжи-ли	7	» китайских
»	»	»	»	1	» американская
»	»	»	»	1	» американс-кит.

Цин-дао	в провинции	Шань-дун	3	»	японских
Цзи-нань-фу	» »	»	1	»	китайская
»	» »	»	2	»	японских
Нанкин	» »	Цзян-су	1	»	английская
У-ху	» »	Ань-хуй	1	»	китайская

Арсеналы с производством пороха. Все арсеналы китайские:

Кантон	— в провинции	Гуан-дун	1
Чэн-ду	» »	Сы-чуань	2
Фу-чжоу	» »	Фу-цзянь	1
Кай-фын	» »	Хэ-нань	1
Хэ-нань-фу (Ло-ян)	» »	Хэ-нань	1
Си-ань	» »	Шэнь-си	1
Лань-чжоу	» »	Гань-су	1
Хань-ян	» »	Ху-бэй	1
Нанкин	» »	Цзян-су	1
Шанхай	» »	»	1
Цзи-нань	» »	Шань-дун	1
Дэ-чжоу	» »	»	1
Юнь-нань фу	» »	Юнь-нань	1
Мукдэнь	» »	Фын-тянь	1
Кашгар	» »	Китайск. Турк.	1

Консервные заводы

Амой (Ся-мынь)	провинции	Фу-цзянь	4 китайск. завода
Чжи-фу	»	Шань-дун	2 » »
Чун-цин	»	Сы-чуань	1 » »
Фу-чжоу	»	Фу-цзянь	несколько маленьких заводов
Ху-чжоу	»	Ань-хуй	1 китайск. завод
Цзю-цзян	»	Цзян-си	1 английск. »
Шанхай	»	Цзян-су	1 китайск. »
Сватоу (Шань-тоу)	»	Гуан-дун	3 кит. завода
Гонкон	»	«колония короны»	Анг. 3 анл. »
Цин-дао	»	Шань-дун	2 японских зав.
Кантон	»	Гуан-дун	1 » »

Цементные и кирпичные заводы. Не говоря о тысячах маленьких доморощенных печей для обжигания кирпичей в Китае,—крупные цементно-кирпичные заводы имеются в следующем количестве и в следующих местах:

Кантон	в провинции	Гуан-дун	2 китайских завода, несколько заводов, переходящих на машинное производство
Чан-ша	»	Ху-нань	
Чэн-ду	»	Сы-чуань	1 маленький кит. зав.

Чун-цин	в провинции	Сы-чуань	1 китайский завод
Дайрен	»	Фын тянь	5 японских заводов
Фу-чжоу	»	Фу-цзянь	1 португальский
Ханькоу	»	Ху-бэй	2 китайских зав.
»	»	»	1 германский
Харбин	»	Цзи-линь	1 завод, принадлежащий Китайской Вост. ж. д.
Гонконг	»	«Колония короны»	1 англ. завод
Мукдэнь	»	Фын-тянь	8 японских заводов
Ню-чжуан	»	»	1 японский »
Пекин	»	Чжи-ли	1 китайский завод
»	»	»	1 германский »
Шанхай	»	Цзян-су	2 китайских завода
»	»	»	1 французский зав.
Тянь-цзинь	»	Чжи-ли	1 китайск. »
»	»	»	1 бельгийский »
»	»	»	1 английский »
»	»	»	1 французский »
»	»	»	1 англо-китайск.
У-ху	»	Ань-хуй	1 китайск. »
Цин-дао	»	Шань-дун	9 японских заводов
»	»	»	8 китайских »

Химические и красильные заводы.

Дайрен	в провинции	Фын-тянь	2 японских зав.
Мукдэнь	»	»	5 » »
Тянь-цзинь	»	Чжи-ли	1 французский»
Шанхай	»	Цзян-су	1 английский »
»	»	»	1 чехо-словац.
Цин-дао	»	Шань-дун	3 японских
»	»	»	6 китайских зав

Бумаго-прядильные и ткацкие фабрики

Кантон	в провинции	Гуан-дун	2 китайск. фабр.
Чан-ша	» »	Ху-нань	1 » »
Чжэнь-цзян	» »	Цзян-су	5 » »
Хан-чжоу	» »	Чжэ-цзян	1 » »
Хань-коу	» »	Ху-бэй	5 » »
Мукдэнь	» »	Фын-тянь	8 китайских »
Нанкин	» »	Цзян-су	4 » »
Ню-чжуан	» »	Фын-тянь	1 » »
Нин-бо	» »	Чжэ-цзян	3 » »
Пекин	» »	Чжи-ли	1 » »
Шанхай	» »	Цзян-су	5 английск. »
»	» »	»	3 японск. »
»	» »	»	Несколько десятков китайских фабрик
Су-чжоу	» »	»	несколько китайск.

Цзянь-нин	в	провинции	Фу-цзянь	1	китайская фабрика
Тин-чжоу	«	«	«	1	« «
У-сю	«	«	Ху-бэй	4	« «
Хан-чжоу	«	«	Чже-цзян	1	« «
Ша-ши	«	«	Ху-бэй	2	« «
Сватоу	«	«	Гуан-дун	1	« «
»	«	«	«	1	японо-китайск.
Тянь-цзинь	«	«	Чжи-ли	5	китайск.
Цзи-нань	«	«	Шань-дун	1	« «
Цин-дао	«	«	«	1	японск. «
У-ху	«	«	Ань-хуй	1	китайск. «
Чэнь-чжоу	«	«	Хэ-нань	1	« «
Цзю-цзян	«	«	Цзян-си	1	« «

Приведенный список, заимствованный нами из «Китайского Ежегодника за 1921—1922 год», страдает неполнотою и дает лишь весьма отдаленное представление о тех больших завоеваниях в текстильной промышленности, какие сделал капитализм в Китае.

Винокуренные, пивоваренные и искусств. вод заводы

Амой	в	провинции	Фу-цзянь	1	китайск. зав.
Кантон	«	«	Гуан-дун	1	большой «
«	«	«	«	9	маленьких «
Чжи-фу	«	«	Шань-дун	2	китайских «
Чэн-ду	«	«	Сы-чуань	2	« «
Чун-цин	«	«	«	1	американо-кит.
Дайрен	«	«	Фын-тянь	2	японских
Хань-коу		«	Ху-бэй	1	французский «
«		«	«	1	греческий «
«		«	«	2	английск. «
«		«	«	1	китайск. «
Харбин		«	Цзи-лин		полон русских водочных заводов
Гонконг		«	«колония короны»	2	английск. зав.
Хуй-чжоу		«	Ань-хуй	1	китайск. «
Ню-чжуан		«	Фын-тянь	1	« «
Пекин		«	Чжи-ли	2	« «
Шанхай		«	Цзян-су	3	английск. «
«		«	«	1	германск. «
«		«	«	1	греческий «
Сватоу		«	Гуан-дун	1	британск. «
«		«	«	1	китайский
Тянь-цзинь		«	Чжи-ли	3	английский «
«		«	«	1	китайск. «
Цин-дао		«	Шань-дун	1	японск. «

Доки, судостроительные и металлургич. заводы

Ань-дун	в провинции		Фын-тянь	1	японский зав.
Амой	«	«	Фу-цзянь	1	английск. «
Кантон	«	«	Гуан-дун	6	китайск. «
Дайрен	«	«	Фы-тянь	1	японск. «
Фу-чжоу	«	«	Фун-цзянь	1	китайск. «
Хань-коу	«	«	Хў-бэй	2	« «
Харбин	«	«	Цзи-линь	2	русских «
«	«	«	«	1	китайск. «
Гонконг	«	«	«Колония короны»	4	английск. «
«	«	«	«	1	китайск. «
Шанхай	«	«	Цзян-су	2	китайск. «
«	«	«	«	3	английск. «
«	«	«	«	1	франц.-кит. «
Тянь-цзинь	«	«	Чжи-ли	4	английск. «
«	«	«	«	2	китайск. «
«	«	«	«	1	японск. «
«	«	«	«	2	французск. «

Электрические станции и заводы.

Амой	в провинции		Фу-цзянь	5	китайск. зав.
«	«	«	«	1	японск.
Кантон	«	«	Гуан-дун	1	большой кит.
«	«	«	«	30	маленьких «
Макао	(португальская колония)			1	китайск.
Чан-ша *)	- - - - - - -			1	«
Чжи-фу	- - - - - - -			1	«
Чэн-ду	- - - - - - -			2	«
Чжэнь-цзян	- - - - - - -				несколько
Чун-цин	- - - - - - -			2	« »
Дайрен	- - - - - - -			2	японских зав.
Хан-чжоу	- - - - - - -			3	китайск. «
Ханькоу	- - - - - - -			1	английск. «
«	- - - - - - -			1	германск. «
«	- - - - - - -			1	японск. «
«	- - - - - - -			1	китайск «
Харбин	- - - - - - -			1	Кит. Вос. ж. д.
«	- - - - - - -				несколько русских
Хуй-чжоу	- - - - - - -			1	китайск. зав.
Гонконг	- - - - - - -			1	« «
«	- - - - - - -			1	английский «
И-чан	- - - - - - -			2	китайск. «
Цзю-цзян	- - - - - - -			2	« «
Мукдэнь	- - - - - - -			4	японских «

*) Примечание. Опускаем название провинций, так как они были указаны на предыдущих страницах.

Мукдэнь	(португальская колония)							5	японск.	«
«	-	-	-	-	-	-	-	2	китайск.	«
Нанкин	-	-	-	-	-	-	-	1	«	«
Ню-чжуан	-	-	-	-	-	-	-	1	китайский	зав.
Нин-бо	-	-	-	-	-	-	-	4	«	«
Пакхой	-	-	-	-	-	-	-	1	«	«
Пекин	-	-	-	-	-	-	-	2	«	«
Шанхай	-	-	-	-	-	-	-	несколько заводов		иностр

Электрические заводы имеются также в Тянь-цзинь'е, У-чжоу (провинция Гуан-си), Цзи-нань-фу, У-ху, Юнь-нань'е и Цин-дао.

Список фабрично-заводских предприятий мог бы быть значительно удлинен по целому ряду производств, с тем же соотношением между фабрично-заводскими предприятиями китайской и мировой буржуазии. Как общее явление соревнование в строительстве фабрик и заводов в Китае складывается не в пользу иностранного капитала. Китайская буржуазия значительно опередила мировую особенно по некоторым отраслям промышленности, в особенности ткацкой, мукомольной, маслобойной, судостроительной, шелковой.

Мировой империализм в цифрах.

Исследования и сопоставления были бы неполны или, точнее говоря, недостаточно конкретны, если не проследить в цифрах заинтересованности каждой из других стран в Китае. Мировой империализм в цифровых таблицах перестает существовать в виде отвлеченного понятия или абстрактной формулы. Мировой империализм, в свете цифр, не символ, не понятие только, а живая действительность. Раскрытие взаимоотношений с Китаем рыцарей мирового капитала в цифрах с выпуклостью обнаруживает процесс концентрации «торговли» с Китаем в руках трех «держав»: Англии, Японии и Америки, которым и приходится в настоящее время решать вопрос о своих взаимоотношениях с Китаем, о всех процессах, происходящих в этой стране, равно как также и вопрос о способах извлечения сырья из Китая и эксплоатации трудовых масс его.

Цифры о торговле капиталистических государств с Китаем даются в 2 рубриках—ввоза в Китай и вывоза из Китая за сравнительный период в 3 года:

Страна	1918		1919		1920	
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Гонконг						
Ввоз в Китай	162.191,816		153.631,544		159.313,335	
Вывоз из Китая	116.988,021	279.179,837	131.495,296	285.126,840	136.462,043	295.775,378
Макао						
Ввоз	4.284,993		5.053,426		9.838,792	
Вывоз	4.527,716	8.812,709	4.714,206	9.767,632	4.736.820	14.575,612
Французский Индо-Китай						
Ввоз	2.759.281		2.879,927		3 750 104	
Вывоз	1.593 504	4.352.785	1.786,189	4.666,116	2.643,495	6.393,599
Сиам						
Ввоз	395.360		422.060		179,164	
Вывоз	1.972 030	2.367,390	2.742.137	3.164,197	2.662.715	2.841,879
Сингапур						
Ввоз	10.331 544		10.115,656		7.803,083	
Вывоз	6.400.522	16.732,066	11.220 792	21.336,448	16 538.995	24.342,078
Голландская Индия.						
Ввоз	8.564,897		6.864,316		10.565.203	
Вывоз	2.592,006	11.156,903	3.072,377	9.936,693	4.026.447	14.591,650
Британская Индия.						
Ввоз	7.988,896		26.980 705		32.494,059	
вывоз	6.037 892	14.026,788	9 599,413	36.580,118	8.758,251	41.252,310
Турция, Персия, Египет Аден и др.						
Ввоз	380,062		740.638		1.476.650	
Вывоз	3.047.853	3.427,915	10.507.249	11.247,887	17.457.662	18 934,312
Велико-британия						
Ввоз	49 890,293		64.292 239		131.719.952	
Вывоз	25 264 589	75.154,882	57.186,242	121.478,481	45.804 356	177.524,308
Норвегия						
Ввоз	8		314 068		1.645 937	
Вывоз	93	101	182 275	496,343	403.700	2.049,637

Страна	1918		1919		1920	
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Швеция.						
Ввоз	9,868		572,929		2.778,294	
Вывоз	—	9,868	1.488,848	2.061,777	612,561	3.390,855
Дания.						
Ввоз	192		183,584		283.963	
Вывоз	598,512	598,704	3.221,178	3.404,762	5.003.622	5.287,585
Германия						
Ввоз	—		368		5.417,744	
Вывоз	—	—	163,866	164,234	1.761,303	7.179,047
Нидерланды						
Ввоз	1,110		111.030		3.757,383	
Вывоз	34	1,144	1.758,575	1.869,605	10.565,127	14.322,510
Бельгия						
Ввоз	—		228.761		4.969.994	
Вывоз	—	—	3.987.212	4.215,973	3.272,887	8.242,881
Франция						
Ввоз	1.568,858		3.375.809		4.878,519	
Вывоз	30.469,677	32.038,535	34.285,989	37.661,798	21.016,444	25.894,963
Испания, включая Гибралтар						
Ввоз	2,610		3,205		18,940	
Вывоз	18,451	21,061	1,495	4,700	45,174	64,114
Португалия						
Ввоз	—		479		1,020	
Вывоз	—	—	—	479	—	1,020
Италия						
Ввоз	356,674		991.556		341,934	
Вывоз	9.634,780	9.991,454	5.144.292	6.135,848	5.518,398	5.860,332
Австрия						
Ввоз	—		—		281,937	
Вывоз	—	—	1.031,736	1.031,736	2.081,605	2.363,542
Россия, европ. порты						
Ввоз	12,734		13,199		238	
Вывоз	83	12,817	34,413	47,612	4,610	4,848

Страна	1918		1919		1920	
	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан	Таэлей-лан
Россия и Сибирь по линии границы						
Ввоз	1.434,106		1.724,603		3.511,835	
Вывоз	1.972,357	3.406,463	5.516.517	7.241,120	4.259.420	7.771,255
Россия, порты по Амуру						
Ввоз	265,008		95,281		380 577	
Вывоз	1.593,227	1.858.235	3.099,263	3.194,544	3.155,238	3.535,815
Россия, порты на В. Океане.						
Ввоз	4.676,830		12 228,251		5.732.681	
Вывоз	11.037,622	15.714,492	12.671,335	24.899,586	7.062,125	12.794,806
Корея						
Ввоз	10.457,222		9.431.450		10.314,374	
Вывоз	13.685.401	24.142,623	22 617,954	32.049,404	23 345,743	33.660.117
Япония, включая Формозу.						
Ввоз	238 858 578		246.940.997		129.135,866	
Вывоз	163.394.092	402.252,670	195.006.032	441.947,029	141.927,902	371.063,768
Филиппины						
Ввоз	3.193.524		2 547,911		1.498.024	
Вывоз	2.153,227	5.346,751	1.990,254	4.538,165	2.384,945	3.882,969
Канада						
Ввоз	10.355.562		18.887,866		20.182,100	
Вывоз	4.105,615	14.461,177	4.181,033	23.068,899	1.039,263	21.221,363
Соединенные Штаты Америки, включая Гавайю Мексику и Центр. Америку.	58.686.044		110.236,706		143.198,962	
	77.134,205	135.820,249	101.118,677	211.355,383	67.111.451	210.310,413
Ввоз	46		867		2.081	
Вывоз	47	93	4,052	4,919	6,550	8,631
Южная Америка						
Ввоз	15		10,493		3	
Вывоз	202,589	202,604	186,021	196,514	257,372	257,375
Австралия, Новая Зеландия и др.						
Ввоз	956,545		633,782		1.005,236	
Вывоз	1.340,951	2.297,496	733,448	1.367,230	1.473,800	2.479,036
Южная Африка.						
Ввоз	7.464		—		292	
Вывоз	117,858	125,322	49,907	49,907	170,116	170,408

Торговые обороты Англии, Японии и Америки с Китаем занимают господствующее положение в приведенной таблице. Рядом с цифрами—заботливый интерес к вашингтонской конференции внутри самой Америки становится весьма понятным. Соединенным Штатам Америки, сделавшимся значительным фактором менового оборота с Китаем, приходится решать вопрос о методах своей экономической политики и характере взаимоотношений с другими факторами империализма на Дальнем Востоке...

ИМПЕРИАЛИЗМ И БАНКИ В КИТАЕ. *)

Общая характеристика.

История организации и деятельности иностранных банков в Китае—это живая история насилий над Китаем, захватов, аннексий, экономического внедрения и политического гнета. Иностранные банки—орудие империализма на Дальнем Востоке, с тем отличием от деятельности этих же банков на территории своих государств, что банки мирового капитала на Востоке являются инструментами организованного «давления», с применением дипломатического и военного аппаратов.

Иностранные банки в Китае связывают свое происхождение с железнодорожными концессиями, приобретавшимися мировым империализмом, и с многочисленными займами под ростовщические проценты, которые теми же банками были учиняемы Китаю. Железнодорожная горячка и поток займов, стальным кольцом зажавших производительные силы самого Китая, относятся к периоду, непосредственно следовавшему за японо-китайской войной 1894—1895 годов. Банки мировых капиталистов сделались неот'емлемым, непременным аттрибутом всех финансовых мероприятий империализма на Дальнем Востоке. Иностранные финансы и иностранная политика в Китае тесно между собою переплетаются. Финансы становятся в положение господствующего фактора. Политика—в положение подчиненное. Дипломатия выполняет волю банкиров с добросовестной аккуратностью.

*) Примечание. Лучшим пособием по вопросу об иностранном финансовом контроле над Китаем является книга: T. W. Overlach—Foreign Financial Control in China.

Весь период утверждения финансового контроля над Китаем, а вместе с финансовым контролем и период утверждения экономической кабалы и политического гнета над Китаем, известен под именем «завоевания Китая при помощи железной дороги и банка».

В завоетельном процессе иностранные банки совершили ряд этапов в Китае, установив первоначально для себя «сферы интересов», затем «сферы влияния», далее систему «открытых дверей», «концессии» и весь конгламерат прав, прибылей и привилегий за счет трудовых масс, какими сопровождается шествие мирового банкира.

Существенного различия между указанными категориями понятий нет. Все они вместе и каждое в отдельности означают захват, внедрение, насилие... Единственное различие, существующее между этими понятиями, это различие во времени: «сфера интересов»предшествует во времени «сферам влияния».

«Сферы интересов» обозначают собою территории, непосредственно примыкающие к территориям, которые уже об'явлены «сферами влияния». «Сферы интересов» в завоевательном процессе должны были превратиться в «сферы влияния», являясь, следовательно, обреченными территориями. Самый термин «сферы влияния» весьма отчетлив по очертанию, так как отмечает собою уже завершившийся процесс захвата чужой территории. «Сферы влияния»—это зона безраздельного монопольного экономического и политического господства какого-либо одного из империалистов над отхваченной у Китая территорией.

Иностранный банк служил средством к накоплению признаков в понятии «сферы интересов» для перехода этого понятия в новое—в «сферу влияния». Банк устанавливал «сферы интересов», как бы зону экономического влияния, открывавшего пути к превращению этой территории в зону «сферы влияния» с чужеземными гарнизонами, индусами-полицейскими и квалифицированными сыщиками.

Рядом со «сферами влияния» слова об уважении суверенитета Китая, столь часто произносимые мировыми капиталистами и их адвокатами звучат попросту насмешкой

над страданиями сотен миллионов рабочих и крестьян в Китае. Суверенитет, прежде всего, означает право свободного распоряжения своими судьбами без всякого вмешательства иностранцев... С суверенитетом, конечно, не примиряется захват иностранцами административных полномочий, принадлежащих самому Китаю. Ввод на территорию Китая иностранных войск и полиции стоит в нестерпимо резком противоречии с тем же понятием суверенитета.

В противоречии с принципом суверенитета стоит также и хваленый принцип «открытый дверей». Этот принцип не вызывал бы критики, если бы он был прокламирован в качестве линии экономической политики непосредственно самим Китаем. Принцип же «открытых дверей» прокламирован не Китаем, а мировым империализмом. Он является началом, навязанным группами империалистов, заинтересованных в эксплоатации Китая. Вопрос об «открытых дверях» в Китай был решен насилием, войнами, приведшими к открытию дверей, к так называемым «договорным портам». Самый «либеральный» из принципов империалистической политики на Дальнем Востоке является принципом насилия и «железным» началом, в готовом виде предложенном Китаю без права выбора и оценки самим Китаем.

С деятельностью иностранных банков в Китае все указанные категории понятий органически связаны, но теснее с банками связан термин «контроль», так как исторически «контроль» относился к займам, учинявшимся иностранными банками Китаю. Займы обыкновенно сопровождались закладом народного имущества, подпадавшего под «контроль», то-есть отдававшегося в управление иностранному капиталу. Таковы общие черты, характерные для деятельности всех без исключения иностранных банков в Китае.

Обстановка, сопровождавшая открытие английского банка.

Деятельность каждого из иностранных банков в Китае выявляла специфические особенности тех империалистов, к национальности которых банк принадлежал. Банк развивал свою «деятельность» в конкретной обстановке, пропитанной интересами той группы капиталистов, которую банк был призван обслуживать.

Чтобы ознакомиться с задачами Гонконг-Шанхайского Банка, английского банка, надо учесть обстановку того периода, когда этот банк организовывался. Англия фактически управлялась тогда лордом Салисбьюри, провозгласившем принцип «открытых дверей» в качестве руководящей политической линии Англии на Дальнем Востоке. Само собою предполагалось, что ключ от «открытых дверей» будет в руках Англии. Для выявления либеральности самого понятия «открытых дверей» и для обнаружения «святых» намерений добродетельной Англии—официальная переписка Англии с Китаем к словам «открытыя двери» присоединяла слова «неприкосновенность территории Китая».

Какое реальное содержание официальной Англией вкладывалось в пустые звуки и понятия в роде «неприкосновенности территории Китая», видно из следующих цитат официальных документов. Когда захват территорий Китая империалистами разных национальностей достиг своего апогея, когда Порт-Артур и Да-лянь-вань (Дальний) были захвачены Россией, Цзяо-чжоу—Германией, Гуан-чжоу-вань (на юге Китае)—Францией, Салисбьюри публично заявил: «баланс сил в Чжилийском заливе существенно нарушен». Англия потребовала для себя Вэй-хай-вэй'я на «такой же срок,—гласило соглашение с Китаем от 1898 года,—на какой Порт-Артур останется в руках России». Так Англией на деле охранялась «неприкосновенность территории Китая».

Еще более чеканным стилем написан документ от 13 апреля 1918 года—инструкции сэра Бальфура сэру Мак-Дональду, полномочному министру Англии в Пекине.

> «Уведомьте правительство (китайское), что хотя оно не последовало нашему совету, мы все же стремимся, поскольку возможно, сохранить территориальную неприкосновенность Китая и, с своей стороны, не станем пред'являть Китаю никаких требований на территорию. Абсолютно необходимо, однако, как условие осуществления нами этой политики, чтобы правительство (китайское), с своей стороны, немедленно заключило с нами следующие соглашения, выражающиеся: а) в отдаче нам (Англии) всей земли, потребной для военной

защиты Гонконга, б) в исполнении своего обещания и об'явления Нанкина «договорным портом», в) в предоставлении Англии некоторых железнодорожных концессий, г) в заключении условия о непредоставлении никаких прав какому-либо из государств в провинциях Юнь-нань и Гуан-дун. Это последнее условие находится в полном соответствии с территориальной неприкосновенностью Китая и оправдываются также близостью Юнь-нань'я к Бирме (английскому «владению») и преимущественным положением наших (английских) коммерческих интересов в провинции Гуан-дун».

Приведенная цитата лучше всего плюстрирует нашу мысль о том, что никакой принципиальной или вообще заметной разницы между «сферами интересов» и «сферами влияния» нет. Этот же документ удостоверяет факт грубого и несомненного нарушения суверенитета Китая, несмотря на обилие беззвучных фраз и клятв в сохранении принципа «неприкосновенности территории Китая» и вопреки ему.

Для яркого освещения лживого, лицемерного утверждения империалистов об уважении прав Китая, в особенности и специально, территориальных прав Китая, нам достаточно, сослаться на реальное положение, созданное Англией для себя в Китае, в последние десятилетия. Англия 9 июня 1898 года «выторговала» у Китая, в согласии с инструкциями Бальфура, 400 квадратных миль территории на полуострове Гоу-лун, лежащем против Гонконга. Этот район ныне составлят «сферу влияния» Англии.

Права Англии в долине Ян-цзы по своему об'ему и характеру составляют «сферу влияния». В том же 1898 году Англия «обменялась» документами с Китаем. Китайский документ гласил, что Китай дает все гарантии «неуступки какому-либо из государств территории в соседних с рекою Ян-цзы провинциях ни по праву аренды, ни по праву залога, ни под каким-либо иным титулом». Шум по вопросу о территориях в соседних с Ян-цзы провинциях поднялся в виду стремления группы империалистов франко-русской «национальности» построить Пекин-Хань-коу'скую железную дорогу.

Соотношение в степени влияния между долиною Ян-цзы и территорией, соседней с долиною, вновь разоблачает тождество содержания в понятиях «сферы влияния» и «сферы интересов». Английские купцы и экспортеры, об'единенные в «ассоциацию», влияющую на политику своего правительства на Дальнем Востоке, одобрили давление Солисбьюри на китайское правительство. В письме на его имя англичане-купцы писали: «Ассоциация несколько раз указывала на то обстоятельство, что долина реки Ян-цзы является районом, в котором интересы Британии *должны* господствовать. Ассоциация с искренним удовлетворением приветствует опубликованное заявление о том, что Китай был побужден к обещанию не уступать никакой части этого района другому государству ни на началах аренды, ни началах фактической отдачи территории».

Когда же Китай все-таки подписал контракт с бельгийским синдикатом, в котором выпукло были представлены интересы русского купечества и царских чиновников, на сооружение Пекин-Хань-коу'ской дороги, Англия немедленно потребовала себе компенсаций в виде новых железнодорожных концессий, сопроводив свои требования следующими инструкциями Бальфура на имя Мак-Дональда.

> «Уведомьте правительство, что если оно немедленно не согласится на наши предложения, мы будем рассматривать его вероломство в вопросе о Пекин-Ханькоу'ской железной дороге, как акт открытой вражды против нас и примем соответственные меры. После того как вы посоветуетесь с адмиралом, вы можете дать китайскому правительству несколько дней или часов, по вашему собственному усмотрению, для получения от него ответа».

Китайское правительство перед лицом мобилизованного и концентрирующегося британского флота пошло на всякие требования и «дало» англичанам требовавшиеся концессии. Рядом с этими фактами много ли остается от клятв в вечной преданности суверенитету Китая и его территориальной неприкосновенности?

Чтобы все же в какой-либо мере разграничить площади своего империализма от сферы империалистического влияния

царской России, выявлявшей в этот период максимум энергии, чтобы узаконить действие своего банка (Гонконг-Шанхайского), давшего деньги на сооружение Шань-хай-гуань'ской железной дороги, Англия обменялась с Россией в апреле 1899 года нотами, удостоверившими факт захватов территорий путем получения «концессий» и политического давления на Китай.

Текст нот гласит:

1) «Великобритания обязуется не стремиться к получению железнодорожных концессий к северу от Великой Китайской Стены ни для себя, ни для своих подданных. Великобритания обязуется также не оказывать прямого или косвенного сопротивления домогательствам на железнодорожные концессии в этом районе, поддерживаемом русским правительством.

2) Россия, с своей стороны, обязуется не стремиться к концессиям ни для себя, ни для своих подданных в бассейне реки Ян-цзы, и не оказывать прямо или косвенно сопротивления домогательствам в этом районе на концессии, поддерживаемые британским правительством».

Если в этом документе было твердое и несомненное взаимное признание Англией и Россией прав на «сферы влияния» в разных областях Китая, то в тексте документов, которыми Англия 1 и 2 сентября 1898 года обменялась с Германией встречаются самые слова «сферы интересов». Британскую сферу интересов, говорится в документе, образуют: долина реки Ян-цзы до соединения долины с железнодорожной Шань-дун'ской линией у Чжэнь-цзян'а, и лежащая к югу от реки Ян-цзы провинция Шань-си до района соединения с Пекин-Хань-коу'ской железной дорогой у пункта южнее Чжэн-дин и связывающая полоса до долины Ян-цзы, пересекающая долину Хуан-хэ (реки Желтой). В этих же документах определялись «сферы интересов» Германии, главным образом, захватывающие провинцию Шань-дун, но распространяющие также свое влияние до города Нанкина на реке Ян-цзы и на запад—до угольного бассейна провинции Шань-си.

Мировые империалисты удобно для себя расположились в Китае, выделяя определенные территории Китая в качестве об'екта своих монопольных влияний, об'являя другие соседние территории об'ектом своих «сфер интересов», другими словами об'являя эти территории своими потенциальными монопольными владениями. Этот процес раздела Китая, шедший под видом железнодорожных концессий и навязанных Китаю займов, сопровождался бравурным аккомпанементом слов и фраз об уважении священных прав самого Китая.

Когда в 1899 году Америка, в лице своего министра иностранных дел г. Хэй'я, пыталась обеспечить и себе место на рынках Дальнего Востока, об'явив о необходимости признания всеми государствами принципа «одинаковых возможностей» и «равных прав» то тот же лорд Салисбьюри, установивший в Китае и «сферы влияния», и «сферы интересов» в торжественном ответе г. Хэй'ю писал:

«Я могу заверить вас, что политика, которой постоянно придерживалась Англия, была политикой обеспечения одинаковых возможностей за гражданами всех государств в их коммерческих предприятиях в Китае и что правительство ее величества не имеет ни малейшего намерения или желания уклониться от этой политики».

Гонконг-Шанхай'ский банк.

Такова была «социальная» среда, в которой Гонконг-Шанхай'скому банку пришлось действовать. Банку пришлось, в первую очередь, принять самое активное участие в том железнодорожном строительстве, которое со всей силою развернулось в Китае после японо-китайской войны.

«Как непосредственный результат положения,—пишет английский, ныне японский, шанхайский ежемесячник «Дальневосточное Обозрение»,—создавшегося в процессах ожесточенной борьбы за железнодорожные концессии в 1898 году, ради политического укрепления европейских государств в Китае,—стало существенно необходимым организовать чисто британскую компанию. Эта компания должна была действовать в роли официального орудия для полного и реального осуществления всех прав по концессиям, добытым у китайского правительства».

Организация такой британской компании была поручена Гонконг-Шанхай'скому банку. Этот банк и до этого момента был господствующим финансовым фактором в деятельности английских капиталистов на Дальнем Востоке. С этого же момента роль банка, в качестве неприкрытого орудия английского империализма в Китае,—усиливается. Гонконг-Шанхайский банк претерпевает существенную реорганизацию. До 1898 года банк кооперировал с немецким финансовым капиталом, с германским банковским синдикатом. В 1898 году «запах жареного» настолько пропитал собою воздух, возможность получения громадных барышей на железнодорожных концессиях была настолько соблазнительна, что Гонконг-Шанхайский банк решил действовать самостоятельно, и независимо от германского синдиката. Банк расстался со своими вчерашним компаньоном. Банк стремился закрепить свое положение в качестве исключительного фактора—фактора финансового «контроля» британской деятельности в Китае, 4 апреля 1898 года, за подписью своего директора, банк посылает «ноту» своему министерству иностранных дел следующего содержания:

«Имею честь уведомить вас, что те начала, на которых базировалась до сих пор деятельность нашего банка, а именно кооперация с германским синдикатом, в целях сооружения железных дорог в Китае, больше не существует. Германский синдикат и наш банк действуют в настоящее время самостоятельно и совершенно независимо друг от друга. Я хотел бы здесь упомянуть, что германский синдикат, всегда являвшийся сильной финансовой организацией, в последнее время сильно укрепил свое положение, включив в себя все предприятия сколько-нибудь важного коммерческого значения, действующие в Германии. Германский синдикат пользуется также всесторонней поддержкой своего правительства. С целью обеспечить полное представительство всех британских коммерческих интересов и ради укрепления нашего собственного положения, которое позволило бы нам справиться с конкурирующей сильной организацией,—банк решил образовать сильный и влиятельный синдикат, который взял бы на себя задачу железнодорожного строительства в

Китае. Я надеюсь, что об'яснения, мною данные в этом письме, позволят вам дать все необходимые инструкции сэру Клауде Мак-Дональду для оказания фирме Жардин, Мэттисон и Компания и нашему банку той поддержки, в какой эти учреждения будут нуждаться».

Тон письма директора банка и его содержание говорят о сознании банком своей роли и значения на Дальнем Востоке. Письмо в целом может рассматриваться как предложение банкиров своим министрам и дипломатам мобилизоваться для оказания всей помощи и всего содействия английскому трестированному капиталу для получения им прибылей в Китае.

Помощь была незамедлительно оказана. Результатом письма явилась организация «британско-китайской корпорации», образованной Гонконг-Шанхай'ским банком и вышеуказанной фирмой. Образование банками специальных синдикатов или корпораций для железнодорожного строительства в эту пору было характерным явлением в развертывающейся деятельности мирового империализма. Корпорация, созданная Гонконг Шанхай'ским банком, заняла господствующее положение в Китае. Корпорация пользовалась исключительным вниманием британского правительства, давшего ей свою монопольную поддержку, содействие и помощь. Никакие другие финансовые организации британского капитала не могли проложить себе путей в Китае. Гонконг-Шанхай'ский Банк был хозяином положения.

«Время от времени», пишет «Дальневосточное Обозрение», «другие британские железнодорожные контракторы пытались обеспечить за собою какое-либо положение в Китае, но были вынуждены отказаться от своих планов, неся жестокие потери, предоставляя поле в исключительное пользование официальной коммерческой организации».

Гонконг-Шанхай'ский банк тесно переплел свою судьбу с официальной Англией, с министерством иностранных дел и министерством колоний в Лондоне и представительством Великобритании в Китае. Исключительная и монопольная поддержка была также оказываема правительством Англии Гонконг-Шанхай'скому банку во всех тех займах, какие банк учинял Китаю.

Обычные банковские операции, имеющие своею целью извлечение денежных средств из клиентуры и концентрацию их в банковских руках, само собою подразумевается, также не были в загоне у банка. Операции по текущим счетам, вкладам всякого типа, переводам, учету и другим видам ежедневной деятельности банка шли своим «естественным» путем.

Центр тяжести деятельности Гонконг-Шанхай'ского банка был, однако, перенесен на богатейшее железнодорожное строительство, на займы пекинскому правительству, на осуществление функций публично правового характера в Китае. Эта деятельность могла принять столь обширные и ощутимые для Китая размеры лишь при условии живой, большой и нескрываемой «поддержки» Гонконг-Шанхай'ского банка всем аппаратом власти в центре и «давлением» на местах.

Гонконг-Шанхай'ский банк является также большим «специалистом» в области установления «курса» на валюту. «Курс» в Китае, в виду различия валют, является источником обогащения банков.

Гонконг-Шанхай'ский банк, накопляя свои «богатства» на курсовой «разнице», пользовался поддержкой английского правительства на протяжении ряда лет после своей реорганизации. Британское правительство официально заверило Гонконг-Шанхай'ский банк в своих неослабных к нему симпатиях и во второй год республики в Китае, когда речь шла о займе республиканскому кабинету в апреле 1913 года.

Английское министерство иностранных дел мотивировало необходимость отказа в поддержке всяких других денежных групп соображением, что всякий другой заем «может помешать временным соглашениям, которые были заключены для финансирования временного правительства в Китае или... может находиться в противоречии с условиями займа или ослабить обеспечение под большой заем на реорганизационные цели Китая, по поводу которого ваш банк и другие союзные группы—французские, немецкие и американские—ведут уже переговоры с Китаем, при полной

осведомленности своих правительств». Во всех своих «официальных» выступлениях Гонконг-Шанхай'ский банк имел полную возможность и бесспорное право действовать в роли монополиста британских финансовых интересов в Китае.

Характер деятельности банка определялся теми задачами, которые ставил себе финансовый капитал в эту пору своего «развития». В данной исторической обстановке эти задания имели конкретную форму погони за железнодорожными концессиями и размещением «свободных» капиталов в Китае в виде займов под солидные гарантии, другими словами под залог имущества и доходов Китая, под залог труда народных масс Китая. То был период, непосредственно приведший к так называемому «боксерскому восстанию» 1900 года, явившемуся откликом трудовых масс на деятельность мировых империалистов в Китае. Одна из прокламаций «боксерского» периода, подписанная Ю Дун-чен'ом лидером движения, гласила:

«Иностранцы, под предлогом ведения торговли и христианства в Китае, на деле отбирают землю, продовольствие и одежду у нашего народа. Помимо того, что они игнорируют учение наших мудрецов, они отравляют нас опиумом и развращают нашу страну... Они захватили нашу территорию. Они нагрузили нас государственными долгами высотою в горы... Они заняли Шанхай, опустошили Формозу, силою принудили нас открыть Цзяо-чжоу и ныне желают разделить Китай, как дыню». Прокламация свидетельствует не о слепом фанатизме суеверных масс, а говорит о сознании трудовыми массами Китая тех задач, какие ставил себе международный империализм, и тех последствий какой империализм нес с собою миллионам населения.

Деятельность русского царизма.

Весьма энергичной империалистической силой на Дальнем Востоке была царская Россия. Интриги царских чиновников, дипломатов и генералов были не меньшими по об'ему и качеству, чем действия ее соперницы Англии. Вред, принесенный царской политикой для китайских трудовых масс, был огромный.

Будущему исследователю экономической истории России придется остановиться над вопросом, какими реальными

экономическими причинами и факторами вдохновлялась дальневосточная политика царизма. Стояло ли завоевание территорий на Дальнем Востоке в прямой зависимости от нарождающегося капиталистического хозяйства в России, требовавшего рынков во что бы то ни стало, или побудительными причинами были другие категории явлений?

Против первого возможного об'яснения говорит вся исторически сложившаяся жизнь России. К моменту, когда царизм делал первые попытки своего утверждения на Дальнем Востоке, в пятидесятых годах девятнадцатого столетия, Россия билась в тенетах средневекового, помещичьего, дворянского, крепостного, полунатурального хозяйства, имея весьма незначительное количество фабрик и заводов, бывших на «казенном иждевении». О завоевании рынков, как предпосылке развития капитализма в России, не могло быть и речи. Вся Россия представляла собою обширный рынок, еще только дожидавшийся развития. России было необходимо пройти через исторические этапы борьбы с русским феодализмом для создания об'ективных условий выварки в «капиталистическом котле».

Попытки царизма, относящиеся ко временам более поздним, к первым десятилетиям двадцатого столетия, распространить экономическое влияние России в отхваченной у Китая территории Маньчжурии, также были безнадежны.

Перенесение российских «Гостиных рядов» в Харбин—было дорого стоющим предприятием, не давшим никаких результатов. Харбин с момента своего зарождения, лишенный элементов индустриального развития, становился центром для железнодорожного чиновничества и бесстыдной спекуляции. Единственные заводы, которые развились в Харбине без труда и усилий,—были водочные заводы.

Стремление к колонизации отвоеванных и награбленных царизмом территорий выявлялось, как текущая задача политики русского чиновничества. Однако, и это стремление исторически было беспочвенно. Вся Сибирь к моменту новых завоеваний на берегах Великого океана, Амура и Сунгари лежала неколонизованной. Царизм оказался безнадежен во всех своих потугах организации большого переселенческого

движения в Сибирь. Восточные районы Дальнего Востока до сих пор еще являются лесной пустыней, тундрой, весьма не густо заселенной. Обширные пространства, вмещающие несколько Франций и Германий, ждут организованного труда пролетарских и крестьянских масс, чтобы развить богатейшие природные богатства края.

Задачи колонизации вообще непосильны для капиталистических правительств. Колонизация—это передвижение масс, перемещение миллионов трудящихся. Творческим порывом самих масс и их организациями могут быть осуществлены грандиозные задачи, поставленные историей перед освобождающимся человечеством.

Одни «завоевания», захваты, аннексии не разрешают задачи организованного перемещения миллионов трудящихся на новые территории для полного развития богатств этих территорий.

Опыты капиталистической Японии на Дальнем Востоке столь же безнадежны, как и опыты крепостнической России. Япония аннексировала Корею в 1910 году, взяла ее официально под свой «протекторат» в 1906 году, «охраняла» ее независимость с 1902 года, стала твердою ногою на корейском полуострове в 1894 году, в период войны с Китаем, «проникла» в Корею несколькими десятилетиями ранее, тратила и тратит громадные средства, выжатые из японских же трудовых масс, на колонизационные планы и в итоге.. решительное банкротство всей колонизационной политики Японии. В Корею переселялись и переселяются, несмотря на все приманки, сотни, быть может, тысячи японцев, в то время, когда переселение было расчитано на миллионы и десятки миллионов их. Корея густо заселена не японскими крестьянами и переселенцами, а японскими чиновниками, жандармами, сыщиками и солдатами.

В такой же мере неудачными должны быть признаны опыты колонизации теми же японцами острова Формозы, завоеванной ими у Китая в 1894 году. Совершенно безнадежны опыты колонизации русского Дальнего Востока. Кроме японских парикмахеров, в своем большинстве состоящих на службе в японской контр-разведке, японских прачек,

фотографов и неизбежного представительства на всякой территории богатейших японских фирм Мицуи, Мицубиши, Окура и нескольких других, никакого иного «переселения народов» последние десятилетия не знают.

Кроме факторов «внутреннего» характера, неспособности капиталистических государсть и их правительств справиться со всяким массовым движением, и «внешние» факторы оказывают весьма энергичное сопротивление «колонизаторским» попыткам империалистических государств. Народы тех стран, в которых империализм осуществляет свои колонизаторские опыты, борются против политики искусственного и насильственного внедрения чужеземной солдатчины и жандармских отделений. История русского партизанства в Приморье, на Амуре, в Забайкалье в период японской интервенции, равно как восстания на Формозе, спорадически вспыхивающие, являются лучшими доказательствами безнадежности, бесцельности, бесплодности казенной колонизации.

Японский империализм, несмотря, однако, на все дорого стоющие и неудачные опыты и вопреки логике самих неудач, настаивает на утверждении своего владычества и в Сибири, и в Маньчжурии, и в Шань-дун'е, и на Формозе, и в Фу-цзянь'е, и в Цзян-дао, на севере Китая, и на захвате Филиппинских островов, и на установлении своего японского влияния в Австралии и архипелаге Индийского океана...

«Великодержавность» русского царизма также не считалась и не хотела учесть готового опыта своей завовательной политики. Учет опыта и не требовался. Царизм подменивал экономические потребности потребностями своего собственного владычества, своей собственной дворни и клики.

Великодержавность—это даже не стремление русской буржуазии, как общественного класса, утвердить свое купецкое или промышленное влияние на какой-либо окраине или в отхваченной у слабого соседа территории. Великодержавность—это один из существенных штрихов самодурного царского самодержавия, державшегося на угнетении десятков миллионов крепостных крестьян.

Под знаком великодержавности, царская Россия устанавливала и развивала свои отношения с Китаем. Речь идет не о первых попытках обмена посольствами с Китаем, относящихся к 17 столетию, а о регулярных взаимоотношениях между царской Россией и богдыханским Китаем, начинающих собою период от шестидесятых годов девятнадцатого столетия.

Начальная точка этого периода—захват Амура Муравьевым-«Амурским» в 1854 году. Мотивом захвата служила необходимость снабжения русского населения на Дальнем Востоке речным путем, в виду блокады Черного моря и Крыма союзной эскадрой. Муравьев отвоевал Камчатку, захватил Петропавловск, стал твердою ногою на берегах Великого океана. Тогда-то был заключен с Китаем Айгунь'ский договор (1858 год), подкрепленный договором 1860 года. Согласно этих договоров, Россия получила все побережье Маньчжурии до корейской границы, под именем Приморской области, обеспечив за собою также свободный, беспошлинный обмен с соседними государствами. На новой территории и вырос город Владивосток, «окно» в Америку, будущее яблоко раздора империалистов между собою и всех их вместе—с пролетарско-крестьянскою Россией.

Завоевание, отхват, или «дипломатические победы», давшие в своем результате царской России обширный Дальний Восток, должны были с железной необходимостью поставить проблему воссоединения между собою разрозненных территорий разбухшей, разросшейся России. Проект Сибирской магистрали был единственным логическим ответом на реальную потребность.

Одновременно с прокладкою Сибирского пути прокладывали себе дорогу всевозможные проекты, имевшие своею целью утвердить русскую великодержавность на Дальнем Востоке.*) Если Владивосток хорош, то чем город Дальний (Да-лянь-вань) хуже? Дальний даже имеет целый ряд преимуществ перед Владивостоком. Дальний—не замерзающий порт. Владивосток же замерзает на несколько зимних месяцев. Владивосток—сделанное уже приобретение, завершенное достижение, Дальний же—новое „завоевание",

*) Примечание. В числе других проектов—был проект воссоединения с Владивостоком через Пекин при проведении царской Россией железной дороги на Кяхту-Ургу-Калган-Пекин.

привлекающее к себе внимание царских чиновников и дипломатов и сулящее им новые назначения, чины и награды. Дальний, к тому же, дает выход великодержавной России к Желтому морю...

Захват Амура привел к Камчатке, Камчатка—к берегам Великого океана. Захваченные территории на берегах Великого океана привели к Сибирской магистрали. Она, в свою очередь, привела к необходимости стать твердою ногою в самом Китае, в Маньчжурии, а затем и в чжилийском заливе, в Желтом море. Вот тот цикл дальневосточной царской великодержавности, который в своем историческом развертывании дал ряд военных катастроф и оставил революционной России тяжелое наследство в виде Маньчжурской, Монгольской, Сунгари-Амурской, и других проблем. Таковы были задачи, которые царизм по мотивам великодержавности принял на себя, будучи экономически совершенно не подготовленным к удовлетворительному их разрешению.

В несоответствии между состоянием производительных сил в своей стране и своей внешней политикой и заключается существенное отличие царской России от Англии. Англия также пришла на Дальний Восток и специально в Китай в результате исторического процесса бурного и быстрого развития капитализма в своей собственной стране. Англия пришла в Китай после того, как освободилась у себя от феодального правительства, после того, как английская буржуазия утвердила свое классовое господство, после того, как машина вытеснила ручной труд, и частная собственность была об'явлена священным стимулом прогресса. Англия пришла в Китай, как молодая, сильная капиталистическая страна, требовавшая китайского сырья и силою навязавшая Китаю продукты своего машинного производства. Россия не привезла в Китай своего готового продукта. Его не было в самой России. Готовый продукт машинного производства ввозился в Россию точно также, как он ввозился в Китай. Россия не вывозила из Китая сырья, на свои фабрики, так как в России не было фабрик, которые могли бы «поглощать» это сырье. Мы не говорим о традиционных предметах вывоза из Китая в Россию чая и шелка, не нуждавшихся в переработке на русских фабриках.

Вместо готового фабриката, царская Россия ввезла в Китай чиновников-дипломатов, которым была дана отчетливая задача высоко держать трехцветный флаг царской великодержавности, вмешиваясь во все проявления жизни самого Китая. Так как к девяностым годам влияние империализма других «держав» в Китае было сильным и энергичным, то русские дипломаты, осуществляя наказ о великодержавности, должны были, в свою очередь, вести энергичную, активную политику.

Методы осуществления царской великодержавности в Китае весьма своеобразны. Царское правительство державшееся в своей собственной стране на угнетении сотен миллионов русского населения, создавшее свирепую, тупую, жестокую бюрократию, продажную полицию, кровавую охранку, расстрельные экспедиционные отряды, военнополевые суды, ссылку, казни, кошмары запоротых, замученных рабочих, крестьян и соженных деревень,—эта же царское правительство играло в «либерализм» в Китае. Царские дипломаты, выученики «училища правоведения» и «пажеских корпусов», в дипломатических нотах и словесно выражали соболезнование Китаю, угнетаемому Англией, и брали Китай под свое высокое покровительство, под свою «высокую руку».

Метод соболезнования и покровительства в дополнение к спокойному аргументу о непрерывной многоверстной длине русско-китайской границы, традиционной дружбе—был наилучшим средством получения железнодорожных концессий в Маньчжурии и ряда различных прав и привилегий, приобретенных царским чиновничеством в золотую пору своего «либерального» краснобайства в Китае. Не обходилось и без метода воздействия на отдельных личностей из китайской придворной знати, мандаринов, пользовавшихся, в виду исторических условий жизни самого Китая, правом решения судеб сотен миллионов китайского населения.

Мы отмечали уже в свое время, что царская Россия пыталась играть роль друга Китая в его войне с Японией. Царская Россия упорно заявляла, что только ее усилиями Маньчжурия была спасена от захвата ее японцами в период

япно-китайской войны. Отсюда с логическою необходимостью вытекала необходимость самого тесного содружества Китая с Россией. Отсюда—поездка китайского сановника Ли Хун-чжан'а на коронацию в Москву в 1895 году и задабривание его на «месте» наиболее даровитым из царских приказчиков—С. Ю. Витте.

Историческим, кристаллическим осадком всей этой оживленной полосы дипломатической деятельности царских чиновников является так называемое соглашение Кассини, бывшего тогда полномочным министром царской России в Пекине. Смысл этого соглашения с Китаем—в том, что Россия обязывалась защищать Китай от агрессивности иностранных держав. Царская же Россия получает взамен от Китая возможность распространить свое влияние на севере Китая и право на сооружение железной дороги в Маньчжурии.

Россия—царя, князей, жандармов и охранников, угнетавших сто пятьдесят миллионов русского населения—в роли защитницы 400 миллионов китайцев, угнетавшихся мировыми империалистами!..

Суть вопроса была, конечно, не в той позе, какую русские чиновники пытались занять по отношению к Китаю, а в той самой великодержавности, которая являлась толкачем дальневосточной политики царизма. Великодержавность требовала также размещения русских регулярных войск, сибирских стрелковых бригад, на территории всего Дальнего Востока. Эти задачи легче всего осуществлялись сооружением железной дороги на территории самой Маньчжурии, которая являлась бы продолжением Великого Сибирского Пути и соединяла бы по прямой линии Забайкалье с Приморьем.

Русско-Азиатский банк

С момента, когда вопрос о сооружении железной дороги на территории Маньчжурии был решен вместе с Ли Хун-чжан'ом, в Петербурге рождается в свет учреждение, которому было суждено сыграть столь отрицательную роль в судьбах России на Дальнем Востоке. Это учреждение—Русско-Азиатский банк, раньше называвшийся Русско-Китайским банком.

Самая идея открытия банка, которому поручалась организация общества для сооружения железной дороги была весьма популярной среди всех империалистов, действовавших в Китае. Гонконг-Шанхай'скому банку, как мы уже отмечали, также была поручена организация английской корпорации, синдиката для железнодорожного строительства. Те же задачи лежали на Германско-Азиатском банке, на Индо-Китайском банке,—вообще на всех банковских предприятиях мирового империализма. В исторических условиях завоевания Китая банки должны были играть роль посредника, выявляющего империалистические цели капиталистических правительств.

Согласно одного из пунктов устава банка, «исключительной целью Русско-Китайского банка является развитие взаимоотношений с восточно-азиатскими народами».

Функции Русско-Китайского банка, переименовавшегося в 1910 году в Русско-Азиатский банк, носили характер функций русского государственного банка, даже несколько усиленных в качестве и расширенных в об'еме, в виду деятельности банка на территории чужого государства. Русско-Азиатскому банку,—мы во всех случаях будем называть его этим именем,—в числе прочих банковских операций присваивалось право собирания податей и налогов с русских граждан, живущих на территории Китая, учинение всяких операций, тесно связанных с деятельностью государственного казначейства, право чеканки монеты (впрочем, с разрешения, для формальности, китайского правительства), право проводки телеграфных линий. Главной же обязанностью и в то же время правом Русско-Азиатского банка являлось приобретение железнодорожных концессий в Китае.

Перечисленные функции не оставляют ни малейшего сомнения в намерениях царского правительства в момент организации Русско-Азиатского банка. Банк наделялся исключительными правами и полномочиями, так как должен был играть исключительную роль на Дальнем Востоке. Русско-Азиатский банк являлся подчиненным органом российского министерства финансов и орудием

осуществления захватнической политики царизма на Дальнем Востоке. Сохранение частного, а не правительственного наименования за этим банком вызывалось «дипломатией» того времени, в особенности советами Ли Хун-чжан'а. Ни для кого же из современников организации Русско-Азиатского банка и свидетелей его деятельности не было сомнений в том, что «частный» характер банка всецело подчинен его политической задаче, данной ему правительством царя.

Русско-Азиатский банк в качестве орудия русской великодержавности приступил к деятельности. 8 сентября 1896 года Русско-Азиатский банк заключает соглашение с китайским правительством на сооружение Китайской Восточной дороги. Банк, спречь русское правительство, диктует условия Китаю.

Параграф первый: «Китай и Россия организовывают общество, именующееся «Обществом Китайской Восточной железной дороги для сооружения и управления этой дороги. Устав этого общества должен находиться в соответствии с уставом российских железных дорог. Акции могут быть приобретаемы только китайцами и русскими».

Банк, сиречь российское министерство финансов, далее выторговывает: «Что касается земли, потребной обществу для сооружения, управления и защиты линии дороги и соседней с нею полосы, равно как также земли, потребной для добычи песку, земли, и извести, земельные участки будут отданы обществу без всякого вознаграждения, если земля принадлежит правительству... Все участки Общества освобождаются от платежей поземельных налогов»,—гласит параграф шестой.

Другие параграфы предоставляли тому же Обществу право перевозки войск по новой дороге от одного пограничного пункта до другого без права высадки их на территории самого Китая, удешевленный тариф, право угольных и иных концессий, привилегию на организацию промышленных и коммерческих русских предприятий в полосе отчуждения дороги.

Общество Китайской Восточной железной дороги должно было быть организовано Русско-Азиатским банком. Для обнаружения чисто правительственного характера прав

собственности на Китайскую Восточную железную дорогу и передаточной, подсобной и подчиненной роли Русско-Азиатского банка достаточно указать на одно из условий устава общества, в силу которого все конфликты, возникающие между Китайской Восточной и Забайкальской железными дорогами, должны разрешаться российским министерством финансов. С внешней же стороны, в интересах маскирования непосредственного участия русского правительства в делах дороги, контроль осуществлялся Русско-Азиатским банком, в свою очередь, контролируемым российским министерством финансов.

Русско-Азиатский банк выполнял дававшиеся ему задания, не смея претендовать на какую-либо другую роль. Русский же народ нес все тяготы по железной дороге на полях далекой Маньчжурии, одно сооружение которой стоило рабочим и крестьянам России около полумиллиарда золотых рублей. Русско-Азиатский банк не внес на сооружение Китайско-Восточной железной дороги «своих» денег, не мог внести, подобно тому, как ни одно отделение государственного банка не сооружает железных дорог за счет средств чиновников, служащих в этом отделении.

Русско-Азиатский банк по идее его организаторов, и по основным своим функциям, по бухгалтерским книгам российского министерства финансов являлся наделенным функциями отделения государственного российского банка на территории Китая.

Заведомость происхождения Русско-Азиатского банка, его природа и характер не помешали русским белогварейцам и французским рантье, реорганизовать банк в Париже после его национализации в Петербурге; другими словами, учинившим эту «операцию» после фактического и формального упразднения самого банка, об'явили себя акционерами Китайской Восточной железной дороги... Русско-Азиатский банк, в лице закоренелых контр-революционеров, выступает в роли претендента на государственную собственность, оплаченную денежкой трудового русского народа. Лишь в общественной среде, насквозь пропитанной миазмами империализма, захвата и грабительства, лишь при содействии конт-революционного,

белогвардейского царского русского посольства в Пекине Русско-Азиатский банк, выкинувший над своим зданием французский флаг после отмены эстратерриториальности русских в Китае, мог заявить о своих правах собственности на дорогу и вырвать у пекинского правительства в октябре 1920 года новое соглашение по вопросам организации управления Китайской Восточной железной дороги.

Русско-Азиатский банк во всех случаях выполнял предначертания русского царизма. По поручению российского министерства финансов, Русско-Азиатский банк принял в 1897 году участие в договоре на сооружение Пекин-Ханькоу'ской железной дороги. Банк и в этом случае служил орудием осуществления русской великодержавности, претендовавшей на влияние в Среднем Китае, в долине реки Ян-цзы. Русско-Азиатскому банку пришлось натолкнуться на сильное противодействие англичан, как известно, об'явивших долину реки Ян-цзы своею «сферою влияния».

Эта роль простого исполнителя предначертаний российского министерства финансов была характерна для деятельности Русско-Азиатского банка еще в 1914 году. 26-го марта 1914 года Русско-Азиатский банк, в лице своего управляющего де-Гойера, потом министра финансов колчаковского правительства, подписал соглашение с китайским правительством, в лице представителей министерств финансов и путей сообщения, на сооружение новой железной дороги. Новая дорога должна была соединить Харбин и Цицикар с городами Мэргэнь, Айгунь и Сахалянь в Северной Маньчжурии. Эта дорога имела своею целью соединить полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги, с районом реки Амура, с Благовещенском и с Амурской железной дорогой. Длина предполагавшейся дороги около 1.000 километров. Ее формальная казенная цель—скорейшее развитие почти нетронутых районов Северной Маньчжурии. Действительная цель проектировавшейся дороги—новые стретегические достижения.

В других неосуществленных проектах железнодорожных концессий, испрашивавшихся царской Россией у Китая, Русско-Азиатскому банку отводилась «почетная» роль посредника и кассира. Речь идет о проектах на сооружение

железных дорог от Кяхты до Урги по Монгольской пустыне и от Урги до Калгана, лежащего в шести часах железнодорожного пути от Пекина. Речь идет также и о другой железнодорожной линии от Коканда через Лань-чжоу, столице провинции Гань-су. Все эти железные дороги, как и Китайская Восточная железная дорога, преследовали стратегические цели, ставившиеся себе царским самодержавием на Дальнем Востоке. Во всех захватнических предприятиях царизма Русско-Азиатскому банку, ныне претендующему на французское подданство, приходилось играть главнейшую роль по фактическому осуществлению приказаний своего петербургского начальства...

Деятельность царизма и его верного и исполнительного слуги Русско-Азиатского банка вызвала следующий отклик другой империалистической организации, английской ассоциации. В своем письме на имя лорда Салисбьюри от 14 апреля 1898 года английские купцы писали: «Ассоциация не верит, что дверь в Маньчжурию будет оставлена открытой той великой державой, которая получила в свое распоряжение замок и засов от этой двери. Свободный от льда порт, город Дальний, является необходимой уступкой коммерческим требованиям этой державы. То обстоятельство, что этот порт приобретает вид крепости, которая фактически может сделаться неприступной, существенно меняет положение».

Царской России, и ее финансовому «инструменту», казалось недостаточным завоевание Маньчжурии, завязывавшее международный узел, сталкивающее интересы империалистов различных стран, приведшее к русско-японской бойне 1904 года... Великодержавность со своим банком хотела соорудить железнодорожную линию, которая проходила бы через весь Китай и соединяла бы Северную Маньчжурию с Индо-Китаем. Царская Россия официально не могла взять на себя инициативу сооружения этой дороги, так как царизм был связан обязательствами по отношению к Англии, заявившей претензии на влияние в Среднем Китае. Русское «великодержавное» чиновничество могло выполнить эту задачу, пользуясь «третьими лицами», Францией и Бельгией.

В 1897 году Бельгия получила концессию на сооружение железной дороги от Пекина до Хань-коу. В самом договоре было обеспечено место за Русско-Азиатским банком, в качестве держателя выпускаемых облигаций и в качестве кассира, финансового агента... российского министерства финансов. Англичане сразу разгадали игру русской «дипломатии». Шанхайский ежемесячник «Дальневосточное Обозрение», по поводу концессии на сооружение Пекин-Хань-коу'ской дороги писал: «Наиболее любопытным в деятельности новой компании является то обстоятельство, что она осуществляет план, который давно был тщательно разработан Россией, ведущий к установлению «железнодорожного» господства России в некоторых районах Китая». Журнал говорит о проектировавшейся железной дороге через Китайский Туркестан и провинцию Гань-су, проходящей далее через города Си-ань, в провинции Шэнь-си, Ло-ян, в провинции Хэ-нань, Кай-фын, в той же провинции, Нанкин, в провинции Цзян-су, и выходящей к Желтому морю в его южной части. Эта же железная дорога должна была дать ветвь на город Чэн-ду, в провинции Сы-чуань. Во всех этих грандиозных захватнических планах Русско-Азиатскому банку приходилось играть наиболее активную роль.

Господство царской России в Маньчжурии осуществлялось при содействии аппарата банка. В самой своей сущности банк играл политическую роль. Эта роль в особенной мере сделалась яркой в годы русской революции. Вся контр-революционная эпопея Харбина тесно связана с Русско-Азиатским банком, субсидировавшим белогвардейщину, атамановщину и интервенцию. Русско-Азиатский банк получил возможность играть такую видную роль в истории российской контр-революции не только по своему внешнему «титулу», не только в силу своих претензий собственника на Китайскую Восточную железную дорогу. Контр-революционная роль Русско-Азиатского банка была обеспечена его основной функцией—функцией русского государственного банка в Китае. К началу российской революции и во все последующие годы ее Русско-Азиатский банк располагал

большими денежными суммами, составившимися из различных источников. Суммы, поступившие от продажи царскими консулами участков земли в так называемых русских концессиях в Тянь-цзинь'е и Хань-коу, доходы от русских почтовых контор, разбросанных во многих «договорных портах» Китая и по всей Маньчжурии, боксерская контрибуция, вносившаяся ежегодно китайским правительством из таможенных доходов, серебро, отправленное различными русскими «правительствами» в Китай для выплавки в таэли-лаы, большие средства, отпущенные правительством Керенского на военные заготовки в Китае, продовольственные суммы и деньги различных других назначений—все эти суммы стекались в Русско-Азиатский банк, как в русский государственный банк. Эти суммы измерялись и измеряются десятками миллионов таэлей-лан, дающих в целом сумму во много раз превышающую основной капитал банка в момент его организации.

Наличие громадных русских денежных средств в Русско-Азиатском банке в Китае в момент его ликвидации в Петербурге дало возможность банку реорганизоваться, перенести «правление» в Париж, пригласить французских рантье в качестве новых акционеров банка, об'явить себя частным, независимым банковским предприятием, обратиться за содействием к французскому правительству и пекинским „влияниям" и... субсидировать русскую белогвардейщину и контр-революцию... Русско-Азиатский банк выплачивал за счет русского трудового народа содержание царским чиновникам за-границей, бывшим посланникам, консулам, царским агентам, секретарям и всем другим из «славной стаи», бывшим в услужении у царя... Русско-Азиатский банк, завладев громадными средствами русского народа, претендуя на захват Китайской Восточной железной дороги, является сейчас орудием французского империализма, направленным против России и против русского трудового народа...

Деятельность Франции в Китае.

В каком направлении развивалась деятельность капиталистической Франции в Китае? Еще задолго до установления регулярных «коммерческих» взаимоотношений между

полуфеодальным Китаем и капиталистической Францией католические миссионеры пытались утвердить влияние французов в Китае. Миссионерские тенденции и задачи—были политическими. Еще в 1787 году архиепископ Пиньо пытался, но безуспешно, привести одну из южных провинций Китая, Тон-кин, к покорности, попросту поставив ее под «контроль» Франции.

Отдельные попытки на захват тех или других территорий юга Китая выявлялись Францией в длинном ряде лет. Лишь в 1862 году попытки Франции закончились аннексией части территории Китая, на самом юге Индо-Китайского полуострова, известной под именем Ко-цин. Захват Аннама, Камбоджи и Тонкина—был последующим шагом «вольной», марсельезной Франции...

Когда мировой империализм переживал пору железнодорожной горячки и «грюндерства», засыпая китайское правительство различными проектами железных дорог,—Франция не отставала от общего течения... Франция в 1897 и 1898 годах поставила на очередь вопрос о сооружении железной дороги из новой территории Франции Тонкин'а в провинцию Юнь-нань, от города Ханой к городу Юнь-нань-фу, столице провинции того же названия.

Это мероприятие являлось только логическим следствием той агрессивной политики, какую осуществляла Франция. Она захватила весь Южный Китай, известный под именем Индо-Китая, состоящий из четырех частей: Ко-цин-Китай с городом Сайгоном, Камбоджи, Аннама и Тонкина. Франция не только лишила Китай территорий, населенных китайцами и родственными племенами, но также лишила Китай выхода в южные моря, к Сиамскому заливу, Малайскому архипелагу, сильно стеснив выходы Китая также и к Южно-Китайскому морю.

Богатейшая провинция Китая, Юнь-нань, вследствие манипуляций французского империализма, оказалась зажатой со всех сторон железным кольцом отхваченных у Китая территорий. В дальнейшем ходе завоевательной политики провинция Юнь-нань, разобщенная от провинций юго-востока, с которыми она экономически должна быть в тесном

контакте, подпавших под французское иго, должна была сделаться об'ектом «любовных воздыханий» Франции и Англии, в свою очередь, имевшей свои «владения» на запад от провинции Юнь-нань. Провинция Юнь-нань превратилась в ту вещь, которая стала «плохо» лежать. Франция сосредоточила свое влияние на провинции Юнь-нань, домогаясь установления своего протектората над нею.

Апологеты колониальной политики Франции, Дюбуа и Феррие, в своей книге «Французские колонии», захлебываясь от восторга, говорят о минеральных богатствах Юнь-нань'я. Эти богатства и служили приманкой для проекта железнодорожного строительства, соединяющего Индо-Китай с провинцией Юнь-нань и для других проектов установления французского протектората над этой территорией Китая.

Американец-историк, г. Хазен, в своей книге «Европа с 1815 года», рассказывая о завоевательной политике Франции в Тунисе, на Мадагаскаре, Тонкине и Конго, и сравнивая эти захваты с захватами других капиталистических государств, говорит: «Эра империализма началась. Франция должна была принять участие в общем движении или она была бы отброшена далеко назад соперничающими нациями». Капитализм, завоевавший Европу, искал завоеваний в Африке и Азии и в других «некультурных» странах. Капиталистическая Франция в этом смысле ни чем не отличалась от империалистической Англии или Германии...

Юнь-нань'ская проблема была отчетливо поставлена губернатором Индо-Китая, Думэром, который, развернув большую программу железнодорожного строительства, доказывал своему правительству, что «вопрос о железнодорожном строительстве на всем Дальнем Востоке поставлен сегодня в повестку дня... Англия, со смелостью, которая до сих пор нами не проявлялась, решительно направилась через Бирму в сторону провинций Юнь-нань и Сы-чуань, которые, казалось бы, были заготовлены для нашего экономического проникновения. Однако, в этой мирной войне мы должны восторжествовать. Мы поставлены в лучшие условия, благодаря тем возможностям проникновения в Юнь-нань, какие в наше распоряжение предоставляет Красная река. Нам

надо только воспользоваться положением и присоединиться к усилиям правительства метрополии—соорудить Индо-Китайскую железнодорожную сеть, которая послужит нам базой для нашего проникновения в Китай».

С того момента, когда точка зрения экономического проникновения французского капитала из Индо-Китая в Юнь-нань стала господствующей линией французского империализма,—методы сделались ясными сами собою. Стало необходимо добиться от китайского правительства концессий на сооружение железных дорог.

10 апреля 1898 года китайское правительство заявило, что оно «предоставляет французскому правительству или французской компании, которую укажет французское правительство, право на сооружение железной дороги от границы Тонкина до Юнь-нань-фу. Китайское правительство принимает на себя обязательство предоставить в распоряжение французского правительства участки земли, потребные для самой дороги и ея полосы», гласит первый параграф навязанного Китаю соглашения.

Второй параграф гласит: «Китайское правительство, во внимание к дружбе с Францией, предоставляет ей в аренду на 99 лет залив Гуан-чжоу-вань (на самом юге Китая, недалеко от города Лэй-чжоу и острова Хай-нань). Франция может устроить в заливе морскую и угольную станции...»

Чтобы обеспечить также за собою право на исключительную, монопольную эксплоатацию провинции Юнь-нань, Франция внесла четвертый параграф в свое соглашение с Китаем, гласящий: «В интересах сохранения отношений добрососедства и дружбы между Китаем и Францией, в целях сохранения территориальной неприкосновенности Китайской империи и, наконец, в виду необходимости принять все меры к тому, чтобы не изменять существующих условий в провинциях, граничащих с Тонкин'ом, правительство Французской республики придает исключительное значение получению заверения от китайского правительства в том, что Китай не уступит никакому другому государству всей

или части указанных территорий, ни временно, ни постоянно, ни по праву аренды, ни по какому-либо другому титулу».

Английский империализм, в свою очередь, опасаясь, что Франция может сильно укрепить свое влияние в южных провинциях Китая, будучи в тоже время сам весьма заинтересован в получении этих провинций в свою монопольную эксплоатацию, вырвал у китайского правительства аналогичное обещание, говорящее о том, что Китай не сдаст никому каких-либо частей территории юга Китая в аренду или по другому праву. 15 марта 1897 года Франция побудила Китай дать такие же обязательства в отношении острова Хай-нань.

Каков был размах французского империализма, можно видеть из того, что французская палата депутатов разрешила правительству Индо-Китая затратить 200 миллионов франков только на железнодорожное строительство. Сооружение железной дороги на Юнь-нань-фу шло теми-же путями, какими империализм других национальностей завоевывал для себя Китай. Был образован французский синдикат, об'единивший крупные финансовые предприятия Парижа. Этому синдикату были обеспечены монопольные права по управлению новой дорогой сроком на 75 лет, с одним обязательством—отдавать часть прибылей по эксплоатации дороги в распоряжение правительства колонии Индо-Китая.

В какие отношения французский империализм, проявлявший себя при посредстве организованного синдиката, стал к китайскому правительству? Франция гарантировала на бумаге признание суверенных прав Китая в отношении новой дороги. Франция обязывалась также не вводить своих войск для охраны дороги. Обязанность охраны линии возлагалась на китайское правительство. Взамен этого французская империалистическая добродетель требовала от Китая полного и безусловного невмешательства в финансовые дела дороги. Французский империализм обеспечивал за собою право бесконтрольной эксплоатации дороги, а при посредстве дороги эксплоатации и экономических богатств

всей провинции. Экономическое овладение всем районом должно было означать колонизацию Южного Китая.

Китайская буржуазия легко и быстро разгадала игру своего южного «соседа» и в ряде мер, с своей стороны, стала оказывать сопротивление империалистической политике французского «республиканского» капитала. Центр тяжести проблемы заключался в том,—будет ли обеспечен провинции Юнь-нань выход к морю или нет. Франция соорудила железную дорогу на Юнь-нань-фу с исключительною целью монополизировать выходы этой провинции к морю. Китайская буржуазия, в свою очередь, решила соорудить железную дорогу от города Юнь-нань до Нанкина с тем, чтобы разрушить планы французского капитала на морскую монополию.

В консульских докладах за 1912 год находим отзыв американского консула Андерсона о происходившей борьбе китайской буржуазии с французским капиталом. Железная дорога, которую проектировали китайцы, имела своею целью, пишет г. Андерсон: «открыть выход провинции Юнь-нань к морскому побережью через китайскую территорию и избежать, таким образом, современных неблагоприятных условий», заключавшихся в высоких тарифах на все товары нефранцузского происхождения, в неприемлемых железнодорожных ставках, которые должны были вернуть в кратчайший срок французским империалистам затраченный ими капитал с ростовщическими процентами.

Сопротивление, оказанное китайской буржуазией, оказалось серьезным фактором экономической жизни края. Новая железная дорога не принесла французскому капиталу желанных результатов. Об'ем французской торговли на юге Китая продолжал сокращаться. Самой железной дорогой китайцы пользовались в относительно малых размерах. Китайцы предпочитали речные и караванные передвижения. На юге Китая повторилось с фотографической точностью то же самое явление, какое наблюдалось на севере Маньчжурии. Китайская Восточная железная дорога также бойкотировалась китайскими купцами и широкими слоями населения, предпочитавшими все иные способы передвижения, кроме царского железнодорожного в полосе Маньчжурии.

Французский империализм не ограничивал своих планов одною только провинцией Юнь-нань. Соседние с нею провинции: Гуан-си, Гуан-дун и Сы-чуань, также входили в поле внимания Франции. Тот же господин Думэр, губернатор Индо-Китая, проектировал железную дорогу от Юнь-нань-фу до города Чэн-ду, столицы провинции Сы-чуань. Французским полномочным министром в Пекине уже велись по этому поводу переговоры с китайским правительством. Планы на удлинение железнодорожного пути до города Чэн-ду находились в полном соответствии с планами царистской России, проектировавшей соединение «своих» железных дорог в Китае с Индо-Китаем. Французские капиталисты, кроме указанных дорог, принимали также участие в сооружении и эксплоатации Пекин-Хань-коу'ской железной дороги.

Индо-Китайский Банк.

Финансовым аппаратом, осуществлявшим «великодержавныя» задания Франции, являлся Индо-Китайский банк. По своей идее, структуре и методам действий—Индо-Китайский банк ни чем не отличался от своих собратьев. Единственное различие, не принципиального характера, заключалось в том, что Индо-Китайский банк со всею энергией обслуживал интересы капиталистов своей, французской, национальности.

Индо-Китайский банк, в числе других задач должен был возглавлять собою группу французских и бельгийских капиталистов при обсуждении проекта о соединении города Хань-коу железною дорогою с городом Чэн-ду.

Помимо своего участия в различных железнодорожных комбинациях, Индо-Китайский банк принимал весьма деятельное участие в займах, учинявшихся мировыми капиталистами Китаю. В займе, заключенном Юань Ши-кай'ем 26 апреля 1913 года, для подготовительных мероприятий по восстановлению монархического строя в Китае, Индо-Китайский банк играл одну из крупнейших ролей. Заем Юань Ши-кай'ю был учинен группою иностранных банков на сумму в 25 миллионов фунтов стерлингов. Индо-Китайский банк взял на себя наиболее значительную часть займа. Это об'яснялось тем, что Франция, по условиям того времени,

являлась страною мелкого рантье и ссужала деньгами под высокие проценты другие страны, Россию и Китай по преимуществу.

Наличие «сбережений» французского рантье во французских банках определило собою теснейшую связь французских финансов с французской политикой. Правительство республиканской Франции всеми силами стремилось охранить интересы рантье. Индо-Китайский банк пользовался, в виду этих условий, официальной и деятельной поддержкой всех агентов Франции в Китае. Текущие банковские операции не отвлекали энергии банка от его главной задачи—служить орудием осуществления империалистических целей Франции в Китае. Само собою разумеется, каждый из иностранных банков в Китае, в том числе французский, «содействовал» развитию торговли своего отечества с Китаем. Однако, функции иностранных банков приурочивались к «большой политике», к железнодорожному грюндерству, консорциуму, до самой глубины затрагивавших экономическую и политическую жизнь самого Китая.

Германия в Китае.

Следующей «державой», о которой может итти речь в настоящей главе, является Германия. Империалистическое влияние этой страны на Китай в настоящие дни чрезвычайно ослаблено, чтобы не сказать сведено на нет. Победившая союзная коалиция упразднила влияние Германии в Азии, в Африке, в колониях и полуколониях. Борьба против германского влияния на мировых рынках и составляла главнейшую цель империалистической войны. Целью той же кровавой бойни являлось монополизирование мирового хозяйства одною группою империалистов, с тем, чтобы после войны борьба между «победителями» за концентрацию влияния на мировое хозяйство создала опасности новых войн...

Германское влияние почти упразднено. Оно возрождается в Китае в очень медленном процессе в формах, отличных от тех, в каких оно проявлялось до схватки империалистов между собою в 1914 году. Из этого факта не должно быть сделано ложных выводов. Факт упразднения германского влияния не освободил Китай в соответственной мере от того гнета, какой германский империализм

наложил на Китай. Влияние одной империалистической «державы», Германии, было экспроприировано другими империалистами. Иго, под тяжестью которого стонет Китай и его трудовые массы, не сброшено... Положение даже ухудшилось, так как методы японского империализма, унаследовавшего германскому, более свирепые, жестокие и кровавые, чем методы предшественницы. Все, что будет сказано о Германии в Китае, имеет, следовательно, не исторический только интерес. Победы германского империализма в Китае, несмотря на военное поражение самой Германии, имеют реальный, жизненный и столь же трагический интерес, сколь имеют победы империалистов других национальностей.

Германия установила свои отношения с Китаем в тот же самый приблизительно период, когда другие капиталистические государства гурьбою и порознь навязывали свои желания Китаю и его миллионным массам силою пушек и ружей. «Торговые» отношения Германии с Китаем начинаются с 1861 года. Мирные отношения выражались в огромных количествах тюков сырья, увозившегося немцами на свои фабрики, в неоплате продукта труда крестьянской бедноты и самого труда пролетарских масс Китая.

Германия не желала и не могла отставать от других империалистических стран и в 1897—1898 годах заняла порт Цзяо-чжоу в заливе того же названия в провинции Шань-дун. После того, как Цзяо-чжоу был занят, а в бухте появились германские крейсеры и броненосцы, китайское правительство было вынуждено подписать «соглашение» с Германией о передаче ей в аренду Цзяо-чжоу, Цин-дао, всей бухты, фактически всей провинции Шань-дун, ради «сохранения дружбы между Германией и Китаем».

Текст соглашения от 6 марта 1898 года гласит: «Идя навстречу законным желаниям германского императора о том, чтобы Германия, подобно другим государствам, приобрела место на китайских берегах для снабжения и починки своих судов и для других целей, с этим связанных, китайский император уступает Германии обе стороны залива Цзяо-чжоу в аренду сроком на 99 лет».

Естественно, что вслед за занятием бухты германский империализм должен был сосредоточить свое внимание на вопросе о проникновении в самую глубь провинции Шань-дун. Порт был Германии необходим не для починки судов, а для нагрузки их китайским сырьем, которое должно было быть подвезено к порту из глубины самой провинции. Требование железнодорожной концессии являлось логическим дополнением к требованию о предоставлении Германии порта на «китайских берегах». Германия заставила Китай дать согласие на железнодорожные концессии.

Китайское правительство санкционирует сооружение Германией двух железнодорожных линий в провинции Шань-дун. Первая должна итти от Цзяо-чжоу и Цзи-нань-фу к границам провинции Шань-дун... Другая дорога должна соединить Цзяо-чжоу с Цин-чжоу, откуда дополнительная ветка будет построена до Цзин-нань-фу. Третий пункт «соглашения» говорит о том, что «целью сооружения этих железнодорожных линий являются исключительно коммерческие интересы. Осуществляя железнодорожное строительство в Шань-дун'е, Германия заявляет об отсутствии предательских намерений в отношении Китая, равно как обязуется не захватывать в незаконном порядке территории в этой провинции».

Китайское правительство в той или иной редакции вносило во все договоры с иностранным капиталом этот пункт о «добром» поведении империалистов на его территории. Империалисты соглашались на внесение «моральных» параграфов, зная, что броненосцы с пушками в их руках... «Моральные» параграфы открывали простор к материальным компенсациям. Империалисты, взамен «морали», выдвигали реальные требования. Германия возложила на Китай обязательство приобретать для провинции Шань-дун необходимые для правительственных целей товары только в Германии. Рядом с издевательским, никчемным, «моральным» пунктом о незахвате территории мы находим параграф, устанавливающий монополию на «сферу влияния» Германии в богатейшей провинции Китая.

Значение провинции Шань-дун для Германии, «уступившей» свои права по версальскому договору дальневосточной хищнице, милитаристичекой Японии, было огромно. Шанхайский ежемесячник «Дальневосточное Обозрение» писал о роли этого района для империалистической Германии в следующих выражениях: «Когда Тянь-цзинь сковывается льдом на несколько зимних месяцев, экспортная торговля Северного Китая парализуется, за исключением небольшого количества товаров, которые вывозятся через порт Цин-вань-дао. Взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться, что большая часть торговли, которая ныне проходит через Тянь-цзинь, могла бы быть отдана Цин-дао с большими выгодами для обширного района Северного Китая и, конечно, к выгоде самой Германии. Сооружение железнодорожных линий, соединяющих северную или германскую секцию Тянь-цзинь-Пу-коу'ской дороги с Пекин-Хань-коу'ской дорогой произведет революцию в давно организованных торговых каналах и, вместо того, чтобы направляться в Пекин, а оттуда в Тянь-цзинь,—продукты южной части провинций: Чжи-ли, Шань-си, Шэнь-си и Хэ-нань предпочтут следовать по кратчайшему пути к морю—по германским железным дорогам к Цин-дао».

Германский капитал стал быстро завоевывать себе «положение», монополизируя торговлю значительных районов Северного Китая. Не ограничиваясь железнодорожной линией, соединявшей порт Цин-дао со столицей провинции Шань-дун, городом Цзи-нань, германский империализм домогался новых железнодорожных концессий. Новые железные дороги имели своей задачей изрезать полуостров в разных направлениях, достигнуть своими щупальцами всех уголков провинции, вывозить сырье в возможно больших количествах, чтобы дать «пищу» своим фабрикам и заводам и обеспечить за ними возможность возвращать Китаю готовые фабрикаты с заводским штампом «сделано в Германии» (Made in Germany). Полномочные министры Германии в Пекине были неугомонны, требуя от беспомощной и разлагающейся власти богдыханов все новых и новых уступок.

Китайское правительство согласилось на две новых концессии для Германии: одну к западу от Цин-дао до города И-чжоу и другую на сооружение железной дороги от Цзи-нань-фу до какого-либо пункта на Пекин-Ханькоу'ской железной дороге.

Германо-Азиатский банк.

Аппаратом, осуществлявшим планы германского империализма, являлся Германо-Азиатский банк.

Немецкие банкиры и промышленники учли то положение, что в интересах скорейшего развития своих планов и захвата китайского рынка им надо действовать об'единенно, концентрированно и дружно. В 1889 году был организован Германо-Азиатский банк, вобравший в себя крупнейшие финансовые группы Германии.

В 1890 году Германо-Азиатским банком был организован синдикат, на обязанность которого возлагалось железнодорожное строительство и организация горнопромышленных предприятий в Китае, а также учинение займов Китаю. Синдикат германских капиталистов должен был развернуть свою деятельность в направлении империалистического покорения Китая или, по крайней мере, известной части его под опытным руководительством «сих дел мастеров» Германо-Азиатского банка.

Германо-Азиатский банк кооперировал одно время, как мы уже знаем, с английским Гонконг-Шанхай'ским банком, особенно в вопросах о займах Китаю. Займы Китаю для выплаты им контрибуции наложенной на него Японией после войны 1894—1895 годов, займы для выплаты Китаем «боксерской контрибуции», займы на сооружение Тянь-цзинь-Пу-коу'ской железной дороги и много других займов, приведших Китай в результате всех ростовщических, паутинных манипуляций к нищете и кабале, учинялись Германо-Азиатским банком со своим будущим злейшим конкурентом на китайском рынке. Само собою разумеется, что сооружение Цин-дао-Цзи-нань-фу'ской железной дороги было взято на себя тем же Германо-Азиатским банком. Будущие смертельные соперницы, Германия и Англия, сделали попытку сговориться между собою в смысле дележа богатых прибылей от новых предприятий в Китае.

Попытка к сговору капиталистических стран между собою в Китае весьма интересна, так как в различной форме в разных политико-экономических условиях идея «кооперации» всех империалистов между собою несколько раз в истории китайской кабалы искала настоящего воплощения. Кооперация Германии и Англии в Китае, в лице Германо-Азиатского и Гонконг-Шанхай'ского банков, быстро разложилась и распалась. Стремление к монопольному захвату рынков и прибылей—душа империализма. Его жадность и корыстность, осуществляющиеся в захватах, знают один лишь путь—путь войн. В годы же «передышек» идет усиленная подготовка к новым войнам. Взаимный сговор империалистов по дележу добычи возможен только на короткий исторический час, в период «усталости» мировых империалистов и накануне новых схваток. Когда же империализм вновь чувствует «кровь в жилах», он становится эгоистичным, жадным, задорным и воинственным. Все попытки кооперации империалистов на Дальнем Востоке потерпели жестокий крах. Распался союз Германо-Азиатского банка с Гонконг-Шанхай'ским банком, распался «старый консорциум».

Во всяком случае, в тот «час», когда империалисты находили общий язык, Германо-Азиатский банк становился чрезвычайно активен. Германский финансовый капитал пользовался неизменною «поддержкой» своего правительства в Берлине и своей «легации» в Пекине. Германская дипломатия неотделима от германской промышленности и германских банков. Германия, забегая всегда вперед, «грудью» прокладывала дорогу банкиру и заводчику. Дипломатия и банкиры имеют одну и ту же цель—захват чужих рынков и эксплоатацию трудящихся масс...

Несколько слов о Японии.

В своем месте мы уже говорили о Японии, остановившись на наиболее характерных моментах из свирепой и кровавой деятельности японского империализма в Китае. В настоящей главе будут даны лишь те характеристики и оценки, которые необходимы для учета роли японского банковского капитала в Китае.

Проникновение Японии на континент, в Азию, шло по корейскому направлению. Япония облеклась в рыцарскую

тогу защитницы государственной независимости Кореи против Китая, стремившегося утвердить свой суверенитет над Кореей. Защита Японией корейской независимости привела к двум войнам: с Китаем в 1894 году и с Россией в 1904 году, в свою очередь, приведшим в ряде последующих лет к аннексии Кореи. Экономические причины, толкавшие капиталистическую Японию на путь завоевательной агрессивной политики, были ясны всем наблюдателям и исследователям жизни Японии, равно как также и официальным представителям Японии. К общим проблемам экономического характера присоединились вопросы социально-финансового свойства, затруднявшие положение молодой капиталистической страны.

Внимание империалистической Японии, естественно, должно было быть обращено в сторону Китая. Министр земледелия и промышленности японского правительства, г. Макино, в следующих выражениях говорил о Китае:

«Никакая другая страна в мире не представляет такого обширного поля для торговли, как Китай. С развитием образования и материального прогресса, возможности коммерческого развития Китая неограничены. Стремление разных государств войти в более тесные торговые и политические отношения с Китаем не может не вызывать к себе глубокого интереса в Японии, так как Китай является нашим ближайшим соседом и нашим лучшим потребителем. Наши коммерческие и политические отношения с этой страной значительнее и крупнее интересов всех других наций.

«Верно, конечно, что Япония ведет прибыльную торговлю со многими странами запада... но торговлю с западом, при всех наилучших попытках, трудно вести с вполне удовлетворительными результатами, так как труднее вести торговлю со странами экономически более развитыми, чем со странами, менее затронутыми современным развитием. Торговля с народами низшего социального стандарта более легка и выгодна...

«Сегодня мысль Японии направлена в сторону Китая, как на надежду нашего экономического будущего, мы уже не упоминаем о наших географических и расовых преимуществах в этой стране... Нашим желанием является сделаться тем же на Востоке, чем Англия является на западе...

Не будет преувеличенным наше утверждение, что значительная доля в наших надеждах на финансовое возрождение самой Японии будет зависеть от того, как успешно будет развиваться наша торговля с Китаем».

Все заявления удостоверяют факт исключительной заинтересованности островной маленькой, капиталистической Японии в Китае, как в потребительском рынке обширной емкости и как в стране, способной снабжать японские фабрики углем, железом и сырьем. Капитализм в Японии был бы практически невозможен, если бы не было Китая, на который коршуном налетел дальневосточный хищник. Естественные богатства Японии были бы недостаточны даже для одной трети или любого дробного числа японской промышленности... Исключительный интерес дальневосточного империализма к Китаю определял собою и методы осуществления заданий Японии в Китае. Методы японского внедрения на континент являются «букетом» захватнической политики. В политическом резюме эти методы могут быть охарактеризованы, как интенсивная интервенция в районах «влияния» с грубым вмешательством японского правительства во внутренние дела самого Китая.

Практически—все виды вмешательства империализма, в особенности японского, имеют своей целью борьбу с освободительными раскрепощающими процессами, которые уже идут в Китае, и навязывание китайскому народу, вопреки его воле, интересов правительств и провинциальных правителей, дудзюнов, угодных империалистам.

Кроме тех завоеваний, которые «достались»Японии после японо-китайской войны, японский империализм сделал крупные завоевания, и в результате русско-японской войны 1904—1905 годов. Царская Россия уступила капиталистической Японии Ляо-дун'ский полуостров, вместе с крепостью Порт-Артур, секцию Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куань-чен-цзы, со всеми боковыми железнодорожными линиями, правами, привилегиями и собственностью, принадлежавшей до войны царской России, в этом районе. 22 декабря 1905 года китайское правительство согласилось на перенесение указанных выше прав от

России к Японии, при условии сохранения духа и смысла соглашений, заключенных Китаем с царской Россией. Китай, следовательно, не хотел расширять прав нового «арендатора».

Несмотря на все сопротивление, оказанное Китаем,— Япония заставила Китай заключить с нею секретное соглашение, обязывавшее Китай не строить новых дорог ни по соседству с Южно-Маньчжурской железной дорогой, ни параллельно ей. Китай не мог строить железных дорог, которые представляли бы угрозу японским интересам в Маньчжурии. В новом соглашении Японии с Китаем от 4 сентября 1909 года Китай подтвердил свои прежние обязательства перед Японией, вновь заявляя, что сооружение новых железных дорог в Маньчжурии возможно только после особого на то согласия с Японией.

Дальневосточный империализм шаг за шагом утверждал свои позиции во всем обширном районе Южной Маньчжурии, добившись у Китая права на эксплоатацию стратегической железной дороги между городами Ань-дун и Мукден. Япония получала право на производство потребных улучшений по дороге и приспособление этой дороги под свои коммерческие нужды. Все «завоевания и победы» японской империалистической дипломатии шли, как мы уже выше говорили, с разрешения и покровительства Англии. Империалистическая политика Японии в Китае осуществлялась лишь в виду наличия англо-японского договора, развязывавшего руки японским капиталистам и их правительству в Китае.

Не разрешенными все еще оставались взаимоотношения Японии с царской Россией. Портсмутский договор не обнял всех вопросов, разделявших политику царя и микадо. Кроме того, империалистические планы Японии окрепли в период, следовавший за заключением Портсмутского договора.

Требования капиталистической Японии возрастали. Маньчжурия стала ареной приложения японских капиталов. В свою очередь, и царская Россия, отодвинувшаяся на север, не отказалась от своих великодержавных планов на Дальнем Востоке вообще. Японии и России надо было

вновь сговориться, в интересах предупреждения нового столкновения, к которому не были готовы ни Япония, ни Россия.

4 июля 1910 года было заключено специальное соглашение между Петербургом и Токио по вопросу о Маньчжурии.

Второй пункт этого соглашения гласит: «Каждая из высоких договаривающихся сторон принимает на себя обязательство сохранять и уважать статус-кво в Маньчжурии, создавшийся в результате всех договоров и соглашений, заключенных до настоящего времени между Россией и Японией или между этими обоими государствами и Китаем.

Первый пункт соглашения имеет принципиальный характер, так как отмечает собою новый момент в истории взаимоотношений царской России и Японии. Он гласит: «С целью облегчения взаимной связи и развития коммерческих интересов обоих государств, высокие договаривающиеся стороны согласились на взаимное дружеское содействие по улучшению своих железных дорог в Маньчжурии, по усовершенствованию связи между дорогами. Обе стороны воздерживаются от всякой конкуренции, несовместимой с осуществлением этой цели». Язык этого документа деловой.

Японии удалось преодолеть также все попытки Соединенных Штатов Америки укрепиться на севере Маньчжурии. Нам уже приходилось отмечать исключительную заинтересованность американских капиталистов в Маньчжурии и Русском Дальнем Востоке, и стремление американского капитала к интернационализации Китайской Восточной железной дороги, как средстве борьбы японо-русского влияния против утвердившегося в Китае принципа «сфер влияния» вообще. Эти попытки были связаны с именем американского сенатора Нокса. Задачею Японии являлось оказание максимума сопротивления введению в Маньчжурии сильной капиталистической страны, заявлявшей об «открытых дверях» и «одинаковых возможностях», как экономической политики на Востоке. Приход индустриальной Америки на север Китая был бы смертельно опасен для японского империализма.

Результатом японских страхов, стремления к монопольному распоряжению всеми богатствами Маньчжурии и ближайшим ответом на предложение сенатора Нокса явился третий пункт того же японо-руского соглашения от 1910 года, гласящий: «В случае, если возникнут обстоятельства, угрожающие сохранению статус кво, обе высокие договаривающиеся стороны, в каждом отдельном случае, должны находиться в условиях взаимной осведомленности, с целью установить соглашение по вопросу о мерах, которые могут показаться необходимыми для сохранения указанного статус кво».

Все японо-русское соглашение 1910 года в целом было крупнейшим событием в истории империализма на Дальнем Востоке. Япония и Россия нашли выход из создавшегося положения путем полюбовного разделения Маньчжурии на «сферы влияния». Богатства, доходы и труд миллионов китайского народа в Маньчжурии были взяты под «покровительство» двумя хищниками на Востоке: царской Россией и империалистической Японией.

История дальнейших взаимоотношений России и Японии идет под знаком устранения недоразумений и возможных конфликтов между Россией и Японией. Удабривалась почва для заключения «договора дружбы». 3 июля 1916 года был заключен нижеследующий договор между Россией и Японией.

«Императорские правительства Японии и России, решив об'единенными усилиями поддерживать постоянный мир на Дальнем Востоке, согласились о следующем:

Параграф первый: Япония не примет участия ни в одном из договоров или политической комбинации, направленной против России. Россия не примет участия ни в одном из договоров или политической комбинации, направленной против Японии.

Параграф второй: В случае если территориальные права или специальные интересы на Дальнем Востоке одной из договаривающихся сторон, признанные другой договаривающейся стороной, будут находиться в опасности, Япония и Россия будут действовать в согласии

в вопросе о мерах, которые должны быть приняты с тем, чтобы взаимной поддержкой и необходимой кооперацией добиться охраны и защиты своих прав и интересов».

Этот договор был большим событием в жизни Дальнего Востока. Если этот договор нельзя было назвать союзом двух империалистических государств, преследующим оборонительно-наступательные цели, то он, во всяком случае, предусматривал уже «союзность», начало общего действия Японии и России на всем Дальнем Востоке, устраняя в то же время возможности конфликтов и вооруженных столкновений.

Империализм Японии попросту прибег к «договорному» средству, как наиболее верному, в условиях времени и пути к расширению своей сферы влияния в Маньчжурии. Япония, учитывая стесненное положение царской России в период империалистической войны в 1914—1918 годов пыталась «мирными и дружественными» способами оттеснять свою потенциальную соперницу, царскую Россию, все далее и далее на север. Между правительствами Токио и Петербурга велись переговоры об уступке Россией Японии участка Китайской Восточной железной дороги протяжением в 71 милю от Чан-чунь'я до Лао-шао, за сумму в 6 миллионов ен. К этому времени относятся также переговоры этих двух правительств по вопросу о плавании японских судов по реке Сунгари-Вторая.

Россия отдавала права, не ей принадлежащие, а бесспорно и исключительно принадлежащие Китаю. Деятельность империалистов на Дальнем Востоке в «договорной» практике отмечала полное пренебрежение мирового банкира и фабриканта к мнению самого Китая по вопросам, его больше всего и непосредственно касающимся. Китай осведомлялся об учиненных «сделках», отымавших у его народа права и территорию только после того, как самые сделки учинялись...

Историческая справка о новых взаимоотношениях вчерашних врагов, Японии и России, была приведена нами для того, чтобы показать, что империалистическая Япония

не упускала ни единого случая, ни единой возможности, чтобы не округлить свои «владения» и закрепить свои «победы».

Договору 1916 года с Россией предшествовало предъявление Японией Китаю своих 21 требований, поставивших Японию в положение монополистки на всем севере Китая, а самый Китай—в положение экономически порабощенной и политически зависимой от Японии страны.

Со вступлением Соединенных Штатов Америки в войну Япония получила мандат от новой союзницы по охране американских интересов на Тихоокеанском побережьи. Взамен этой охраны Япония добилась признания Америкой своих «специальных интересов» в Китае, нашедшего себе выражение в Лансинг-Ишии'евском соглашении.

Япония на Дальнем Востоке вообще, и в Китае в особенности, действовала по мандату всех «союзников», охраняя интересы всех заинтересованных «держав» от «коварных» немцев. Япония, в роли цербера чужих интересов, к концу срока исполнения ею своих обязанностей оказалась в наиболее выгодном положении. В фактическом распоряжении империалистической Японии оказались к концу войны целые обширные районы Китая: Шань-дун, Маньчжурия и Внутренняя Монголия, навязанные Китаю «специальные интересы» в других районах, господство ее политического влияния в Пекине, насильственное утверждение своего влияния в долине Ян-цзы, интриги в провинции Фу-цзянь в особенности в городах Амой (Ся-мынь) и Фу-чжоу. К «победам» империалистической Японии должна быть отнесена также бесславная и бесстыдная японская интервенция в Сибири и в Приморьи, выполнявшаяся по общесоюзническому мандату...

Общество Южно-Маньчжурских железных дорог.

Орудием осуществления империалистических планов Японии в Китае являются: общество Южно-Маньчжурских железных дорог и Иокогама Спешн банк. Общество Южно-Маньчжурской дороги организовалось 1 июня 1906 года для эксплоатации железной дороги от города Дальнего (Далянь-вань) до Мукдэнь'я и от Фу-шуна до Янтай'я. Основной капитал «общества» был определен в 200 миллионов

ен. Из этой суммы правительство уже при самом возникновении «общества» взяло себе 50 процентов. Для «публики», в интересах сохранения внешней формы акционерности всего предприятия, было оставлено акций на сумму в 20 миллионов ен.

«Общество» стало управлять Южно-Маньчжурскими железными дорогами, всеми копями в районе этих дорог, установило регулярные пароходные сообщения между Дайреном и Шанхай'ем, создало большой торговый флот, обслуживающий все порты Чжилийского залива. Общество Южно-Маньчжурских железных дорог построило гавань, набережные, доки, электрические заводы, ряд промышленных предприятий в Дайрене и Порт-Артуре. Кроме земли, находящейся под действующими железными дорогами, длиною в 2 тысячи миль, «общество» владеет большими земельными фондами, превышающими 50 тысяч акр.

Правительство японского империализма, предоставив «обществу» все возможности, возложило на «общество» задачу по колонизации края. «Общество» оказалось послушным и в этом отношении, привлекая переселенцев из Японии в Южную Маньчжурию, сооружая общеобразовательные школы, госпитали, технические учебные заведения, города, заводы, телеграфные и телефонные линии, дороги...

Уже одно перечисление функций «общества» говорит о том, что «общество» является агентом японского правительства. «Общество» выполняет инструкции «начальства»... «Общество» даже располагает большим количеством японских солдат, жандармов и сыщиков, которые были введены на территорию дороги для охраны созданной японским империализмом «сферы влияния»...

Иокогама Спеши банк.

Другим орудием японского капитала и финансовым агентом японского правительства является Иокогама Спеши банк. Японский банк занят, в первую очередь, субсидированием японской промышленности и японской торговли в странах, колонизируемых Японией. Иокогама Спеши банк принимал участие в займах, которые японский империализм учинял пекинскому правительству, независимо от других государств и вместе с другими капиталистическими

государствами. Никаких новых черт деятельность этого банка, в отличие или дополнение к деятельности банков другой национальности, не дает. Впрочем, японский банк имеет одну свою интервентскую особенность. Иокогама Спеши банк является сейчас же вслед за японскими интервентскими войсками. Так было в Маньчжурии. Так было и в Приморской области. Факт прихода на чужую территорию Иокогама Спеши банка означает, что японский банкир и охраняющие его солдат и сыщик предполагают «утвердиться» в новом месте... Иокогама Спеши банк не спрашивает разрешения правительства той страны, куда он пришел, на право открытия отделений... Иокогама Спеши банк, не обращая внимания на протесты трудового народа, с первых часов своей деятельности пытается установить свое господство над экономической жизнью чужого края. Обесценение русской валюты на Дальнем Востоке, поставившее в исключительно тяжелое положение русские массы крестьян и рабочих, искусственное навязывание японской ены и в Приморьи, и в Северной Маньчжурии, с целью «японизировать» край, занятый японскими интервентами, бешеная спекуляция, ведущая к удорожанию жизни,—все это лишь отдельные моменты из живой практики Иокогама Спеши банка на территориях, взятых «на нож» японским интервентом...

Американский капитал в Китае.

Нам остается сказать несколько слов о деятельности Соединенных Штатов Америки в Китае, поскольку эта характеристика необходима для оценки роли американского банковского капитала. Соединенные Штаты занимали по отношению к Китаю своеобразное «либеральное» положение, легко об'яснявшееся тем, что американские фабрики и заводы были почти исключительно заняты производством для собственного внутреннего рынка. Заграничная торговля Америки, в сравнении с ее внутренней торговлей, была невелика. «Либерализм» Америки в самих провозглашенных ею принципах экономической политики соответствовал и тому уровню производительных сил, на котором находилась американская промышленность. Фабрикат американского производства по своему качеству и дешевизне мог

выдержать на рынке борьбу с фабрикатами любого другого производства, не прибегая к специальным методам дальневосточного империализма, к делению территории экономически отсталых народов на „сферы влияния“, к применению особо крутых и свирепых приемов „воздействия“ на массового потребителя...

«Либерализм» Америки, однако, весьма условного и относительного характера. Соединенные Штаты Америки не имеют в Китае концессий, торжественно от них отказавшись. Однако, Соединенные Штаты имеют в Китае свой гарнизон *), свой суд, экстратерриториальность и договоры, экономически построенные на принципах той же политики, тарифной политики в особенности, какие характерны для всех других капиталистических государств.

Отношения между Америкой и Китаем были установлены в давние времена. Первый американский консул майор Шоу был отправлен в Китай первым президентом Соединенных Штатов Америки, Георгом Вашингтоном. Договоры Америки с Китаем относятся к периоду, когда другие капиталистические государства навязывали свои условия Китаю. Первый договор был заключен вслед за Нанкинским. В договоре от 1890 года с Китаем Америка внесла следующий пункт: „Если какая-либо другая нация будет действовать несправедливо или агрессивно в отношении Китая—Соединенные Штаты, с своей стороны, приложат все усилия, после того, как они будут осведомлены о случаях несправедли-[illegible] к тому, чтобы достигнуть дружеского разрешения вопроса“.

Начало „филантропии“ в политике проникает собою длинный период американской политики в Китае. Американский посланник в Китае Ансон Бурлингам, первый заявивший о необходимости руководствоваться принципом „открытых дверей“, как экономической политикой иностранных государств в Китае, был назначен Китаем его представителем при заключении новых договоров между [illegible] и другими государствами.

Официальное провозглашение принципа «открытых дверей», как руководящего принципа Америки на Дальнем

*) Примечание. В Тянь-цзинь'е

Востоке, было сделано в 1899 году. То был период «дипломатии доллара» и завоевания Китая путем железной дороги и банка. Лихорадочная деятельность империалистов в Китае, энергичное железнодорожное строительство, раздел Китая на «сферы влияния», все это заставляло Америку громко заявить о своих правах... Хей, министр иностранных дел Соединенных Штатов Америки, обратился тогда ко всем государствам со своею знаменитою нотою о политике «открытых дверей».

Этот же принцип был второй раз официально зафиксирован 3 июля 1900 года, когда Америка вместе с другими капиталистическими государствами принимала участие в подавлении боксерского восстания. Г. Хэй, чувствуя, что результатом об'единенного действия всех империалистов против восставших масс в Китае, явятся новые «завоевания», новые «победы», «сферы влияния» и им сопутствующий конгломерат мер военного воздействия на Китай, обратился по этому специальному поводу ко всем союзникам с напоминанием о том, что необходимо:

«Искать решения, которое могло бы принести Китаю постоянную безопасность и мир, сохранить территорию Китая и его административное единство, защитить все права, гарантированные дружественными государстами и международным правом, и обеспечить всему миру торговлю со всеми частями Китайской империи на равных и одинаковых для всех началах».

Этот документ с точностью выявляет настоятельную потребность американских фабрикантов в китайском рынке. Америке надо было стать твердою ногою на восточных берегах Тихого океана. Эти берега и территории, лежащие вдали от Америки, к этому времени были уже заняты другими капиталистическими государствами, которые в интересах удобства эксплоатации нетронутых богатейших районов Китая попросту поделили эти районы между собой. Об'являть войну всем империалистам ради того, чтобы обеспечить себе место на Дальнем Востоке, Америка по тем временам не могла. Единственным средством к утверждению себя в Китае была аппелляция к самому Китаю, было

прокламирование принципа равенства всех иностранцев в Китае в отношении их торговых и общих прав.

„Лозунги“ своеобразного равенства империалистов между собою сопровождались потоком торжественных обещаний по отношению к самому Китаю, обещаний о ненарушении территориальной неприкосновенности Китая и уважении его политического суверенитета.

Капиталистические государства, продолжая на деле свою империалистическую политику, должны были на словах заявлять о своем согласии с принципом „открытых дверей“ и „одинаковых возможностей“.

Америка в том же стремлении отвоевать себе место среди других „держав“ на Дальнем Востоке продолжала занимать оппозиционное положение по отношению к политике „сфер влияния“. 1 февраля 1902 года тот же Хэй обратился с нотою протеста ко всем государствам по поводу концессий, вырванных царской Россией у Китая. Эти концессии, заявлял статс секретарь:

„Находятся в резком противоречии с договорами, заключенными Китаем с другими государствами, нарушают права граждан Соединенных Штатов... и ведут к нарушению суверенных прав Китая, ограничивая Китай в возможности выполнить свои обязательства перед другими народами“.

Смысл этого протеста в том, что политика монополий и исключительного влияния одной какой-либо державы в Китае нарушает интересы других капиталистических государств и лишает Китай возможности предоставить всем одинаковые права по извлечению его богатств и его сырья. Нарушение суверенитета самого Китая является моментом вторым и подчиненным к основному моменту борьбы капиталистов между собою на рынках Китая.

Этот вид капиталистического «либерализма» становился все более и более популярным как в самой Америке, так в особенности среди тех американцев, которые ведут «коммерческие» операции в самом Китае. На заседании коммерческой палаты в Шанхай'е в 1908 году «большой человек» Америки Вилльям Тафт держал такую речь:

«Соединенные Штаты и другие государства, которые искренно сочувствуют политике открытых дверей, будут, если они достаточно благоразумны, не только приветствовать, но и содействовать великой Китайской империи в ее попытках административных и правительственных реформ, в развитии ее естественных богатств и улучшении положения китайского народа. Став на этот путь, Китай многое сделает для того, чтобы закрепить положение своего правительства и тем оказать сопротивление агрессивности иностранцев, старающихся получить несправедливые, исключительные и собственнические привилегии на территории Китая. Китай без иностранной помощи должен ввести политику открытых дверей и одинаковых для всех возможностей. Я не из тех, кто с ужасом глядит на превращение Китая с его многими миллионами людей в большую промышленную страну. Я думаю, что это обстоятельство, вместо того, чтобы повредить иностранной торговле с Китаем, сильно увеличит ее. Это обстоятельство может несколько видоизменить формы торговых взаимоотношений с Китаем, но ни в коем случае не сократит доходности самой торговли...

«Лозунг: «Китай для китайцев» никого не должен пугать. Этот лозунг означает, что Китай должен посвятить свою энергию развитию своих громадных рессурсов, поднятию производительных сил своего народа, расширению об'ема своей торговли и административным реформам империи...»

Символ веры американского фабриканта—в этой речи. «Либерализм» только потому, что американец запоздал со своими фабрикатами на китайский рынок, что американцу пришлось, прежде всего, „культивировать“ свою собственную страну, что он не мог искать завоеваний большого количества колоний и полуколоний в тот период, когда европейский капиталист завоевывал целый свет.

„Либерализм“ не мешал американцам добиваться железнодорожных концессий, получавшихся другими империалистами в Китае... Первая попытка в этом направлении выразилась в стремлении получить контракт на сооружение Пекин-Хань-коу'ской железной дороги. Американцам не удалось получить этой концессии. Пекин Хань-коу'ская

железная дорога была взята для сооружения бельгийско-французской группой при преимущественном участии царской России.

Вслед за этим американские капиталисты пытали счастья и в другом месте Китая, добиваясь концессии на сооружение Кантон-Хань-коу'ской железной дороги. Эта концессия была столь же неудачна для американского капитала, сколь и первая.

Вскоре родился новый проект интернационализации Китайской Восточной железной дороги, что на практике должно было означать отдачу Маньчжурской дороги в ведение и распоряжение американского капитала.

Американский «либерализм» на деле не отставал от деятельности других капиталистических государств в Китае. Методы действия оставались теми же. Все капиталистические группы в Китае создавали банки в качестве своих финансовых агентов. Американский капитал, облюбовывая для себя Маньчжурию, как поле для приложения американской «накопленной» энергии, организовал в 1907 году Маньчжурский банк. Крупнейшие банкиры в Нью-Йорке, Кун, Лоэб и Компания предложили свои услуги по финансированию Маньчжурского банка.

Годом позднее в Нью-Йорке же были начаты переговоры о покупке у царского правительства Китайской Восточной железной дороги. Царская Россия, к слову говоря, соглашалась на продажу этой дороги, при условии, если Япония согласится продать тем же американцам свой участок дороги—ее южно-маньчжурскую часть. Комбинация в целом не удалась. Американский капитал выдвинул тогда проект Цин-чжоу-Айгунь'ской железной дороги, имевшей своею целью нейтрализовать влияние специальных сфер, созданных Японией и чиновничьей Россией в Маньчжурии.

Все указанные проекты не привели к конкретным результатам. Американскому капиталу не удалось стать твердою ногою в Маньчжурии в момент, когда это обширное поле было еще только в начальном фазисе японской империалистической политики. Однако, попытка американского капитала „закрепиться" в Маньчжурии знаменательна

сама по себе при сопоставлении ее с „либеральными“ принципами «открытых дверей», «равных прав» и «одинаковых возможностей»...

Во всех последующих банковских операциях международного капитала, приведшего к современному финансовому положению Китая, американский капитал принимает достаточно деятельное участие. В железнодорожных займах, равно как также в займах других наименований американский капитал отвоевывает себе „почетное“ место.

Деятельность американских банкиров была тесно связана с американским правительством, оказывавшим полную поддержку своим капиталистам. Президент Соединенных Штатов Тафт, еще не столь давно говоривший о промышленном перерождении Китая и о необходимости честной политики в отношении к нему, посылает 15 июля 1909 года принцу-регенту Китая следующее заявление:

„Я смущен сообщениями, что со стороны вашего правительства имеется некоторая оппозиция к участию американского капитала на равных правах с другими в предстоящем железнодорожном займе... Намерения Соединенных Штатов не только основаны на обещаниях Китая от 1902 и 1904 годов, в последний месяц подтвержденных Китаем, но также на широких национальных принципах равенства и доброй политики. Заботе о наилучших интересах вашей страны отведено значительное место. У меня сильное личное желание использовать американский капитал, в качестве орудия для развития Китая и его благополучия, вообще для развития его материальных богатств, не затрагивая и не задевая роста политической независимости Китая и его территориальной неприкосновенности“.

Тафт предвидел события, пытаясь отвоевать для американского капитала достойное для него место. Как тенденция, заявление Тафта весьма характерно. Америка требовала своей доли участия в дележе огромных прибылей от железнодорожного строительства в Китае, выдвигая свои проекты интернационализации Китая, сопровождая эти проекты обычным и привычным аккомпанементом беззвучных звуков о

«политической независимости» и «территориальной неприкосновенности» Китая. Для трудовых масс Китая проекты интернационализации имели и имеют такой же смысл, как и проекты «национализации» их капиталистами какой-либо одной нации. И те, и другие проекты вели к из'ятию территорий Китая из ведения и контроля самого Китая, и отдаче китайских железных дорог в чужие руки, в руки чужеземных империалистов. С точки зрения развития самого Китая, идущего по пути национального раскрепощения, как временного этапа к новым достижениям, американский «либерализм», выражающийся в формуле «интернационализации», означающей установление международного контроля и управления Китаем—явление реакционное...

Неудачи, постигавшие американский капитал в его концессионных попытках на заре его проникновения в Китай, легко об'ясняются соотношением соперничающих капиталистических групп в Китае и состоянием производительных сил в самой Америке. Девятисотые годы выявляют лишь первые попытки американского капитала „закрепиться“ на богатой почве нетронутых полей Маньчжурии, тогда как другие империалистические государства насчитывали уже десятки лет своей завоевательной политики в Китае. В своих столкновениях с интересами этих „держав“ Соединенные Штаты выходили побежденными. С другой стороны, настойчивость американского капитала к тому времени не была еще высокого напряжения, погоня за новыми рынками не стала еще всеобщей, самая потребность в закреплении американского фабриката на иностранных рынках не сделалась еще железной, так как процесс насыщения американского рынка еще не завершился. Капиталисты Соединенных Штатов имели перед собою свои „собственные“, внутренние рынки...

Стремление к приложению своих капиталов в Китае в нынешнее время после того, как американский капитал отказался от участия в старом консорциуме, говорит о железной необходимости для Соединенных Штатов утвердиться в Китае. Орган американских капиталистов „Нью-Йорк Таймс“ в номере от 30 июля 1918 года по поводу новых

планов американского банковского капитала пишет: „Банкиры должны дать заверение в том, что они будут кооперировать с правительством, следуя политике, намеченной министерством иностранных дел". В то же время американское правительство должно заверить, что «если условия займа приемлемы для американского правительства и для того правительства, которому учиняется заем,—правительство в целях облегчения сношений между американскими гражданами и иностранными государствами окажет всяческую помощь, будет непосредственно представительствовать интересы американцев и примет все необходимые меры, чтобы обеспечить исполнение контрактов, заключенных американцами в других странах". Газета в то же время выражает надежду на то, что американская группа будет во взаимодействии с банковскими группами Великобритании, Японии и Франции.

В этом случае, как и в других аналогичных случаях, планы американского капитала завернуты в тогу „интернациональной" кооперации. Американский капитал „либерален", приглашая всех к свободному сотрудничеству с собою. Американский капитал во всеуслышание заявляет о своем отказе от принципа „сфер влияния" и других аттрибутов узко-„национальной" политики на азиатском континенте. Разгадку этого „либерализма" надо искать во взаимоотношениях американского капитала с капиталистами других стран. Америка—в результате империалистической войны превратилась в кредитора всех капиталистических государств. В любой финансовой группе американский капитал займет господствующее, первенствующее положение. Кредитор будет диктовать условия. Присутствие ряда других капиталистических государств в интернациональной схеме управления Китаем не будет служить препятствием к осуществлению целей и задач американского капитала. Соединенные Штаты, кроме этого, вышли наименее разрушенными в отношении своей экономики после войны 1914—1918 годов. Соперничество внутри „интернациональной" группы будет итти в пользу сильного американского производства.

Американский «либерализм, поскольку он себя противопоставляет формулам „специальных интересов" и

„сфер влияния", никого в заблуждение ввести не может. Формулы „открытых дверей" и „одинаковых возможностей" на деле ведут к торжеству наиболее сильной капиталистической группы. „Открытые двери", даже если бы международный сторож их окарауливал, не спасут Китая и его трудовых масс от „сферы влияния", поскольку сильная капиталистическая группа в процессе борьбы вытесняет соперничающие величины.

Надо только вспомнить, что весь завоевательный процесс, с такою настойчивостью осуществлявшийся мировым империализмом в Китае, шел все время под лирической формулой „открытых дверей", и „территориальной неприкосновенности" Китая. В результате этой „благожелательной политики" и Северная, и Южная Маньчжурия вырваны у Китая и отданы на разграбление японскому хищнику. В итогах этой же политики, прикрывавшейся фиговым листком „открытых дверей", Китай стоит перед всеми большими проблемами, перед Шань-дун'ским вопросом, перед Монгольским вопросом, перед вопросами о долине реки Ян-цзы, о провинции Фу-цзянь, о судьбе юго-западных провинций, предназначаемых империалистами для новой эксплоатации и... перед вопросом об „интернациональном" управлении Китаем, каковой вопрос и послужил основанием к созыву вашингтонской конференции 1921 года *).

На спинах трудовых масс Китая все формулы империалистов испробованы. Около ста лет уже тянется период угнетения Китая капиталистическими государствами. Все „либеральные" слова в данных социально политических условиях имеют один и тот же результат: либо захват территорий, либо новые железнодорожные концессии, либо установление сфер влияния, либо экономическое угнетение и политическое порабощение Китая.

Политика иностранных государств разоблачена во всем Китае до основания. Мотивы империалистов отчетливо ясны. Независимо от того, кто бы из иностранцев ни говорил о необходимости, например, железнодорожного строительства в

*) Примечание. В момент, когда книга заканчивалась печатанием, вашингтонская конференция „осчастливила" человечество „четверным соглашением" Америки, Англии, Японии и Франции.

Китае, ясно, что речь идет не о благополучии самого Китая и условиях его дальнейшего развития, а о прибылях на „накопленный“ капитал, на выжатую прибавочную стоимос ь. Интерес иностранцев к Китаю, как общее правило, является хищническим интересом. Один из иностранных исследователей экономических взаимоотношений Китая с другими государствами, г. Оверлах, говорит:

„В течение ста лет китайцы имели возможность раскрыть, что истинным мотивом деятельности иностранцев (в Китае) является делание денег и кража земли. Китайцы также раскрыли, что, в условиях экстратерриториальности, международных сэттльментов, арендованных территорий, концессий, зон железных дорог, и контроля над суверенитетом Китая, права самого Китая были бесконечное число раз попираемы. Китайцы также обнаружили, что с интересами самого Китая никогда никто не считался, хотя Китаю всегда пред'являлись—счета для оплаты. Эти счета, подлежащие оплате, заключаются в неблагоприятном торговом балансе, в тяжелых долгах иностранным государствам, угрожающих Китаю банкротством и контролем иностранных государств над Китаем“.

Если бы Китай был предоставлен самому себе, если бы его экономическое развитие не контролировалось мировым империализмом, Китай легко справился бы с неблагоприятным торговым балансом и другими последствиями господства чужеземного капитала над ним. Китай давно шел бы по пути быстрого промышленного розвития, открывая простор новому общественному классу, пролетариату, имеющему перед собою и в Китае грандиозные задачи. Китаю, вместо этого, приходится преодолевать препятствия, щедро разбросанные на путях его развития мировым империализмом, поддерживающим средневековые хозяйственные формы и остатки феодальной власти в Китае.

Китайские банки.

Естественно, что и в вопросах взаимоотношений своей экономической жизни с банками—китайская буржуазия не могла возлагать надежд на иностранные банки. Банки мирового капитала организовались в Китае с определенной целью служить орудием и проводником заданий мирового

империализма. Иностранные банки менее всего могли ставить себе целью субсидирование китайской промышленности. Китайские фабрики и заводы всегда являлись угрозой могуществу иностранного капитала в самом Китае. Народившемуся «третьему сословию» в Китае, китайской буржуазии, пришлось создать свои банки, в свою очередь пережившие долгий процесс превращения в финансовые хранилища, ныне обслуживающие китайскую промышленность.

Прототипом банков в Китае явились ростовщические, меняльные банки, вполне соответствовавшие периоду «первоначального накопления» в Китае. В числе других причин развитие меняльных банков в Китае об'яснялось наличием разнохарактерной денежной системы, варьирующейся от провинции к провинции, от города одной провинции к городу той же провинции. Различие денег, само по себе, служит указанием на замкнутый, полунатуральный характер жизни старого Китая. Обмен ограничивался узкими пределами определенного района. По мере того, как обмен стал выростать из рамок уездов, провинций, охватывая собою весь Китай, потребность в меняльных операциях сделалась настоятельной. В соответствии с этим и организовывались меняльные лавки или банки, имевшие с момента своего зарождения заведомо ростовщический характер. В меняльные операции вовлечены миллионы китайцев, спекулирующих на разнице между деньгами разных провинций, на «разнице» между «крупным» долларом и «маленьким» долларом, подлежащим размену на сто двадцать «маленьких» сент вместо ста «крупных» сент, между «маленьким» долларом и медным эквивалентом.

Ростовщические банки в Китае организуются на следующих началах. Группа в пять китайцев открывает меняльный банк. Капитал банка колеблется между 40 и 120 тысячами таэлей лан. Меняльные лавки не ведут банковских операций в прямом значении этого понятия, будучи заняты, главным образом, если не исключительно, разменными, ростовщическими операциями. Кроме меняльных банков, каждый город Китая полон маленьких меняльных

лавок, капитал которых колеблется в пределах от пяти до 60 тысяч таэлей. Деятельность этих лавок такая же по характеру, как и деятельность их старших коллег.

Меняльные банки и лавки, в виду отсутствия в Китае какого-либо банковского законодательства, регулируют свою «внутреннюю» жизнь в особой цеховой организации, в банковской гильдии. Гильдии в Китае—пережиток средневекового феодального и мануфактурного хозяйства. Гильдии ныне сменяются промышленными и коммерческими палатами и биржами, лучше обслуживающими интересы крупной буржуазии, отошедшей от мелкого собственника, умещавшегося еще недавно вместе с крупным буржуа в одной и той же гильдии. Собственники меняльных банков и лавок обязуются подчиняться правилам, декретируемым гильдией. Эти обязательства—добровольного характера, удовлетворяющие интересам банковской группы.

Меняльные банки и лавки, соответствуя определенному циклу экономического развития Китая, не отвечают новым потребностям страны. Китай находится в стадии промышленного капиталистического развития. Буржуазия Китая не могла удовлетвориться меняльными лавками, требуя организации «солидных» новых банков, способных обслуживать интересы капиталистического Китая. Такие новые, промышленные банки действительно создались. Их организация непосредственно совпадает с первыми этапами китайской революции. Новые банки были организованы в первые же годы после революции, лишний раз подчеркивая, что революция в Китае—такой же классовый процесс, каким является все историческое развитие, что после сметения подгнившей династии Маньчжуров, открылись перспективы промышленного развития Китая...

«Банк Китая».

Первый банк нового типа, организованный временным правительством в Нанкине в первый же год революции, известен под именем «Банка Китая». Этому банку были присвоены права государственного банка. Казначейские функции по обслуживанию революционного правительства также были взяты на себя «Банком Китая». Сейчас же после об'единения Севера и Юга в 1912 году, «правление» банка было организовано в Пекине, куда была перенесена

столица из Нанкина. Капитал банка был определен в 60 миллионов таэлей. Лишь половина этой суммы должна была принадлежать правительству. Другая половина в виде акций могла быть распрелелена между гражданами Китая. Банк покрыл своими отделениями все торговые города Китая, ворвавшись в самую гущу коммерческой жизни страны даже при не полном капитале банка, так как отсутствие денег у первого республиканского правительства лишало его возможности внести обещанную сумму в качестве основного капитала банка.

В настоящее время «Банк Китая» является крупнейшим финансовым учреждением, обслуживающим интересы китайской буржуазии. «Банк Китая» имеет свыше ста отделений и контор по всей стране. «Банку Китая» предоставлено право эмиссии, право выпуска бумажных денег. Право эмиссии предоставлено также и другим банкам, китайского и иностранного происхождения. Тенденция современного Китая заключается в из'ятии права эмиссии изо всех других банков, в особенности лишение права эмиссии иностранных банков и в сохранении этого права только за «Банком Китая». С внешней стороны, «Банк Китая»—правительственное учреждение. Его «губернаторы», управляющие, назначаются президентом Китая. На деле же банк принадлежит китайской буржуазии, диктующей свои условия тому же правительству.

Операции «Банка Китая» за 1919 год представляются в следующей таблице:

Пассив	Долл.
Подписанный капитал	60.000.000
Запасный капитал	4.116,772.21
Запас против сомнительных долгов и потерь на обмене	3.679,251.00
Вклады.	35.663,714.28
Текущие счета	145.796.145.27
Переводы	3.038,868.07
Банкноты	61.680,088.39
Чистая прибыль за год.	3.456.333.21
Всего	317.431.172.43

Актив

Неистребованный капитал.	47.720.200.00
Долгосрочные займы.	41.142,672.27
Краткосрочные займы.	142.909,420.65
Правительственные обезпечения.	10.632,517.01
Инвентарь банка,	2.886,753.33
Предварительные расходы.	119,570.92
Расходы по печатанию денег	1.359,073.42
Обеспечение банкнот в обращении.	61.680,088.39
Наличная касса.	8.980,876.44
Всего	317.431,172.43

«Банк Путей Сообщения».

Следующим по значению банковским учреждением является «Банк Путей Сообщения». Этот банк был еще организован в императорские времена. Организация этого банка была вызвана протестом китайской буржуазии против железнодорожного строительства, предпринятого мировым империализмом в Китае. Мотивом организации «Банка Путей Сообщения» была необходимость учинения займа для скорейшего выкупа Пекин-Хань-коу'ской железной дороги, захваченной бельгийскими, французскими капиталистами и русскими чиновниками. Китай, выявив свое отрицательное отношение к бесконтрольному хозяйничанию империалистов над китайскими железными дорогами, создал свой финансовый аппарат, на обязанности которого легло управление финансовой стороной железных дорог, почты, телеграфа и судоходства в Китае. Основной капитал этого банка был определен в 10 миллионов таэлей или 15 миллионов долларов. Принцип его организации такой же, как и «Банка Китая». Часть капитала принадлежит правительству, другая часть—китайской буржуазии. «Правление» банка было организовано в Пекине. Отделения банка были открыты в Тянь-цзинь'е, Шанхай'е, Кантоне, Амой'е и во всех местах, к которым проведены или предполагаются быть проведенными железные дороги.

Все поступления от железных дорог, судоходства, почт и телеграфа должны проходить через «Банк Путей Сообщения». Этому банку также было присвоено» право выпуска

бумажных денег. С внешней стороны, банк носит на себе все признаки правительственного учреждения. Члены правления банка назначаются министерством путей сообщения. По существу же этот банк играет крупную роль в промышленной жизни страны, субсидируя целый ряд отраслей китайской промышленности.

Этот же банк играет крупную политическую роль. Со времени революции делами банка управляет так называемая „цзяо-тун", партия „путей сообщения", во главе с Лян Ши-п. „Цзяо-тун" партия поставляет членов в пекинский кабинет на посты министров финансов, путей сообщения и премьеров. В кабинете 1920 года „цзяо-тун" партии было отведено два места. В кабинете 1921 года, ставшем однородным после тяньцзиньской конференции апреля 1921 года, „цзяо-тун'цев" нет. В декабре 1921 года „цзяо-тун" снова входит в пекинский кабинет, во главе с Лян Ши-п в роли премьера. На этот раз „цзяо-тун'цам" покровительствует „сам" Чжан Цзо-лин.

«Банк Путей Сообщения» за последние два года претерпел ряд изменений, имевших своею целью приблизить банк к рынку, расширить его операции, выведя их за пределы операций, тесно связанных с «путями сообщений» Китая. В настоящее время китайской буржуазии принадлежит семь десятых акций этого банка, правительству же— только три десятых*). Банк имеет свои отделения в местах, в которых китайских железных дорог не имеется, например, в Сингапуре, Гонконге и даже в Токио. «Банк Путей Сообщения» энергично занят валютными операциями, составляющими отличительную черту спекулятивной деятельности всех банков на Дальнем Востоке.

Банк имеет в настоящее время 57 отделений. Насчитывая тринадцать лет своего существования, этот банк расширяет с года на год свои операции, выплачивая все больший дивиденд «держателям акций». «Банк Путей Сообщения» является типичным капиталистическим предприятием, далеко ушедшим от своего прообраза—меняльной лавки. При

*) Примечание. С декабря 1921 года самым крупным акционером этого банка является мукденский Чжан Цзо-лин.

10 миллионнах долларов своего основного капитала банк дал в 1919 году оборотов на 147.350,098 долларов, играя заметную роль в промышленной жизни Китая.

«Банк соляной промышленности».

Следующим банком крупного значения является «Банк соляной промышленности», имеющий своею целью содействие развитию соляной промышленности, государственной монополии Китая. При основном капитале в 5 миллионов долларов—операции банка за 1919 год выразились в цифре 29,549,786 долларов.

«Национальный промышленный банк Китая».

В 1915 году, переломном году развития китайской промышленности, был организован „Национальный промышленный банк Китая". Мотивом открытия этого банка явилась осознанная необходимость оказания содействия развитию китайской промышленности. Капитал банка был определен в 20 миллионов долларов. Из этой суммы „Банку Китая" принадлежит четыре миллиона. Остальные 16 миллионов принадлежат китайской буржуазии. Первая же подписка на акции этого банка значительно превысила потребную сумму. Буржуазия провинций Чжи-ли, Шань-дун, Ань-хуй и Чжэ-цзян живо откликнулась на инициативу открытия промышленного банка. Правление банка в Тянь-цзинь'е. Банк развивает, главным образом, товарные операции, проявляя активный интерес и к „валютным" сделкам. Банк владеет в настоящее время большими складами, „годаунами", в Тянь-цзинь'е и в других местах, в которых хранятся товары, под „обеспечение" которых выдаются ссуды.

Другие банки.

В Китае народились и другие банки, например „Кинчен банковская корпорация", „Син-хуа банк", „Цзун-фу об'единенный банк", „Национальный коммерческий банк", „Разменный банк в Китае", „Пекинский коммерческий банк", „Коммерческий банк Чжи-ли", „Дай-вэнь земледельческий и коммерческий банк", „Континентальный банк" и длинный ряд других банков. Характерными признаками для всех этих банков является то, во-первых, что они народились в годы, непосредственно следовавшие за китайской революцией, отмечающей собою новый этап в экономике Китая, то, во-вторых, что эти банки являются органами, обслуживающими

китайскую промышленность, то, в-третьих, что они являются банками новейшего капиталистического образца со всеми сделками и махинациями, присущими банкам во всех капиталистических государствах. Эти „промышленные“ и „коммерческие“ банки вытесняют меняльные банки и лавки, сведя их роль к мелкому ростовщичеству...

К настоящему времени новые китайские банки промышленного характера отвоевали себе прочное место в городах Китая. В Пекине—25 новых банков. Из этого числа—12 правлений банков, оперирующих и в других городах Китая. Из других городов провинции Чжи-ли—1 банк имеется в городе Бей-дун-цзянь, в городе Хэ-цзянь—1, в Дун-цзянь—1, в Тянь-цзинь'е—23. в Бао-дин-фу—2, в Шунь-дэ—1, в Суй-хуа—1, в Тан-шань'е—2 в Да-мин-фу—1, в Луан-чжоу—1. Всего в провинции Чжи-ли—18 правлений и 42 отделения промышленных коммерческих банков нового типа. В Маньчжурии китайские банки распределяются в следующем порядке: Чан-чунь—4 банка, в Мукдэнь'е—5, в Гирине—3, в Цицикаре—3, в Ню-чжуан'е—2, в Чжэнь-цзя-тун'е—2, в Сахаляне—3, в Тао-ян-фу—1, в Дайрене—3, в Цин-чжоу—1, в Ань-дун'е—1, в Харбине—7, а также в других городах, в общей сумме—в трех провинциях Маньчжурии—6 правлений и 39 отделений разных банков. В провинции Ху-бэй в городе Хань-коу—8 банков, в И-чане—3, в Шаши—2, всего 13 банков. В Шанхай'е—45 китайских банков.

В других городах провинции Цзян-су банки распредляются в следующем виде—в городе Нанкине—5, в городе Су-чжоу—9, в городе Ян-чжоу—4, в городе Чжэнь-цзян—1, в гор. Наньтун-чжоу—4, в гор. Сяо-фын—1, в гор, Хсу-чжоу—2, в гор. Хай-мын—2, в гор. У-юань-цзян—1, в гор. Чан-ту—2, в гор. Тун-сян—1, в гор. Тан-цзя—1, всего в провинции Цзян-су—88 банков.

В провинции Шань-дун банки распределяются в следующем порядке: в городе Цзи-нань 12, в Цин-дао—3, в Вэй-хай-вей'е—1, в Чжи-фу—4, и в других городах—всего 29 китайских банков.

В провинции Ху-нань—в городе Чан-ша—3 банка, в провинции Шань-си—6 банков, в провинции Хэ-нань—12 в провинции Гуан-дун—6, в провинции Гуан-си—1, в провинции Фу-цзянь—6 банков, в провинции Чжэ-цзян—23, банка, в провинции Цзян-си—9 банков, в провинции Аньхуй—10 банков, в провинции Гуй-чжоу—3 банка, в провинции Шэнь-си по одному банку в городах Си-ань и Ханьчжун, в провинции Сы-чуань—в городе Чэн-ду—3, в городе Чун-цин—4 банка, в городе Куй-чжоу—1, в гор. Тун-чуань'е —1. банки имеются также в других городах провинции. Всех китайских банков в Сы-чуань'е—17. В городе Юньнань, в провинции того же имени—1 банк, во Внутренней Монголии—14 банков, во Внешней Монголии—2 банка.

Всего во всех городах Китая 350 отделений и контор различных банков.

Эти справки говорят о том, что китайская промышленность целиком обслуживается своим банковским капиталом, успевшим раскинуть сеть своих организаций по всему Китаю. Самое распределение банков по провинциям и городам Китая отвечает состоянию промышленного развития этих районов.

Консорциум китайских банков.

Китайские банки играют крупнейшую роль не только в экономической, но и в политической жизни страны. Банковский капитал осознал себя, как сила. Ближайшим результатом этого явился консорциум китайских банков. Китайский банковский консорциум берет свое начало с 1917 года, когда число китайских банков сильно возросло. В 1919 году была организована «Пекинская ассоциация банков», состоявшая из 8 банков, «Банка Китая», «Банка Путей Сообщений», «Син-хуа сберегательного банка», «Цзинь-чен коммерческого банка», „Банка соляной промышленности", «Национального промышленного банка Китая», «Национального коммерческого банка» и «Чжун-фу об'единенного банка». С этого времени число китайских банков, примкнувших к консорциуму, сильно возросло. В настоящее время китайский консорциум состоит из следующих банков:

Название	Капитал в Мекс. Дол.	Правление	Число отделений	Год организац.	Примечание
1. Банк Китая	60.000,000	Пекин	106	1911	
2. Банк Путей Сообщений	15.000,000	Пекин	57	1906	Из этого числа 3 отделения вне Китая: Сингапур, Гонконг и Токио.
3. Национальный Промышленн. банк.	20.000,000	Тянь-цзинь	Тянь-цзинь, Пекин, Шанхай, Шань-дун	1919	
4. Цзинь-чен коммерческ. банк („Банк Золотого Города").	5.000,000	Тянь-цзинь	Шанхай, Пекин, Тянь-цзинь, Хань-коу, Пен-пу, Нанкин	1917	
5. Синь-хуа сберегательный банк. „Банк Нового Китая".	5.000,000	Пекин	Тянь-цзинь, Шанхай	1914	
6. Чжун-фу банк „Центральный об'единенный банк"	2.000,000	Тянь-цзинь	Пекин, Шанхай, Тянь-цзинь	1915	
7. Национальный Коммерч. Банк.	2.500,000	Шанхай	Шанхай, Хань-коу, Пекин, Тянь-цзинь, Мукдэнь, Харбин.	1905	

Название	Капитал в Мекс. Дол.	Правление	Число отдел.	Год организац.	Примечание
8. Пекинский Коммерч. Банк	1.000,000	Пекин	Тянь-цзинь, Пекин,	1918	
9. Коммерческий гарантированный банк Чжи-ли	6.000,000	Тянь-цзинь	Тянь-цзинь, Пекин,	1910	
10. Дай-вань (пекинский) земледельческий и коммерч. банк	400,000	Пекин		1916	
11. Континентальный банк	2.000,000	Тянь-цзинь	Пекин, Шанхай, Цзи-нань, Нанкин, Тянь-цзинь,		
12. Корпорация банков молодых братьев	1.000,000	Чун-цин	Тянь-цзинь, Хань-коу, Нанкин, Ян-чжоу, Гонконг, Хан-чжоу, Шанхай и друг.	1914	
13. Да-сун банк „Промышленный банк".	2.000,000	Тянь-цзинь	Пекин, Шанхай,	1919	
14. Синь-хун (новый) Коммерческий банк	1.000,000	Пекин	Чэнь-чжоу в провинции Хэ-нань.	1919	

Название	Капитал в Мекс. Дол.	Правление	Число отделений	Год организац.	Примечание
15. Дун-лу (восточный) Коммерческий и Сберегат. банк.	2.000,000	Пекин	Шанхай, Тянь-цзинь, Пекин.	1919	
16. Шанхайский Коммерческий и Сберегательный Банк	1.000,000	Шанхай	Су-чжоу, У-си, Шанхай, Чжан-чжоу, Нанкин, Нань-тун, Хань-коу и друг.	1915	
17. Банк промышленного развития Китая	5.000,000	Пекин		1920	
18. Коммерческий банк Нин-бо	1.500,000	Шанхай	Нин-бо, Хань-коу, Вэнь-чжоу.	1915	
19. Пограничный банк	10.000,000	Пекин		1919	
20. Коммерческий банк Китая	5.000,000 таэлей	Шанхай		1876	
21. Промышленный банк провинции Чжэцзян	1.000,000 долларов	Хан-чжоу		1918	
22. Банк Восточной Азии	2.000,000	Гонконг	Шанхай,	1918	

Название	Капитал в Мекс. Дол.	Правление	Число отделений	Год организац.	Примечание
23. Банк Восточного Шаньдун'а	2.000,000	Цин-дао	Цзи-нань, Дайрен, Шанхай, Тянь-цзинь.	1918	
24. Мирный банк				нет подробностей	
25. Чжун-ли банк („Справедливый банк")	100,000	Шанхай		1920	
26. Юн-хун банковская корпорация—„Вечный банк"	500,000	Шанхай		1918	
27. Промышленный банк провинции Цзянсу, Ань-хуй и Хэ-нань				нет подробностей	

В консорциум китайских банков не вошли еще крупнейшие банковские учреждения Среднего Китая. Однако, даже в своем настоящем составе—консорциум представляет собою реальную величину в социально-политической жизни Китая. Самая идея образования китайского банковского консорциума была противодействием китайской буржуазии манипуляциям иностранного капитала и заявлением претензии китайского капитала на решающую роль в своей стране.

«С того времени, когда Китай стал вести свою торговлю с различными иностранными государствами,—заявил председатель китайского консорциума на освящении здания китайского консорциума в 1920 году в Пекине,—наш внутренний обмен превратился в международный. Характер и об'ем

сделок расширились. Методы ведения различного рода дел также должны были измениться. Меняльные банки не в состоянии были удовлетворять потребности дня. Их место должны были занять современные банки. Эти банки финансируют правительство, промышленников и различные слои общества. Ради правильного осуществления различных банковских сделок было необходимо предпринять ряд мер и, прежде всего, определить политику банков. Эта цель не могла быть осуществлена усилиями отдельных банков. Стало необходимым организовать ассоциацию банков. Различные банки, находящиеся в разных городах Китая, должны действовать рука в руку и друг с другом согласно».

Необходимость организации китайского консорциума стала особенно очевидной после возрождения консорциума мировых капиталистов, пытавшихся взять под свое управление и контроль все богатства и доходы Китая. Китайский консорциум успел уже проявить себя в действенной роли, в роли кредитора пекинского правительства. Им был заключен заем в 6 миллионов долларов на приобретение инвентаря для китайских железных дорог.

Еще более значительным актом китайского консорциума банков является меморандум, опубликованный им 7 октября 1921 года. Этот меморандум выявляет точку зрения китайской буржуазии по вопросам вашингтонской конференции и взаимоотношений Китая с мировой буржуазией вообще. В первом же пункте своего меморандума китайский консорциум заявляет о возможности своей кооперации с „новым банковским (иностранным) консорциумом“ только в тех случаях, когда китайские банки сочтут эту кооперацию необходимой и полезной. „Манифест“ в этом пункте выявляет энергичную попытку китайской буржуазии поставить иностранных империалистов на „надлежащее“ место. Китайская буржуазия себя расценивает в качестве хозяина богатств китайских трудовых масс.

Китайский консорциум далее инструктирует пекинское правительство. Пункт второй меморандума гласит: „Осуществляя те или иные мероприятия, правительство должно принять в соображение мнение финансовых кругов Китая

и общественное мнение страны и если правительство найдет все же абсолютно для себя необходимым обратиться за финансовой помощью к иностранцам—то оно может начать переговоры с новым банковским (иностранным) консорциумом на началах, которые не будут угрожать суверенным правам Китая или задерживать его собственное, свободное развитие. Китайский народ не признает так называемых „специальных интересов“ или „сфер влияния“.

Китайская буржуазия реагирует в своем меморандуме на проекты „интернационализации“, предостерегая правительство от каких-либо уступок в этой области.

„Каждая из китайских железных дорог может заключать внутренние или внешние займы. Кредиторы могут иметь лишь право сверять счета, но им не может быть предоставлено право контроля или надзора над железными дорогами“, говорится в меморандуме.

Правительство Китая должно иметь исключительное право на определение порядка сооружения железных дорог. Китай может пользоваться услугами иностранцев, но только в роли технических экспертов. Подходя к больному вопросу о тарифах, являющемуся монополией иностранных капиталистов, меморандум настаивает на том, чтобы вся тарифная политика определялась самим Китаем, „без консультаций или переговоров с различными государствами“. Кредиторам не должно быть предоставлено право пред'являть свои претензии на леса, копи или другие предприятия, расположенные в соседстве с железными дорогами. Китайская банковская буржуазия, несомненно выражающая мнения и чаяния всей буржуазии в Китае, пыталась обезопасить себя словесными резолюциями от грядущей опасности и принять все бумажные меры к охране китайских железных дорог от посягательств иностранного капитала.

В виду непосредственной близости к деньгам, банковский консорциум определил также в своем меморандуме тот минимум реформ, который должен быть осуществлен в отношении к китайской денежной системе. Консорциум высказался за золотую валюту, вместо ныне существующей серебряной. В качестве же переходной меры консорциум

полагает необходимым упразднение таэля, весовой денежной единицы, установив в Китае вместо таэля твердый стандарт серебряного доллара. Приводя в „порядок" хаотическую денежную систему Китая в соответствии с потребностями капиталистического развития, вовлекающего в меновой оборот всю страну,—банковский консорциум настаивает на из'ятии права эмиссии, права выпуска бумажных денег, из иностранных банков с исключительной передачей этого права „Банку Китая".

Меморандум в целом представляет собою интересный документ, свидетельствующий о том, что китайская буржуазия ныне говорит с мировой буржуазией языком хозяина, а не языком компрадора...

ВМЕСТО ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ.

Вся новейшая история Китая шла под гнетом и все усиливающимся давлением иностранного капитала, превратившего Китай в свою полуколонию. История Китая знает случаи грабежа и насилия, учинявшиеся культуртрегером-европейцем еще в 16 столетии, когда суда и лодки „мореплавателей" приплывали к китайским берегам. „Белые" завоеватели-принесли с собою идею насилия, как необходимое условие, сопутствующее их проникновению на чужие, „цветные" территории.

Натуральное хозяйство самого Китая и воспитание, полученное китайцами от „белых" народов,—заставили Китай замкнуться, уйти в себя, закрыть Китай для торговли с внешним миром. До самой середины девятнадцатого столетия иностранная, преимущественно английская, торговля с Китаем велась только через посредство Кантона. С середины девятнадцатого века мировой капитал начинает войны и силой навязывает Китаю договоры. Иностранный капитал занимает в Китае господствующее, главенствующее положение, отказываясь признавать права Китая внутри Китая и общечеловеческие права китайцев за пределами Китая.

Иностранный капитал наложил на китайские трудовые массы финансовую тяжесть в виде контрибуции, займов, установив в Китае свои собственные «сферы влияния» и

«сферы интересов», отхватив у Китая большие территории в аренду и под концессии, вынудив у Китая признания за международными империалистами специальных прав и привилегий. Все эти «завоевания» международного капитала, возможные только при наличии гарнизонов, армии, броненосцев, жандармов, полиции, сыщиков и иных средств «воздействия, должны были привести и привели многомиллионный Китай с его несметными богатствами к положению колонии международного фабриканта и банкира. Семьдесят пять лет господства иностранцев в Китае удостоверили перед трудовыми массами Китая, что политика иностранцев в отношении Китая—это политика насилия или, как сами китайцы говорят, политика „делания денег и кражи территорий" Китая.

Для полного и бесконтрольного хозяйничания в Китае, для усиленнейшей эксплоатации природных богатств Китая и его трудовых масс—иностранному капиталу необходимо было „оформить" свои „правовые" отношения с Китаем. „Оформление" этих отношений ознаменовалось утверждением принципа экстратерриториальности, изъятия иностранцев и их священной собственности из юрисдикции самого Китая и регулирования торговых отношений Китая с капиталистическими государствами путем захвата в свои руки таможенной и тарифной политики. Иностранный капитал настолько дорожил и дорожит правами экстратерриториальности в Китае, что не соблазняется перспективой „открытия" всего Китая для торговли, при условии отказа от экстратерриториальности. Еще в 1868 году премьер-министр Китая, Вэнь-сян предлагал иностранцам:

„Откажитесь от экстратерриториальности, и ваши миссионеры и купцы могут итти куда желают и оседать на жительство, где пожелают. Если ваши миссионеры сумеют улучшить положение нашего народа,—в этом будет наш выигрыш, если операции ваших купцов будут прибыльны,—наша доля будет в этих выгодах. Но если вы сохраните за собою право экстратерриториальности, мы, с своей стороны, должны будем сделать все возможное, чтобы ограничить вас, а наше собственное горе ограничить границами „договорных портов".

Иностранному капиталу казалось более выгодным эксплоатировать без ограничения какую-либо группу городов или известные территории Китая на началах экстратерриториальности, чем получить Китай в свое капиталистическое распоряжение, но без экстратерриториальности. Империалисты знали, что, в случае необходимости расширить площадь эксплоатации, они навалятся тяжестью своих пушек на невооруженный китайский народ: ведь каждая новая война, какую империализм вел с Китаем, завершалась открытием новых „договорных портов", приобретением новых территорий для эксплоатации.

Наибольшее благоприятствование.

Поскольку речь шла о регулировании торговых взаимоотношений Китая с другими государствами, английский капитал еще в 1843 году ввел в договор пункт о „наиболее благоприятствуемой нации". Содержание и форма этого требования—категоричны и безапелляционны. Китай этим пунктом обязуется, *без начала взаимности*, оказывать всем государствам, с которыми Китай состоит в договорных отношениях, и гражданам этих государств те же самые привилегии, какие Китай предоставит какому-либо из этих государств. Другими словами—Китаю не разрешалось и не разрешается делать различие в отношении коммерческих прав между иностранцами разных государств. Те права, которые предоставляются одному государству, автоматически становятся правами и других капиталистических государств.

Взамен прав „наибольшего благоприятствования" самому Китаю всеми капиталистическими правительствами были предоставлены права „наименьшего благоприятствования". Мы не говорим об отношении сверху вниз „белого" к желтому вообще и к китайцу в особенности. Речь в данном случае идет о тех ограничениях, кои нашли себе отражение в „законах" капиталистических государств. Примеров этой категории можно было бы привести не мало. Законами Соединенных Штатов Америки китайские рабочие лишены права в'езда в Америку. Запрещение относится только к китайским рабочим. В виду этого—китайских купцов, студентов и туристов, в'езжающих в Америку, подвергают тщательному осмотру и антропометрическим измерениям, дающим,

очевидно, американским таможенным чиновникам возможность отличить китайского купца или студента от китайского рабочего. Те же правила применяются и в отношении приезжающих китайцев в Канаду. В'езд китайцев в Южную Африку и вообще запрещен. Возражают против китайской иммиграции Австралия и Новая Зеландия. В отношении же китайцев,—уже живущих на территориях других государств, приняты все меры „предосторожности". С целью изолировать детей „белых" от детей „желтых" в Калифорнии китайцам запрещено учиться в школах для „белых" детей. В других местах—китайцам отведены определенные районы, напоминающие средневековое „гетто", отделяющее китайский „город" от других частей города *). Китайцам не разрешают ездить вместе с „белыми" в одних и тех же вагонах трамвая. Эти же ограничения введены „белыми" иностранцами и в Шанхай'е, находящемся на территории Китая. Китайцам в этом городе запрещено появляться в скверах и садах, предназначенных для завоевателей Китая. Примеры этого рода могли бы быть увеличены в числе, если бы действительно была необходимость иллюстрировать поведение „бронированных" иностранцев в отношении к Китаю и к китайцам, если бы вся политика мирового империализма, начиная от нанкинского договора до наших дней, не представлялась красноречивой самой по себе... Созданное иностранным капиталом в Китае положение вызывает у критических наблюдателей и исследователей жизни Китая ряд резких замечаний.

„От какого правительства,—спрашивает Голокомб,—если только оно состоит не из ангелов, можно было бы ожидать, чтобы оно покровительствовало или поощряло торговлю, охраняющую исключительно интересы иностранцев?"

Несмотря на все ограничительные условия, несмотря на все усилия мирового капитала стеснить и задержать экономическое развитие Китая, Китай вырвался на дорогу собственного промышленного развития. Капиталистическое хозяйство в Китае, в виду общих законов экономического развития,

*) Примечание. Все приведенные факты нами заимствованы из книги Chong Su See—"The Foreign Trade of China", изданной колумбийским университетом.

уживается рядом с остатками полуфеодального и мануфактурного хозяйства. Капитализм бесжалостно разрушает все препятствия на своем пути, захватывая все новые и новые отрасли, становясь господствующим фактором экономической жизни Китая.

Пути развития капитализма в Китае идут через полное раскрепощение его от гнета иностранного капитала. Китай выковывает средства борьбы с мировым империализмом, застраиваясь фабриками и заводами. Темп развития капитализма в Китае столь же быстрый, если не более быстрый, чем темп развития капитализма в Японии в начальный период ее промышленного развития. Империалистическая война 1914—1918 годов сыграла роль еще большего стимула к развитию капитализма в Китае. Мировые империалисты не могли уделять того внимания китайскому рынку, какие они уделяли ему до войны. Китайские фабриканты и заводчики, воспользовавшись благоприятной экономической кон'юнктурой, стали заполнять свой внутренний рынок товарами китайского производства. Подобно тому, как промышленное развитие в Японии со всею остротою поставило в свое время вопрос об эмансипации Японии от иностранного агента, так и промышленное развитие Китая выдвинуло задачу эмансипации Китая, освобождения его от навязанных мировым империализмом условий. Эта задача сделалась очередной и настоятельной задачей исторического дня.

Вехи промышленного развития Китая.

Вехи промышленного развития в новейшей истории Китая отмечаются тремя значительными моментами. Боксерское восстание, вооруженный протест широких народных масс против гнета мирового капитала и господства иностранцев в Китае вообще, революция 1911 года, направленная на свержение одряхлевшей, сгнившей власти феодалов-деспотов Маньчжуров и создание условий быстрого промышленного развития в Китае, и мировая империалистическая война, открывшая китайскому „накопленному" капиталу возможность овладеть внутренними рынками Китая, вытесняя фабрикаты иностранного производства, вот три момента, непрерывно ведущие к под'ему производительных сил Китая.

Даже в наиболее трудной отрасли государственной жизни, в отрасли железнодорожного строительства Китай пытается сбросить с себя гнет иностранного капитала. Опыт сооружения железной дороги от Пекина до Суй-юань, расстоянием в 400 миль, проходящей по извилистой горной, скалистой местности, является блестящим доказательством способности самого Китая справиться со стоящими перед ним промышленными задачами. Китайская буржуазия сооружала эту дорогу без финансовой помощи иностранного капитала и силами китайских инженеров... Другой пример из той же области трудного железнодорожного строительства— это сооружение силами самих китайцев Сан-Мин'ской железной дороги юго-западнее Кантона. Проведение этой дороги сопровождалось сооружением ряда больших зданий и построек. В области фабрично-заводского строительства и судоходного строительства успехи китайского капитала еще более рельефны. Китайская буржуазия вплотную подошла к вопросу об угольных и рудных запасах в своей стране, пред'являя свои претензии на минеральное топливо и железо, как необходимейшие предпосылки промышленного развития Китая. В некоторых же отраслях промышленности положение, завоеванное Китаем, заставляет соответственные отрасли промышленности мирового капитала ставить вопрос о своем будущем.

„Хлопчатобумажная (китайская) промышленность,— говорит Хиндман в своей книге „Пробуждение Азии",— является одной из тех, которая легко покрывает потребности самого Китая. Судя по тому, что уже достигнуто Китаем, надо сказать, что у Китая нет оснований опасаться, что он еще в течение долгого периода времени будет находиться в зависимости от поставок стали и железа из-за границы. Единственной конкурренции, какой надо опасаться в китайской торговле,—это конкурренции самих китайцев. Весьма немного времени теперь уже пройдет, когда Ланкаширу придется серьезно призадуматься над этой истиной"

Капиталистическое развитие Китая—непреложный факт. Борьба за экономическое раскрепощение Китая, а вместе с ним и политическое, национальное освобождение, становится лозунгом буржуазного Китая.

„Поскольку речь идет о Европе, несмотря на то, что взаимосвязь Китая с иностранцами возрастает... требование о том, чтобы сам Китай был хозяином положения в своей собственной стране, требование, которое настойчиво было выражено еще в период династии Маньчжуров, нисколько не ослабело и в период республики. Принимая во внимание поразительные и быстрые изменения в экономике, какие имели место в этом государстве, надо твердо помнить, что это экономическое развитие ни в каком противоречии с требованием „Китай для китайцев“ не находится“ (Хиндман—„Пробуждение Азии“).

Задача национального раскрепощения Китая, другими словами, задача быстрого капиталистического развития Китая естественно требует коренного видоизменения отношений с мировым империализмом. Ученые исследователи, сильно встревоженные положением на Дальнем Востоке, пытаются предотвратить час развязки, взывая к благоразумию обеих сторон:

„Мы открываем сейчас новую страницу в книге истории человеческих рас. Что на этой странице будет начертано, зависит от мужчин и женщин восходящего поколения. Если в международных отношениях будут господствовать старые расовые и цветные предрассудки, если торговля и коммерция, интерес и прибыль будут главенствующими принципами в нашей иностранной политике, неизбежно развернутся большие события, по сравнению с которыми великая война займет второстепенное место“.

Мысль добродетельных соглашателей ищет выхода из создавшегося положения, в примирении требований иностранного капитализма с капитализмом в Китае, сделавшимся фактором экономического развития огромной страны:

„Гений Востока и гений Запада, об'единенные в благородном порыве, могут мирно и благородно разрешать, к взаимному и прочному благополучию всех, сложные экономические и социальные проблемы, которые уже сейчас стоят перед нами“, заканчивает Хиндман свою книгу о „Пробуждении Азии“.

Иностранный купец пытается силой сохранить завоеванные права в Китае. Апологет соглашательства пытается найти компромиссную линию, которая позволила бы крупной капиталистической собственности мирового империализма сохранить за собою господствующее положение в Китае.

Требования китайской буржуазии.

Китай в своем огромном целом не примиряется с современным положением. Китай требует изменения отношений с мировым капиталом. Китай, однако, уже не представляется единым в своих взглядах, оценках и решениях. Развивающийся капитализм разделил Китай на классы, каждый из которых по своему разрешает вопрос о необходимых изменениях во взаимоотношениях с мировым империализмом.

Буржуазия Китая требует полного и всестороннего пересмотра договоров с другими государствами. Юридических, „законных“ мотивов необходимости такого пересмотра китайская буржуазия приводит не мало. Все договоры, утверждают китайские купцы и фабриканты, написаны в неопределенных, неточных выражениях, открывающих широкий простор толкованиям, всегда идущим на пользу более сильным. Толкование этих договоров всегда во власти обстоятельств. Даже такие вопросы, как вопросы о границах „договорных портов“, „международного сэттльмента“ и отведенных для иностранцев участков китайской территории продолжают все время вызывать споры и разногласия между Китаем и империалистами. Споры и „дискуссии“ заканчиваются победою иностранного капитала, имеющего в своем распоряжении солидные аргументы в виде постоянных гарнизонов, пулеметов и броненосцев. Отсутствие единого аутентичного текста затрудняет возможность приемлемых для всех сторон толкований.

Помимо этого аргумента, идеологи китайской буржуазии настаивают на пересмотре договоров, в виду изменившегося международного положения самого Китая. Договоры, заключенные мировым капиталом с Китаем, были договорами навязанными. Китаю не разрешалось расценивать себя, как равноправную величину на весах международной политики. Европа, Америка и Япония настолько высоко поднялись в

своем империалистическом, солдатском, пулеметном превосходстве над мирными крестьянскими массами Китая, что сохранили только за собою право на решение судеб своих и чужих народов. В 1898 году профессор Т. Голланд в своей работе „Лекции по международному праву“ писал: „Китай усвоил только рудиментарные и элементарные концепции международного права. Китайцы показали себя достаточно искушенными лишь в делах дипломатических церемоний“. При таких условиях—мировой банкир, фабрикант и дипломат не могли согласиться на то, чтобы Китай занял равное с империалистами положение в международных взаимоотношениях. Это означало бы, что мировой империализм ограничит себя в эксплоататорских возможностях.

Европейские ученые от буржуазной науки создали по этому поводу особую теорию, по которой вхождение наций в международную семью возможно лишь с согласия Европы, так как международное право связано в своем происхождении с христианством, а она, благочестивая, целомудренная Европа, является хранительницей заветов христианства. Ученый на жалованьи у европейского буржуа без затруднений изобретал теории, оправдывавшие угнетение и эксплоатацию верующим христианином—нечестивых язычников—миллионные трудовые массы Востока. Потребовались восстания народных масс в самом Китае, борьба народившегося капитализма в Китае с мировым капитализмом, чтобы вынудить, вырвать у мирового империализма признание своих прав. Китай в последние годы был допущен в „священные“ трибуналы в Гааге, в Женеве и в... лигу наций, этот выкидыш империалистической войны.

Китай, добившись места в „семье народов“, настойчиво требует пересмотра своих договоров с иностранцами и по тому мотиву, что современные социально-политические условия жизни Китая не соответствуют условиям того периода, когда заключались договоры. Обязательства по старым договорам являются препятствием для дальнейшего свободного промышленного развития. Этот мотив в требованиях буржуазии Китая является наиболее характерным. В момент, когда заключался нанкинский договор в

Китае, не было буржуазии, не было и намека на капитализм. Три четверти столетия, протекшие со времени нанкинского договора, дали громадный социально-политический сдвиг в Китае в сторону его индустриализации. Идеологи мирового капитала, учитывая современную обстановку в Китае, видят в старых договорах тормоз к свободному промышленному развитию Китая.

„Когда существование государства или необходимое его развитие находится в непримиримом противоречии с обязательствами по договорам, тогда эти договоры должны быть отменены, так как самосохранение и развитие, отвечающее росту и потребностям нации, являются первейшими обязанностями всякого государства", говорит проф. Оппенгейм.

Главные требования, к которым сводится вопль о пересмотре договоров, в целом сводятся к требованию признания мировым империализмом независимости и суверенитета Китая. Буржуазия Китая, апеллируя к добрым чувствам мирового капитала, непрестанно напоминает ему, что все обязательства, поставившие Китай в условия зависимого и порабощенного государства, были приняты Китаем на себя не добровольно, а под прямым и непосредственным давлением физической силы мирового капитала.

„Договоры должны быть пересмотены и исправлены в ближайший же срок, — говорит г. Дяо в своей книге „Правовые обязательства по договорам, существующим между Китаем и другими государствами". Этот пересмотр надолго просрочен. Ускорить этот пересмотр,—значит ускорить торжество мира и доброй воли во всех международных отношениях Китая".

Еще более отчетливо эта мысль выражена доктором У Тин-фан'ом, министром иностранных дел революционного кантонского правительства, говорящим в статье, помещенной в 171 номере „Северо-Американского Обозрения": „Нации вступают в дружественные взаимоотношения, исходя из сознания, что эти взаимоотношения благоприятны для обеих договаривающихся сторон... Если между нациями постоянные взаимоотношения устанавливаются, то ключем этих отношений должен явиться принцип взаимности".

В практическом своем обозначении требования китайской буржуазии, выражающей на данной ступени производственных отношений идею национального развития Китая, направлены, главным образом, против иностранных гарнизонов, иностранной полиции, сфер влияния, сфер интересов, экстратерриториальности и консульской юрисдикции, тарифной политки и всех „экономических“ соглашений, навязанных Китаю мировым капиталом.

„С начала настоящего столетия, и в особенности со времени революции 1911 года, завершившейся организацией республиканского строя, вместо старой императорской автократии, Китай сделал поразительные завоевания как в области политической, так и в экономической и административной областях. Свободное развитие Китая сильнейшим образом задерживается, в виду наличия большего числа препятствий международного характера. Некоторые из этих препятствий являются наследием прошлого, связанного с обстоятельствами, ныне не существующими, другие препятствия являются результатом недавних злоупотреблений, которые не могут быть оправданы ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения закона“.

Таков текст меморандума, представленного китайской делегацией на Версальской конференции. Китай требовал, прежде всего, отмены «сфер влияния» и «сфер интересов» иностранного капитала на китайской территории. Мирная делегация указывала на то, что существование «сфер влияния» мирового капитала тормозит экономическое развитие самого Китая. «Сферы влияния» отдают в исключительное и бесконтрольное владение и эксплоатацию одной-какой либо капиталистической страны район Китая или его провинцию вместе со всеми богатствами и гражданами, ее населяющими. Установление сферы влияния одним капиталистическим государством ведет и вело к созданию другими государствами своих «сфер влияния». В итоге этих империалистических манипуляций Китай оказывается поделенным мировыми капиталистами на разные части и отданным в их власть и кабалу.

Китайская делегация в Версале требовала, чтобы каждое из государств в отдельности опубликовало декларацию, в которой они заявили бы, что

«не имеют ни сфер влияния, ни сфер интересов в Китайской республике, равно как не имеют намерения пред'являть на них какие-либо претензии».

Китай просил также у мировых империалистов торжественного заявления о своем отказе от всяких прав, ограничивающих территориальный суверенитет Китая.

Второю группою требований явилось требование об уводе иностранных войск и иностранной полиции с территории Китая. Китай разделяет иностранные войска, находящиеся на его территории, на две категории: на войска, пребывание которых предусмотрено договором и войска, введенные в Китай по собственному произволу империалистических государств. Пребывание первой категории иностранных войск предусмотрено протоколом 1901 года, вырванным у Китая после организованной расправы над боксерским восстанием. Эти войска разместились в посольском квартале в Пекине, вдоль Пекин-Мукдэнь'ской железной дороги. Вторая «незаконная» категория войск—преимущественно японские войска захватили, прежде всего, Маньчжурию. Со времени революции в Китае в 1911 году—Япония послала отряд войск, ныне достигающий цифры в 2500 человек, в Хань-коу в долину реки Ян-цзы. В 1914 году японские войска заняли территорию на границе Внутренней Монголии. С начала империалистической войны японскими войсками занята провинция Шань-дун, в особенности район полотна железной дороги от Цзи-нань-фу до Цин-дао. В Китайский Туркестан царское правительство ввело русский гарнизон, а в 1918 году Англия ввела свой индусский отряд в Кашгар. В недавние годы японцы делали попытки ввести свои войска и полицию в провинцию Фу-цзянь.

В отношении обеих категорий войск—китайская делегация заняла резко-враждебное положение.

«В отношении иностранных войск, размещенных в Китае с санкции протокола 1901 года, китайское правительство полагает, что необходимость для их *пребывания*

в Китае перестала *существовать*... Присутствие иностранных войск для охраны легаций и войск, размещенных между столицей Китая и морем является нарушением чувства национальной гордости китайского народа и оскорблением суверенитета Китая... Китайское правительство энергично просит: 1) чтобы все иностранные войска, ныне находящиеся на китайской территории, без всякого законного основания, были немедленно отозваны. 2) чтобы параграфы 7 и 9 протокола от 7 сентября 1901 года были об'явлены недействительными и чтобы посольская охрана и иностранные войска, находящиеся в Китае на основании этого протокола, были эвакуированы в течение одного года с момента, когда мирная конференция сделает по этому поводу соответственное заявление».

В отношении иностранной полиции, введенной японцами в захватническом порядке, Китай требовал и требует ее «немедленой эвакуации вместе с иностранными войсками и военною охраной, размещенной в Китае без всяких законных оснований».

Китайская делегация также поставила вопрос о закрытии иностранных почтовых контор в Китае, никогда не признанных Китаем, и о запрещении мировому капиталу возводить на территории Китая радио-станций и телеграфных станций, как нарушающих суверенные права самого Китая.

Следующим вопросом, поставленным китайской делегацией в Версале,—был вопрос об отмене консульской юрисдикции. Этот «институт» в наибольшей мере ущемляет суверенитет Китая, являясь в то же время отрицанием всякого, даже буржазного правосудия. Консул—коммерческий агент, верный слуга капиталистов своей страны и при столкновении интересов своих капиталистов с интересами Китая в качестве судьи фигурировать не может. Китай настаивал и на упразднении консульских судов, обещаясь открыть мировому капиталу, в случае отказа от прав юрисдикции весь Китай для торговли и коммерческой эксплоатации.

Раскрепощающийся Китай должен разделаться с навязанным ему институтом «арендованных территорий». Эти «территории», говорит меморандум, не только были вырваны у Китая в результате войн, насилий и под реальным или

потенциальным давлением, но они были «отвоеваны» капиталистическими державами с явною целью создать баланс власти не между Китаем и другими государствами, а между соперничающими империалистами «в момент, когда территориальная неприкосновенность Китая в период бесчинства власти Маньчжуров находилась в большой опасности». Меморандум указывает, далее, что существование этих территорий является обстоятельством, мешающим, тормозящим дальнейшее развитие Китая.

«Арендованные территории» расположены в наиболее важных стратегических пунктах, открывая Китай к нападениям хищников и к новым захватам его территорий. Военная защита Китаем своих владений и своих трудовых масс невозможна до тех пор, пока в распоряжении мирового капитала находятся стратегические важные пункты на морском побережьи Китая и внутри самой страны. «Арендованные территории» создают вечную угрозу схватки империалистов между собою, так как захваченные территории являются наиболее выгодными для эксплоатации земельными участками.

Рядом с вопросом об отказе империалистов от всяких прав на «арендованные территории» стоит вопрос о возвращении Китаю захваченных у него концессий и сэттльмента. Экономически правовая характеристика концессий дана в предыдущих главах. Необходимо лишь указать, что новый, индустриализирующийся Китай не примиряется с существованием маленьких государств в своем государстве, лишающих Китай возможности осуществлять свои суверенные права не только над иностранцами, проживающими в Китае, но и над китайцами, живущими на территории концессий. Концесии, на самом деле, являются чужими для Китая территориями, в которых китайцы рассматриваются как иностранцы. Решающий голос даже в делах самоуправления этих концессий принадлежит мировым капиталистам. В том случае, когда китайцы с милостивого разрешения мировых банкиров и экспортеров допускаются к делам самоуправления, им предоставляется лишь совещательный голос (Шанхай).

«В виду всех этих соображений, китайское правительство высказывает свое искреннее пожелание, чтобы иностранные

концессии и сэттльменты были возвращены Китаю и просит, чтобы правительства государств, владеющих в настоящее время этими концессиями, согласились на возвращение этих земель Китаю».

Наконец, последним вопросом из цикла экономически-правовых «контроверз» Китая с мировым империализмом является вопрос о «тарифной автономии», вопрос об отмене выгодной для империалистов пятипроцентной таможенной ставки на все приходящие в Китай товары. Эта пятипроцентная ставка была установлена нанкинским договором 1842 года. С того времени ставка оставалась неизменной, несмотря на то, что в 1858, в 1902 и в 1918 годах собирались комиссии, ограничивавшиеся пересмотром цен на товары, оставляя самую ставку в пять процентов ad valorem неизменной.

Пятипроцентная ставка лишает Китай, как нами уже указывалось, возможности дифференцировать товары, распределять их на группы, в зависимости от потребностей самой страны. Пятипроцентная ставка, навязанная мировым капиталом Китаю в период полунатурального его хозяйства, лишает Китай права ввоза к себе в страну товаров, свободных от всяких пошлин, за исключением весьма незначительного числа товаров, из'ятых от пошлинного обложения. В процентном отношении, по данным за 1913 год, беспошлинные товары, ввезенные в различные страны, дают следующую таблицу:

Китай	6,5 %
Япония	49,5 %
Франция	59,0 %
Соедин. Штаты Америки	54,5 %
Англия	90,7 %

Ко всему этому необходимо добавить, что, на самом деле, пошлинный сбор значительно ниже пятипроцентного, так как таблица цен, которой руководствуются английские чиновники в китайских таможнях, является всегда устарелой, запоздалой во времени, по сравнению с действительными рыночными ценами. Все эти соображени и ряд других были приведены в меморандуме китайской делегации, успокаивавшей

империалистов указанием на то, что «китайское правительство не предполагает ввести системы протекционных тарифов, равно как также не имеет в виду переобременять таможенными налогами приходящие в Китай товары, а просто требует пересмотра современного тарифа, потому что он недобросовестен, ненаучен, не соответствует моменту и не покрывает экономических потребностей Китая. Продолжающийся неблагоприятный торговый баланс и непрерывно-возрастающий национальный долг создали тяжелое финансовое и экономическое положение, которое может быть облегчено лишь при пересмотре системы обложения, поощрения вывозной торговли, которая, в свою очередь, будет благоприятна и для импортеров, увеличивая покупательную способность народа».

Меморандум обещает мировому капиталу, в случае его согласия на пересмотр таможенной политики в отношении Китая, отменить ликины, внутренние пошлины, сильно тормозящие развитие товарооборота вообще.

Иностранная и китайская собственность в Китае.

На этом заканчиваются требования китайского меморандума китайской делегации в Версале, делегации, представлявшей об'единенные север и юг Китая*). Буржуазия Китая достаточно точно формулировала свои пожелания. Осуществление требований, пред'явленных мировому капиталу, создает ряд новых импульсов экономического развития Китая. Осуществление всех этих требований, однако, не меняет основных взаимоотношений между Китаем и мировым империализмом. Требования об отмене экстратерриториальности, консульской юрисдикции и пересмотр таможенной политики еще не решают вопроса о том, какая же собственность будет господствующей в экономике Китая, собственность ли империалистических государств или собственность самой китайской буржуазии. Экстратерриториальность и иные аттрибуты захватнической политики мировых капиталистов являются обстоятельствами, сильно облегчающими экономическое господство в Китае мирового капитала. Китайская буржуазия, выдвигая свои требования, имела в

*) Примечание. Это же требование, вместе с требованием о возвращении провинции Шань-дун Китаю, отданной по версальскому договору под японский протекторат, были выдвинуты китайской буржуазией и на вашингтонской конференции в ноябре 1921 года.

виду сосуществование в длинном периоде лет двух «видов» собственности, своей и иностранной, полагая в медленном историческом процессе обеспечить китайской собственности господствующее положение в экономике страны путем медленного вытеснения мирового капиталиста с китайского рынка.

Требования, приведенные в меморандуме, являются наивными, поскольку с их пред'явлением мировому капиталу связывались какие-либо надежды на их осуществление. В то же время эти требования являются характерными для той исторической обстановки, в какой ныне находится Китай. Эти требования имеют своею целью дать простор экономическому развитию буржуазного Китая. Требования изменения правовых взаимоотношений лишь выявляют факт вступления Китая на путь индустриального, капиталистического развития, сильно стесняемого господством мирового капитала в Китае, забронированного кораблями, штыками, концессиями.

Спор о том, надо ли или не надо Китаю вступать на путь индустриального развития—в современных условиях—является спором праздным, ибо Китай уже вступил на путь капиталистического развития. Этот процесс остановить немыслимо ни ссылками на то, что капиталистическая система приносит с собою войны за рынок и сырье, ни тем, что капитализм, как этап в «истории культуры», разрушит традиционную цивилизацию Китая, основанную на конфуцианстве и буддизме, равно как также нельзя остановить процесс национально-буржуазного развития ламентациями о том, что Китай распадется на мельчайшие части, как только старая, исторически-поржавелая его мораль будет расшатана. Все эти сетования и причитания—суть разглагольствования мещан, пытающихся сделать все, что в их силах, чтобы задержать победное шествие машинного производства. Многовековой, замкнутый, полуфеодальный, сонный, мандаринский, конфуцианский Китай вступил на путь индустриального развития.

Перспективы раскрепощающегося Китая.

Новое огромное социально-экономическое явление жизни Дальнего Востока ставит ряд грандиозных исторических задач. Мировой империализм не может примириться с фактом промышленного развития самого Китая. Мировой капитал пробует все способы и средства, чтобы сохранить за

собою господствующее положение в Китае. Он строит свои фабрики и заводы на территори Китая. Он контролирует экономическую жизнь Китая. Он учиняет новые захваты, вмешивается во внутренние дела самого Китая, в его политическую жизнь, поддерживая полуфеодальные, контр-революционные группировки в Китае против напирающих сил индустриализирующегося, раскрепощающегося Китая.

Мировой империализм испытает новую, форму наибольшего давления на Китай, обеспечивающую банкирам и фабрикантам сохранение отвоеванных экономических преимуществ и правовых привилегий, форму международного управления Китаем. Международное управление Китаем буквально означает «опеку» Китая мировой буржуазией. Банковский консорциум—первая попытка «интернационализирования» Китая. Вашингтонская конференция—вторая попытка той же серии империалистического распоряжения сырьем, природными богатствами, миллионами трудящихся и самыми тенденциями экономического развития Китая.

Захватнические опыты, проделывавшиеся мировым империализмом над феодальным Китаем в течение истекших десятилетий, не вызывали того сопротивления, какой они вызывают сейчас, в условиях индустриально развивающегося Китая. В экономике Китая создались новые об'ективные условия. Степень сопротивляемости Китая возрастает. Китай уже сейчас энергично борется со всякой попыткой империалистической агрессивности, опирающейся на штыки и броненосцы и договорные «заговоры».

Идее империалистического «международного» управления Китаем,—сам Китай противопоставляет формулу своего национального раскрепощения. Это все тот же спор о том, будет ли в Китае господствовать собственность мировых капиталистов или собственность буржуазии Китая. Китай, который, в виду условий своего хозяйства, был всегда лишен намека на признаки национальной, патриотической идеологии, сейчас, в процессе молодого капиталистического развития, переживает период интенсивного национального движения.

Индустриальное развитие Китая со всею остротою поставило вопрос о ликвидации в своей собственной стране всех остатков анархического милитаризма, удержавшегося в

Китае в качестве остатка феодальной власти. Цепляющиеся за власть группы, обосновавшиеся на севере Китая, являются орудием в руках мирового капитала, заинтересованного вместе с остатками феодальных групп в Китае в ограничении, в недопущении развития производительных сил в Китае.

Отсюда—борьба против остатков феодальной власти, против института дудзюната. Отсюда фронда либеральной буржуазии, об'единившейся в коммерческие палаты, захватывающей власть в провинциальных парламентах, наследии революции 1911 года.

Отсюда требование автономии провинций и лозунг самоуправления, требование организации федеративного «демократического» Китая, развязывающего капиталистическое развитие страны.

В этой же группе общественных движений находится и студенческое движение, возглавляющее собою буржуазно-национальное движение в Китае.

Индустриальное развитие Китая ставит также вопрос о том, сохранит ли Китай капиталистическую собственность в условиях распада мирового капиталистического хозяйства вообще или Китаю необходимо будет подняться до следующего этапа, до форм государственной собственности на ряд производств и на землю.

Старый Китай с застывшими хозяйственными формами больше не существует. Китай революционизирует свое производство, дифференцируясь на классы. Буржуазия Китая, благополучно пройдя этап «первоначального накопления», занявшись «органическим» делом, строительством фабрик и заводов, об'ективным ходом событий превратилась в главный фактор китайской общественности. Капитализм в Китае создает и антипод буржуазии—пролетариат.

Пролетариат Китая, недавно рожденный в свет, быстро накопляясь в количестве, ныне строящий свои профессиональные ряды и классовые организации, имеет перед собою грандиозные исторические задачи...

Читинская Окружная Центральн.
Библиотека-Коллектор
Отд. ..... Шифр. .....
Инв. № .....

280
406

Печатано в Типографии Издательства „Шанхайская Жизнь“.